

ВЕСТНИК

Смерть — это только начало. Особенно, для новобранцев.

Глава 1

Затяжись сигаретой, а может двумя. Это успокаивает перед битвой. Вот что мне говорили пока наш вертолет-иروهез загружал свежих бойцов. Не знаю, были мы тогда готовы или просто пытались себя успокоить. Не до этого мне сейчас.

— Кто ты? — спросила тьма:

— Где твой дом?

Я начал вспоминать. Слово кровь от волнения, когда первый раз пытаешься признаться девушке в чувствах, воспоминания нахлынули на мой мозг. Апрель 1967 года.

— Подъем, солдаты! - громко заорал сержант, вошедший в спальню казармы.

Словно ошпаренные, я и люди, с которыми мне предстояло служить своей стране, без раздумий встали с кровати по стойке смирно.

— Именно так к вам будут обращаться, если вы не сдадитесь, как сопливые щенки, — продолжал сержант:

— А сейчас вы просто салаги, неженки, у которых отобрали соску. Однако, для разгрома врага, других людей в этой проклятой стране не найти, поэтому вас будут учить. Я буду учить вас.

Взбодлив новобранцев, он прошелся по всей комнате и стал около одного из нас. В руках сержанта была толстая папка, которую военный развернул на первой странице.

— Имя, фамилия, — сказал он.

— Сэр, рядовой Уильям Бормер, сэр! - ответил стоящий перед ним.

— Родился в Кентукки. Оттуда виски я люблю, но алкоголиков в своём отряде не потерплю.

Сержант что-то написал и подошел к следующему. Я и не заметил, как очередь дошла и до меня.

— Имя, фамилия.

Я... Я пытаюсь вспомнить... Это, почему-то, трудно, я будто оставил их в огромной кипе бумаг, с которой мне их не оторвать.

— Я спросил твоё имя и фамилию, салага! Или ты у нас немой?

— Р-Роджер, сэр. Роджер Трентор, сэр.

— Трентор, значит? Калифорнийский задира, жил без отца. Отец — герой Второй Мировой.

Снова зудящие воспоминания. Помню маму, помню родной Сакраменто, дом, где я родился. Шумное место, переполненное гулом машин. Школа, в которую я не любил ходить. Да и меня там не любили. Пытался избегать драк с одноклассниками. Нелюдимым достаётся в кругу детей, хотя меня никто не трогал. Моего одноклассника же не жалели. Я не знал его. Но если я был терпим, то этого парня ненавидели. Опрятная форма выдавала в нём отпрыска из слишком богатой семьи. Не повезло ему учиться здесь. Его душили у спортивной площадки. Смеялись над тем, как он истерит. Ему они казались дворовой собакой, забитой, неспособной дать отпор. К несчастью, это не затихло, как утихает жестокость в разуме ребёнка. Помню, как впервые не сдержался. Ударил одного из шпаны. Кинул в другого, что повыше, камень. Парень был жутко мне рад. Ему не светило дно унитаза. Я чувствовал себя героем. Но к маме приехала полиция. Подростки знают, когда начать жаловаться. Мне светила тюрьма, тюрьма для таких же малолетних героев. Тогда и не ожидаешь шанса. А он

был. Молодым беззаботный туман закрывает глаза, а где-то война пылала полным ходом. В топку нужно бросить новых бойцов. Я согласился.

И из-за этого я и оказался в армии. Не лучшее место для жизни, но за ним была только камера. Вся эта чрезмерная дисциплина и куча правил убивали, зато обед всегда по расписанию, если ты не конченный псих. А психом здесь стать легко, особенно в случае, когда тебе некому вылить свои раздумные помои.

В голову лезет ещё один день. Обычное, ничем не примечательное утро, а за ним такой же простой перерыв после долгих занятий. Я нёс алюминиевый поднос к ближайшему столу. Но как только я за него сел, мои глаза стали бегать в поисках одной пропажи. Пропал мой пудинг. Не повод расстраиваться, но настроение у меня весь день было паршивое. В тот момент я обнаружил лишь подсевшего ко мне новобранца.

— Не люблю столовскую пищу, — произнёс он.

Это был чернокожий худощавый парень, с тонкими руками и не менее тонкими пальцами на них.

— Вот я всю свою жизнь любил сладкое. Но как только попал сюда, бум, словно пуританином. Одна порция и ни граммом больше. Эта верхушка так заботится о моём здоровье, будто на поле боя меня убьет сахарный диабет, а не встреченная пуля. Ещё бы напроць её убрали. Цирк.

Его речь меня не привлекла, даже с учетом странного акцента. Тогда же, мой взгляд вильнул на его поднос. Там-то мне всё и стало ясно: рядом с абсолютно чистой и закрытой упаковкой вроде как свежего пудинга лежала маленькая грязная ложка.

Как по команде, я резко схватил его за ворот, от чего он вздрогнул как забитый в угол хорёк.

— Припугнуть его стоит, — пронеслась мысль в моей голове, пока в его глазах сочилась тревога.

— Слушай, ценитель сахара, — произнес я сквозь зубы:

— За нос водить ты умеешь, да только, видимо, тебе его ещё никто не ломал.

Парень, прочуввав вину, стал пятиться и пресмыкаться.

— Не надо! Ладно, подумаешь, пудинг взял. Я попросить хотел, да только забыл. У меня это, с памятью проблемы. Прошу, не надо бить! - заскулил он.

— Мой дед, упокой Господь его душу, хорошо умел научить проказников, лишь край ремня показав перед лицом негодников. Так что таких как ты надо бы и учить, как считал старик.

Воришка скрючился, уже готовясь к тому, что его ударят.

— Но я не мой дедушка, чтобы бить за простую, даже такую, провинность, — угрюмо пробурчал я, отпустив воротник и забравши заслуженный пудинг:

— Мне-то спуску не давали, пора мне отыгаться.

Отвернувшись от парня, продолжил поглощать свою порцию еды. Вор некоторое время молчал, задумавшись, наверное, а затем, слегка побаиваясь, сказал:

— Не думал, что тут учатся такие... Необычные.

— Меня, кроме как самый обычный, описать трудно будет, — чавкая, рассказывал я:

— У меня было плохое детство. А у кого-то сейчас оно может быть хорошим? Да даже ты, абсолютно случайный парень, который попытался своровать у меня пудинг, явно не из отличного места прибыл, ну?

— Что верно, то верно.

— Об этом я и говорю. Поэтому мы и солдаты. Ну, ладно. Как тебя зовут хоть? А то ты единственный человек, с которым я болтаю так долго, не зная имени.

— Уильям.

— Ах да! А я о тебе и забыл, Кентукки. Роджер Трентор.

— Приятно познакомится, Роджер.

В общем, дела шли гладко, если не лучше. Я по натуре человек не самый разговорчивый, особенно с незнакомцами, но тот паренек решил увязаться за мной. Видимо, тогда ему, как и мне, не с кем было общаться, поэтому упустить этот шанс я не захотел. Спустя где-то месяц Уильям стал для меня товарищем. Его занудная и быстрая речь уже привыклась мне. А уже к ноябрю, дружба с ним была важной частью моей службы. Если хотелось убить время, я всегда шел именно к Уильяму, на что тот всегда отвечал взаимностью. Хороший парень, нечего сказать.

Как было упомянуто, наступил злополучный ноябрь. Наступила наша очередь в ней участвовать в войне, про которую нам рассказывали. Привезли на место нас глубокой ночью, довольно быстро. Сразу и не верилось, что всего в пару километрах от твоей части рвутся снаряды и убивают людей. Нас привели близ глухой деревушки, название которой давно почilo в моей голове. Я волновался, признаюсь сразу. Представить чужую смерть легко, а вот свою... Спусковой крючок мозга просто не позволит это сделать спокойно. Вот поэтому и нервничал.

Затем нас отвели на место ночлега. Оно было переоборудовано толи из школы, толи из больницы. Вместо старых добрых матрасов на полах помещений лежали мешки с набитыми сухими листьями. Спина от таких нить будет точно. Через час объявили отбой, и мне пришлось весь свой стресс засунуть внутрь, чтобы хоть немного поспать. Благо, перед сном увидел Уильяма. Он направлялся в соседнюю комнату. От этого стало спокойнее.

Едва я уснул, меня разбудил крик. Слишком резкий, дабы вскочить с кровати, но пулеметная очередь доделала его дело. На нас напали.

Всё по инструкции: Схватил боекомплект и каску, следовал приказам офицера. Несколько бравых солдат со мной сидели в укрытии, ожидая звука выстрела, который выдаст нападающего. Но всё стихло, даже и не начавшись. Противник отступил.

Оставшуюся часть времени проспал в окопе. Намного удобнее, чем на той подстилке. Командир, спустившийся с наблюдательной вышки, громкой командой построил нас. Его не устраивало нынешнее положение дел, и он решил выступить вперед. Не все соглашались с приказом, но сильный нрав этого сержанта быстро осадил всех недовольных. Утром 3-го числа мы выдвинулись в непролазные джунгли.

Влага остужала кожу моих рук. Спокойствие осталось позади. Мне не хотелось смотреть вперед. Я отвлекся на шероховатости креплений своей винтовки. Нам объясняли, что враг любит неожиданности. Объяснения остались позади. Кому-то слева выстрелили в ногу. В земле сработала самодельная мина. ЛОЖИСЬ! Вторая стычка, а я уже получил контузию. Упав на колени, мне пришлось закрыть уши от писка. На таких четвереньках я уполз с линии огня. Мною руководил страх. Я скрылся в густых зарослях, обо мне все забыли. Подёргиваясь на земле, я вложил в рот свёрток, который мне отдали в части. Боль начала проходить, меня клонило в сон, но прилив бодрости в тот же момент заставил меня ползти дальше. Когда весь шум стал исходить со спины, я нашёл силы встать на ноги, укрылся за деревом и пытался наблюдать. Винтовка лежала в моих руках, и это меня отвлекало. Я не искал глазами стрелков, а хотел отцепить мертвую хватку от своего оружия.

Вдруг, зашумели кусты. Ствол был уже направлен мною туда, и медленными шажками я подходил к источнику шума.

— Была не была, — подумал в тот момент и рукой откинул ветви с зеленью. Там лежал окровавленный человек. Мои называют таких врагами. Встреченные им пули пробили ногу и руку, тот еле сдерживал крики от боли.

Мушка уже была в центре моего зрачка. Но внезапно, я услышал радостные крики сослуживцев. Я так долго валялся в кустах? Затишье, которое ввело меня в заблуждение.

— А надо ли его вообще убивать? Может, в плену он будет поважнее?

Помощь — именно та вещь, которой меньшинство пренебрегло бы. Меня помощь привела сюда. Так что, выбор был сделан. Я стягивал сочащийся кровью кусок мяса жгутом и бинтом. В ответ же слышал неразборчивую речь этого азиата. Вроде бы он рад был, но слова перебивались всхлипами.

— Ничего. Жить будет.

И тут под мои ноги закатилась... Подожди, я вспомнил, что случилось! Меня подорвала граната! Я отлетел далеко, кости не переломились, их пробило. Я чувствовал осколки в своем горле, но важно было не это. Судьба — явно та ещё сука. Военная форма хоть и была нашей, но черт возьми! Уильям. Он подошел сюда после взрыва. Подумал, что здесь лежал противник. А меня... А меня даже и не заметил.

— И что же было дальше? — спросила тьма вновь.

— Холодно стало. Я и забыл, что я во влажных тропиках. Во рту только и была кровь, а боль... Её было так много, что мне стало всё равно.

— А дальше?

— А дальше я оказался здесь.

Глава 2

Человек никогда не может перестать мыслить. Этот непрерывный поток будет в голове младенца, когда он впервые открывает глаза, выйдя из чрева матери. Мысль появится и когда кто-то спокойно спит, за мгновение до того, как зазвонит будильник. Этот маленький электрочаряд будет скакать по мозгу всегда. Когда же мысли перестанут являться, всегда закончится. Последняя вещь, что сидела в человеке, станет полотном его будущего. Его концом.

Рядовой Роджер Трентор погиб 3-го ноября 1967 года в 10:43. И в 10:43 в голове Роджера, впервые за долгое время, было пусто. Сомкнув глаза от огромной тяжести, парень увидел абсолютное ничто. Тьму. И Тьма заговорила с ним.

— Я ожидала тебя, солдат, — звук просачивался так сильно, что не уши его ловили, а сам разум.

— Где я? — едва выдавил из себя Трентор.

— В посмертном бреду своего сознания.

— Я что, умер?

Тьма, внезапно, издала раздраженный вдох.

— Мне нужно это третий раз объяснять?

Действительно. Он говорил с этой пустотой уже минут десять, если время подвластно счету, но информацию воспринимал с трудом.

— Но, как я могу говорить?

— Интересный вопрос. Будучи упомянутым впервые. Лучше, перейду сразу к делу. Роджер, Ад...

Багровый свет стал биться из горизонта. Будто Солнце вставало, но отовсюду. Пол покрылся трещинами, и со страшным трясом из-под земли выползла лестница. С металлическим лязгом перила поднялись прямо до уровня рук Роджера.

— ...или Рай?

За спиной парня тоже начало светить. Но цвет был не огненным. Обернувшись, перед ним была белоснежная стена самой яркости. Свет не слепил глаза, хоть и был сильнее любого.

Роджер не торопился выбирать. Перед ним предстал вопрос не просто всей жизни, но и всей смерти. Бывало, он тянулся к небесам, но на середине пресекал этот путь, будто виня себя за это. Однако, и что-то в ногах стягивало его шаги вниз.

— Ты ещё здесь? — тихо спросил парень.

Но ответа не последовало. Возможно, голоса и вовсе не было. Голос выдумать намного проще, чем лестницу в небо. Это объяснение устроило Роджера. Решение же никуда не ушло и принять его требовалось.

— Мама всегда говорила, что мне светит преисподняя. Да и может быть меня за самопожертвование по плечу похлопают.

Трентор взялся за ржавую лестничную трубу и встал на ступеньку.

— Не самый частый выбор, знаешь ли, — вернулся незнакомый голос:

— В последний раз все хотят рискнуть. Так, почему же ты не захотел?

Парень озвучил раздумья:

— А разве я могу желать этого? Мне всегда вбивали то, что я должен это принять. Не

думаю я, что человек чистых побуждений в первую подумает о небесах.

Трентор стал спускаться дальше. Но вдруг, лестница поднялась обратно, на её месте снова стало довольно ровно. И вместо тишины эхом появился стук чьих-то каблуков.

— Я слышала отмазки и похуже, Роджер, — голос утратил объём, и он уже доносился от незнакомой персоны, что стояла спереди.

На вид, это была женщина, но мрак не позволял описать точнее. Лишь в глаза бросалась тонкая сигарета, тлеющая в её руках.

— Ещё один шанс тебе можно дать.

— Вы вернете меня обратно?!

— Ну, в какой-то мере. Как только мы встретились, я задала тебе вопрос. Помнишь, какой?

— «Кто ты?»

— Вот именно, Трентор. Кто я, по-твоему?

Перебирание вариантов в голове свёлся к попытке угадать:

— Бог?

Ответ явно не понравился незнакомке, отчего та, бросив сигарету, ударила Роджера кулаком в живот. Подготовиться к простой боли не сложно, но тут его унесло метров на двадцать, не меньше. Однако, вместо падения на пол, спина почувствовала деревянное сидение стула. Ещё мгновение и перед ним оказался офис, как будто всё время находящийся тут. Это был обычный уголок бухгалтерского отдела. В американских мегаполисах такие можно было встретить где угодно, от швейной фабрики до адвокатского бюро. Сам Трентор бывал в таком лишь однажды. Маленькому мальчику отдали первый доллар за упаковку туфель, который попал в руки матери полностью мокрым. Поливальным машинам нет особого дела до детских заработков.

Парень сидел в тесном коридоре, прямо перед дверью с надписью «Директор». На неё он обратил внимание из-за громких криков, по видимости, доносившихся от сидящего там и орущего в трубку начальника.

— Этот вечно занят своими делами. Ещё не додумался? — огрызнулась незнакомая женщина, которая оказалась на соседнем стуле напротив.

— Д-дьявол?!

Деревянные доски под стулом Роджера треснули и тот полетел вниз. Ветер дул в лицо и разобрать, что ждало впереди, было нельзя. Внизу оказался большой дорожный перекресток. Это место было доверху забито машинами, накаляющими воздух до предела. Роджер снова услышал крик. Но это уже был полицейский. Такой же ворчливый, как предложивший неудачливому драчуну поездку в джунгли. Он отчитывал водителя, по несчастью врезавшегося в грузовик, что стоял перед ним.

— У этого тоже дел невпроворот. Напрягись, парень, — женщина была уже в пальто и со свернутым зонтом, будто готовясь к дождю.

Роджер поник. Он не знал, что ответить. Слишком много идей или ни одной подходящей.

— Вот поэтому я не люблю христианство. Вы ставите в культ или припоминаете только этих шишек. Где людская фантазия? Меня помнить стало не модно?

— Но... Я не верующий.

— А. Вот как... Уже поздно, ха!

— Так, кто же ты тогда?

— Твоя будущая любовница. Была бы ей. Смерть.

— Ты не такая уж и костлявая, знаешь ли.

— Это как представишь. Ты этого ещё не понял?

Всё это время её внешность напоминала парню кого-то из старых фильмов. Такую стройную, маленькую актрису легко запомнить, жаль имя не задержалось в памяти.

— С трудом. Так, зачем я тебе тогда нужен.

Загремел гром. Капля по капле, и начался ливень. Женщина развернула зонт, который раскрытым выглядел намного больше, и подсунула Трентору бумажный свёрток. Это была свежая газета New York Times.

— Зачем она мне?

Смерть ткнула на мелкий заголовок в углу. Предложение на работу. Роджер немного посмеялся от абсурда, но вчитавшись, ухмылка у него пропала. На месте простой и непыльной вакансии какого-нибудь таксиста был описан маленький контракт.

— Взявший в руки это письмо, ручаешься ты за великое дело: порядок блюсти и за ним наблюдать в мире земном без связи со временем. Отныне есть Вестник ты, Пактум нести должен со своими собратьями. Контракт подписать сей каплей крови или мощью брэнного тела, — прочитал про себя.

— Берешься?

— А какой тут подвох?

— Фильмов насмотрелся? Мне работник нужен, а не очередная надуманная афера. Либо это, либо забвение. Выбирай.

— Ну, от такого не отказываются. Я согласен, но, откуда я возьму свою кровь.

Смерть улыбнулась, и протянула Роджеру перо. Взяв его в руки, он почувствовал неестественный вес этого письменного прибора. Костяная часть полита металлом, а кончик не выглядел так, будто им можно что-то писать, кроме огромной кляксы.

И парень снова оказался не там, где был. Но к такому он не успел привыкнуть.

10:43. В старом добром теле Роджер ощущал себя, как свежая картошка, которую положили в мешок.

— Это был сон? — подумал парень.

Нет. Перед его лицом лежала та же газета, а рядом с ней то же перо. Роджер слегка расстроился, но это все равно меньшая из минувших проблем. Рефлекторный сигнал в руку, которым хотелось пошевелить её, не дал результата. Кость была раздроблена, а мышцы порваны. Трентор застрял в этой куче грязи и своих останков. Пришлось импровизировать.

Парень взял в рот металлический инструмент. Наклонив голову, он сжал щеку так, что по корпусу пера потекла кровавая струйка. Шелест листьев взбудоражил Роджера. Но выбора не было. Кровь коснулась бумаги, а Трентор размазал из красной лужицы крест.

— Подписал? — Смерть подняла испачканную бумагу.

Парень лежал в пыли. Вокруг царила ночь. По легким проблескам Луны стало понятно, что это заброшенный цех завода или другого промышленного здания. Роджер встал на ноги и отряхнулся.

— Всё в контракте понятно?

— Да, полностью, — с уверенностью сказал Трентор.

— Ага, как же. Твой срок службы, дай подумать, век — это 100... с отпусками... 500 лет.

— Так много?

— Ну, у всех же от чрезмерной работы бывают запарки. Вот поэтому вам и устраивают легкий отдых на свободе, а то всякое наворотить можете. Язык для свода правил выбери.

— В каком смысле?

— Какой язык более понятен?

— Э... Английский.

— Не вопрос.

Внезапно, правое запястье Роджера запахло жареным. По нему прокатился дым, словно его окунули в костер или поставили клеймо. Линия на коже сантиметров шесть толщиной светилась ярко-оранжевым, а затем потухла, оставив на своём месте четкие буквы.

— Это твой Пактум. Долг, договор, свод правил — называй, как душе угодно. Некоторые любят выпендриваться и просят нанести его на вымышленном языке. Твой на английском, как и сказал. Можешь прочесть?

На руке виднелись четыре правила, выставленные отдельной цифрой каждое.

— Правило 1: Вестник не может убить подобного себе.

— Увы, какими бы разными вы не были, коллег убивать нельзя. Суровая правда бюрократии.

— Правило 2: Вестник не может нарушить Пактум.

— И не захочется.

— Правило 3: Вестник не может попасть в Седалис. Что это такое?

— То, куда ты попасть не можешь. Не забивай себе голову. Не понадобится. Дальше.

— Правило 4: Вестник не может не подчиниться Зову Ару Шира. А это что?

— Вишенка на торте. Цель Вестников только на поверхности кажется такой благородной. На самом деле, ты что-то вроде спускового крючка от пушки, направленной на мишень.

— О чем ты?

— Зов Ару Шира — это сигнал о помощи. Твой сигнал, если ты будешь в опасности. Он может спасти тебя, но за большую цену.

— И какую же?

— Ты утратишь контроль в себе, а если к Зову обратятся много твоих «коллег», остальные не смогут сдержаться и тоже прислушаются к нему. А за этим следует конец.

— Конец? Прям, Армагеддон?

— Армагеддон — это место, Роджер. Апокалиспсис.

— А много ли таких же, как я?

— На Земле всегда не больше двенадцати посланников.

— Ха! А я думал четверо. Хотя, я для себя что-то лошади не увидел.

— Шутник смеется над одной точкой зрения до тех пор, пока не узнал другую.

Ухмылка на лице Роджера опять исчезла.

— Так... Все же. Что мне делать, например, прямо сейчас?

— Иди, сходи в бар. Можешь выпить по случаю праздника.

— Что-то я не припомню ни одного на этот день.

— Ну, как же, ты сегодня умер, Трентор. Я считаю, достойный день, чтобы отметить. Второй день рождения, только нерождения.

— Я понял. 1:1. Жаль только, денег нет, чтобы...

Смерть протянула парню ладонь. В той лежала кипа банкнот, скреплённых гладкой скобой.

— На необходимые затраты. Больше не будет, не надейся.

Роджер с радостью взял подарок, а женщина развернулась и направилась стене, закрытой тенью, без капли света.

— Ах да, Вестник. Номенклатура обязывает дать тебе кличку. Сам придумаешь?

— Не думаю, что энтузиазма хватит, но что-нибудь придумаю. Сейчас.

— Как знаешь. До встречи.

И Смерть исчезла.

— День нерождения... Хм, — подумал парень.

В тот момент в голове сверкнуло слово, которое сначала казалось бредовым, но не самым плохим. Линия на запястье загорелась вновь, и рядом с Пактумом появилось это слово. Смертный.

Идея пойти в бар была хорошей, но с окровавленной формой, пробитой шрапнелью, могут возникнуть вопросы. Рядом стояла топливная бочка, в самый раз, чтобы сбросить в неё свой китель с именными шеvronами.

— Черт, забыл, — Вестник подтянул один из рукавов наружу и достал документы:

— «И зачем они только тебе понадобятся?». Ага.

В месте с закоптившимся паспортом в открытом кармане лежала зажигалка.

— Вот что и вправду интересно, так это зачем мне эта штукавина, если я не курю? Хотя...

Парень поджег одежду, спрятанную на дне бочки. Вместо пламени повалил кучный дым, но и этого хватило, чтобы спалить ненужные улики. Только белая безрукавка и болотные штаны прикрывали ожившего.

Развалины здания, что спешно покинул Роджер, по-видимому, было окраиной промзоны. На другой стороне служебной железной дороги проглядывался небольшой отросток жилой улицы. Машины были слышны лишь вдалеке, зато из кирпичных трехэтажек, словно втиснутых в противоположную сторону тротуара, доносилась бурная жизнь. Пройдя где-то два или три таких квартала, он наконец-то нашел, что искал.

Непримечательный, но уютный магазинчик одежды. Пожилой хозяин заносил метлу после вечерней уборки, чтобы закрыться, как вдруг внутрь с противным звоном дверных колокольчиков проскочил незванец.

— Эй! Больше никаких посетителей на сегодня! - ворчал престарелый продавец, державший едва открытую железную дверь:

— Проваливай!

— Извините, но я всего пару покупок сделать, — запыхано ответил Трентор.

— Что, муж с командировки не вовремя вернулся?

— А?... Да! Т-то есть нет! Меня... Меня ограбили.

— Ограбили, говоришь? Тьфу ты, опять это чертова шпана. От этих «панков» покоя не будет.

— Это точно. Я только недавно вернулся с войны и тут здравствуйте.

— Войны? С гуками, что ли?

— Да, сэр.

— Пацан, я в чужие дела не лезу, но раз уж ты ко мне залез, то я буду честен. Если бы такая зелень, как ты, была там, то сдохла бы на первой гранате, помни мое слово.

— А тебе бы в лотерею играть, мужик, — пробурчал Роджер.

— Ладно уж. Только побыстрее выбирай одежду, рагу моей любимой женушки ждать не будет.

Вестник рванул к полкам с вещами. Белая рубашка, кремовый свитер, серые брюки, темные кожаные ботинки, темно-коричневый плащ — не выделяться из толпы же, в самом деле. Потратив пару минут, парень положил охапку на кассу.

— Хоть не кожанку. Помню шпана заявила ко мне с просьбой отдать парочку курток задаром. Задаром я могу только облить помоями или послать. После отказа, эти засранцы разукрасили мою машину, — старик снял что-то с петель под стойкой и поднял над кассой:

— Теперь на работу стал носить своё охотничье ружье. Так что, когда очередной бухой

придурок с белибердой на голове придет сюда за очередной «клевой шмоткой», то я разможу его голову по той стенке. Даже не буду жалеть за новую партию сарафанов за твоей спиной. Это будет того стоить!

— А просто пригрозить не пробовали? — удивленно спросил Роджер.

— Ну, как бы... А как ты им пригроишь? Они же отмороженные, «без тормозов». Таких только на убой, и пусть уже сам Сатана с ними разделяется.

— Так вы же станете их палачом.

— И что с того?

— Ну, если мне не изменяет память, то жертв наверху прощают.

— Неужели?

— Ну, души придурков, как те, что испортили вашу машину, нам не по силам судить. И убивая таких, вы просто выставите их жертвами в лице высших сил. А это точно не будет должным уроком.

Продавец призадумался.

— Да, сынок, ты прав. Я что-то... Немного переборщил. Может так пули поберегу. Они нынче дорогие. И жизнь тоже. Не дай Бог их будет двое... Моя бы старушка с ума бы сошла.

— А сколько с меня?

— Ну, жалко мне тебя было, да и за душевный разговор я был готов тебе сделать скидочку, эдак, процентов в 30, но рагу, наверное, уже остыло. Поэтому, 10. И даже не смей клянчить больше.

— Что вы, сэр. И не думал.

Парень оставил пару смятых купюр на стойке. На улицу выбрался уже простой обыватель, вряд ли по виду слышавший о какой-то войне на востоке.

Побродив ещё не много, молодой Вестник увидел ещё одно подходящее место. У края дороги был съезд на большую парковку, за которой бил подрагивающий свет вывески. Так свое расположение помечала вывеска мотеля для уставших от жизни дальнобойщиков. На входе, Роджер открыл застекленную дверь.

За приемным столом было окно, на котором стоял телевизор. Тот показывал новости, едва различимые толи от ужасного голоса ведущей, толи от сильных помех телесигнала. А уже перед ним на скрипящей табуретке сидел, видимо, владелец, этого заведения.

— Кхм-кхм, — показательно кашлянул Трентор, от чего напугал сидящего.

— Для этого звонок на стойке лежит! - ответил владелец.

— Ну, раз вы и стук двери услышать не смогли, я подумал, что и звон вы не услышите.

Этот, на вид незрелый, мужлан, встав, ввел себя довольно неестественно. Разминал спину и корчился, будто ему полтинник, не меньше. Из-за чрезмерного лишнего веса понять его настоящий возраст не удавалось.

— Слушаю.

— Мне бы номер снять.

— Снимать ты будешь шлюх, малой. А у меня номера бронируют.

— Что-то я не заметил у вас на входе ещё, как минимум, пяти звезд, чтобы так говорить, — Вестник разъяренно вынул из кармана сотню и положил на стойку:

— И у меня сейчас нет времени на споры. Так что, возьмите и дайте ключ.

Легкий хруст прошелся по комнате. Терпение уже было готово взорваться, но деньги стиснули ему зубы.

— Распишитесь в книге. Ваша комната шестая, по лестнице наверх, дальше по коридору

и налево.

— Спасибо.

Выхватив брелок из рук скряги, Роджер набрёл на свой номер. Спор и правда не стоил свеч: место прогнило до основания, кровать и шкаф еле держались на своих ножках. При желании от одного прыжка можно провалиться на этаж вниз. Не лучший выбор для простой ночевки. На смятой подушке окончился первый день парня в своей по-старому новой шкуре.

Утро не заставило себя долго ждать. На часах было где-то семь, но Вестник, словно, по привычке проснулся абсолютно бодрым. Как ни странно, не один Роджер сегодня бодрствовал с такой рани. В дверь постучал владелец.

— Мистер Трентор, или как вас там, — доносилось из коридора:

— К вам приходил неизвестный человек и просил передать вам кое-что. По правилу заведения я не имею право заходить к вам без спроса, мало ли, может, вы там не одни. Поэтому, я просуну письмо под дверь.

Роджер поднял посылку с пола. Написанное на машинке послание оказалось откровением:

— Я уж думал, что новенького не пошлют сюда так скоро. Противно, когда тебя будят телефонными звонками в постели. Нам нужно поговорить. Хочется тебя осмотреть. Встретимся у башни CityPlace на Норс-Робинсон и Парк, — прочитал Роджер:

— City Place... Стоп.

Вестник оделся, задумавшись до самой приёмной.

— Вас как зовут? — обратился он к владельцу.

— Пит, но для новых посетителей Питер.

— Ладно, Пит. Мне тут кое-что интересно. А мы вообще где?

Владелец нахмурил брови и слегка агрессивно ответил:

— В моём мотеле.

— Да не об этом я. Что это за город? — лицо Питера сначала показало удивление, а затем тот разразился хохотом:

— Мда, парниша. Видимо, кто-то хорошенько накатил вчера, а?

— Ты на вопрос ответишь?

— Ну, первопроходец, добро пожаловать в Оклахому.

— Э, штат?

— Город, дурак. Оклахома-сити.

— Спасибо за ответ, неспасибо за дурака.

— Пожалуйста, олух.

Тут, Роджер оглядел стойку. На ней лежала всякая утварь. Сувениры, специи, деревянные поделки — всё в одной куче. Но среди всего этого, в маленькой корзине, промеж буклетов, лежала необходимая вещица.

— Карта мне пригодится, — подумал Трентор:

— Эй, Пит. Сколько карта стоит?

— 1,5... То есть 4 бакса с тебя.

— Окей, на 4 бакса ты меня успел наоскорблять.

Вестник усмехнулся и схватил экземпляр со стойки. В ярости Питер побежал за парнем, но зацепил провод, от чего уронил телевизор на пол, окончательно разломав старую рухлядь.

С горем пополам перед глазами Роджера замаячило обговоренное место встречи. Небоскреб издали походил на картонную коробку из-за своего цвета. Вблизи же, он был

таким же. Довольно непримечательный для достопримечательности. В разгар дня вокруг него было не так много прохожих и проезжих. Все были заняты своими делами где-то в далеких офисах или за любой другой работой. Рядом с Вестником у здания из ожидающих стоял только уборщик, умело убиравший разный мусор вокруг крутящейся двери. Ожидал он, правда, только свой обед. Сомнения постепенно начинали терзать, но внезапно, Трентору положили на плечо руку и повели вперед.

— Дружище, а я и не знал, что ты так изменился! - воодушевленно произнес незнакомец.

На вид это был молодой парень, в кожаной куртке с кучей ненужных молний и джинсах.

— Прямо как оболтус, про которого рассказывал тот старик, — подумал Роджер.

Болтая что-то невнятное, незнакомый пацан завел Вестника в подворотню. И здесь его эмоциональная личина спала.

— Я надеюсь, я правильного зеваку с улицы подхватил, — сказал он более раздраженно:

— Не будет же кто-то мотать головой в этот день, кроме моего адресата, так ведь?

— Да, так ведь. Кто ты? Ты тоже Вестник?

Незнакомец оголил свою кривую ухмылку. Раздраженным он выглядел намного красивее.

— Ну, в какой-то мере, это не так важно сейчас. Как тебя звать?

— Роджер.

— Да с именем всё понятно. Кличка. Тебе ведь про неё говорили?

— А, конечно. Смертный.

— Суровенько. Про особенности тебе рассказали?

— 500 лет службы? Пактум? Зов?

— Ха, по твоим непонимающим глазам ясно, что ты не понял, о чем я. Хорошо. Пойдем.

Парень снова повел Трентора, но уже обратно. Его походка подозрительно ускорила.

— Если нам повезет, то дорога будет достаточно чиста, чтобы какой-нибудь лихач ехал быстро.

— Зачем?

— Узнаешь.

Они оба дошли до обочины. Незнакомец огляделся и, похоже, нашел, что искал. По дороге, навстречу его взгляду на полном ходу неслась фура, заполненная под завязку.

— Руку покажи.

Вестник послушался. Парень пальцем провел по Пактуму, но будто на нужном месте кожи чего-то не хватало. Тогда незнакомец ударил Роджера по лицу. Трентор уж было хотел дать в ответ, но его остановил этот парень.

— Притормози, это необходимость. Что на руке теперь?

Пактум действительно поменялся. Рядом с именем появилось ещё одно слово.

— Свобода? — удивленно спросил Вестник.

— Значит, всё будет намного веселее, — сказал незнакомец.

В этот момент, гул автомобилей стал ближе, и парень снова ударил Роджера. Вестник неконтролируемо падал на дорогу. Трентору только и оставалось схватить и подтянуть с собой незнакомца к приближающейся решетке радиатора. Перед смертью, люди замирают, чувствуя каждый миг времени. Роджер ещё не успел утратить эту возможность после первого раза. В его голове успело пронестись:

— Приехали, блин. Первый день такого сказочного куша, и уже успел его профукать.

Ок, в этот раз буду выбирать небеса. В любом случае выберу небеса!

Штиль. Тьма. Парень почувствовал себя, как дома, но что-то отбросило эту мысль назад. Роджер не мог открыть век, а незнакомец, вцепившийся за плечи, был всё ещё в них вцеплен. Усилием воли Вестник открыл веки.

— Воздух! Я снова чувствую этот чертов воздух у себя на лице, — первое, что родилось у Трентора в голове.

И вправду, начал дуть сильный ветер, и стало довольно светло. Глаза привыкли к слепящей яркости, но парень не ожидал увидеть то, что было за ней. Он лежал на бетоне, а вокруг были воткнуты различные антенны и проблесковые маячки для самолётов. Это была крыша CityPlace.

Скрип тормозов, донесшийся снизу, привел Роджера в чувства. Подползнув к краю, тот увидел грузовик, перед лобовой частью которого ничего не было. Лишь клуб дыма прошелся по капоту резко остановившейся машины. Внезапно, ещё кое-кто тоже дал о себе знать. Незнакомец лежал на вентиляционной будке здания и кряхтел. По вмятинам вокруг было понятно, что его приземление не было мягким. Однако, после такого он немного поёрзал, показывая, что жив, и затем встал. Тогда бы кто-нибудь был бы поражен или опечален этой ситуацией, но этот парень лишь засмеялся. И засмеялся так, будто в кино показывают отличную комедию. И, похоже, что смешон ему был Роджер.

— Какой же мне попался придурок! - хохоча, воскликнул он:

— Когда ты учился плавать, ты тоже тащил своего инструктора за собой?!

— Эй, модник, — возразил Вестник:

— Это может быть и смешно с твоей стороны, но послали меня сюда недавно, так что будь добр, повежливее. Не стоит думать, что с тобой дурак водится. Лучше расскажи, что это за хрень сейчас произошла?

— Ну, новичок, внимай. Сейчас мы раскрыли важную часть твоей будущей жизни. Мы нашли твой Витиум.

— Это ещё что?

— То, что возвышает тебя над другими. Тебе же рассказывали, кто ты на самом деле? «Спусковой крючок»? Так вот, разве ты не видишь логику в том, чтобы сделать его из стали, а не из крови и мяса?

— То есть Витиум...

— Это твоя новая сила. Она есть у всех подобных тебе. Но у всех разная. А то было бы скучно.

— И получается, что я могу очутиться где угодно, только подумав? Клёво.

— Будешь использовать её во время патрулей.

— Каких ещё патрулей?

— Ну, ты же читал контракт? Там что-то было про порядок. Тебе следует за ним следить.

— Я думал, что это метафора. И что мне теперь, котиков с деревьев снимать?

— Ну, это дело не моё, но я всё же объясню. В мире есть правила, правила нарушают, появляются преступники, число преступников растёт, какой-нибудь злой чувак лезет во власть и так далее, бум! Война, конфликты за наркотрафик, убийства по заказам и тд. А это знаешь к чему ведет?

— К концу?

— Именно. Ты не возьмешься, возьмутся за тебя. А что ты используешь в свой последний момент? Пактум. Ты прислушаешься к Зову.

— А за мной и остальные?

— Именно.

— Поэтому, можешь ловить шпану. Рыбой покрупнее сейчас заниматься не стоит. Она не так важна, ведь её волю исполняют другие. Это везде так, поэтому важнее рвать новые побеги сорняков. Всё понятно?

— А Витиум — всё, что у меня есть?

— Ах да... Подойди.

Роджер подошел к незнакомцу, и тот мгновенно, схватил Вестника за руку и выкрутил ту в захват.

— Больно, да? — с наслаждением спросил парень.

— Более чем, ах.

— Это плохо.

Незнакомец надавил ещё сильнее, что стал слышен хруст кости. Трентор стиснул зубы от злости и шока, пытаясь вырваться.

— Ты — просто проводник. Не держи, а пропускай напряжение.

Слова засели в мозгу схваченного парня. Но секунда прошла, и он почувствовал. Словно третья педаль в машине, теперь было что-то между терпением и принятием. Вестник перестал ощущать боль.

— Стало легче? Отлично.

Руку не прекратили ломать. Она треснула по швам. Кость вырвалась наружу, а кровь струей полилась на пол. Роджер упал, потеряв сознание.

Смерть от потери крови — вот, что могло здесь оказаться, будь это простой стычкой в каком-нибудь баре. Но известной тьмы не наступило. Парню лишь стало очень тепло и душно.

— Никогда не бывал в сауне, но, видимо, она мне снится сейчас, — размышлял Вестник.

С каждой минутой становилось всё горячее. Это превращалось в муку. Ещё через пару минут, было так горячо, будто вокруг горел огромный костер. Кроме знойного жара ничего не ощущалось. Как вдруг, горячий свет пробился сквозь веки. Они пылали и, Роджер хотел всеми силами их открыть. Парень очнулся.

На улице стоял холодный вечер. Трентор, не задумываясь, взглянул на недавнее место серьезной травмы. Рука была полностью цела.

Незнакомец пропал, хотя осадок от такой надменности остался. Вестник полностью пришел в себя и стал думать над насущной проблемой: как спуститься с этого здания.

— Ну, раз я сюда попал мгновенно, может, мгновенно и вернусь?

Роджер стал на ограничивающий бетонный бортик. Но самосохранение даже после смерти возвращает людей с небес на землю. Страх высоты достиг пика, когда легкий бриз чуть не подтолкнул вниз.

— Плохой вариант. Да и вряд ли тут окажется фура под рукой. Тогда... Попробуем полюдски.

Кроме необходимых для жизни здания выпирающих металлических коробов вентиляции, на высотном участке был ещё один. Вход на лестничную площадку небоскреба.

Схватившись за г-образную и очень крупную ручку, Трентор приложил усилие.

— Давай же, ну... Чёрт! Наглухо закрыта. Не повезло, — Логика лишь озвучивала факты, как на свободу вышли эмоции парня:

— Грёбанный мудила! Подставить под машину и сломать руку тому запросто, а как уйти помочь..., - Роджер расстроился не на шутку, да так, что в порыве гнева ударил ногой об дверь.

Мимолетное осознание и боль. Вестник скакал на одной ноге, не заметив треснувшей по швам штанины и сломанных пальцев стопы, в легком припадке вокруг себя.

— Похоже, что чувства нельзя отключать на постоянку.

После этого страдательного круга почета, на глаза попала странная вещь. На абсолютно ровном листе толстого железа появилась крупная вмятина. Дабы быть уверенным точно, Роджер засунул туда ногу. Щель идеально обтекала стопу удивленного парня.

— Тому уроду лучше инструкции для пылесосов не писать. Хм, а может...

Вестник просунул пальцы в небольшое отверстие, между косяком и дверью. То, что раньше казалось неподдающимся и монументальным, начало гнуться и мяться, как дешевый пластилин, сопровождая всё действие тихим металлическим скрежетом. Дискомфорт парень пытался удерживать, но тот слегка просачивался, как капли в старом кране. Проход, который не всякий медвежатник взломает даже ломом, открылся. Роджер радостно подскочил вверх, ликуя таким возможностям, а затем спокойно, будто скрывая своё детское счастье, пошел вниз. Между фалангами от напряжения появились гематомы.

— Используя бы также свою руку раньше, не обошелся бы простыми синяками.

22 этажа уже находились позади, но на восьмом произошло непредвиденное. Уборщица поднималась навстречу, таща за собой по пандусу тележку с чистящими средствами. Сложно не заметить стук чьих-то ботинок на пустой лестнице.

- ¿Quién está ahí? — высоким, слегка писклявым голосом произнесла уборщица.

В темноте Роджера не было видно, да и тот застыл, задержав дыхание.

- ¿Y por qué te escondes de mí? ¿Crees que no te veo? — по тону стало понятно, что эта мексиканка явно рассержена.

— Похоже, что она меня видит. Если ещё что-то скажет, придется импровизировать, — испуганно думал Вестник.

— El ascensor no ha estado funcionando por segundo día. Ganaré unahernia por tu culpa. ¡Bueno, lamarcha al trabajo, unjodido borracho!

— Извините, я относил лекарство матери. Она живет выше меня, на десятом, — Роджер напряг связки в горле, чтобы голос казался более низким.

— А, америкянец?! - спросила уборщица:

— Неть, вы не ремонтировать лифт, para que arda su demonio.

Мексиканка ушла на этаж, а парень долгожданно спустился вниз.

Города в разных странах отличаются всем, чем угодно, а города внутри одной страны — тем более. Но всегда есть то, что роднит любую, даже самую захудалую общинку на окраине пустыни. Они все оживают по ночам. И Оклахома-Сити исключением не стал. Всё пестрит и горит так, будто человек боится попасть во тьму, поэтому старается этого не допустить. Затем понимаешь, что на улицах ярко лишь для того, чтобы в более глубоких и дальних углах города было как можно темнее. Даже зима такому не мешает. Роджера цепляло всё это дикое бурление вывесок, пьяных гулянок и веселья. Но сегодня вечером он столкнулся и с обратной стороной.

Настал черед выполнить неплохое предложение. Бармен выполнял свой самый необычный заказ:

44 рюмка джина уходила в руки незнакомого и, видимо, богатого молодого человека.

Всё начиналось с одной, но на второй Вестник учуял подвох. Джин не был разбавленным, а Роджера подростком косило от любой выпивки, однако, у него ни в одном глазу не виднелось опьянения.

— Двадцать вторую «последнюю»? — спросил он у Трентора.

— Нет. Видимо, с джином мне не везет. Давай попробуем виски.

— Эй, малыш, — к Вестнику обратился поддатый бугай, сидевший рядом:

— А твои родители не узнают, чем ты тут балуешься, а?

Кто-то посмеялся за столиками. Вестник выхватил бутылку с алкоголем, которую бармен бережно выливал в рюмку, и достал из-под края стола, за которым сидел, стакан:

— Моя мать сейчас со своим мужем где-нибудь в Майами, греет ноги на пляже. После моего ухода в армию, она увидела окно свободы, а мне не стоило её останавливать. Не хотелось быть занозой в заднице для ещё молодой женщины.

Роджер налил в граненный до краёв сосуд и опрокинул его в рот. Виски до последней капли влились в глотку не пьянящего Вестника:

— Нечего детям вытягивать жизнь из своих родителей.

— А хороший ты пацан, однако. В стране таких мало. За тебя, малой! - произнес тост бугай и выпил рюмку клюквенной водки. От спиртного его лицо покраснело, и он закрыл его рукой, дабы перетерпеть этот алкоудар.

В этом баре не всем было хорошо. Многие либо едва сдерживались от сна, уставившись в трансляцию новостей, либо допивали давно выдохшиеся остатки пива, но среди это полуживой компании сидело ещё двое.

Пышные, завитые темные волосы, крупные красные блямбы, являющиеся сережками, белое коктейльное платье с красной юбкой. Рабочая куртка с масляным пятном на рукаве, запачканная в жире рубашка, кепи шофера с ободраным, обтянутым кожей козырьком. Мужчина, лет так на сорок-тридцать, светя своим железным зубом, улыбался и болтал с подружкой, которую он прижал своей рукой. Девушка была не в восторге от такого поведения, но панику не позволяла показывать публике вокруг. Однако, чаша терпения всё же пролилась, когда её «друг» с перегаром тянулся к ней губами. Тоненькие ручки не казались хорошим аргументом, пока спутница с недюжинной силой не оттолкнула пьянчугу. Звук пощёчины было слышно громче телевизора. Девушка осознала, что натворила, и, поняв, как рассержен был её знакомый, она решила смыться. Алкоголь в крови не способствует скорости передвижения, но мужик погнался за ней. Дальше прозвучал женский крик.

Если для пожарных сигналом является огонь, то сейчас Роджер слетел со стула не просто так.

— Ну неужели нельзя было бежать на открытую улицу, леди? Вероятность вас прирезать меньше же будет, — размышлял Вестник, следуя за погоней, устремляющейся в подворотни.

Глухих тупиков становилось всё меньше, поэтому Трентор немного замедлил шаг, дабы прислушаться.

— Отпусти меня, кретин! - визжала искательница приключений.

— У тебя совсем мозги не варят, курица ты тупая, — огрызался преследователь:

— Если меня на работе заметят с разукрашенным лицом, то точно вышвырнут. Ты хоть знаешь как трудно сейчас найти себе заработок, а?!

— Я не виновата в том, что ты такой баран.

Прозвучал хлопок. Видимо, парочка уравнила счеты. Вестник выскочил из-за угла. Девушка схватилась за лицо. Черные струйки туши и слез просачивались сквозь ладони.

— А женщин бить — не повод с работы тебя выпереть, придурок?

— Свали отсюда, сопля! Не вырос ещё.

Роджер не продумал такого исхода событий. Внимание парень потерял, а значит убегающей не скрыться. На асфальте стало на камень меньше.

Плечо куртки разошлось, словно от надреза.

— Мда уж, переборщил. Хорошо, что хоть в голову не попал.

Испугавшись, мужик вытащил средство обороны. Его кулак трясся, сжимая револьвер 36-го калибра.

— Ты кто ещё, нахрен, такой?

— Вряд ли тебя сейчас это должно волновать. Девчонку отпусти.

— К-крутой нашелся, да?. Ну, ладно. Детка, уйди. Позже поболтаем.

Спутница пошла на выход из тупика, демонстративно зацепив сумкой своего спутника. Тогда же, она и забыла, в каком положении находится. Напоследок захотелось позлить своего дружка. Роджера поцеловали в щеку.

— Ах ты сук...

Выстрел раздался после того, как Вестник откинул девушку от себя. Пуля въелась в живот, засев где-то в мышцах. Не смертельно даже для не Смертного. Кровь брызнула на лицо авантюристки. Вопль вдарил в уши.

Однако, не радость от превосходства чувствовал пьянчуга, а шок. Трентор сделал два шага и с выпада нанес удар в челюсть. Стрелявший влетел в стену, оставив несколько трещин. В больнице полежать ему стоило бы.

Роджер старался не обращать внимание на ранение, затянув его ремнем. Подхромав к девушке, протянул ей руку. Та отбила её в ответ.

— Урод! Скотина! Посмотри, что ты с моим парнем сделал!

— Совсем, что ли, из ума выжила? Я тебя от пули спас.

— И покалечил моего котика!

— Да? А ты этого «котика» очень любила, раз меня поцеловала, а?

Девушка, сидя на полу, била ногами об землю, как маленький ребёнок.

— Ты бы лучше скорую вызвала, ей богу, — уходя, Вестник скорчился от необычной вентиляции в прессе.

Багровые капли пунктирной линией плелись за Роджером. Живот горел, но исцеления не происходило.

— Не хотелось бы, чтобы внутри меня остался свинец. Его надо вытащить.

Парень подошел к бару, из которого выбегал. У его задней стены была сквозная тропинка, закрытая с противоположной стороны проволочным забором. Трентор оперся на него, слегка согнув колени. Аккуратно снял ремень. Кровь, будто не сворачиваясь, полилась с новой силой.

— Помыть бы руки.

К счастью, рядом из-под земли торчала заржавевшая водяная колонка. Вестник окончательно сел на холодную землю и левой рукой потянулся к рычагу крана. Но труба и не шатнулась от напора.

— Ранение меня греет, я даже не чувствую на улице мороза, жаль только лёд в водопроводе мне не растопить. Может...

Снова левая рука оказалась у крана, согнувшись в «ок».

— Легонько... Легоньк...

Металлический звон пролился в землю. С кусочками льда на заросшую почву полилась вода. Роджер протёр в ней свои кисти и вытер об остатки порванного свитера. Затем он скинул всю мешавшую одежду.

Более грубым взмахом Вестник заполучил кусок проволоки, перевязанный им в примитивный пинцет. Из-за сомнений его тоже пришлось помыть.

— Приступим к операции. Как в армии, быстро и четко. Ох, пусть это будет быстро.

Указательный и большой пальцы на стальных лапках слегка раздвинули рану.

— Хоть и не больно, колупания в себе хочется чувствовать пореже.

Пальцы другой руки обхватили края раны. Ткани мышц были напряжены и от волнения, и от ощущений. Смятый кусочек металла лежал на самом дне. Пуля миллиметрами двигалась в глубине. Найти её глазами, как и дотянуться ими, не получалось, всё происходило наощупь. Тело начало дрожать. Третий раз мимо, четвертый. Пинцет ухватился. Роджер дёрнул его наружу.

— Ай! Я не был готов, зря расслабился! - небольшая часть мяса вышла вместе с свинцом. Ногтем, претерпевая непогашенную боль, парень втолкнул плоть на место, а остатки стряхнул с кисти. Окровавленная проволока лежала на промёрзшей траве рядом.

Дырке больше ничего не мешало затягиваться. Лежа на земле, Вестник подумал:

— Неужели мне всего-то и надо что ловить пули за других?

К счастью, пока что нет. Дальше всё было немного... Ровнее.

Когда нужно было помочь, Трентор пытался что-то сделать. Не всегда получалось удачно, но в целом он держался молодцом. Украли сумочку? Вестника проткнул ножом, но на грабителях останется всего пара ссадин, когда их поймают. Попытка убийства? Переломом может не обойтись. Однако в погоне за, возможно, даже и ненужной справедливостью встал другой вопрос. Деньги. Свободного времени завались, а вот купюры в кармане стали заканчиваться. И Роджер нашел себе работу. Курьером.

— Не пыльно, да и воздух свежий, не то что скучный офис.

А если взять ночные часы, то и с уличными разборками можно уладить дела. Не жизнь, а сказка.

Пока не дающие покой силы не заинтересовали парня ещё сильнее.

Чтобы попасть на крышу здания не хотелось каждый раз прыгать под машину. Неудачных случаев набиралось больше, как и людей, кто был уверен в смерти потерпевшего от своей машины, позже шокированных стойкостью последних.

— Должно быть что-то, что заставит меня прыгнуть, не напугав.

Ранним утром, за час, может, два перед работой, Роджер залезал на крышу ночлежки, где сам же и обосновался. Сидя наверху, он с закрытыми глазами пытался как-то вызвать необычную способность.

— Давай, чтоб тебя! - Вестник стукнул по верхней кромке черепицы:

— Как же ты работаешь?!

Тут, его отвлек приятный запах. Кафе «Омлеты Тиффани» начало свою работу. Первые заготовки и нарубки упали на сковородки, что привело к дивному аромату по всей округе.

Все мысли были теперь о сочном и поджаристом стейке, который там подают. Шикарное блюдо. Собраться туда парень не торопился, к его сожалению. Заведение славится своей популярностью и поэтому пробиться туда, даже в будни — мечта, да и только. Вот и сомкнутые веки не мешали грезить. А ведь Вестник уже бывал там и нашел себе отличное местечко — в самом углу помещения и рядом с окном прямо на маленький садик местных яслей. Только, сейчас Роджер знает, что тогда ему очень крупно повезло. Внезапно, черепица стала слишком уж мягкой. И открыв глаза, Роджер понял, что произошло. Трентор сидел внутри кафе на указанном месте ещё до открытия дверей. С крыши ночлежки улетучился клуб знакомого дыма. Благо, никого вокруг не было.

Шедшая распахнуть главный вход официантка, нарушила это спокойное одиночество. Вестник был в ступоре, поэтому даже под стол не залез.

— Эээ... Привет, — сказала работница кафе, разбудив разум парня.

— Доброе-доброе, — неловко бросил Роджер.

Молодая блондинка от нервов начала пальцем завивать локон своих волос.

— Извините, с-сэр, но кафе ещё закрыто.

— Д-да, я знаю. Просто ваши завтраки такие чудные, что я не сдержался пробраться сюда ещё до открытия.

Ответ её слегка рассмешил. Возможно, она ожидала более грубого ответа. Когда же Вестник показал свою вежливую натуру, девушка сразу стала уверенней в голосе:

— Ну, раз уж так произошло, может тогда, я приму у вас заказ?

У Роджера сверкнула искра в глазах:

— Если можно.

— Вы уже успели вломиться сюда безо всяких правил, так что я имею право нарушить немного своих.

Вестник и официантка посмеялись вдвоём.

— Тогда, будьте добры, ваш фирменный летний салат и зажаристый стейк.

— Сию минуту, сэр. Только дайте открыть двери.

Загадка отличного завтрака и этих сил свыше была разгадана. Спустя двадцать минут на столе парня лежала долгожданная пища. Он с упоением жевал, копался в своих навязчивых мыслях:

— Она что, флиртowała со мной? Да нет, быть того не может. Хотя, кто знает, кто знает.

Аппетитную еду, к сожалению, нельзя было растягивать: время на работу слегка поджимало, а «просто» там оказавшись, Роджеру могли задать пару вопросов. Завтрак был

съеден, чаевые и плата за счет оставлены, а добросовестный работник спешил на получение первой посылки.

Тот день не выделялся среди остальных, вечер и вовсе подкрался уж слишком быстро, и из-за этого Вестник был полон странной решимости:

— Может пригласить её вечером прогуляться? А что? Я — служитель порядка в подчинении у могущественных сил, неужели нельзя немного развлечься?

С такой мыслью, Трентор взял последний адрес, как раз недалеко от кафе. Придя к старому, по сравнению с остальными, деревянному дому, парень постучался и воодушевленно крикнул:

— Доставка!

Но никто не ответил. Требования компании не позволяли курьеру уйти, просто оставив посылку. Её нужно отдать в руки.

— Ау! Вам посылка!

В доме было тихо.

— Уснули там, что ли?

Частый стук в дверь не помог. В окно тоже. А время неумолимо капало дальше.

— Да, клиенты не бандиты — таким в челюсть не дашь за доброе дело. «Политика компании.». Эй! Откроет кто-нибудь или нет.

От отчаяния Вестник обернулся и посмотрел на «Омлеты Тиффани». Накатила злость. Официантка уже собиралась домой. Роджер с новой силой застучал и заорал в дверь. Ещё немного и стекло в нём могло треснуть.

— Как хорошо, что она просто на улице стоит. Наверное, такси ждет. Да чтоб вас! Вы померли там, а?

Дверь открылась. Из неё вышел молодой человек с очень длинными патлами, на которых висели огромные наушники.

— Здравова, чувак, что принёс?

— Вам это... Посылка.

— А... Ба, тебе посылка пришла! Ты извини за ожидание, у неё со слухом проблемы. Вообще ничего не слышит. Она внутри, брезгую с рук брать.

— Ага. Принято.

Через мгновение, у порога дорога стала свободна. Роджеру осталось только рвануть к новой знакомой на той стороне улицы. Но тут, глаза сковал шок. У девушки стоял неизвестный водила, прижавшийся к ревущему чоперу. Он привстал с седла, укусил её за шею, посадил к себе и надел на неё шлем. Они уехали.

— Хорошее воскресенье, ничего не сказать.

Лотерейный билет оказался проигрышным на последней цифре. В тот день в очередном баре закончился месячный запас выпивки. Но на этом терзания не закончились.

Где-то за полночь вокруг парня все, кроме бармена, достигли крайней точки своего отравления, крепко спав на стойке. Левый, строя из себя скалолаза, уцепился за горло пустой пинты. А правый же, уютно расстелив себе подстилку из газеты, распластался по поверхности стола. Роджер елозил пустым стаканом, что-то бормоча под нос. Вдруг, стакан заскользнул на газету. Его дно было выпуклым, поэтому текст под ним стал намного крупнее. Рука Вестника вздрогнула. «...героически погибли в боевых действиях...» мелькнуло в его глазах. Парень выдернул страницу из-под спящего посетителя.

Статья, отпечатанная на ней, являлась некрологом последних событий войны на

востоке. Перечисленные дивизии, понесшие потери, были абсолютно безразличны для Роджера, кроме одной. Слово «Плющ» заставило парня заволноваться. 4-ая пехотная дивизия, по прозвищу Плющевая несла значительные потери в январе 68го. Именно в ней когда-то был рядовой Трентор. И Уильям. Обеспокоенный Роджер снова взял стакан в руки. Этой «лупой» он среди немалого списка погибших пытался не найти знакомую фамилию.

— Рядовой Р.М. Трентор — ПВБ... Рядовой У.Д. Бормер — ПБВ. Сукин ты сын, — прошептал Вестник.

Стакан промежду пальцев стал хрустеть. Эта война не щадила никого. ПБВ или же Пропавший Без Вести очень часто означал лишь три варианта. Солдата могли взять в плен, в котором от него не получили полезной информации, отчего пытали до смерти. Солдат мог подорваться на mine или чем-нибудь другом, а трупом такое месиво уже не удастся назвать. И третий, самый маловероятный: он и вправду пропал.

— Два к одному, что парень не жилец. Эх, хорошим был, сладкоежка, — расстроено выдохнул Роджер:

— Бартендер, закрытую бутылку виски. И чтобы лучшей выдержки была.

Сделав ещё пару покупок, Трентор пошёл к детскому саду. На зиму его закрыли, там было пусто. Рядом стояло одинокое дерево, посаженное маленькими ручками. Вестник подошел к нему и присел на колени. Он смел тонкую корку снега и, как хорошую лопату, воткнул кисть в чистую землю. Пару минут понадобилось, чтобы у дерева образовалась глубокая ямка. Роджер аккуратно положил туда бутылку кентуккийского, а уже на него поставил маленькую упаковку пудинга. Вестник зарыл этот секрет, а около него вставил почти до основания небольшую восковую свечу. Взяв в руки зажигалку, парень поджег фитиль.

— Метко бросаешься гранатами, — пробурчал Роджер.

Зима не сурова к людям, идущим домой. Вот и Трентор вернулся в ночлежку очень спокойно. На кровати его ждала бессонница. Парень засомневался в себе:

— Какой смысл спасать кого-либо, если хорошие парни все равно будут умирать на войне? Неужели я нужен здесь, а не на чертовых рубежах в составе армии? Пусть, я буду не прав. Пусть у этого будет смысл.

С самого утра был только адрес доставки в другом конце города. Роджер старался быть оптимистичным и расценивал такой заказ, как большую прогулку.

— Хоть город посмотрю. Скоро Рождество.

Семь кварталов ему пришлось идти пешком. Автобусы ходят редко, да и ориентироваться на ногах намного удобнее. После, на остановке всё же пришлось сесть на общественный транспорт. Из-за движения по прямой, вид из окна представлял собой муниципальную параболу: на середине пути солнце полностью скрывалась за небоскрёбами. Маршрут закончился на схожем с жильём Вестника местом. Это был такой же малонаселенный захудалый район. Пунктом назначения было двухэтажное здание голубовато-разъевшегося оттенка.

Деревянная дверь на входе была настежь открытая, да и выбитый замок не позволил бы её закрыть. За ней шла ещё одна, уже металлическая, рядом с которой в стене было выдолблено квадратное отверстие с вставленной в неё варенной решёткой. За этим пропускным пунктом виднелась широкая на вид кухня с желто-коричневой плиткой на полу, с кучей шкафов и тумб из тёмных, лакированных панелей. По центру этой комнаты сидело несколько пожилых людей. Возможно, они что-то праздновали, судя по накрытому столу, но не им были заняты жильцы. Большинство из них были мужчины, которые заядло перетасовывали карты в своих руках. Покер.

— Извините! У меня посылка на имя некоего мистера Я. Нимикуса, — крикнул Роджер в окошко.

— Реджи, это он про того пид... Квартиранта с двенадцатой? — обратился один из стариков к другому.

— Похоже на то.

Самый худой из них подошел к решётке и прищурился.

— Не, ты не из его дружков. Проходи, пацан.

Лязг затвора, и Вестник внутри.

— Его комната на втором этаже. Передай ему, что если он не заплатит за последние месяцы, то таки быть, я его вышвырну отсюда!

— Как скажете.

Наверху, среди многих зияла нужная кнопка звонка. На ней гвоздем была нацарапано «12». Вестника ударило током, а лампочка над головой ярко мигнула. От звука из квартиры вышел, похоже, жилец. Парень обогнул фанерную дверь и стал у порога, чтобы увидеть лицо получателя. Черная борода густо обросла вокруг всех уникальных черт лица, но из-под некоторых локонов были едва заметны довольно глубокие шрамы.

— Хрыч опять звонок не починил? То же мне хозяин нашёлся.

— Ну так ты сам не платишь за жильё, вот и зачем тебе тогда ремонт делать?

— Ты, типа, коллектор? За престарелого жмота решил деньги отработать.

— Нет. Я пришел отдать тебе посылку и напомнить о твоих долгах. А то я смотрю ты немного договорные рамки позабыл.

— А вот это не твоё собачье дело, кто там что забыл. Топай отсюда, пока я тебе морду не набил.

Внезапно, Вестник услышал безнадежные стоны прямо за спиной жильца.

— А это ещё что такое?

— Собаку пучит. Тебя волнует, я сказал, топай.

Получатель выхватил посылку и захлопнул дверь. Роджер сделал пол оборота к выходу, как тут:

— ПОМОГИТЕ!!!

Трентор стиснул зубы и со всей силы вдарил по фанере. Дверь слетела с петель и пролетела внутрь до ближайшего препятствия. На полу за ней виднелась рука жильца с посылкой.

— Оглушен. Пара минут у меня будет.

Парень зашел. Вся квартира была одной большой комнатой, с одной стороны кухня и уборная, а с другой, с той же, что и вход, красный диван на весь угол с журнальным столиком, стоящем на вычурном ковре.

На этой софе, освещенная торшером, сидела женщина. Руки и ноги были связаны полотенцами, белой простынёй — рот. На лицо ей было лет сорок, она была одета в синий деловой костюм, а на голове была не менее деловая прическа. Роджер не мешкал и снял кляп у женщины.

— Вы кто ещё такая, дамочка? — Вестник торопясь разрывал узлы.

— Меня зовут Джуди. Я работаю в Центральном Банке Оклахома-Сити.

— И что вы тут забыли?

— Меня похитили вчера вечером. Тот парень, что под дверью, потребовал, чтобы я позвонила на работу. Я сказала, что из-за плохого самочувствия, за меня на работу выйдет мой брат-финансист.

— Странное требование.

— Дело в том, что у меня брата нет! За меня пошел неизвестный подонок, которого я и видела впервые.

— Я так понимаю, они не за беспроцентным кредитом туда собирались?

— Мне угрожали, что если я не расскажу им коды от черных входов, то они меня убьют. Они что-то говорили о внезапном нападении.

— Могли бы хоть кафе ограбить. С ним мороки меньше.

— Вам сейчас это важно?! Может меня вы выпустите?!

— Поблагодарила бы хоть. Сейчас.

Вестник освободил ноги работницы, а та протопталась по выбитой двери на выход. Там её остановил хозяин квартиры:

— Ой-вей... Что здесь случилось-то?

— Вызывайте полицию, — крикнул Роджер из прихожей:

— У вас тут похититель банковских сотрудников объявился. Эта женщина будет свидетелем.

— Работает ещё чуйка. Не надо было мне этого сюда принимать жить.

Парень поднял посылку, которую приносил. Коробки, лежащие рядом с диваном, говорили о том, что заказывал этот человек частенько.

— Политика компании не позволяет мне вскрывать посылки на дежурстве, но у меня обеденный перерыв.

За порванной картонной гранью лежал увесистый целлофановый свёрток. Разорвав пару слоёв, Роджер усмехнулся:

— А я думал, что черные рынки — это байка!

В посылке находилась лента пулемётных патронов для пулемёта М60.

— Кто-то решил подойти к преступлению с размахом.

Часа времени хватило, чтобы добраться до нужного банка. Трентор сел напротив, в маленьком сквере. Вокруг было тихо, ни души.

— Не думал, что увижу начало ограбления. Эх, жаль, что на «Бонни и Клайд» я так и не попал!

Мимо банка проехал небольшой грузовик. Он мог бы остаться незамеченным, но скрип покрышек при резком повороте всегда обращает на себя внимание. Машина заехала за банк. От туда же, в сторону главного входа направились несколько людей в костюмах.

— Самое время!

Роджер захотел размять седьмое чувство. Закрыв глаза, парень представил кабинку туалета.

— Уборная банка, — произнес он.

Вестник сел на закрытый унитаз и стал снова ждать.

Послышалось пару выстрелов, крик толпы.

— Всем лежать! Пора лишиться денюшек, господа и дамы, ха-ха-ха, — доносилось из главного зала.

Стук каблучков в ближайшем коридоре. Скрип петель туалетного прохода. Трентор задержал дыхание. Одна кабинка открылась, вторая кабинка открылась. Хруст. Кулак парня летел с такой силой, что прорезал дыру в дверце. Грабитель без сознания сидел на умывальнике. Разбитое стекло зеркала посыпалось вниз.

— Какого хрена?! - закричал один из них.

Похоже, шум был довольно заметным.

— Берите, что взяли, и валим отсюда!

Вестник выбежал в главный холл. Пара касс вместе с кошелками пришедших были опустошены. Двигатель грузовичка завелся. Со всех ног Трентор побежал к запасному выходу. Машина набирала скорость, всё отдаляясь.

— Да чтоб вас! - веки сомкнулись:

— Крыша грузовика!

Роджер оказался на пару метров выше. От падения, его завертело на кузове. Кульбитом с угла, Вестник упал, в последний момент успев зацепиться за ручки задних дверей.

Прижавшись ногами к стенке, Роджер отогнул замок и забрался внутрь. Нависло удивление. Кроме пары сумок с деньгами в неприкрытых деревянных коробках лежали канистры с бензином.

— С таким запасом можно и до Калифорнии на полном ходу приехать.

Вдруг, заревели тормоза. Грузовик встал, как вкопанный. Затем, лобовое стекло с громким треском лопнуло. Внутри кузова ничего не было видно, поэтому Вестник выбежал на улицу. Не только стекло было разбито, весь перед было разрушен. Фонарным столбом воспользовались, как бейсбольной битой. Его макушка вмяла в кабину всех, кто там сидел.

Роджер почувствовал сжатую кисть на своей шее. Парень в кожаной куртке молниеносно и незаметно схватился за неё.

— Новичок, что ты себе позволяешь? — спросил он.

— Бандитов останавливаю, не подсобишь? — отхаркивал Вестник.

— Я видел, как ты шел за ними по пятам. Потом и в грузовик залез. Моча в голову ударила? С того света вернулся, так что, теперь и банки грабить можно?

— Я этого не делал.

— Полиции будешь рассказывать.

Незнакомец отпустил горло.

— Я присматриваю за тобой. Сейчас, я дам тебе шанс. Полиция скоро приедет. Не признаешься — весь город перерою, но найду тебя.

Закончив, он куда-то удалился.

— Пошел ты, — решил тогда Роджер.

Вой сирен приближался, нужно было что-то делать.

— Говоришь, в городе найдешь? В этом месте слишком тесно для двоих охранников. Попробуй найти меня, когда свалю.

Вестник залез внутрь машины и взял одну сумку.

— Это, считай, за моральный ущерб, говнюк.

Полиция приехала на к перекрестку, на котором стоял грузовик. На месте лежали украденные деньги, оружие, несколько трупов, выброшенные канистры с бензином, оторванные, видимо, крюком номера.

— Здравствуйте, с вами Марк Эдмундс, все новости к этому часу. Автомобильный след после ограбления. Сегодня днём было совершено нападение на Центральный Банк. Злоумышленники вошли в здание вооружёнными военным пулемётом открыли показательный огонь, спровоцировав сотрудников открыть хранилище. Уйти с места преступления грабители намеревались на грузовике, по показаниям очевидцев, снабжённый необходимым, чтобы скрыться. Позднее, недалеко были обнаружены убитые зачинщики вместе с награбленным. Далее я передаю слове нашей корреспондентке, Нэнси. Нэнси, мы в эфире.

— Здравствуй, Марк. Банк оцеплен до сих пор, попасть внутрь не представляется возможным. Но зато нам удалось опросить свидетеля. Прошу вас, говорите.

— Да, мать вашу, я всё видел. Видел, как они собирались уеб...

— Успокойтесь, пожалуйста.

— Уехать отсюда. Им не дали. Я впервые вижу, чтобы человек мог вырвать руками фонарный столб и, э...

— Спасибо большое. Марк, грузовик был остановлен фонарным столбом.

— Какой совпадение. Стоит поблагодарить наши городские структуры. Не зря мы платим налоги, чтобы столбы падали на злодеев!

Монтажёр посчитал уместным включить закадровый смех.

— А что с машиной, Нэнси?

— Но, как же... Машина пропала после столкновения. Её угнали.

— Лихой же выдался час. Деньги пропали?

— По словам очевидцев, машину именно угнали. Водитель оставил всё, что было внутри. Сумки с деньгами. Около двух центнеров топлива в канистрах.

— Канистры? Далеко же они хотели уехать.

— Да, но самое важно сейчас...

— Последствия этого угона. Спасибо, Нэнси. В течение дня было установлено местонахождение угнанного грузовика. Её состояние позволило сказать, что она заглохла по дороге. Водителя на месте не оказалось, но вот что более интересно. Место поломки находится на выезде из города, у одинокого перекрёстка. Там же, с похожим сроком давности оставлены следы покрышек неизвестного автомобиля. Полиция продолжает

расследование. Спокойной ночи.

Этой ночью, самолет вылетел из аэропорта Оклахома-Сити.

Следствие заглохло со временем. Как и вся шумиха. Война закончилась, на её смену пришли другие. Океан информации поглотил газетные заголовки в свои пучины, начав новую часть истории.

В окошко ломбарда постучали. Сигарета уткнулась в пепельницу, телевизор убавил в громкости.

— Здравствуй.

— Вот срань! Погоди-ка... Привет, браток! Сколько лет, сколько зим? — ответил завсегда́тай этого уголка.

— Немало, Джек, немало. Ты работаешь?

— А как тут не работать. Ушлые сердцеедки так и прут сюда, дабы сдать вчера подаренное кольцо за зелень.

— Ты понял, про что я тебя спросил.

— Да-да. Ты — мой постоянный клиент. Боже мой, да ты вообще не изменился! Вы же с сыном моим ровесниками были. Как так?

— Ем овощи. Расценки те же?

— Больше раза ко мне никто не приходил, а тебя, я уверен, увижу и в третий... Извини, но теперь дороже. Пришлось менять станок. Ручной пресс даже бомжара определит, как подделку. Как заметят, меня ж по заказчикам вычислят. Ты знаешь, сколько дают за липовые документы? Погоди, ты же не сидел? Сколько мы не виделись. Пять-десять...

— Нет, ко мне не было вопросов. Таковую шестерёнку, как я, трудно проверить. Сколько стоит на этот раз?

— Полный фарш — штука. Берёшь?.

— Две трети от зарплаты. Ты с таким прибыльным бизнесом виллу не приобрёл?

— За такое могут спросить. Жирдяи в галстуках не любят, когда у кого-то растёт достаток. Приходится прятать в матрас. Решился, нет?

— Чёрт с тобой. Имя помнишь?

— Рад-Руд... Рудгер Тревис, если я не запамятовал?

— Да, всё верно.

Паспорт был просунут через стандартный ящик выдачи-приёма. Седоватый мужчина полного телосложения встал из-за окошка с кассой и подошел к большому аппарату, скрытому от чужих глаз так, что только напоминающая тумбу часть виднелась в проёме.

— Дата рождения прежняя?

— Нет. В этот раз там должно быть 3 февраля 1966 года.

— С изменением даты будет дороже.

— Не наглей. С первого раза запомнил, как ты торгуешься.

— Ладно-ладно, шучу. Слушай, а разве это не тот же день, что был в прошлый раз? Чего не изменишь?

— Так надо, пока что.

Морщинистые пальцы потыкали комбинацию цифр на механической клавиатуре, и машина включилась. Манипулятор сверху плавно передвигался, но резко останавливался, на мгновение запуская тоненькую струю лазера.

— Пока что, номер дня — единственное, что я могу сохранить настоящим.

— Ещё мгновение... Готово.

Мужчина взял документ и пронес через начадивший дым обратно в ящик.

— С днем нерождения! Про оплату не забудь.

— Момент. Да где же...

— Что, забыл бумажник.

— Нет. Вот же он.

С рук сошла дымка, оголив кожаный кошелёк.

— Пора менять линзы. Так и материал спалить недалеко, дымится как.

Частью скрученные, частью прямые купюры упали в бокс.

— Я надеюсь, моё появление спустя такое время, моя внешность не размяла твой язык?

Рот всё ещё не будет открываться попусту?

— Парень, мне без разницы, сорок три тебе сейчас или двадцать один. И тебя я вообще вижу второй первый раз.

— Тебя услышал. Прощай.

Такси, стоявшее неподалеку, снова приняло своего клиента в салоне и уехало. 8-ая Южная Авеню. Муравейник с кучей квартир, зато отличный вид на озеро Мичиган.

Ключ в замке шестьдесят первой сделал двойной оборот. Личину наконец-то можно было не скрывать.

Вестник разулся, разделся и прыгнул на свою кровать.

— Двадцать лет... Такой юбилей надо бы отметить! - болтал он сам с собой.

Кухню и спальню ограждал стол, на которой уже разместились пиала. В неё высыпали карамельный попкорн и картофельные чипсы. Затем, посуда была уже на журнальном столике, а парень приподнимал спальный матрас. Полчища черных корпусов устилали деревянный каркас кровати. Коллекционирование кассет стало излюбленным делом Смертного. Особенно ценным считалась кассета с интересным содержанием. Пока мягкая прослойка возвращалась на место, выбранный фильм прожевался видеомагнитофоном. Легких толчков Вестника было достаточно, чтобы он, в одних штанах с пиалой в руках, подскочил к подушке спиной.

— Чёрт, — осознал своё упущение Рудгер.

Пульт, к несчастью, лежал на самом телевизоре. Но парень и не думал вставать.

Протянув к нему кисть, он закрыл глаза и прошептал название необходимого ему предмета. Вещь оказалась у него, а вместе с ней мелкий клуб дыма.

— Хоть бы сигнализация не сработала, — откашливался Тревис.

По электросхемам побежал ток, и на экране появилась картинка.

— Это винтовка, а это — мой ствол! Это для боя, с другой я весёл! - доносилось из отрывка в фильме.

— Как в старые добрые времена...

Через десять минут картинка задрезбуждала. Издержки записи. Рудгер успел сходить на кухню и заварить себе крепкого кофе, в которое закинул пару кусков пломбира. Вернувшись, он слышал пробивающиеся голоса неизвестной телепередачи.

— По-моему, я уснул, когда записывал, и незаметно переключил кнопку канала.

— Невероятные истории, мистика реальной жизни — всё это в передаче..., - заставка шла в той же чёткости, что и фильм.

— Да чтоб тебя! Сколько я запарол записи?

— За последние четыре месяца полицией города Чикаго было обнаружено около

восьмидесяти пойманных людей, обвиняемых в различных тяжких преступлениях. Очевидцы говорят, о незнакомце, который на их глазах делал вещи, неподдающиеся оправданию человеческим возможностям.

— Меня тогда заметили. Стоит переставать делать всё на публику, а то мало ли. Лишнее внимание мне не нужно.

— Но знали ли вы, что это происходит уже давно? Архивные данные, всплывающие и в других городах Америки. Нью-Касл, Аннаполис, Оклахома-Сити. Что это? Сверхлюди? Пришельцы? Инфогипноз от правительства? Не переключайтесь, чтобы узнать правду, о Посланниках!

— Каким надо быть дураком, чтобы не переключить? Правильно, мной!

— Что они есть? Почему скрываются? Эти вопросы мучают меня на протяжении многих лет. Моё имя Митчелл, я — исследователь всего необычного. Потратив множество времени на свои изыскания, я набрёл на истории о посланниках свыше. По преданиям, к нам их послали боги, дабы следить за нашими поступками. Древние шумеры, первые христиане и буддисты... Они знали это ещё давным-давно.

— Как же к таким чудакам, пускай и правым, относились тогда? Надеюсь, в Митчелла камнями не кидают.

— Что же мешает нам понимать это сейчас? Наука. Телефоны блокируют сигналы нашего мозга, очки слепят ваш третий глаз, а попкорн закупоривает сахаром ментальные связи с космосом.

— Беру слова назад. Он — чокнутый.

— Я докажу вам, что Посланники существуют. Мне удалось запечатлеть всё на видео камеру. Меня зовут Митчелл, я — исследователь, сегодня мы находимся возле канализационного стока завода Jardin. Именно здесь судьба свела нас с чикагским мстителем, — студия с телеведущей сменилась на прямую трансляцию с переносной камеры:

— Неужели? — с интересом произнес Рудгер и отпил горячего напитка.

— Как вас зовут? — вопрос был задан подошедшему из-за кадра бездомному.

— Б-ба, то есть, я бы хотел остаться анонимным, да, анонимным.

— Так это вы — народный защитник?

— Да, это именно я был.

— А как вы смогли остановить, порой, несколько преступников, вооруженных огнестрельным оружием?

— Сила мне помогает, да. Помню, пару дней назад копался ну... Вы знаете, где. И ко мне снизошел он.

— Кто?

— Сам Сын Божий. Сказал, что я паствой его стану.

— И что, сам Бог велел вам избивать правонарушителей?

— Слушай, это моя история. Если хочешь что-то добавить, плат...

Внезапно, журналист отодвинул того, кого опрашивал, и стал говорить прямо в объектив:

— Вот он, наш спаситель, дорогие зрители!

— Эй! Эй ты! - слышно было на фоне.

— Чего тебе?

— Так где мои деньги за... За интервью?

— Мститель захотел благодарности! Ну, что ж, хорошо. Только при условии, если он покажет нам свои способности.

— А вот это уже интересно? — размышлял Тревис, сложив ноги недолотосом.

— Плату вперед.

Молодой корреспондент достал бумажник и вытащил оттуда сотню.

— Э, маловато.

Две сотни.

— Силы могут и уснуть.

Три. Получив требуемое, бездомный запихнул купюры за пазуху и стал, разведя ноги.

— Смотри за мной, — гаркнул он:

— Бум! Вон там!

Палец в ободранных варежках указывал в сторону. Наученный оператор развернулся по направлению, но там было пусто. Вернув, камеру на место, двое журналистов тоже ничего не увидели. Бездомный убежал. На пульте нажали «Стоп».

— Кто-то потеряет работу. Блин, а вообще, кроме бомжей-шарлатанов и законченных уродов есть ли ещё хоть какие-нибудь Вестники?

С этим вопросом Рудгер досмотрел остатки фильма и лёг спать.

А дальше. Будильник. Зеркало перед умывальником. Умывальник. Шкаф с вещами. Вишнёвый джемпер, тёмно-серые штаны, черная джинсовая куртка с прошитым капюшоном отдельно от ворота. Телефон.

— Да, такси до отделения почты.

Мрачный коридор. Лифт. Соседка-старушка с неувядающим алоэ.

— Нам обещают поставить домофон, мистер Тревис.

— А мне-то это на что?

— Чтобы вы не водили сюда всяких.

— Я и не водил.

— И не будете.

Легкий нервоз. Салон такси. Иссохший водитель арабской внешности с недельной щетиной и кепкой. Очередная пробка с утра.

— Не волнуйтесь. Бистра долетим.

Машина повернула с главной дороги. Таксист знает короткий путь. Этот короткий путь знает почти половина города. Пробка ещё больше. Ну, Вестник не зря вставал за час до положенного. Долгожданное освобождение. Автомобиль на месте. Синие здание с архитектурой старше всех рядом стоящих домов поблизости. С первого взгляда похоже на полицейский участок.

Рудгер повернул увесистый рычаг, служивший ручкой. Неудобный порог, с которого можно упасть, в очередной раз чуть не уронил парня на прорезиненный пол. Кто-то явно это предусмотрел.

— Как всегда вовремя, но как всегда неловко, — насмешливо произнес работник с посетителями:

— Сонный, что ли? Кофе бы по утрам тогда пил.

— Я его по вечерам пью. От этого что-то ступенька больше не становится. Давай сразу к заказам перейдем.

— Придется тебя огорчить. На сегодня всё пусто.

— Серьезно? Что, даже месячные подписки разобраны.

— Сьюзи давно их забрала и уже разносит по последним адресам.

— Мда. Тогда придется тебе досаждать, Джош.

— Можешь не пытаться. Мне мозги клиенты каждый день выносят.

Через вход зашел посетитель. Брюнетка с бледной кожей. Подводка и тени делают образ ещё темнее. Белая блузка с волнистым верхом. Мотоциклетная куртка и джинсы.

— Всё клиенты, кроме очаровательных девушек, конечно, — отмахнулся работник:

— Чем могу помочь, мисс?

— Мне бы посылку отправить. Как можно скорее, — ответила девушка довольно тяжелым голосом.

— Неужели, кто-то умирает? — поинтересовался Тревис.

— Нет, что вы. Просто подружке давно хотелось сходить в кино с кем-нибудь. Посылка — отличный аргумент, чтобы её навестить. Плачу две сотни.

— А она много о себе думает. Только пришла, а уже пытается нами воспользоваться. Ок, поиграем, — подумал Рудгер и сказал:

— Хорошо, я берусь.

— Ах, так вы — курьер. Ну что же...

— Нет, мадам, — прервал Джош:

— Если вам нужно срочно, то он будет еле тащиться. Прости, Тревис, но лучше, дайте посылку мне. У меня есть мопед, а с ним даже пробки — не проблема. Не то, что поездки на такси.

— А ты извини меня, Джош, но мопеды — собственность почты, и я тоже могу им воспользоваться. Да и к тому же, город я знаю лучше.

— Фиг тебе!

— Нет, фиг тебе.

— Мальчишки-мальчишки, успокойтесь, — сгладила клиентка:

— Мы можем сделать всё «немного» проще.

За спиной у брюнетки всё это время висел небольшой рюкзак. Она сняла его с одного плеча и достала из кармана две обёрнутых упаковкой коробочки.

— Я думала сама отнести ей вторую, но раз у вас спор на таком простом месте. Я хочу понаблюдать за этим пари. Кто первый приедет к ней, тот и победил. Деньги выплачу тому, кто придет с ней в кинотеатр Landmark Century. Пойдемте к стоянке мопедов. Хочу, чтобы оба имели равные шансы.

Тревис и Джош поставили два синих железных коня с оранжевым сидением прямо перед шлагбаумом на выезде с парковки. Девушка облокотилась на ограждение и начала отсчитывать.

— Завести моторы!

С характерным зудящим звуком двигателя обоих мопедов запустились.

— На старт!

Обороты то опускались, то поднимались от подёргивания педали газа.

— Внимание!

Стрелка спидометра уже готова оторваться от нуля. Шлагбаум начал подниматься.

— Марш!

Ограждение открылось полностью. Двое вырвались на дорогу. Рев от почты всё дальше уходил.

Внезапно, через пару минут более тихий мопедный шум снова стало слышно. Вестник

подъехал к шлагбауму и поставил своего коня у рядом стоящей будки охранника.

— Может быть я и выгляжу молодым, но не такой же доверчивый или жадный.

— Она и вправду хороша на вид. Да и что, вам деньги не нужны.

— Своих хватает. Меня Рудгер зовут.

— Приятно познакомится. Мари.

— Слушай, не лучшее время для подката, но просто вечер у меня сегодня свободен.

Может, прогуляемся?

— И куда же?

— Ну, например, до кинотеатра. Вам же ещё приз отвозить, — посылка вернулась отправительнице в руки.

— Раз уж ты хочешь его отнести со мной, то тогда можно и на ты.

— Не вопрос.

— Фильм выбрать будешь ты. Хочется узнать твои вкусы.

— А ты любишь быть прямолинейной.

— Мне всегда говорили, что я такая. Поэтому, я считаю это своей особенностью.

— Ну, я тоже, в какой-то мере особенный.

Девушка обошла будку.

— Правда? И в чем же?

— Могу задать довольно непонятный вопрос.

— И какой же?

— Любишь Харлеи?

— А, я думала, что никто не догадается, что он мой.

Рядом с почтовым отделением был припаркован Спортстер 883 пурпурного цвета.

— Подарок от далёкого друга. Жаль, с ним больше не увижусь.

— Понимаю.

— Ладно, хитрец. Встретимся в восемь вечера там.

Мари с разбегу запрыгнула на мотоцикл.

— Никакого попкорна, только начос, — развернувшись, произнесла она, улыбаясь.

— Никакого пива, только холодная кола, — парировал Рудгер.

Брюнетка засмеялась и уехала.

— Ты готов, — Тревис смотрел сам на себя в зеркало, запотевшее от горячего душа:

— Да, ты почти двадцать лет не общался с девушкой, ну и подумаешь. Пригласить-то ты её смог. Даже не заволновался.

Парень очень волновался. Таким вдёрнутым он дошел до кинотеатра, где и договорились. Тревиса типало так сильно, что со стороны казалось, будто он под чем-то. Долгие минуты терзания и вот: в дали была заметна знакомая мотоциклетная фара.

— Опять привет, гонщик, — поздоровалась Мари.

— Привет-привет.

— Тебе холодно? Ты чего так дрожишь?

Рудгер сделал вдох. Он оттянул плечи назад. Его положение выглядело странно перед спутницей, стыд ускорил кровоток.

— Всё нормально. Я тоже впервые с кем-то гуляю.

Парню стало легче. Его прочитали как буклет, но волнение как рукой сняло.

— А? Да нет, всё в порядке. Мне просто холодно немного. Я довольно теплокровный.

— Значит, противоположности притягиваются.

Брюнетка в шутку ткнула парня в плечо. Её пальцы были настолько ледяными, что это ощущалось через куртку.

— На что пойдём? — спросила она.

— Нам разве не надо отдать вознаграждение?

— Ах да. Я уже его отдала. Тот парень...

— Джош.

— Ага, он жутко был этому рад. Прямо королём себя почувствовал.

— Каждому своё.

— Что, уже всех распределил?

— Нет, это не то о чем ты подумала!

— Проехали, Рудгер. Кресла в кинотеатре простаивают без нас.

Они зашли внутрь старого холла. Купив билеты на ближайший сеанс, сели на места. Вестник был поглощен фильмом. Киноман с рождения. А девушка успевала ещё поедать купленные треугольные чипсы. Предлагая Тревису, тот всегда соглашался, хотя кукуруза ему не нравилась. Жертвенный просмотр.

Но вдруг, события на плёнке стали сгущать краски. Перестрелки — частое явление в этом визуальном искусстве, в боевиках и того хуже. Но здесь, человека расстреляли из нескольких стволов под оглушительный смех стрелявших. Мари будто застыла на этом моменте. Ей явно не было хорошо. Она отбросила фольгированную упаковку и побежала из кинозала. Рудгер среагировал не так же резко, но через секунду побежал за ней.

— Наверное, бежит в туалет или даже на выход. Повезло, блин, пойти на такое.

Но сторона побега вела не к дверям и не к уборной. Девушка побежала на крышу. Вестник и не заметил такую странность, как открытый проём пожарного выхода. Да и дверь на крышу подозрительно была не заперта. Парень вышел на открытое пространство, Мари мотылялась у края.

— Эй, послушай, — крикнул ей в затылок Рудгер:

— Я понимаю, плохой фильм, со всеми бывает, ну не убивать же себя теперь из-за

такой мелочи.

Девушка же, словно была не в восторге, что она была замечена здесь.

— Нет, всё в порядке. Ты всё равно не поймёшь.

— погоди. Почему? Попробуй рассказать, прошу.

— Мой друг был полицейским. Вечерний вызов. Ребятё «делило» районы, ясное дело, перестрелка. Он погиб там.

— Мари... Мне очень жаль, но ты не права, что я тебя не пойму. Как бы это не было странно, но я такой же.

— В смысле?

— Мы абсолютно одинаковые. Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Руку покажи.

— Что?

И тут, пазл чутка дернулся в сторону разгадки. Двери вряд ли были открыты персоналом. Их выбили.

— Ну, татушку на руке.

Если бы судьба создавала такие совпадения абсолютно пьяной, то Тревис попросил бы посоветовать марку пошла. Вестник оголил Пактум.

— И правда...

— Ну, вообще я о мертвых друзьях.

— Что?

— Люблю такие моменты. Непримечательная завязка. Неожиданный поворот. Ты тоже из таких? Из защитников порядка?

Мари расстегнула куртку. Бросив её на пол, она расправила плечи, издавая неприятный хруст. Блузка всё это время была порвана. Из двух прорезов со спины вырвалась ещё одна тайна. Крылья, абсолютно черные, что в ночи их с трудом можно было увидеть.

— Ладно. Не настолько похожи. А как ты нашла меня?

— Я тебя не искала, Рудгер. Ты это сделал.

— Я? Я бы не смог это так просто сделать.

— Ты пожелал найти себе подобного. Пактум выполнил эту просьбу. Тебе, разве что, повезло, что я была в городе. Такой фокус на большем расстоянии не сработает.

— Ясно-ясно.

— Теперь моя очередь вопросы задавать. Какая у тебя травма?

— Травма?

— Значение латинского слова, которое сказали тогда. Витиум.

— Ясненько. Ну, могу переместиться или переместить вещь в то место, какое себе представлю. Только надо быть поосторожней с датчиками дыма. У меня выхлоп есть, как у старого драндулета.

— Покажешь?

Парень зажмурился и оказался за спиной девушки.

— Ну как?

Вестник чуть не упал с крыши, благо его успела поймать Мари.

— Такая же сильная?

— Да ещё и летать умею, прикинь?

— А где твой?

— Мой...

— Пактум.

— А, на лодыжке.

— Смерть правду говорила. Иногда некоторые выпендриваются, хех.

— Я ведь могу и отпустить.

— Извини, не надо.

Девушка подтянула Рутгера обратно.

— Ты про Смерть сказал.

— Ага. Стерва, каких поискать.

— Почему ты её не называешь по имени?

— А разве это не её имя.

— Сколько примерно ты пробыл в Седалисе?

— Где?

— Так, ясно. Новичок.

— Эй. Один меня уже так назвал, зря ему челюсть не свернул. Поаккуратней со словами, пожалуйста.

— Извини. Просто ты правда так мало знаешь об этом месте. Смотри, ты же помнишь, куда ты попал, сразу как умер?

— Да. Там было очень пусто и темно.

— Воу, а ты явно не думал о смерти.

— Не приходилось.

— Ну, я не к этому. Седалис, то место, что указано в Пактуме, это та пустота.

— Так вот, что это такое. Приму к сведению.

— У разных людей разное его представление.

— А какое было у тебя.

— Я попала на дорогу.

— Тебя грузовик сбил?

— Нет, не важно. Я шла по ней, но дорога была бесконечна. Пока ко мне не подъехала красная машина. В ней и сидела Милита.

— Я так понимаю, Смерть?

— Угу. Милита Мор, одна из трех.

— Пафосно.

— Потом она мне показала два выхода. Один конец дороги был покрыт льдом и снегом. Из-за вечной метели в нём нельзя было оглядеться. Другой же был солнечным, с пышными полями пшеницы по бокам.

— На ферме росла?

— Говорю же, не важно! И затем, она предложила сойти с дороги.

— А сколько времени ты провела там, тогда?

— Временем вряд ли можно воспользоваться, чтобы сказать. По ощущениям, недели.

— Эх, женщины, найдете, о чем поговорить, даже в загробном мире.

— Не осуждай.

— Я, скорее, хвалю.

На лице Мари снова появилась её малозаметная ухмылка.

— Спасибо, что поговорил. Я последнее время только и делаю, что убегаю от проблем.

— Не за что. То есть, ты даже байк оставила бы здесь?

— Забрала бы как-нибудь потом. Думаю, ты бы понял, как мне сильно иногда хочется

немного полетать.

— А ты ни разу не думала, почему тебе дали именно крылья?

— Когда я делилась тоской с Милитой, что-то её тронуло. Может, она бы и к тебе отнеслась более мягче, побудь ты с ней подольше.

— Кто знает.

— Этот подарок имеет значение немного глубже, чем простая жалость. Крылья — это дар, который вручает Брин только самым достойным.

— Брин?

— Я же говорила, всё зависит от твоего представления, но у каждого из них есть имена.

Ты в кого-то верил до этого?

— Не-а, но видел перед собой Бога, Дьявола и Смерть.

— Это и не удивительно. Ты же недавно умер.

— Просил же.

— Брин Сентинель восседает наверху, Инфербас томится внизу, а Милита... Милита ждёт нас всех.

— Понятно. Ты точно хочешь размять крылья?

— Оу, да, прости. Я, наверное, испортила тебе вечер.

— Нет, что ты. Я встретил того, с кем наконец-то могу поделиться. Как-никак двадцать лет храню уже свою тайну.

— Нехило. По началу, я даже зачем-то считала и праздновала такие моменты.

— Вообще мне тоже хотелось.

— Тогда, может отпразднуем?

Тревис засиял от счастья:

— Я-я не буду против.

Девушка засунула руку в штаны и вытащила из них бумажную визитку.

— Позвони, как захочешь увидеться. В этот раз хотелось бы знать, что я тебя увижу.

На картонке был изображен пляж с пальмами и шезлонгами, который освещался ясным солнцем.

— Кем работаешь?

— Турагент. Если вид наших застроек тебе уже наскучил, может попробую выбить тебе маленький отпуск.

— Буду знать к кому обращаться, когда захочу текилу.

— У тебя насчет алкоголя какой-то пунктик?

— Вообще-то нет. Пью я не так уж и много. Просто внешность молодого парня это предполагает. Антураж.

— Ха, а я думала, что ты просто на этом помешан. Век живи.

Внезапно, в глазах Мари появилась отчетливая печаль. Ей не хотелось так быстро прощаться, но вольному сердцу приказать нельзя.

— Я запру за тобой двери.

Этих слов она не ожидала услышать.

— Ну да. А то кассира и продуть может.

— Спасибо, Рудгер.

— Роджер, Мари. То ненастоящее.

— А ты интереснее, чем кажешься.

Девушка повернулась к краю здания и расправила руки.

— Ой, на последок. Роджер, лови!

Брюнетка бросила в Вестника ключи.

— Отвези его к себе, пожалуйста. У тебя будет понадежней.

— Постараюсь не поцарапать.

— Ловлю на слове.

Мари спрыгнула вниз. На крыльях она улетела вдаль.

Собачий лай гриффона соседки сверху было слышно по всей квартире. На часах было одиннадцать утра.

— Если вчерашний день был сном, из окна выброшусь, — пробурчал Вестник, лежа в своей постели.

Однако, металлический холод убедил его в обратном. Парень спал с ключами от мотоцикла в руках.

Сегодняшний выходной — отличный момент, чтобы с кем-то его провести. Это понимал и Роджер. Приведя себя в порядок, он набрал на своем домашнем телефоне номер с визитки. Прошло пять гудков, десять, но никто не отвечал. Парень попробовал снова.

— Приветтики!... - прозвучало из трубки.

— Привет, Мари.

— Если вы сейчас слышите этот автоответчик, значит, я занята. Либо проветриваю голову. Перезвони попозже, если не надоест. Пиип.

Неожиданное сообщение. Роджеру не хотелось думать, что девушка скоро освободится, поэтому он захотел её найти.

— Может, у турагенств другой распорядок недели?

На оставленной карточке был указан адрес. По нему Вестник и приехал, захватив оставленный мотоцикл.

Вход в контору протискивался между двумя жилыми домами. Внутри было слегка обустроенное подвальное помещение, в котором царил бумажная вонь.

— Здравствуйте, добро пожаловать в туристическое агентство МерГера, чем могу помочь? — сказала секретарша с большой гарнитурой на голове, сидящая на входе.

— Здравствуйте, мне бы хотелось узнать по поводу одного вашего работника..., - любезно обратился Роджер.

— Простите, ко мне пришли, я переведу вас к другому оператору. Да, что вы хотели?

— У вас есть работница по имени Мари. Я её друг и хотел бы ей кое-что отдать. Не подскажите, где я могу найти её.

— Мари, Мари, Мар-и... А!

— Что такое?

— Да, у нас есть такая сотрудница.

— И где я её могу найти?

— Вы что, правда думали, что просто так скажу незнакомцу, где находится наш сотрудник? Извините, но нам не положено.

Облом. Вестник вышел на улицу. Символично по улице катились лепестки от теплого ветра. Здравый смысл очнулся сразу после.

— Какие ещё к черту лепестки? — возразил Тревис.

Вверху дороги лежал букет довольно свежих и влажных роз. Вдруг, стали слышно звуки борьбы. Между цоколями домов был проём, куда, скорее всего, и ушел владелец цветов. Парень последовал туда. Звуки драки становились всё явнее, но при появлении Вестника стихли.

— Приветтики, Роджер.

Мари стояла в победной стойке, одной ногой держа голову неизвестного противника.

Двое других были раскиданы по углам.

— Работаешь?

— Подрабатываю. Вот, кое-кто решил помочь. Представляешь, купила букет себе в офис, а тут они. Ну, мне и предложили быть «добровольно» похищенной.

— А я тебя всё пытался найти. Ваш страж не позволил мне это сделать быстрее.

— Не обращай внимания. У тебя же на работе такие же есть.

— И не говори. Так ты сегодня занята, да?

— Не, у меня график гибкий. Клиентов последнее время маловато, вот и позволяют не протирать штаны. «Так вы сможете привлечь новых желающих, заводя разговоры невзначай.».

— Ты этим займешься?

— Ни за что. Я не сумасшедшая, чтобы лезть в чужое пространство и рассказывать про хорошие акции на полеты в Йемен.

— Ну, тогда, ай-да развлечемся?

— Конечно! Да и плюс, я тут подумала. Я хочу тебе кое-что подарить. Ты, к слову, не приносил, случаем, ключи?

— Ах да, вот они. Держи.

Роджер передал ключи Мари, а та переложила их в другую руку и протянула Вестнику.

— С двадцатым годом службы!

— Оу, спасибо, но... Разве он тебе не нужен?

— Я на нём почти не езжу. Стоял пылился, только недавно выкатила его на свободу. А с тобой... Ты же курьер. Тебе он точно пригодится. Да и личный шофер мне бы пригодился.

— Я рассчитывал на дружбу, а теперь я уже твой шофер. Расту.

— Ещё вопрос один витал в голове. По поводу твоей работы.

— Что такое?

— Как бессмертный молодой человек двадцать лет подряд доставлял посылки и не вызывал при этом подозрений?

— Я увольнялся и менял отделения.

— Так просто?!

— Все видят во мне малолетку, решившую подзаработать. Печати об увольнении могли подделать дружки с отдела кадров. Так можно пробить себе гарантию на высокие должности. Начальники думали, что я пытаюсь обманывать, вот и принимали меня, как обычного курьера. Ну, я и не переубеждал их. Думаешь, Джош говорил бы что-нибудь курьеру с тремя золотыми звездочками.

— С чем?

— Когда мы выполняем норму за четыре квартала, нас так награждают. Никаких премий, никаких подарков, наклейка-звездочка.

— А три у тебя всего от того, что тебе было всё равно?

— Со способностью мгновенно быть там, где ты знаешь, я смог выполнить план лишь три раза. Сверхурочно и без обеда.

— Точно. Не хочешь есть? Эта потасовка раззадорила во мне аппетит. Хочу съесть большущий сэндвич.

— Куда попросишь, туда и отвезу.

Парень улыбнулся и взял связку из руки Мари.

Мотоцикл завелся. Бодрый поток воздуха бил в лицо. Местная забегаловка привлекла

внимание. Красные диваны внутри почти не были заняты. Вестник и Вестница сели посередине.

— Что будете?

— Сэндвич с индейкой и чизбургер. В сэндвич побольше индейки, чизбургер без лука.

Колу и молочный коктейль.

— Мимо, шофер. Два молочных коктейля, будьте добры.

Заказ сделали быстро. Плотный обед, полный весёлого галдежа. Кафешка стоит того, чтобы в неё сходить ещё раз.

Теперь хотелось немного проветриться. Рядом был отличный парк. Двое делились историями о друг друге.

— Так значит, я — не первая, кого ты встретил, да?

— Я до сих пор не знаю. Тогда он ответил «что-то вроде» и мне не придаёт это уверенности.

— Мне тоже. Мы, ведь, не единственные, кто тут шастает среди людей.

— О чем ты?

— Сейчас, давай сядем. Это долго рассказывать.

Лавка около дуба подошла.

— Итак, всё началось с рождения вселенной...

— История настолько долгая?

— И вместе с её появлением на свет вышли те, кого ты уже встретил. Трое. Многие считают, что они создали нас, но это не так. Мы — столпы нашего мира, а они — столпы своего. И им интересны мы. Наш быт. Наше всё. Поэтому, они и построили Седалис — царство вечной послежизни. Именно так эти существа получают знания о людях.

— А другие мировоззрения? Разве они не противоречат этому?

— Седалис не конкретен, как и Трое. Это лишь база, которая может быть изменена виденьем любого. Так вот, после того, как мир окончательно приобрёл свою форму там, на Земле началась разруха. Хаос, не математический, но естественный. Это не устраивало Одного.

— Инфербаса?

— Его бывшего друга, как сказала Милита. Причиной более раннего невмешательства всегда было простое и незыблемое правило, которое выявилось со временем. Трое не могут жить без людей. Они зависят от нас. Однако, чаша терпения Брина Сентинеля не выдержала. Ему не нравилось то, к чему людской мир шёл. Возможно, говорить об этом точно нельзя, он стал таким, когда впервые осознал человеческие эмоции, которые старался постичь. И в итоге, Брин захотел этот мир уничтожить. Смыть без остатка. Упоминания об этом в истории иногда всплывают.

— Но, почему мы тогда остались целы?

— Его остановили. Двое восстали. По их мнению, хаос сам вернется в равновесие, как и должно быть. Конец, наверное, ты знаешь: часть людей, что не ушла под воду, осталась здесь. И всё началось сначала.

— А что Брин?

— Как и любое наказание, оно должно было быть подтверждено. Суд в наднебесье был не только их, но и нашим процессом. Души тех, кто уже попал туда, тоже были участниками. Однако, случилось... Неожиданное. Сентинель оправдал себя в глазах всех. И ведь правда, мир был слишком испорчен, чтобы его не очистить. А Брин очистил Землю не до конца.

Поэтому, он оказался правым.

— А остальные?

— Брину понравилась идея суда. Он решил разделить Седалис на три половины. В одной сидел он сам и те, кто примкнули к нему, в другой был посажен Инфербас и те, кто отринули Сентинеля, а Милита села на перепутье. Здание суда появилось, но судей там нет. И Милита просто встречает заблудших путников, как указатель.

— Так, зачем ты мне это рассказала?

— А вот затем, Роджер. Сюда возвращаются не только Вестники. Бывает всякое, но по большей части спускаются сюда светлые.

— Ангелы, что ли?

— Ты прав, но ты знаешь значение этого слова? Это аббревиатура. Anglean Altar, что переводится с латыни, как «Благородно Парящие». А Deformemmonstre — «Ужасное Чудовище», что не удивительно для демонов.

— Ангелы — это союзники Брина?

— А демоны — прислушавшиеся к голосам Милиты и Инфербаса. А ты догадливый.

— И что, у вторых даже рогов нет?

— Людской разум не чурается выдумки. И очень рад принимать её за правду. Вид нечисти придумали не мы.

— А кто же тогда?

— Это была задумка Брина. Нужно было показать, кого слушать можно, а кого нельзя. А многие поверят явно не тем, кто в чёрном.

— погоди. У меня вопрос возник. Почему ты уверена в этом? Разве, Дьявол не тот плохой парень, который может рассказать любую байку и подставить?

— Посмотри на свой Пактум.

Вестник, закатив глаза, снова оголил договор.

— Смотрю.

— Что написано, рядом с твоей кличкой?

— Сво... Стой.

Там было написано «Человек».

— Хорошо. Да, я правда человек. Похоже, что рай для собак или кошек действительно существует, хех.

— А теперь посмотри на мой.

Мари поставила ногу на лавку и подняла край джинсов. Рядом с именем было другое слово.

— Я была там, Роджер. И демоном меня прозвали не за тёмные волосы.

— Мать Божья! Ты же сказала, что Милита встретила тебя на машине. Я думал, что ты умерла недавно.

— Это и вправду была машина. Я же сказала, я там пару недель была, как минимум, задавая вопросы.

— Ладно, хорошо. Ты там была, а значит это было. Верю. Но, раз ты демон, то Вестники...

— Не додумывай. Вестники были созданы также по требованию Брина. Я тебе больше скажу, раньше нас было не двенадцать. Нас переформировывали.

— Первыми были Всадники. Ну там Смерть, Война, Чума и Голод?

— Сиз, Ровос, Мурра и Фамер. Первые, среди цепных псов.

— Воу, а я думал, что Милита — хорошая наездница. А что с ними стало?

— Мир едва не треснул по швам. Четверых слишком мало, чтобы рассудить дальнейшую судьбу. Поэтому, их упразднили, поставили нас и стали менять, а ангелы... Они за нами присматривают.

— Картинка складывается. Правда я что-то у того слепого недоморалиста в кожанке не заметил куриных отростков.

— Я же тебе рассказывала. Брин их выдает за заслуги, не всем.

— Сам не добился, зато другими потакает, понятно. Но, почему с нами сейчас уже не стоят пару таких?

— А мы ничего и не сделали, чтобы к нам подошли. У них, по их словам, дел невпроворот.

— Ладно, спасибо, что просветила. С меня причитается.

— Мы квиты, Роджер.

— Так, теперь мне надо это всё переварить. Да и скоро вечер наступит. Я тут подумал...

— Появилась идея, куда сходить?

— Своего рода. Не хочешь зайти ко мне в гости?

Мари немного покраснела и расширила веки.

— И что мы там будем делать?

— Я хочу узнать тебя поближе. Всё это время ты рассказывала, как устроен мир вокруг нас или тебя, но про себя ты почти ничего не говоришь.

— Мне просто не кажется, что это будет интересно.

— Ты стерпела длинный рассказ о том, как я тихо мирно обживался тут пару десятилетий. Я обязан пережить подобное.

— Ну, раз просишь, поехали.

У квартиры Вестник галантно открыл дверь и рукой предложил войти. Мари вошла внутрь холостяцкого жилья.

— Знаешь, — сказала она, вешая куртку на крюк:

— Это не первый раз, когда я прихожу в гости, особенно к парню, но спешу заметить, у тебя тут всё довольно чисто.

Тревису стало смешно:

— Из-за моего графика, здесь просто не успевают стать грязно.

— Да? Ну ладно, а то я уже ели сдерживалась от умиления, представляя, как ты убираешь всё метлой, одетым в кухонный фартук.

— Зачем ходить в фартуке не по кухне?

— Так значит, ты всё-таки убираешься!

— Признаю, спалила.

Зайдя внутрь, парень задал вопрос:

— Чай или кофе?

— Что угодно, лишь бы покрепче.

— Даже сливок не добавлять?

— Про две ложки сахара ещё не забудь.

Поворот ручки подал газ в большую конфорку. Огонь под чайником вспыхнул автоматически. Звонок домофона перебил Роджера, который что-то хотел озвучить. Парень подбежал и схватил трубку.

— Алло? Здравствуйте, миссис...

— Не до этого сейчас, Тревис! Вы обещали, что никто к вам ходить не будет, а что я теперь вижу? Решили устроить вечеринку?!

— С какой это стати один человек в гостях — это вечеринка?

— Не пудрите мне мозги. Ко мне по ошибке дозванивается какой-то пакистанец, которого я отродясь не видела.

— А я здесь причем?

— Как это причем?! Я знаю всех на этаже и ни к кому, кроме вас, он прийти не мог.

Вестник раздосадовано вздохнул:

— Хорошо, я с этим разберусь.

— И побыстрее!

— Слушаюсь, сержант, мэм, — напряженно с сарказмом ответил парень и повесил трубку.

— Всё хорошо, Роджер?

— Да, Мари. Посиди пока, пару минут, а я сейчас приду.

Тревис спустился на лифте вниз. Кто-то и вправду ожидал у входа внутрь, то постоянно набирая клавиши вызова, то стучась в дверь.

— Что вам нужно? — спросил Роджер, заглянув в глазок.

— Мне нужна Либерна.

— Таких тут нет.

— А Смертный?

Брови напряглись, а дыхание участилось.

— Руку покажи, — беспокойно потребовал парень.

— Не могу. Слишком опасно.

— Тогда, проход для тебя закрыт.

Вестник уже собрался подниматься назад, но тут незнакомец за дверью воскликнул:

— Я знаю Мари!

Роджер снова удивился:

— И что же? Ей сейчас позвонить?

— Прошу, если не веришь мне, то позвони.

Рядом с входом висел служебный телефон, по которому Тревис связался со своей квартирой.

— Этот...

Заглянув в глазок ещё раз, он продолжил:

— Этот крепыш говорит, что тебя знает.

— Скажи ему *Bene intentioned*, — из трубки доносился голос девушки.

— Что?

— *Bene intentioned!*

— Хорошо. Эй, друг, *bene intentioned...*

— *Silice sternendam in inferno*, — ответил стоящий.

— Впусти его, — сказала Мари.

— Ну ладно.

Внутрь зашел огромный по своим размерам мужчина. Он постоянно пригибался из-за низкого расположения потолка. Одежда на нём походила на старый камзол из потёртой замши.

— Куда идти? — басом спросил мужчина.

— Шестой этаж. Лифт вон там.

Когда он еле залез в кабину, Роджер нажал кнопку на панели и произнес:

— Я лучше пешком пройдусь.

Квартира была открыта, и из неё высовывалась Вестница.

Железные створы распахнулись, и знакомые встретились взглядом.

— Какого черта ты тут забыл?

— У нас проблема.

— У нас или у тебя?

— Вестники в опа...

Внезапно, Роджер выскочил из лестничного пролёта.

— Ух, привет всем опять. Мари, так ты его знаешь?

— Да. Роджер, это Докун, Докун, это Смертный.

— Хмурым был, что ли, пока имя придумывал?

Мужчина и девушка засмеялись.

— Твоё не лучше. Так, значит, Мари — это Либерна?

— Именно, — согласилась Вестница.

— Но почему ты не рассказывала об этом?

— Ты не спрашивал. Докун, зачем ты пришел?

— Да. Не думаю, что появление огромного пакистанца — это хороший знак.

— Я — турок.

— Извини.

— Лучше, давайте зайдем в комнату.

Чайник закипел. Всем гостям налили заваренный горячий напиток. Иностранец попросился в ванную помыть руки перед тем, как сесть за стол.

Отпив немного, турецкий Вестник заговорил:

— Дела плохи, — нехотя произнёс он.

— Какие? — поинтересовался Роджер, оперевшийся на стенку.

— Наши с вами. Начальство свыше сердится.

— Почему? — не понимала Мари.

— Брин на пороге очередного «очищения».

— Что, мир слишком скучным стал?

— Нет, Смертный. Не из-за этого, — Докун встал и вытащил из одеяния папку:

— Я прибыл сюда недавно. Пентуотер, город на другом краю озера, заинтересовал меня.

Рядом находился военный стратегический объект.

Турок достал из бумаги несколько фотографий. На них изображен один въезд, огороженный непролазной стеной и охраняемый сторожевыми вышками.

— В течение трёх недель в определенное время здесь останавливались грузовики.

Вестник достал из кармана диктофон.

— Вояки не беспокоились о безопасности. Несколько километров леса вокруг, видимо, распоясало их.

— Я за заказом от господина Люкса Альбы, — проигрывал запись включенный динамик:

— Груз готов?

— Да. Сотня МАСов одиннадцатых, пару десятков SIGов и около двадцати магазинов к каждому экземпляру. Хватит на маленькую партизанскую разборку.

— На цель использования тебе должно начхать. Сумма взноса к этому предрасполагает.

Докун показал пальцем на два изображения. На одном металлические ящики загружались в грузовик. На другом был тот же самый кадр, но уже через объектив тепловизора.

— О, Господи, — удивился Тревис:

— Они — теплокровные?! Неужели, военные — люди?!

Молчание.

— Ой, да ладно вам, ребят. Сами угрюмые до чертиков.

— Ангелы, демоны, любые существа, хоть как-либо ощутившие на себе погибель, имеют температуру на два градуса, ниже обычной.

— Почерк реаниматора?

— Да. Здесь на фотографии мне и стало понятно, что оружие скупает не простая мафия или банда.

— А кто же?

— Я в этом не уверен, но есть версия: ангелы что-то замышляют. И интуиция подсказывает мне о чём-то нехорошем.

— Ты в этом уверен по нескольким фотографиям? — сомневалась Вестница.

— Нет. Есть ещё один Вестник, который занимается этим. Сейчас он в Праге, собирает больше улик.

— То есть, такое происходит только в двух городах.

Турок выпрямился, с высока посмотрел на хило по его размерам Тревиса:

— Я прибыл сюда, дабы сообщить об этом Либерне. Пентуотер лишь подтвердил мои догадки.

— Роджер, ты никогда не задумывался, откуда у людей, что ты когда-то пытался остановить, был армейский M60? — Мари освободила руку от чашки.

— Шла война полным ходом. Что-то ценное там приходило туда, что-то ценное здесь улетало отсюда.

— Мелким преступникам известны связи, чтобы отыскать себе такое?

— Это было двадцать лет назад. Я ничего не могу сказать по поводу прошлой недели.

— Вестник, не сможешь ли ты сказать, где ты видел пулемёт?

— Сам ствол я не видел, а вот кучу посылок с магазинами застал у них на дому.

Докун вынул из кучи фотографий одну. На боковине машины был логотип.

— USPS· может провести груз весом с пару магазинов?

— Вполне... Но зачем это вообще ангелам?

— Этого я не знаю, но как бы то ни было, сверху видно, как у нас всё плохо. Больше оружия без присмотра несёт больше колыханий в обществе. Брин лишь ищет повод.

— Этот повод — Зов? — после долго раздумья ответил Роджер.

— Что?

— Ты сам сказал, что ангелы творят плохие вещи. Мы — те, кто будем бить тревогу, когда станет плохо. А с Зовом...

— Сентинель размажет этот мир, как муху. Остановить его никто не сможет, — продолжил Докун.

— Но что нам тогда делать? — запаниковала Мари.

— Надо найти остальных и предупредить, — ответил Тревис.

— И это всё?

— Нет, — перебил турецкий Вестник:

— Нужно встретиться с моим информатором. Он знает, что можно сделать с этой проблемой.

— Ну, тогда, — произнес парень:

— Собираем вещи?

Выстрел. Пуля пробила окно и, размазав голову Докуна, застряла в двери. Громадное тело упало на Роджера. Мари спряталась за столом.

— Что, даже не сможешь его поднять?

Как вдруг, Вестник почувствовал облегчение. Плоть, кости и кровь турка усохли и рассыпались.

— Тьфу! Это ещё что за хрень?!

— Быть того не может, — шокированная девушка перебежала поближе, на кухню.

— Он поправится? Он вернется в строй?

— Такого не бывает. Такого не бывает.

— Мари!

Мари дергала головой отрицательно и начала плакать.

— Как такое может случиться? Вестники же не умирают!

— Я не знаю... Роджер, я не знаю.

— Нам нужно уходить отсюда, причем быстро. Ты меня слышишь?

— Да-да! - нервы дёргали голос:

— Пошли отсюда. Скорее, прошу!

— Идём пешком.

— А ты не можешь перенести нас прямо сейчас вниз?

— Здесь камеры. Улики полиции не хотелось бы оставлять. А датчики дыма непременно их вызовут.

— А на стрельбу по дому всем плевать?! Вызвали нас отсюда.

Вестники пригнулись и резво пробежали через выход. Рука парня проскользила по двери, остановившись на месте повреждения. Смятая пуля упала от прикосновения, Тревис её подобрал. В его руках она стала неравномерно краснеть и создавать неприятное жжение в пальцах. Роджер положил её в карман.

— Мари, послушай меня, — Вестник ненадолго остановился:

— Нам не нужно терять сейчас рассудок. Докуну уже не помочь.

— Не дави, Тревис, я справлюсь.

— Это главное.

В коридоре можно было разогнуться, и двое ускорили шаги. Осталось спуститься на лифте. Кнопка первого этажа загорелась от нажатия, кабина закрылась и поехала вниз.

Внезапно, лифт дёрнулся на мгновение и также быстро замер. Панель управления не давала ответа.

— Надо было по лестнице, — воскликнул Роджер и подошел к центру кабины:

— Придётся лезть самим.

Вестник выбил рукой крышку лифта. Руками подтянув себя, он оказался в шахте, куда и поднял Мари. Причина торможения стала ясна: трос был раздроблен выстрелом, отчего даже кончики его волокон слегка накалились.

— Странно. Если он мог выстрелить по верёвке, то почему не стрелял по нам?

Грудина Роджера пробилась очередной пулей. Рикошет. В кисть девушки. Вестник, падая, был слегка подхвачен окровавленной рукой Вестницы.

— Зря я так много шутил, — отхаркивал кровью парень:

— Тебя ещё на то обрѣк.

— Нет, что ты. Всё хорошо, Роджер. Это не первый раз, я уже свыклась.

— Приятно кх-ышать.

Тревис чувствовал горение внутри. На него не было времени обращать внимание. Он и Мари уже были готовы к очередному прострелу. Металлический звон словно удар об гонг застыл в ушах. Но они всё ещё живы. Противовес лифта навис прямо перед лицом девушки. Толщина не позволяла его пробить. Согнувшаяся Мари была за этим укрытием также, как и лежащий Роджер.

— Вот черт. Мне даже не везёт в том, чтобы сдаться!

— Решил опять накаркать? — бодро спросила девушка.

Но тишина между атаками была недолго. Траектория изменилась. Пробитый угол лифтовой кабины неожиданно заискрился.

— Он ломает колодки!

— Ну, от падения мне точно хуже не станет.

— А от выстрела в голову, пока ты без сознания от ранений, станет? Нам надо что-то дела...!

Кабина полетела вниз, перебив Вестницу. Впервые за долгое время от безысходности ей

стало страшно. Но тут Вестник крепко схватил свою решительную гостью. Лифт вмялся в место падения, а несущий двигатель подорвался от деформации.

Роджер очнулся на диване завернутым в покрывало. Немного согнувшись вперед, Тревис почувствовал боль в груди. Вестник был без майки, с ватой и намотанным поверх неё бинтом на груди. Вокруг было спокойно. Солнечные лучи били из окон на кухне, соединённой с залом широким проёмом, где диван и стоял.

— Проснулся, пасовальщик? — голос Мари перекрывался шкварчанием яиц на сковородке и стука лезвия ножа об разделочную доску:

— Сколько ложек сахара в кофе кладешь ты?

Вестник неловко встал с постели. Схватившись за грудину, он зашел в кухню.

— Я пью начистую, спасибо. А вчера...?

— Забыл уже? Или взрыв контузил?

— Я, скорее, не уверен в случившемся. Я же тебя перенёс, да?

— Ага. Ты был прав, дыму многовато после таких фокусов.

— Затем мы уехали на твоём мотоцикле...

— И ты потерял сознание. Дай, к слову, посмотрю.

— Мне не каждый день в сердце стреляю... Ай.

Вата немного прилипла к ранению. Кровотечение прекратилось, но следы были видны до сих пор очень чётко.

— Тебе повезло, что пуля прошла навывлет. Я не умею доставать их.

— А у меня был опыт, знаешь ли.

Обстановка вокруг держала настроение весёлым. Они смогли выбраться. Но девушка изменилась в лице, стоило её глазам отвернуться от Роджера. Тогда-то, парень и заметил, что её ладонь также была перебинтована.

— Эти паскуды имеют оружие против нас, а попасть с первого раза даже не могут. Хотя, это было близко. От попадания в сердце ты бы тоже, наверное...

Мари совсем перестала бить энергичностью.

— Эй-эй, не переживай так. Ты же сама говорила, что с первого раза привыкла.

Девушка протерла веки тыльной стороной кисти. На бинте остался след вчерашнего макияжа.

— А у тебя рука?

— Даже пошевелить пальцами едва могу. Если не заживет, будет хорошим стимулом.

— К чему это?

— Смерть Докуна не должна быть прощена. Я хочу срубить башку тому уроду.

— погоди, мы же ели ушли оттуда. Идти в лоб вряд ли будет хорошей идеей.

— Роджер, да, я говорила, что я свыкнусь с концом. Со своим концом. Когда Докун встретил меня, я была как ты. Зелёной. Я провела с ним много времени. Он был моим другом, каким являешься и ты. А с этой силой, с этой судьбой, на дружбу смотришь по-иному. Тебе не кажется, что твой близкий умрёт или исчезнет. Я привыкла к тому, что терять я больше не смогу. Но я потеряла. У меня отобрали то, во что я верила. Теперь я обязана это сделать. И точно не тихо. Ангелы не были тихими тогда.

— Но это будет точно концом для тебя! Как ты не понимаешь? Докун умер не зря, ты права, но мы и не убегаем просто так. Нам нужно встретиться с тем, кто может нам помочь. Нам нужно в Прагу, а не мстить направо и налево.

В этот момент вроде бы мягко говорящий Вестник оступился. Они оба были в чем-то

правы, но только Мари была задета.

— Собирайся. Живо.

Делать ничего не оставалось. Подбитый Тревис оделся и вышел на улицу.

· USPS — United States Postal Service — Почтовая Служба Соединённых Штатов

Аэропорт Мидуэй. Открытая полоса на открытой поляне. По началу из-за пустых и забытых дорог вокруг кажется, будто никого тут вообще нет. Но все прячутся в зданиях. Самолёты разгружаются и заполняются пассажирами круглосуточно. Всё как-либо движется. Кто-то идёт к кассе, кто-то бежит в туалет после долгого полета, потому что кабинка на борту была всё время занята. И только малая часть посетителей этого «проходного» места не сходила со своих мест. Ожидающие. Среди них недавно произошло пополнение.

Вестник размышлял, поглядывая на табло:

— Чертовы ангелы! В квартиру доступа нету, полиция, наверное, всё уже разобрала на вещественные доказательства. Да и кто знает, может, враги у нас настолько безбашенные, что готовы и днём с визитом прийти. Придётся лететь без гроша в кармане.

Роджер подошел к информационному столу:

— Здравствуйте, не могли бы мне подсказать маршрут до Праги, пожалуйста.

— Сию минуту, сэр, — жизнерадостно ответил оператор и набрал несколько символов в своём компьютере:

— Рейс Мидуэй — Аэропорт Вацлава Гавела будет стоить 563 долларов и 6 центов. Две пересадки.

— Можете озвучить точные места пересадок?

— Конечно. Мидуэй — Миннеаполис/Сент-Пол. Из Миннеаполиса в Нидерланды Схипхол, а затем аэропорт Чехии.

— Спасибо большое.

— Пожалуйста. Оформлять билет будете?

— Нет, спасибо.

Цифры и буквы создаваемые диодами указывали только на один рейс до ближайшего места пересадки. Самолёт в Миннеаполис вылетал через три часа. Это означало только одно: над планом полететь зайцем было время подумать. И Тревис потратил его с пользой.

Рядом с кассой также стояли различные деньговыжимательные сервисы. От простой еды до журнала про фондовые биржи, что слетало с полок не так резко. Среди прочего была и сувенирная лавка. Вместе с различными значками и открытками было ещё кое-что. Фотокарточка с передовым пассажирским воздушным транспортом. Вестник только хотел разглядеть этот сувенир поближе, как вдруг, воскликнул продавец:

— В стриптиз-клубы, что ли не ходил, парень?

— Не понял, это вы к че...

— У нас такие же правила. Хочешь поглазеть? Купи и глазей в своё удовольствие.

— Дантисту своему ты это тоже говоришь?

У торговавшего мужчины были слегка подгнившие зубы:

— Если брать ничего не будешь, то вали по хорошему. Юморист...

— Ладно, возьму эту картинку.

— 1,5 бакса.

— Ну, хоть не 4.

Пара банкнот, всё же, была в кармане Тревиса. Лишившись их части, он наконец-то мог рассмотреть самолёт поближе. Его привлекло одна конструктивная деталь.

— Думаю, работает.

Где-то за двадцать минут до отлета наступила пора действовать. Вестник вышел из аэропорта. Это довольно кучное место, люди постоянно были на виду. Однако, в этом была странная особенность. Все так усердно заняты своим делом, что никто даже исчезновение человека вряд ли заметит. Поэтому, когда ближайшее маршрутное такси, полное туристов, оторвалось от отправной точки, испустив большое количество выхлопных газов в силу старой модели, Вестник оказался на крыше международного центра перевозок. Она слегка округлая, поэтому парень чуть не упал, добираясь до другого края здания, связанного с авиалентами. Лайнеры мельтешили вдалеке, за исключением одного.

— VII 8103, - прочел Роджер на корпусе самолёта:

— Этот мне и нужен.

Всё шло по задумке. Рядом стоял заканчивающий свою работу багажный конвейер. Сумки за чемоданами плавно въезжали в грузовой отсек. Туда залезть парень и хотел. Когда последняя сумка стала на ленту, Вестник закрыл глаза.

— Багажное отделение, багажное отделение, багажное отделение! - маячило у него в мозгу. Машина для перевозки завелась, Тревис открыл глаза. Створа отсека захлопнулась гидравлическим поршнем. На ближайший час можно было расслабиться, однако план был ещё выполнен не до конца.

— Благо, это первый класс, — прошептал Роджер:

— Грабить ради высшей цели, конечно, можно, но богатый, хотя бы, поделиться может.

— В одном из грузов парень нашел, что искал. Деловой костюм, пара обуви, банковская карта с парой десятков вечно зеленых и больше ничего. Даже на деловую миссию не тянет. Под конец полёта оставалось только переместиться в ближайшую кабинку туалета. Данная стратегия повторилась ещё дважды. Лишь единожды стюардесса гневно попросила не курить внутри. Костюмы Вестник просто чередовал.

Международный Аэропорт Имени Вацлава Гавела. Выглядит старым, особенно внутри, но никак не ветхим. Солидным, разве что. Выйдя из уборной, Роджер не удержался от того, чтобы оглядеть архитектурные особенности этого места. Орнамент стен и рукодельные выступы наводили на ощущение, что это изнанка хорошего столичного театра, не меньше. Сделав полноценный осмотрительный оборот, парень подошел к стойке денежного обмена, где обменял свой бюджет. В сумме было где-то под 65 тысяч чешской валюты. Уже выйдя на улицу, Вестник оказался на парковке такси.

— Drahy, довезу куда душе угодно!

— Сколько? — спросил Вестник у водителя.

— Příklad, с туристами сейчас такая проблема...

— Так сколько?

— Без карты 500 крон, с картой — 1000.

— Сойдет.

— Куда путь будем дергать?

— В гостиницу, желательно в центре. Посоветуете?

— Знаю одну, такому богатею как вы в самый раз будет.

— Тогда, заводи движок.

— Prosím! - воскликнул водитель и открыл заднюю дверь.

Тревис сел, и машина отправилась в путь. Главное, что врезалось при наружном виде этого такси, угловатость. Желтому кузову с линией из бело-черных квадратов, идущей по

корпусу, это даже шло. Внутри же салон был весь бурый, кроме молочных сидений. Задние места были похожи на маленькую софу. Приборная панель и коробка скромно была обтянута пластмассой. На стекле заднего вида висела единственная надбавка к интерьеру — четки из тёмного дерева.

— Как думаете, — спросил шофер:

— Господь разрешит нам проехать без пробок?

— К сожалению моя жизнь сложилась так, что мне не всегда приходится полагаться на Бога.

Брови, отражавшиеся в зеркале, нахмурились.

— И что только за молодежь пошла...? — тихо буркнул водитель.

Получасовая поездка по протяжной трассе. По бокам в избытке теснились леса и поля. При появлении первых домов открылся вид на огромный заповедник Дивока Шарка. Въезд в город оставил более необычные впечатления. Высоких зданий, застилающих небо, нигде взглядом и не сыскать. Улицы не забиты горожанами, а дома хоть и доходили до нескольких этажей, но были в больших пробелах друг от друга, в которых росла кустарная зелень. Заехав на мост машину начало немного трясти. Роджер даже немного занервничал.

— Первый раз в Праге? — с насмешкой обратился шофер:

— Мост ШШ такое всегда чувствует.

Вестник выглянул в окно. Троллейбусные пути были вымощены брусчаткой.

— Простите, вы сказали ШШ?

— Швермова-Штефаника. Сначала мост называли в честь коммуяки Яна, а затем в честь астронома Милана Штефаника. Будто им делать нечего.

Такси двигалось всё ближе к центру города, а сам город всё сильнее походил на лабиринт с высоченными стенами, нежели на типичную индустриальную застройку.

— Скажу вам сразу, мне нравится у вас. Такие места в Чикаго едва найдешь.

— Польщён, рїitel. Мы приехали.

Машина остановилась у очередного старомодно отстроенного здания. Арт-Нуво. Одно название отеля уже отдаёт запахом кофе и корицы. Может, даже слишком.

— Хорошее местечко? — поинтересовался у водителя Тревис.

— Да, мои родственники из-за границы только здесь и останавливаются. Драть, может, и дерут, но оно того стоит.

Роджер расплатился и взял позаимствованный чемодан с собой.

Внутри вычурного здания находился не менее вычурный зал ожидания. Паркетный пол лакированный до такого блеска, что можно поскользнуться, хрустальная люстра с искусственными свечами и огромный герб неизвестного происхождения, позади администратора.

— Dobrý večer, vítejte v nejlepší metropolitní hotel v Praze, — с натянутой улыбкой произнесла молодая девушка, принимающая гостей.

— Извините, я не говорю по-чешски.

— Оу, простите. Добрый веч... Вечер. Мы рады... Рады приветствовать вас в Пражской гостинице.

У неё были явные проблемы с языком. По большей части жестами парень показал, что хочет взять самый обычный номер.

— Pojd'me... Ой, то есть пой... Пойдемте.

Как оказалось, администратор была очень маленького роста. На уровне глаз Вестника,

во время похода до номера, была только её дулька. Девушка подошла к нужной двери и открыла её ключом, который после протянула Роджеру.

— Спасибо большое.

— Подойдите через час. Вам выда... выдадут чек для оплаты.

— Не вопрос, — Тревис ответил так, чем удивил провожавшую своим американским нравом.

Парень забрал ключ и в благодарность погладил её по голове. Та покраснела и ничего не ответила.

Внутреннее убранство переполнялось изыском. Винтажные кресла, газетный столик с лампой, диковинная кровать с поставленным рядом пуфом. Полуколонна, что выпирала из внешней стены, и многорёберный, многогранный потолок визуально уменьшали помещение так, что всё, казалось, стоит на своём месте, которое поменять уже нельзя. Роджер сбросил с себя ненужное и зашел в ванную. Плитка, крепленная по всей комнате, издавала походила на отличную говяжью вырезку. Дизайн полный зеркал, дверец и всякого подобного поначалу казался жутко хрупким. Парень подошел к умывальнику и включил воду. Под рубашкой, которую он расстегнул затем, бинт со слегка багрового стал совсем пропитанным. Рана снова начинала кровить, но в этот момент там снова была черная корка.

— Судя по тому, что я до сих пор от потери не умер, надо было пойти донором, с таким-то восстановлением.

Вестник помыл руки. Затем Тревис наклонился к ванне, расположившейся слева. Первое, что его смутило, странный вентиль на смесителе. Не его месте была большая ребристая кнопка, на которую парень и нажал. Вода полилась вниз, но была холодной. Тогда, Роджер покрутил кнопку и, тем самым, изменил температуру потока. Пока ванна набиралась, Вестник разделся. Вид множества шрамов на коже довольно молодого человека вызывал разве что мыслительный конфликт, даже у парня, когда тот смотрел на себя.

— Похоже, это не копия, а именно что моё тело. Меня, ведь, изрешетило осколками. Кости, наверное, тоже мои.

Роджер развернул кисть, услышав подозрительный хруст, ранее не бывавший в него руке. Всё время дальше он так больше не делал.

После долгожданного очищения, Тревис набросился на постель:

— Завтра я найду его. Завтра точно.

Сон его поглотил.

Глава 12

— Отличный город. Свежий воздух тут есть всегда, будто... Будто его законсервировали. Странная ассоциация. Парадокс.

Роджер очнулся. У одного из окон кто-то стоял.

— Как делишки с того света?

Парень попытался вскочить с кровати, но ему что-то не позволило это сделать. Его будто связали, но он не ощущал верёвок.

— Нет-нет-нет, так не пойдет. Не хватало, чтобы вы ещё сбежали куда-нибудь, — со странной заботливостью говорил этот человек.

Тревис оглядел болтуна. Блондинистые волосы, костюм-тройка с высокой горловиной плаща, заменявшего пиджак, кожаный ремень, не вставленный до конца и свисающий сбоку и перчатки с вырезом на тыльных сторонах кистей.

— Ты кто такой? И что ты тут вообще забыл? — вырываясь, спросил Вестник.

— Я кто? Ну же, Смертный, не будьте таким недогадливым. Неужели вы настолько «молоды», чтобы не догадываться о возможности нашей встречи?

— Я, конечно, не в том положении, чтобы просить, но если ты тот, о ком я думаю, то ты знаешь, что мне нужно показать. Для достоверности.

Послушливо, собеседник подтянул воротник плаща и клетчатой рубашки под ним. На внешней стороне руки был набит знакомый текст.

— Так значит ты Вестник! Отлично, я-то тебя как раз и искал.

— Да? Ну, иронично, но моя цель была схожа. Я тоже вас искал.

— Мне тут помощь ну... А зачем?

— Ну как же? — блондин подошел ближе к кровати:

— Докун не выходил на связь уже около нескольких часов, сводка новостей говорит об вооруженном нападении на дом, где он был. Да и тут, внезапно, объявляетесь вы. Не совпадение ли это?

Шея Роджера напряглась. Незнакомый Вестник и пальцем парня не трогал, но неестественное удушье нарастало.

— Я же... Я не мог его убить, — выдавливал остатки воздуха Тревис:

— Пактум не позволил бы!

— Вы правы. Отчасти. Информацию на другого Вестника можно было передавать, даже если она и убивает.

— Но зачем мне это делать?!

— Да кто знает?... Ангелы закупают нелегальное оружие, Вестники предают своих, чтобы перескочить на сторону врага.

— Я могу доказать, что я невиновен.

— Неужели? И чем...

Полицейская сирена. Несколько машин резко остановились у входа в отель.

— По твою душу? — саркастично спросил блондин:

— Зайдут сюда, нам обоим несдобровать.

Губы Вестника начали синеть. Кроватная рама гнулась от натяжения.

— Я могу... Вытащить... Отсюда...

— Думаешь, я вам поверю?

— Выбора... Нет...

— Есть. Я могу вас вырубить, чтобы вы не пытались меня обмануть.

— Кл... Клянус...

Допрашивающего человека завлекла манера Роджера отключиться. Он не пытался вырваться. Проскочила искра отчаяния.

— Я пожалею об этом.

С горла ушло давление, как и с конечностей. Тревис схватил Вестника за плечо.

— Полиция! - дверь вылетела, а за ней внутрь вошли служители порядка. Пусто.

Вестники очутились на крыше здания с соседней улицы. За ними, на Роджера упала одежда, лежавшая в шкафу номера.

— А вы продуманный. Вряд ли нас бы не заметили с вашим голым торсом.

— С чего вдруг они сюда приехали? — сказал Роджер, одеваясь.

— Зайцем добирался?

— Откуда ты узнал?

— Птичка подсказала. Бело-синяя такая, гудит жутко. Ладно, где доказательства?

— У меня на груди бинт. Меня подстрелили в ту ночь, что и Докуна.

— Без постановки? Может вы сами в себя пальнул?

— Рана не заживает.

— И мне что, долго сидеть и смотреть, как из вас кровь хлещет?

Роджер расстегнул молнию на куртке. Достав содержимое, он показал его на своей ладони блондину.

— Эта пуля разорвала голову нашего общего знакомого. И такой же мне продырявили грудь. Кусочки явно там ещё остались, раз она не заживает.

Вестник пальцами схватил кусок металла и посмотрел поближе.

— Твою ж мать... Вы пойдете со мной. Этот разговор не для крыши.

Глаза Тревиса закатилась вверх, а сам парень упал в беспамятстве.

— Взвалился груз на мои плечи, однако.

Холод оказался в мыслях парня. Как прикосновение к ледяной трубе, покрытой коркой девственного инея. Затем, запах выпивки, сигарет и нота. Музыкальная нота, от струны неизвестной гитары. Веки напряглись, словно песок попал на них. Снова звук, но теперь шум воды. Чувство жара и гари. Удар молнии, белая вспышка. Странно онемел рот.

Два щелчка прервали этот непонятный сон. Роджер сидел на ободранном кресле болотно-зеленого цвета. За окном был вечер, но даже это можно было едва разглядеть. Свет пробивался только из маленьких щелей между забитыми на каждом проёме досками.

— Ради вас пришлось нехило заморочиться, — сказал вошедший в комнату Вестник, несущий с собой небольшой поднос с бутылкой и колбой с прозрачными жидкостями, коробком, ватой и тигельными щипцами.

— Фто фо млой? — почти неразборчиво спросил парень.

— Вы отрубились после интоксикации. Я сейчас пытаюсь вас спасти от более худшего.

— Пофему я так гололю?

— Вестникам оказали медвежьёю услугу. Мы невосприимчивы ко всякого рода отравам. По крайней мере, к их обычным дозам. Проблема в том, что без некоторых отрав даже один из нас отравится в гроб. Вам пришлось сделать и полную анестезию и частичную аналъ- и терманестезию на торс. Вы же не хотите корчиться в муках, верно?

Блондин разорвал уже испорченный бинт. Рана хоть и была перекрыта сгустком, но она

и на миллиметр не уменьшилась в диаметре. Лечащий содрал кровавую «пробку». Этот продукт жизнедеятельности он положил на поднос. Багровая влага постепенно начала стекать по коже. Вестник намочил вату веществом из колбы. Взяв в руки щипцы, он подобрал ватку и протер ею окантовку отверстия. Легкий дым пошел оттуда.

— Рекомендую дышать в другой стороне, а то опалятся не только волосы в носу.

Ещё одна ватка, но уже глубже. Дым шел, нервные окончания Роджера давали ощущение лёгкого тепла. Блондин закончил протирку и чего-то ожидал. И, спустя некоторое время, дождался. Рана начала затягиваться. Не мешкая, Вестник насыпал туда содержимое коробка, белый порошок, а затем обильно полил всё водой. Место выстрела полностью затянулось.

— Поздравляю, коллега. С успешной операцией, — блондин протянул руку, чтобы Тревис её пожал:

— А, точно. Ладно, я пока уберу приборы, как сможете встать, приходи. Постараюсь ответить на ваши вопросы.

Прошел час. От кончика языка до левого мизинца ноги парень снова чувствовал себя в порядке. Он слез с кресла и прогулялся по дому.

Это была квартира, очередная. Тараканов, каких ожидаешь здесь увидеть, тут не было, хотя обстановка все равно была удручающей. Стало понятно, почему здесь царил полумрак: так это жильё без необходимости ремонта выглядело лучше. По левую сторону от комнаты, где сидел Роджер находился зал. Зайдя внутрь, неожиданного Вестник не обнаружил. У стены стояло два шкафа, между которыми располагался неподходящий по стилистике комод. В центре лежал квадратный кремово-коричневый ковер, а на нём стоял стул. У окон, всё также забитых досками, стоял диван. В отличие от его более привычного расположения, он был повернут к окну. За его спинкой виднелась голова спасителя парня.

Рядом с ней нависла его рука с трубкой и тлеющим в ней табаком. Похоже, Вестник что-то читал.

— А форточку врача открывать не учили? — прокашлялся от дыма и озвучил Тревис.

— Американец, — произнес читавший.

— Откуда...

— Практический чёткий английский, переполненный гласными. Попытки в юмор. Плохие.

— Эй! Как-то ты слишком хорошо взял меня и определил. Тебе что, лет двести?

— Мы же не представились, мой заболевший гость. Присаживайся.

Парень обошел клуб смога и сел на более незадымленной стороне. Не отрывая глаз от книги, блондин сказал:

— Стефан Осберт, приятно познакомиться.

— Руд... Роджер Тревис.

— Шифровался, да и к тому же, недавно.

— Слушай, раз ты можешь узнать обо мне любую информацию с двух слов, какой смысл вообще представляться.

— Я привык проявлять уважение и быть любезным. Даже с теми, кто этого не заслуживает.

— Англичанин, что ли?

— Я немец.

— Но мыслите, как англичанин, сэр.

— Либо родился в поколение бума, либо служил в армии.

— Да.

— Погиб на войне?

— Я начинаю понимать твою логику.

— Интересно... Как это произошло, не хотите рассказать?

— Всё ещё не вижу в этом большого смысла. Может, раз уж диалог начался, ты выступишь своё предложение. Вопросов у меня уйма.

— Начинайте.

— А как ты... Вы умерли?

— Сгорел. На костре Папы.

— Инквизиция, значит? Там было очень плохо?

— Еретичество было игрой в горячую картошку. Горячо, правда, было даже победителям, если отплатиться было нечем.

— Так вас оклеветали?

— Нет. Я описал, что там было. Не буду лгать, я попал на костер, по мнению судебных господ, честно.

— Промышлял сатанизмом?

— Поверхностное суждение. Я высказывал критику в сторону церкви. Уж слишком там напирала беспрекословность их образа «Всевышнего». На меня навесили ярлык клеветника, а я просто хотел удостовериться в том, что такая сущность не может не запачкаться. И тогда мне удалось найти ответы, жаль поздно.

— Нашли?

— Много полунамёков, чьи корни подчистую выкорчевали деятели. Но вести при должном желании, даже тогда, могли разнестись быстро. Был, например, когда-то город-крепость, что отбить и пробить никто не мог. Пока не пришли те, кто готовы были залить его стены своей кровью. Город был осажен, жители пойманы. Тогда, захватчики решили сыграть в последний раз с пленниками. На заснеженной площади положили отобранные в первой кутерьме иконы. Детей взяли, приставив меч к горлу. Суть была проста: если хоть один из жителей пройдет по этой тропе, то отпустят всех. Не знаю ценность этих икон, но вера, видимо, заполняет эту пустоту. В тот день перерезали сначала детей, а затем и всех остальных, но никто не прошелся по святыням.

— Ну, я не совсем уловил, что здесь не так.

— Все, кто там был, сейчас не внизу. Хотя принесли жертву. Кровавую. Они допустили убийство, что вешает на них вину.

— Но Седалис не осуждает.

— Вот именно. Раньше я думал немного иначе. Я считал его эгоистом, раз цену икон он ставил выше человека, а сейчас... Я решил бросить это дело. С размышлениями. Я начал действовать.

— И как же.

— Колоть его глаза и рубить его руки прямо здесь.

— Разве ангелов можно убить?

— Ещё как. Они не те, кто сюда попадает «официально», а бессмертие не расписка, чтобы его подделать.

— То есть, ангелы — практически простые люди?

— Практически. Да, они сильнее и быстрее, но даже у них есть особенные. Серафимы.

— У них крылья за спиной?

— И неплохое оружие против всех тех, кто не обожает Брина. Прикосновение к их крыльям или к ним самим вызывает дикую боль, от которой ты вряд ли будешь в сознании долго.

— И давно вы их «рубите»?

— С самого появления здесь в новом обличье. С 20 мая 1935 года.

— Я что, один, кто появился здесь сразу после смерти? — подумал Роджер и произнес:

— Вы и Вторую Мировую пережили тут?

Стефан надменно засмеялся:

— Участвовал. Пришлось участвовать.

— Так вы ещё и ветеран. Какой фронт?

— Западный.

— А по конкретнее.

— Группа армии «Юг» под командованием генерала-фельдмаршала Карла Рудольфа Герда фон Рундштедта.

Тревис сглотнул слюну.

— Ваше удивление должно говорить не только о моем необычном, по вашему мнению, месту службы, но и о незнании эзоистории.

— Незнании чего?

— Раздел эзотерических наук. Занимается созданием полноценного исторического слепка на основе археологических и документальных фактов в совокупности с религиозными письменами.

— Мне тогда интересно послушать, что происходило на Второй Мировой со стороны эк... Эк...

— Эзотерики?

— Да.

— Всё тоже, что и в обычной истории.

— Вот чёрт.

— И не чертами едиными. Политические причины были не единственным катализатором к военным баталиям. Гитлер промышлял оккультизмом, вы же это знали?

— Где-то слышал.

— Он был не первым, кто решился на просьбу о помощи среди высших сил. Это, к тому же, стало причиной всяческих появлений нелегальных гостей.

— Значит, на помощь Германии встал Ад.

— Будьте корректны. На помощь фашистам встал Ад.

— А вы...

— Я не считаю Адольфа правым. Я не считаю Гиммлера правым. И не считал. Ни одного из их фанатичного ложе. Тогда, я не видел иного выбора. Да и за меня его сделали. Я встал на защиту родины.

— И как же вы там служили?

— Уничтожал неугодных. Без разницы, кто это был. Я преследовал свои цели.

— А что ангелы?

— Встали на поддержку победителей, конечно же. Нельзя точно сказать, помогли они или уже встали тогда, когда наступил черед давать отпор.

Восторг от такой силы характера переполнял Роджера. Перед его глазами сидел молодой на вид человек, младше его точно, но вот ровесником Тревис его не назвал бы.

Никому бы не рассказал обратного, но и не назвал бы.

— Знаете, у человека за всю жизнь может набраться столько опыта, что им только делиться и делиться. Вестник, как вы, должен был иметь за своими плечами хотя бы одну историю. Как солдату, мне очень интересно знать о былых днях родственной, в каком-то смысле, души.

— В таких догадках правоты вам не занимать. Рассказать?

— Прошу.

Город был покрыт дымами недавней бомбежки. Даже после долгого осмотра не удастся сказать, что это было за место. Казалось, что оно вымерло. Но так только казалось. Как ни в чем не бывало на улицы вышли люди, оглядываясь и боясь сделать лишний шаг. В тот год стояла суровая зима, снег от которой, единственный, скрывал ужасные последствия кровавой бойни, что историками назовётся войной. Многие неслись на недавнее место сотен взрывов только ради одного. Ради бесценной воды.

В этот момент над городом вновь навис шум. Но не самолеты направили носы в эти края. Танки и техника, повсюду отмеченная одним и тем же черным символом, направилась сюда.

Это подняло ужас у простых жителей, но никто не убежал: все знали, что бывает с теми, кто пытается бежать. Когда машины вошли на улицы и их движки заглохли, армия подступила за ними. Не люди, а звери в касках. Одни допрашивали, другие обыскивали допрошенных, точнее то, что от них оставалось. Только командиры смотрели за всем этим.

— Мы почти не сбились с курса, — произнес гауптман, сидящий на одной из машин:

— Противник даже не пытается нас прижать. Вот что значит, непобедимое войско.

— Кто бы сомневался, — ответил ещё один военный, вылезший из транспортера:

— Никто не полезет на тварь, которая даже не видит, что пожинает.

— Я не совсем понял теуфел-оберст Осбер, неужели вы считаете наших непревзойденных воинов тварями?

— Называйте себя как хотите, гауптман, но если вы взгляните туда, вы поймете о чем я.

Военный указал рукой на отвратительную картину: солдат пытался выбить силой информацию у простой женщины. На любые ответы, которые его не устраивали он отвечал ударами. Внезапно, маленькая девочка толкнула нападавшего и прислонилась к женщине, которая возможно была её матерью.

— Низменная шваль! Раз уж так не хочешь говорить, посмотрим, как тебя это расколит, — произнес солдат.

Он схватил девочку за волосы и подвел к себе.

— Ты же хочешь, чтобы твоя мама осталась жива? Тогда давай сыграем. Ты умеешь играть в "принеси-подай"? Всё просто: я брошу камень, а ты его принесешь, и тогда я отпущу твою маму.

Женщина стояла в полном шоке и не могла сказать ни слова. Солдат показал пальцем, куда будет кидать. Это был кирпичный тупик, забитый строительным мусором. Бросок и вместе с ним быстрый бег девочки. Этот камень найти было не трудно, он был довольно большой, даже для руки взрослого. Дитя было радо, что она сможет спасти свою мать, и оно побежало обратно. Взрыв.

Женщина в истеричном припадке упала на снег, а солдат продолжил давить.

— Видишь, гауптман? Эта тварь, ставлю 300, нет, 400 рейхсмарок, даже не германской крови. Хороший солдат видит в противнике равного себе, уж я думаю, что тебе это вбили в голову, когда ты учился в академии. А это животное даже не знает о том, что оно делает не так. Поэтому и не надо удивляться нашей победе. Сраным цепным псам невдомек, как бой ведут люди, а людям не известно, как могут биться твари, вот и проигрывают.

Осбер закурил трубку, чтобы перекрыть увиденное им дымом. Но не успев прокрутить

кремневый барабан зажигалки, оберст ощутил на своей форме что-то. Это была кирпичная пыль, слетевшая со здания рядом. Военный задумался, как она вообще могла там взяться. Как оказалось, на приблизительном месте падения кусок здания, словно часть дерева, был срублен. Но чем?

Внезапно, останки здания полетели вниз. Начался обстрел. Осбер выскочил из машины и, постучав по её корпусу, скомандовал экипажу занять боевую позицию. Сам же он побежал к ближайшему укрытию. Кроме выстрелов подоспела новая проблема. Бронетехника противника направила свои дула к уже выбравшимся, а к городу под вдохновляющие крики бежала пехота. Оглянуться было нельзя, могли подстрелить, но по шуму можно было сказать, что в атаку пошло не менее роты. Солдаты резво бежали на возвышения, пока что далёкие от оберста, и затем стихали. Остальные тоже притихли, двигаясь ближе к центру.

8 патронов Люгера P08, зажатого в руке Осбера, точно не хватило бы для прямой вылазки. Но и сидеть на месте было нельзя. Хруст снега заставил военного напрячься. Первым из-за кирпичного угла показался длинный штык, прицепленный к огнестрелу. Боец в серой шинели прошел дальше. Посмотрел влево, пусто, посмотрел вправо. Винтовку с нечеловеческой силой потянуло вместе с солдатом вниз. Оберст подтащил упавшего к себе и схватил того за горло и рот. Он дергался, как уж на сковородке, но железная хватка Осбера держала его намертво. Военный оглянулся. Его, скорее всего, заметили. Но появилась возможность выбраться. Шея сломалась в пальцах оберста, но это и нужно было ему. На улице стоял лютый мороз. Абсолютный штиль — самое страшное, что можно чувствовать при последней гипотермии. Солдату не повезло. Осбер расстегнул все пуговицы на одежде покойника, чтобы её было возможно снять. Но затем он снял правую перчатку.

— Как я не люблю это делать, — произнес он и воткнул указательный и средний палец со всей силы в останки.

По недавно живому телу набухли сосуды, полные чего-то черного. Зрачки военного расширились до предела. Спустя мгновение мертвец начал тлеть, как зажженная сигарета. Но вместо того, чтобы кусочки разлетелись по ветру, они довольно целенаправленно песочно стекали к руке оберста. Масса всё больше плыла вверх по конечности. Где-то минута и труп полностью разлился по Осберу. Достигнув его лица, субстанция изменилась в форме. В одежде оберста оказался тот солдат, который стремительно начал переодеваться.

Наступающие всецело оцепляли район от одного края до другого, полного танковых выстрелов, солдаты либо занимали, либо укрепляли свои точки.

— Что это у тебя? — спросил стрелок у снайпера.

Оба сидели на полуразрушенной трехэтажке.

— Винтовка. Карабин Мосина, наверное, 38-го года, — ответил он, пристально, сощурившись, целясь в прикрепленный оптический прицел.

— Фига, раритет достал. С Токаревым скучно стало?

— Да не, я просто люблю с дали бить, а с этим я хоть белке в глаз попаду.

— От выстрела не улетишь? Слышал, винтовочка бойкая.

— Тихо! Там кто-то ёрзает.

Стрелок заглянул в бинокль.

— А, это Петр. Со 119го взвода.

— Чего-то странный он какой-то.

— Погоди, я с ним свяжусь.

— Ну, попробуй. Выдашь нашу позицию, скину вниз.

Стрелок метко бросил камень вперед, в развалины противоположного дома.

Оберст увидел откинувшийся от кирпича камень. Подняв голову наверх Осбер увидел солдата, крутящего руками жесты.

Два пальца согнулись, разогнулись и согнулись вновь, затем обе кисти направили вперед:

— Как дела?

Военный не первый день оказывался в тылу. Полезная информация важнее всего. Поэтому, он знал, что ответить. Ладонь с отогнутым большим и мизинцем постучала по груди, раскрылась и сжалась, будто схватив воздух и показала палец вверх:

— У меня всё хорошо.

С натянутой маскировкой оберст продвинулся к своим. Союзническая пехота не попадалась по пути, так что ничего серьезного предпринимать не приходилось. Впереди виднелась открытая территория, опасное место для продолжения пути. Осбер собирался переждать разгоревшуюся битву, но тут в очередное «безопасное» место был дан выстрел. Осколки воткнулись в руку, и разорвали рукав шинели. Бронемашина союзников нашла врага, как стрелявшие думали. Военный окольными путями побежал в противоположном направлении. Места его обнаружения пытались предугадать гранатами, изредка наносившими вред оберсту. Однако, пустые переулки рано или поздно заканчиваются. Военный остановился буквально перед самым носом другой бронемашин.

— Ну и хрена ты тут бегаешь, солдат?! Живо с траектории обстрела уйди! - заорал капитан, выглянувший из кузовного люка.

Тут по несчастью, осколки повывлезали из руки. Ранение, как некстати, затянулось быстро.

— Бес! Открыть огонь!

Крупнокалиберный снаряд с грохотом вырвался из основного ствола. Бронемашина союзников нанесла удар вражеской. Осбер сорвал с себя личину и бросился в сторону. Вернувшись к своим, тот рассержено закричал:

— Ihr! Nicht schießen!

Пехота знала оберста в лицо, поэтому те, кто шел за машиной, сразу же поприветствовали командира. Сорвав с себя шинель, Осбер приказал стрелкам разбрестись по территории. Все вылезавшие из-за кирпичных стен, дабы обстрелять танк, успевали получить пулю. Оберст воспользовался возможностью и залез на технику. Командирская башня была наглухо закрыта, поэтому оберст пытался связаться с экипажем.

Изнутри был слышен стук. Военный пытался отбить гимн Германии. Никто внутри не решился открыть вход. Тогда, Осбер схватился пальцами за края крышки. От напряжения замок слетел вверх.

— Guten Tag, — поздоровался оберст.

Командир танка отдал честь. Осбер понимал, что внутри он просто не поместится, поэтому потребовал дать ему принадлежащий MP40. Также, военный приказал вывезти танк из городской западни. Машина включила задний ход.

Успокаивающая езда давала возможность выдохнуть.

— Хоть и отступление, но зато удачное, — думал оберст:

— Надо будет связаться со штабом для перегруппировки.

Два гусеничных катка разорвало от попадания. Дальнобойная засада. Танк затрещал на месте, крутясь то в одну, то в другую сторону.

— Поворачивай баш...! - Осбер не успел договорить, как очередной снаряд попал в него.

Холод, который слегка бросался в его внимание, спал, разгорелся жар. Однако, сознание вернулось к военному всего через минут десять-двадцать. Лежа на снегу в нескольких метрах от горячей машины, он заметил подоспевшее сюда отделение, на пару со стрелявшим танком. Кто-то тыкал своим оружием в щёку оберста, проверяя, жив ли тот вообще. Голова повернулась от тычка, и Осбер увидел последствия выстрела: рука по плечо была оторвана.

Стратег ещё пару лет назад проявлял себя в военном. Оберст будто знал, что и из чего можно выжать для победы. Бронемашина была подбита, экипаж убит в полном составе, но стрелять из него всё ещё можно было. Вторая рука с вытянутой кистью напряглась. Осбер выглядел так, словно пытается скинуть с себя огромный валун.

— Ребят! - закричал тыкающий:

— Здесь живой!

Дуло союзного танка начала двигаться. Всего пару градусов было нужно, чтобы попасть по своему врагу, другой машине. Солдат взял военного за ноги и собрался потащить, как вдруг, башня бронемашины взмыла вверх. Оберст нагнулся вперед и рукой схватил тащущего.

— Nichts für ungut, auf Wiedersehen, — воскликнул Осбер и ударил противника головой.

Военный встал, надел целые солдатские вещи, перетянул обрубок и направился к лесам на северо-запад.

— И чем же всё закончилось? — волнительно спросил Роджер, вжавшись в диван.

— Я добрел до ближайшей остановки. Рука за неделю отросла назад.

— Так, получается о вас все прекрасно знали?

— Ха, знали, я у них проходил по спец должности за мои возможности. А за окопами голова Теуфел-оберста Штефана Осбера числилась чуть ли не в той же десятке, что и головы нацистских лидеров. Теуфел — это Дьявол по-немецки. Эти сволочи любили меня так называть. Дали мне небольшой полк и карт-бланш в пределах наступательных действий. Они ж думали, что многовековая тварь из-под земли знает больше них.

— И вы просто наплевали на своих подчинённых?

— Ни в коем случае. Я старался заботиться о механизме, который мне дали. Подливал масло, когда надо, заводил пружины. А вот если и появлялась шестерёнка или винтик, что выпирали и мешали остальным, то пришлось оказывать меры. Часто, в угоду дисциплины, показательные.

— И какие же?

— Помню, один урод думал, что может получить долгожданный гражданский ужин. Всё просто: зашел в захваченный дом, мужа к стенке, жену на кухню, маленький сын был заперт в чулане. Там ещё стоял рояль. «Играй», говорит. Ну, он и играл. Вот только своей еды та скотина не получила. Выстрелы, которыми тот запугивал хозяев, я услышал довольно быстро. Выволок его. И стоит кое-что упомянуть. Фашисты — дерьмо многоликое. И немцы испачкались в нем. Верхушка тыкала по карте, солдаты выполняли всё. Верхушка сказала разграбить, солдаты устроят бойню и это будет только началом. Ещё в 41-ом я плюнул на ту директиву, и вряд ли бы кто-то стал мне перечить. Так вот, та сука была из Мерсбурга. Но жалеть я его не хотел. Ты не немец, раз опустился до такого. Я отхлестал его плетью. Урод кувыркнулся в снегу, чтобы не болело. Тогда, я сломал ему колено. Встать то не мог. Зато остальным показал, что если ты как он, то в моём полку тебе места нет.

— Ну, раз мы всё же уже на ты, я могу задать вопросы и поглубже. Я правильно понял, ты можешь управлять трупами?

— Плотью. Уже не живой. Наверху сидят с юмором, вот и решили поострить. Я поострил в ответ.

— Как?

— Кличкой. Я назвал себя Прахом.

— А что же было потом?

— Если позволите, я сужу всё до более простых предложений. Горло, знаешь ли, имеет свойство пересыхать.

— Конечно.

— Война была проиграна, но это я знал заранее. На роже любого командира зиял страх, когда мы обговаривали будущую стратегию. Фанатики всему виной. Фанатики, они такие: либо им вправляют мозги, либо их вышибают, что собственно «дорогой» Фюрер и сделал. Полк был разбит немного позже, а затем, очнувшись после ранений, я ушел.

— Куда?

— Сюда. Дабы залечь на дно, я решил найти работу. А самый лучший способ скрыться — нарастить новые связи и много. Такой слоёный торт из лжи. Не скажу, что продумывал

этот план, но знание местного языка дало свою пользу.

— И кем же ты устроился? Мясником?

— Набивать кишкой фарш я никогда не любил. Чистый кусок мяса — это, конечно, хорошая вещь, но я не смог бы. Однако опыт и тут сработал. В самом начале службы у меня был дикий разлад в строю. Причиной его было ворье. Особенно много из них было любителей покурить. Я их смог поймать необычным методом. Я подсыпал в пару зажигалок с запаса бездымного пороха и приказал никому не трогать. Сломанные пальцы вывели на след. Под пытками нашлись и другие. Понравилось мне это дело. Я решил решать такие проблемы и в гражданстве. Стал частным детективом.

— Нуар, шины с белым ободом и женщины с мундштуками?

— Это тебе не американская мечта. Здесь всё текло намного медленнее. Не сказал бы, что это плохо. Я будто жил на двадцать лет раньше всего остального мира, и мне это нравилось.

— И что, розыск был гладким?

Стефан пригубил трубку. Такую задумчивость редко увидишь на лице подростка. Пустив клуб дыма, он стал отвечать намного напряжённее:

— Я считал, что люди останутся такими же, какими были. Ну, или по крайней мере такими, какими я их знал. Но всё стало хуже. Война и правда закончилась, поэтому людской разум решил восполнять потребность в жестокости. Грабежами и убийствами меня вряд ли могли удивить, но на заре нового десятилетия... Мои глаза раскрылись на полную.

— Что же такого случилось?

— Давай сделаем лёгкую паузу. Мне надо перевести дух, и горло уже издыхает. Пройдем на кухню.

Оба Вестника перешли туда. Роджер сел за обеденный стол, а Стефан открыл холодильник. В нём лежали остатки обыденной пищи, но его рука потянулась за другим. Он вытащил стеклянную бутылку и поставил её на стол. Это было самое, без излишеств, простое молоко. Вестник налил в уже подготовленный стакан белую жидкость. Долив до краёв, Стефан поставил сосуд и начал пить. Три глубоких глотка, которые прозвучали так, словно в стакане было что-то на много градусов выше.

— Не переносил молоко в детстве, — сказал он, облизнувшись:

— Комом лезло, как если бы помой пил. А сейчас, внезапно, вкус поменялся. Век живи — век приобретаешь страсти.

— Так что там было? Что раскрыло тебе глаза?

Стакан громко был поставлен на дерево. Усевшись, Стефан схватил кулак одной руки другой и оперся на них головой.

— Стояло знойное лето 69-го. Все долгожданно устраивают гулянки, попойки и валят куда подальше в отпуск, а у меня началась работа невпроворот. Ревнивые мужья толпами ходили ко мне, лишь бы в очередной раз убедиться, по-честному ли стригут их жён. Хорошо, хоть платили достаточно, я старался не жаловаться, гонорары не позволяли. Но затем, наступил июль. И мужья перестали ходить. Я был уверен, что я, наконец-то, смогу отдохнуть. Но одним вечером ко мне пришел офицер полиции. Его лицо было таким бледным, что сливалось со стенами. В городе стали пропадать девушки и женщины молодого возраста. Число заявок достигло уже полусотни. Скажу честно, слюна в моем рту каталась знатно. Но не страх затмевал мне разум, а кураж. Такое дело стоило раскрытия, я взялся. Опросил семей семь-восемь, все едва держались спокойно. Но всё же зацепки я

выудить смог. Шесть женщин из них посещало один и тот же кафетерий, двенадцать — бакалею. Ни там, ни там мне ничего в первый раз не ответили. Даже с угрозами. Поэтому, я решил действовать хитро. Через пару связей меня смогли устроить грузчиком в кафе без прямого контакта с начальником. Снэки и закуски разбирали нарасхват, так что я почти не отходил от этого места. За один рабочий день не произошло абсолютно ничего, и я начал сдавать позиции. Но под конец смены, ко мне подошел кассир. Он извинился за столь надоедливое предложение, отмазывался требованиями компании по поводу плана продаж. Мне тот паренёк отдал с десятков визиток, сказал, что если встречу хоть одну девушку на пути, то дай. Это было приглашение в салон массажа «У Бенини», от которого жутко воняло маслами, а сама визитка была тошнотворно розового цвета. Дело запутывалось всё сильнее, подумал я. Времени терять я не хотел, поэтому сразу поехал туда. Тот засранец работал круглосуточно, хотя это вызывало подозрения. Неужели у него даже руки не болят? Я зашел внутрь и увидел очередь из пяти дам, сидящих на стульях. Заняв очередь, я ждал. Одна заглянула в кабинку справа, через полчаса вышла намного более счастливее той, которая сюда пришла, и так другая, и третья. Перед тем, как в комнате ожидания оказалась последняя девушка, я заметил, что хозяин постоянно спрашивал, есть ли кто-то ещё в очереди. Тогда я и обратился к сидящей. Мне нужно было, чтобы массажисту ответили, что на входе больше никого нет. Она была очень молода и даже не стала сопротивляться следствию. Её очередь наступила, и девушка зашла внутрь. Я начал подслушивать. Внезапно, малоговорящий хозяин стал заливать комплиментами клиентку. Говорил, что ей жутко повезло, ведь, теперь ему привезли какой-то лосьон, делающий кожу жутко мягкой и нежной. Рекламная туфта, считал я и продолжил слушать. Девушка была в восторге, судя по тем замечаниям, что она озвучивала. Пока не наступил роковой момент. Всхлип, как если бы ей заткнули рот. Я не мог быть уверен в том, что он прозвучал, но когда легкий полувзвыв и стук по лежаку появились за ним, полномочия ворваться у меня были полные. Я выбил дверь и схватил вешалку для одежды, что стояла в углу. Как копьё я метнул в ту кучерявую гниду. Она не прошла его насквозь, но к стене он был прибит. Девушка закричала схватила вещи и выбежала отсюда. Урод был без портков. Жалкое зрелище. Я надавил на прут у его груди и начал допрашивать. Ему было смешно, считал, что выкрутится. Честь мне известна. Я могу её придерживаться. Ещё тогда, на войне, честный воин получал от меня честную смерть. Но сейчас... сейчас такая шавка, как он, не заслуживал быстрого облегчения. Это была не клиника и не больница, острых предметов вряд ли найдешь. Но моя смекалка всегда найдет выход. Бутыль с маслом, я разбил её об стол для массажа. Он был уверен, что я его не убью, только запугаю. Ну, когда кусок стекла разрубил ему голень, кроме крика из него вырвались и эти надумки. Когда нога этой скотины упала вниз, я думал, что ему кранты. Однако, урод снова наострил ухмылку. Моей ненависти не было предела.

— Почему?

— Живучих людей среди гражданских мало. Да и умирая передо мной никто не улыбался. Ну, если их ждёт смерть в первый раз.

— Это был ангел?!

— Да, что б их. А так как они любят кучковаться в пределах одного города, вариантов не оставалось. Мне нужно было узнать, где остальные.

— И?

— Я не хочу описывать детали, вывернешься прямо тут. Единственное, что я дополню: хренов Бенини признался, куда идти. Правда, признавался так долго, что единственным, что

оставляло его жизнь висеть на волоске буквально и не только — был его...

— Я понял.

— Подвесил его, как свинью. Мне было начхать, куда та скотина попадет, её отсутствие здесь было намного важнее. Мне был сказан адрес. Бани. Температура всего на пару градусов ниже, а им уже слишком холодно на брэнной земле, вот и суются в места, где можно погреться. Охранники не стояли на пути, они лежали с пробитыми головами, потому что пытались в меня выстрелить. А внутри...

— Всё так плохо?

— Притчу о Содоме и Гоморре придумывали, отталкиваясь от своих больных фантазий. Я стал тем, кто вычистил эту грязь. Иронично, не правда ли?

— То есть, девушек просто привозили туда?

— Когда последние трое выживших на моём пути шли ко мне, бесформенная масса из останков лежащих вокруг, словно веревки, обвязала их ноги, и втянула тела в пол так, что выбраться они не могли. Одному я вломил челюсть глубоко в череп, другому пробил глаза и сорвал его виновную голову, а третий... Третий заскулил, пока я бил его этим «крепким» орешком. Рядом стояли пойманные девушки. Около семи, если память мне не изменяет. Я их выгнал, а сам обыскал несколько тел. У парочки были записные книжки. Список пропавших сходил на последних. Они воровали их, чтобы сделать своими рабынями.

— У этой истории же был хоть какой-то конец?

— Да. Был. Дело закрыли за ненадобностью.

— Почему?

— Вроде бы 6-го... Да, 6-го числа в полицию пришла стопка писем, адресованных неким монастырём. Отправителями оказались похищенные. Пол сотни разнопочерковых посланий, что должны были успокоить. «Нам хорошо, пусть также будет и вам.»

— Это же хорошо?

Стефан засмеялся. Его смех был пропитан отчаянием.

— Конечно, это хорошо. Когда в письмах не бывает ошибок. Три из них неправильно написали свою фамилию, одна ошиблась адресом. А у тех, что нашел я, у каждой исчезли воспоминания за последний месяц. На все вопросы они отвечали про отпуск в честь праздника Святой Марии.

— А как же потасовка в бане? Куча трупов никого не побеспокоила?

— Доказать мою правоту удалось. Я оборонялся. Разбросанные кишки приняли за результат перестрелки. Зачинщиков никто не приписал к делу о пропаже. Книжки доказывали, что девушек хотели выкрасть и только.

— Значит, лавку никто не закрыл?

— Именно.

— Боже...

— И ты всё ещё считаешь, что это лучший момент для такого слова?

— Нет. Т-то есть, прости. Я понимаю тебя, это страшно.

— Да если бы вы хоть на долю меня понимали, то объяснять бы вам этого не пришлось.

— Так ты решил бросить это дело?

— Никогда. Я бросил искать пропавших котов, но это... Это нельзя бросать. Я ищу их. И найду. Это моя цель. Докун, когда мы с ним встретились, позволил мне вернуться сюда, дабы координировать его действия. Он думал, что путешествия ему даются гораздо быстрее, чем «вспыльчивому немцу».

— Говоря насчет Докуна. Он говорил, что ты знаешь, что делать со всем этим. Как это решить.

— Я тоже так думал. Пока вы не принесли пулю.

— Она что-то меняет?

— Извини, что приходится читать вам лекции...

— Ничего, я хочу понимать, что происходит.

— Людям известно о нашем существовании. Было, по крайней мере, ещё с незапамятных времен. О нас рассказывали наши начальники. Клевета это или клеймо, считайте как хотите. Но в итоге, люди хотели нас уничтожить.

— Не думаю, что у них получится.

— Вам известно о первых, Всадниках?

— Да, мне проводили легкий ликбез.

— Каждый имел безграничные возможности и силу. Если вы думаете, что мы или наши крылатые соперники непобедимы, то лучше вам сейчас изменить своё мнение. Также, каждый из Всадников имел знак своей силы, своё оружие. Мифы слагали и до, и после появления их, поэтому совпадения находятся в рукописях до сих пор. И если известнейшим среди Всадников был Сиз, жнец нашей общей знакомой, то Ровос был самым жестоким. Под его началом бились тысячи тысяч и столько же умирали. Меч приносил смерть его врагам, который тот никогда не отдавал. Дестралир. Уничтожитель. Упоминания о нем есть, но источники пропали давным-давно.

— Хочешь сказать, что его нашли? Но как?

— Мир меняется, Роджер Тревис. Всадники успели натворить дел, отчего сгнули, оставив свои тела здесь. Дестралир, как и оружия других, остались тут. И найти его возможно.

— Но причем здесь пуля?

— Никто не будет носить здесь меч. Поэтому, видимо, его раскололи, а осколки поместили в боеприпасы.

— Значит, нас теперь можно просто расстрелять?

— Да, но это же меч, при том небольшой. Был бы я на их месте, сэкономил их как только можно.

— Как хорошо, что ты не за них.

— Но из-за этого... Я вынужден отказаться от задумки.

— Почему?

— Мы собирались пнуть под задницу Бриана. В их иерархии есть тот, кто в отличие от других поддерживает с ним связь. Апостол. Он мог бы помочь нам связаться с остальными.

— И что мешает это сделать?

— Теперь нас могут просто зачистить. В лоб пройти не удастся. Попытаемся, просто потеряем своих, а мы и так в меньшинстве. Оставшись здесь будет хоть небольшой шанс удержать их.

— Шанс? Ты думаешь, что сдавшись, у нас будет шанс? Перед нами стоит зло невиданных масштабов, а ты просто хочешь отвернуться? Я думал, что добро тебе так же важно, как и мне.

— Хорошее вы слово вспомнили. Зло. Добро. Вот выйдите на улицу. Спросите любого, что такое зло и что такое добро. Все такие умные, рассказывают о том, что нет определенно хороших или плохих, мир сер и тому подобное. А вы пройдите дальше по улице. В более

тёмные её углы. Когда заточка какого-нибудь бомжа будет в ваших кишках, будете ли вы думать о том, какой он добрый?

— Серый, значит? Ты говоришь, что это слово везде причитается? Но ты не понимаешь его сути. Мир серый не потому, что в этой кутерьме барахтается слишком много и хороших, и плохих. А добро и зло есть, как бы кто не считал. Эту меру ты чувствуешь только насчёт одного человека.

— Ну уж извините, но среди тех преступников, убийц и уёбков, которым чужда личная свобода, я находил только крылатых.

— А что если есть другие?

— Да какое мне вообще должно быть дело до них? — ожесточенно возгласил Стефан:

— Посмотри вокруг! Девушек насилуют ангелы налево и направо, промывают им мозги и отправляют хрен знает куда. Пичкают их пылью. А хреновы дельцы пыли всегда скрываются от полицейских. Не удивительно, пыль-то ангельская!

Немецкая речь стала ниже, накапливая в себе страдания:

— Ты воешь об нависшей угрозе, хочешь ринуться в бой, но неужели ты не видишь этих проблем? Их нельзя просто так оставить. Мы здесь благодаря мудиле в белых простынях, который хочет уничтожить весь грёбаный мир, но разве он понимает, к чему это приведет? Я понимаю. И смерть столь большой гнили вряд ли есть что-то плохое.

— Разве это решение? — спокойно, словно отстранённо спросил Роджер:

— Ты хочешь съесть весь сыр, чтобы крысе нечего было воровать? Послушай, мир не изменить такими действиями. Допустим, всё пойдет по твоему плану, но, думаешь, что в Седалисе всё наладится? Мы как были изгоями, так и останемся ими, помняи моё слово.

Стефан невольно хмыкнул.

— Мы посланы сюда не по решению грёбанного Сентинеля, а вопреки ему. Так что сделав его дело за него вряд ли сделаешь что-то к лучшему, — Тревис встал с дивана и направился к выходу:

— Я не собираюсь тебя звать с собой, если ты против. Я хотел просить у тебя помощи, а не требовать её. Докун отдал жизнь, чтобы мы встретились. Похоже, его жертва была напрасной.

Парень открыл дверь квартиры, однако она тут же захлопнулась черной щупальцей. Эта масса затем вернулась во флакон, висящий на штанине Осберта:

— Как низко со стороны американцев прикрываться мёртвыми.

— Я уже не жилец по твоим словам. Даже если я и буду один, мне не нужно бросаться словами, чтобы убеж...

— Возможно, ты и прав. Возможно. Но ты что, правда собрался пойти на верную смерть и оставить всё вокруг под опекой существ, которые тебя предадут?

— Ну да.

— Ты ёбнутый. Не меньше, чем я. А значит, тебе и близко не подобраться туда. Да и куда ты собрался? Так что, так и быть, я иду с тобой.

Вечерний город плавно и неспешно встречал ночь. Бездомный бродяга шел той походкой, которой шагают люди не знающие, куда идут. Возможно, он помнил эту улицу, и подкорка сама повелела ему прийти сюда, а может бедолага просто так шёл именно в этом направлении. Гул машин сбивал с толку, а газ из выхлопных труб застилал всякий обзор, но только на мгновение этот вонючий туман исчез, как перед глазами бродяги появилось искомое здание. Церковь.

— Не самое худшее место для ночлега, — буркнул он.

На двери висел замок, но бывалый выживший с городских улиц знает, как забраться внутрь. Ключом от банки пива бродяга подцепил винт, который держал крепко дверную ручку. На третьем повороте винт упал, ручка покосилась, а после повторения и вовсе отвалилась.

Зайдя внутрь, бездомный видел сиденья для прихожан и очень уютное убранство. Высоченные своды и красивые росписи — всё завораживало и давило своим величием. Бедолагу увлекло, и тот решил посмотреть, установленные вокруг. Среди икон и склянок с мощами стоял украшенный и позолоченный крест мученика, что воскресал однажды.

— Господь..., — гаркнул бродяга:

— Иисус... Я никогда не исповедовался, но чувствую, что совершаю я огромный грех. Ни смотря на всё, на все проблемы у меня, я в глубине души в тебя не верю.

Неразборчивая речь наполнилась смешками.

— Какой же бред! И кто же на это поведется, а? Только больной на бошку.

— Не серчай на людей, ибо мы все равны и равными не будем — озвучил неизвестный голос.

У бездомного от страха задрожали колени. Ладони дрожали и до, от спирта в крови. Он развернулся, но за спиной было всё также темно и пусто.

— Кто здесь? Не подходи, я может и прибухнул, но вдарить тебе смогу.

— Я здесь, перед тобой, — огласил неизвестный и вышел из тени.

Бродяга обомлел, признав в его лице явителя Небесного Грааля и тотчас упал на колени.

— Не нужно мольб, я лишь несу свет в тьму твоей поврежденной души. Встань.

Незнакомец протянул кубок, полный воды.

— Выпей и вера тебя очистит.

Уверенный, что выхода нет, бездомный сделал первый глоток. Вода во рту стала крепчать. Язык почувствовал старый-добрый привкус вина, мозг всплеснул немного эндорфина.

— Ну что? Теперь веришь?

— Да, клянусь сердцем, да.

— Ты станешь гласом моим и понесёшь благую весть в народ?

— Понесу. Всю жизнь буду нести.

— Замечательно. Тогда, иди.

И бродяга убежал, захлопнув глухую дверь. Незнакомец же достал из-под балахона телефон.

— Алло? — сказал он в трубку:

— Да, опять незваные гости. Бомж. Поверил, что я — Иисус, мать его! Алкап

бесцветное вино за воду принял. Да, это сработало. Всегда срабатывает. Особенно, против дебилов.

— Для тебя есть задание, — прозвучало из динамика:

— Нужно кое-кого пришить.

— А счастливчик-то, хотя бы, знатный?

— Несомненно. Расскажу детали по твоему приезду.

Первый этаж обветшало-го жилого дома заполнился диалогом.

— Это, конечно, хорошо, что ты решил со мной пойти, — размышлял по дороге Роджер:

— Но ты, может, хоть объяснишь, куда мы вообще идём?

— Нам надо на Староместскую площадь.

— Центр Праги? Что ты там забыл, магнитик на холодильник?

— По дороге объясню.

Тревис и Стефан вышли на улицу. Улицы всегда заняты людьми почти на круглые сутки, но в тот момент их было разительнее больше обычного.

— Палени Чародейник, — произнес Осберт:

— Чешская Пасха. Идём, я надеюсь, это не затруднит нам поиски.

Вестник полубегом несся к всё большему праздничному скоплению. Роджер пытался его останавливать и узнавать хоть крупинки деталей.

— И что же мы там будем искать?

— Я буду, а ты придумай способ, как отвлечь несколько десятков тысяч людей от одной конкретной достопримечательности.

— Что?

— С одной стороны площади есть важное место. 27 крестов, вмощенных в брусчатку. Туда мне и надо.

— А отвлекать-то зачем?

— Один придётся вскрыть.

— И как мне предложишь это сделать?

— Я был стратегом военного покрыва. И кроме артобстрела на закрытой территории вариантов мне не видится.

— Ты вроде хотел отвлечь, а не убить.

— А ты был уверен, что тебе знакомо понятие юмора.

Узкие и кривые закутки города кажутся запутанными только когда пусты. Во время такого фестиваля нужная дорога сама строится и, к сожалению, она всегда одна. Дома вокруг становились всё готичнее, а это значило, что парень с немцем уже совсем близко.

В центре стоял лютой ажиотаж. В расставленных палатках стояли забитые едой и посетителями столы, везде шлялись бродячие артисты, наряженные в средневековые платья и костюмы.

— Ещё бы помоев на улице и я почти что дома, — с ухмылкой подметил Стефан.

Главным же потребителем внимания зевак была установленная огромная сцена. Шум от неё не был постоянным: кроме нескончаемых традиционных плясок и песен, на ней выступали и известные на тот момент поэты.

Сквозь непролазную толпу Вестники оказались у памятника. 27 белых четырёхконечных крестов с четырьмя красными камнями по углам.

— Придумал что-нибудь?

— Ну, с такой позиции всех нужно просто заставить посмотреть на верх. Я даже не

предст...

Фейерверк.

За спинами обоих сверкнула пороховая вспышка.

— Как только подашь им сигнал, я займусь необходимым. Свободен.

— А военные привычки, я смотрю, ты не растерял...

Роджер опять влез в мешкающийся люд. Залп был произведен маленькой технической будкой за одной из съестных палаток. Тревис проходил мимо длинной лавки, на которой должны располагаться проголодавшиеся, как тут из-за ширмы, ведущей в будку, вышел мужчина в желтом светоотражательном жилете. Подойдя ближе к кассе, парень услышал, что он заказал себе порцию рульки с кнедниками и пинту пива. По его бурному настроению было понятно, что это первый раз, когда за свою смену ему удалось утолить голод.

— Ожидайте, я подзову вас, — с радостью произнёс кассир.

Мужчина ушел за свободное место за столом.

— Здравствуйте, у меня к вам необычная просьба, — заговорил Роджер:

— Повторите порцию этого хорошего человека дважды. Он этого заслужит. За мой счёт.

— Хорошо. С вас 250 крон.

С чувством облегчения парень проскочил за ширму. Ровно за кассой располагался алюминиевый короб без стенок, на котором был прикреплен пульт. Крыша короба была пусковой установкой, где на каждый квадратный дюйм располагался пёстрый заряд.

— «Когда-нибудь...», - прошептал Тревис, по очереди поднимая рычажки готовности:

— Эта война закончится.»

Вестник поднял защитную крышку кнопки с подписью «Окей/Огонь» и нажал. Выстрелы шли не одновременно, система предусматривала безопасность, а последовательно.

Пристально смотрящие на сцену отвели взгляд на несанкционированный запуск салюта. Посетители памятников тоже. Стефан начал работать.

Роджер должен был уходить, но на мгновение поднял взгляд вверх. Вспышка возрастом почти восемь веков до сих пор радовала глаз. Свет слегка слепил, на мгновение Вестник отвел взгляд на пару градусов. Беззаботная атмосфера пошла под откос.

Крыши зданий охраняют редко, только если это здание важное. Крыши зданий во время праздников охраняют тоже не везде, но залезать в это время на них не стоит. Пражская колокольня, как и любое другое строение, жутко старое, отчего имеет характерный архитектурный стиль. Высокие шпили крыш, за которыми ничего не видно, тому стоящий пример.

Участник охранной службы в полном полевом обмундировании шестой раз проверял крышу. Долгожданный и самый важный седьмой раз состоялся по причине появления важной шишки на сцене площади.

— Этот Гусак долго будет выходить? Может за тросточкой ему сбегать, — по радиосвязи жаловался один из охранников.

— Слишком богато на премию живешь, Якуб? Чтобы на президента жаловаться по прямой передаче, у меня такое в первый раз, — на сообщение ответил поднимающийся по винтовой лестнице на колокольню дежурный:

— Как выйдет, так выйдет. У него не отставка, чтобы это длилось вечно.

Охранник поднялся вверх. Вид сотен лампочек внизу походил на огромный пожар. Он даже искрить начал. Справа, с краю ярмарки начали лететь фейерверки.

— Что за хрень?! Это же не по графику! - продолжал возмущаться Якуб.

— Расслабься. Наверное, работничек решил накидаться, вот и задремал на пульте. Я такое на рождество видел. Правда, с фритюрницей. Палатка чуть не сгорела целиком.

— Жалко, что я тогда отпуск взял.

— Вот именно, лучше бы брал тогда, когда и я, может поинтереснее жил бы.

— Ястреб-4, как обстановка? Я повторяю, как обстановка, Ястреб-4? — намного громче из рации прозвучал оператор.

— Всё чисто, Гнездо. Врезать бы умнику, который названия придумывал, по яйцам. Повторяю, всё чисто.

— Это хорошо, а то не люблю пыльную работу, — сказал кто-то за спиной охранника.

— Каког...

— Я на месте, — в свою рацию произнёс неизвестный.

На смотровой вышке у него с собой в руках был большой кейс. Поставив его на поручень, незнакомец шлёпнул замки по бокам и открыл синюю крышку. В губочных формах лежали металлические детали. Проникший взял самую увесистую и накрутил на неё самую тонкую и длинную. Сняв крючок, с заглушки выскочил приклад. В руках у незнакомца эта штука приобрела форму снайперской винтовки. Дальше был вставлен магазин и отдёрнут полуавтоматический затвор. Поставив оружие на перила, незнакомец надавил прицел, который достал из кейса, на ствольные рельсы сверху. Открыв крышку, он прицелился.

— Лучше бы раньше свалил, — тихо сказал неизвестный.

Спустя где-то пять минут толпа подарила аплодисменты последнему вышедшему артисту. Ведущий радостно объявил государственного представителя, который должен выйти следующим. Улыбка на лице стрелка говорила о не зря потраченном времени.

Седой лысоватый мужчина в очках, дублёнке и брюках в полоску предстал перед публикой.

— Добрый вечер, товарищи! - со старческим духом сказал он в микрофон.

Публика энергично загалдела. Речь была обычной для любого политического деятеля. Безликие поздравления, обещания и немного позитивных фактов. Шла она долго, медленно вырывалась из уст этого человека. Незнакомец только ожидал подходящий момент.

Курок жутко манил его палец. Минуты убегали прочь.

— Наша цель — идти к светлому будущему! - заканчивал старый политик:

— С праздником, дорогие тов...

Из ствола пошел дым. Однако стрелок ощутил слишком сильный толчок, нежели при отдаче. На кровле стоял Роджер, рукой подкинувший выпирающую часть винтовки вверх. Неизвестный среагировал быстро. Пинком с ноги он хотел скинуть помещавшего, но парень схватил стрелка за ногу.

Рядом была пустая и ровная крыша. Роджер с неизвестным переместились туда, упав на бетон. Что показалось Вестнику странным, так это поведение противника. Он не убегал, а наоборот, сам лез в драку. Едва увернувшись от ещё одного удара с ноги, парень встал. Блоком Тревис остановил левый кулак, под правый Вестник выскочил с линии атаки. Спина открылась, и Роджер пнул своего соперника туда. Тот полетел вперёд, ударившись головой об трубу вентиляции. Парень хотел подойти ближе, но тут стрелок заговорил.

— Прямо как тогда, а, Трентор? — обернувшись, ответил он.

Вестник остановился.

— Да ладно тебе. Неужели Смертный не вспомнит своего наставника? Патлы мешают

разглядеть?

— Это тот недопанк из Оклахома-сити. Ну, за это хоть спасибо случаю, — покопался в голове парень, а затем сказал:

— Так и знал, что с твоей ангельской рожей я ещё увижусь.

Тревис сделал шаг, как вдруг, вопереди стоящую ногу ангел сделал выстрел.

— Э, нет. Я-то знаю, какой ты сильный. К себе подпустить я не позво...

— Тук-тук, — произнес Роджер, постучав по плечу стрелка, оказавшись рядом.

Со всей силы Вестник врезал тому в челюсть. Подняв того за воротник, парень поднёс его к краю.

— Эй-эй-эй, ладно, наговорил лишнего. Ну, знаешь, жизнь без греха — не жизнь, а грех без жизни — не грех?

— Знаешь, хоть в чем-то ты прав. Уж один раз беззащитного грохнуть, а тем самым согрешить, я могу себе позволить.

Тут парень начал смеяться. Ангел не понимал, что здесь может быть смешного, параллельно скребясь за рукав куртки Вестника.

— Тебе, наверное, невероятно интересно, почему на меня накатила хохота?

— Поставь меня на место, придурок, и я скажу тебе, интересно мне или нет.

— О нет, похоже, у меня слабеют пальцы, — Тревис ослабил хватку, ангел соскальзывал вниз.

— Нет, стой, нет, ладно! Мне интересно.

— Я умер, пытаюсь спасти. Ты умрёшь, пытаюсь убить.

— Да ты поэт! Может, музыку начнёшь писать?

— И смерть твоя будет первой от моих рук к моим врагам.

— Браво.

— Достал.

Дальнобойщик подскочил на сиденье. Мчащийся большегруз дал по тормозам, когда на автостраде его лобовое стекло треснуло, боднув упавшее тело.

Стефан сидел внутри дворика, рядом с крестами. Площадь разбежалась минут пять назад.

Появление Роджера ничуть не смутило Вестника.

— Кто стрелял? — спросил он.

— А сам как думаешь?

— Я удостоверяюсь в догадках. Мертв?

— Как сама Милита. Ты нашёл, что искал.

— Ага.

Осберт встал и отряхнул с себя землю:

— Даже покурить не успею. Скоро приедет полиция, пойдем отсюда, прогуляемся.

Прага вроде бы кажется издали одинаковой, но каждый новый переулочек, в который попадаешь, только сначала кажется уже увиденным, но затем, в них можно заблудиться.

— Блин, а разве я не проезжал здесь по дороге в отель? — оглядываясь, думал парень:

— Или не здесь...

— Я первый раз тоже петлял. Где-то час потратил на поход в магазин. Тебе же было интересно, что я искал?

— Именно.

Стефан протянул стеклянную колбу с деревянной пробкой. Внутри лежала свёрнутая

пожелтевшая бумага.

— Веке, эдак, в шестом, — рассказывал немец:

— Людскому уху стало известно обо всех тварях, которые могут сюда прорваться. И о Вестниках в том числе. Нас невзлюбили первыми. Пытались найти шпионов и наших соратников, убивали тех за подозрения. Но пришел день, когда одного из Вестников поймали. Мало, кто помнит, кем он был. С его руки срезали Пактум. Хотели в нем разобраться так. Человек был таким: что он не понимал, то резал. Но кожа прела на глазах. Тогда, решили воспользоваться кровью. Ею, они писали слова на латыни, хотели изгнать всё плохое из захваченной души. И кто же знал о свойствах нашей крови! Ты же знаешь, что ты можешь найти любого из нас по желанию?

— Ну да. Вроде, Пактум помогает это делать.

— И да, и нет. Главным здесь, является кровь. На пергаменте писали «Найди светлый путь для этой души». А в итоге получили опасную вещицу — список.

— Список?

— Да, перечень всех Вестников.

— Ну, живущих же на тот момент, да?

— Я бы тогда не полез за этим. В 17-ом веке здесь возникла проблема с правящей верхушкой. Церковь тогда была намного большей силой, поэтому новые избранники и на неё хотели наложить руку. А как ты понимаешь, с ней шла вся документация и список в том числе.

— Список был в Праге?

— Не совсем. Члены любой церкви имели к нему доступ, даже деления на страны не влияло на это.

— А кресты здесь причём?

— Там лежат 28 участников восстания против всей той заварухи. Список они хотели упрятать от глаз нынешней власти.

— Я насчитал 27.

— А ты что думал, что кто-то будет на самом видном месте оставлять главную подсказку к достижению такой реликвии? Да, будет. Просто крест не ставили. Жаль того беднягу.

Стефан дал возможность Роджеру снять пробку. Края бумаги от лёгкого прикосновения не мялись, а трескались как картофельный чипс. В гравюрной рамке красными чернилами было написано:

— Pečet' chránila velké znalosti.

Nemůžete otevřít silou,

Vírajédánateprvejdříve,

V krupobití zlatých hvězd čeká.

Sigillo munito procedere.

Vos potest non aperire, vi comprimendo,

Non enim dedi ad fidem omnium primus,

In salвете manet aurea sidera.

Biskup Sayonek.

Episcopus Sayonek.

— Это одно и тоже четверостишие на чешском и на латыни, — подметил Стефан:

— Годы практики позволяют мне это прочитать. Дай взглянуть.

Перехватив рукопись, Осберт прочёл:

— Печать оградила великое знание.

Отворить её можно не силой,

Верой дано лишь зайти самой ранью,

В Граде звёзд золотых поджидает.

— Град звёзд? Ну, Голливуд они вряд ли имели ввиду.

— На моей памяти только один «золотой» Град писали с большой буквы.

— Куда направляемся?

— Израиль.

— Оу. Слушай, деньги у меня, конечно, ещё есть, но нам может не хватить на путь обратно.

— Я из своих заплачу. Копил себе на отпуск, думал, эдак, под четвертую сотню отправится куда-нибудь потеплее. Мечты сбываются.

— Добро пожаловать в Бен-Гурион, главный аэропорт Израиля. Вся необходимая информация о рейсах отображена на цифровых табло. Просьба обращаться за дополнительной информацией в специальное окно, расположенное в любом из краёв помещения. Приятного времяпрепровождения, — запись уже несколько раз проигралась, пока Стефан дожидался своего багажа.

Роджер вернулся из кофейни со стаканом бодрящего напитка.

— Сколько ещё секретов таится в твоей голове германского происхождения, а, Прах? — Вестник по-дружески ткнул локтём в предплечье своего спутника.

— Лучше бы за своим кошельком следил.

— Да ладно тебе, что я не могу себе кофе позволить?

— Нет, можешь. Тебя просто обсчитали на доллар.

— Чёртова еврейская гни...

— Полегче. Здесь народ чувствительный. Мне-то уж поверь.

Сумка наконец-то выехала по транспортировочным роликам. Вестники сели на нужный автобус из Лода, где аэропорт и располагался.

— Сколько ехать до Иерусалима? — спросил Тревис.

— Километров 50 — это час, не меньше, — Осберт поглядывал в большую бумажную карту.

— Тогда, вздремну. Разбудишь, когда приедем.

— За шкуру выброшу. Быстро проснешься.

Дорога и вправду клонила в сон. Боковые стёкла застилала пыль и песок, а внутри салона стоял зной.

Рядом с водителем сидел экскурсовод. Он должен был которую поездку подряд рассказывать один и тот же материал, скучно скомпонованный из двух, может быть, трёх страничек из книжки по истории. Заработок у него был стабильный, так что половину поездки этот дедок просто сидел на специально выделенном в автобусе месте. Но когда жар дошел и до него, лучшим вариантом, который он нашел, был начать эту рутину. Причиной тому были маленькие окошки в районе головы, которые могли одарить любого стоящего в салоне хоть крупницей ветра и прохлады. Предложения вылетали из его седых усов неохотно, и его ломанный английский даже по желанию было трудно разобрать. Бодрость была заказана, и этот старик был её киллером. Пассажиры смыкали глаза, не дремали только мамы с кричащими детьми. Однако, спустя ещё время даже этот шум не мешал погружению в сновидения. Водитель заехал на горный участок дороги. Извилистая тропа, крутящий руль знал её вдоль и поперёк. Волноваться не о чем. Железный рычаг коробки передач слишком хорошо стоял на одном месте, так что рука на нём легко повисла. Колёсная ось конструктивно возвращалась в обычное, прямое состояние. Сладкий сон не даёт следить за дорогой. Машина полетела с обрыва вниз. Вес раскрутил автобус, отчего крыша обогнала лобовую часть. Полёт длился не долго. Салон вмялся, ударившись об землю.

Рядом с водителем сидел экскурсовод. Он должен был которую поездку подряд рассказывать один и тот же материал, скучно скомпонованный из двух, может быть, трёх страничек из книжки по истории. Заработок у него был стабильный, так что половину поездки этот дедок просто сидел на специально выделенном в автобусе месте. Роджер

очнулся.

— Сон плохой приснился? — иронизировал Стефан.

— Ну, как тебе сказать...

Экскурсовод встал с места, и заговорил. Он пытался начать лекцию.

— Эй, простите! - подозвал старика Тревис.

— Что хатели? — раздраженно сказал экскурсовод.

Вестник нервно покопался в карманах и, достав из них последние шекели, протянул их старику.

— Вот, прошу, возьмите и сядьте.

Экскурсовод почесал затылок и взял купюры. Близился конец пути.

— Просил же, поэкономнее быть, — ворчал Осберт.

— Мне интуиция подсказала, что эти стоило отдать.

— На ещё одно кофе не дам.

— Ну, паап.

Вестники выбрались наружу, спустившись по проржавевшим ступенькам автобуса. Вид знаменитого города Давида был немного непривычен. Две половины, старый и новый район располагались на двух крупных плоскогорьях, рассеченных низиной.

— Догадаться не трудно, куда нам надо? — усмехнулся Стефан.

Старый град уже давно не был населён людьми. Это полупогребенный под землей и песками артефакт умершего древнего общества. Новый же, по большей части из-за больших пылевых облаков, идущих из него, отводил от себя взгляд.

— Займёмся «черной» археологией? Пойдем, хоть, лопаты купим, — недоуменно произнес Роджер.

— Мертвый город нам ни к чему. Всё, что историки или историки-энтузиасты хотели там найти, уже нашли. Как бы ты этого не хотел, судя по твоему поведению, сегодня на экскурсию нам пойти придется.

— Ты знаешь, куда идти?

— Печать, которую упоминали в четверостишие, скорее всего, не только защита. Это тайна. Неудивительно, ведь мы ищем многовековую рукопись, сокрытую деятелями церкви. Но ещё, печатью что-то отмечали. А печать — символ государственных сил. Печатью чеканили монеты. Монеты разные, но чаще всего, золотые. Улавливаешь, к чему я клоню?

— Золотой храм?

— Почти. Сегодня пойдем посмотреть на Золотого царя. На его могилу.

По пути казалось, что в гробницу Хозяина Града будет трудно пробиться. По улицам в две полосы с обеих сторон места для автомобилей просто отсутствовали. Всё было занято. Да и по тротуару шло много народу. Но, как оказалось, нужное место не было первым по списку для простых посетителей. Рядом было место поважнее. Шекели в кассу, билеты в карман. Входом выступала небольшая арка с всевидящим контролёром. Внутри был каменный дворик с неосвещенными коридорами куда-то в глубину. На этот раз женщина в красной майке, кремовой юбке и черных очках вела за собой толпу заплативших за билет.

Вестникам представили одну статую, где некогда великий царь играет на арфе, а затем их повели дальше в здание. Потолок был заужен и скруглен по углам, отчего в проходе ощущалось давление. За ним был ещё один внутренний двор, уже с растущим деревом. Он представлял из себя открытую площадку, с которой можно было увидеть приличный кусок города, и не мудрено, гробница же находится на возвышении знаменитой горы Сион.

— Как думаешь, он про это знал? — осматривая здания на горизонте спросил Стефан.

— Что именно?

— Давид знал, что к нему в гробницу будут ходить толпами?

— Я думаю, что любой известный человек осознаёт, что слава будет жить дольше него самого. Её нужно лишь не потерять. Можно сказать, что это очевидно.

— Был бы я известен, сделал бы муляж своей могилы. Люди, как люди — пусть удовлетворяют свои потребности, как могут. А сам бы лежал бы где-нибудь далеко от этого места. Не хочу чувствовать сотни ног на своём гробу.

— А как же родные?

— А с родными другая история. Они идут не поглазеть на то, какой у меня красивый труп или коробка для него. Они идут за воспоминаниями. А стоять в огромных очередях, чтобы просто в очередной раз вспомнить, кем для тебя был погибший, для них довольно нечестно.

— А мне показалось, что ты просто социопат.

— Неужели с твоим молодым обликом ты не знаешь, как может быть лживо личное восприятие? Многие про меня так считали, а тебе не стоит.

Перерыв, ранее объявленный экскурсоводом, закончился. Настала пора главной цели.

Проход вглубь был таким же маленьким, если не ещё меньше. Однако, закончился он довольно просторной комнатой. Здесь и располагалось мраморное сооружение. Прямоугольные стенки, накрытые треугольной крышей и красной, шёлковой тканью. От середины гроба шла перегородка, не дававшая заходить за неё туристам. Рядом с покрывалом, в избытке украшенном религиозной символикой, обычно приняты песнопения, но на момент прихода туда Вестников и остальных никого там не оказалось.

— Видишь что-нибудь? — шепнул Тревис Осберту на ухо.

— Ничего, абсолютно. Никаких печатей вокруг.

— Тогда, попробуем симпровизировать.

Вестник поднял руку.

— У вас появился вопрос? — сказал экскурсовод.

— Да, извините, что врываюсь в ваш интересный монолог, но вы не знаете, имеет ли эта гробница какое-нибудь отношение к христианству?

Роджер был выведен охранной за территорию. Через пару минут к нему вышел Стефан.

— Гробница Давида — центр иудаизма. Простительно, что ты не знаешь.

— И что теперь, я в их глазах враг народа?

— Нет, просто такие вопросы задают люди, просто пытающиеся разозлить окружающих.

— Это она тебе рассказала?

— Ага, а ещё ответила на твой вопрос. В 12 столетии здесь бушевали крестоносцы. Оставили кое-что. Монастырскую крепость.

— И это она?

— Почти. Здание перестроили, но некоторые намёки на это остались.

— И нам надо найти их?

— У меня есть одна идея. Помнишь, что требовалось для открытия печати?

— Вера?

— Креститься умеешь?

— А сын клерикалистов ходит в церковь? Доводилось и не раз.

— Перекрестись, смотря на вход. Только проверь, нет ли рядом прохожих.

Парень провёл религиозный жест:

— И?

— Знаешь, что такое Церковный раскол?

— Ты решил тут экскурсоводом подработать?

— Перекрестись ещё раз, но большой палец положи на безымянный.

Парень снова провёл этот жест:

— Над головой нимб появится должен или что?

— Как можно медленнее.

— Сказал бы лучше уже.

Рука с двумя вытянутыми пальцами поднялась ко лбу Вестника. И тот увидел. Остальная троица пальцев, сложенная в воронку, указывала на медный круг в углу входа в гробницу.

— Это и есть печать?

— Не думаю. Рядом с этой штукой железная полоса, стоит пойти по её следу.

Гробница располагалась на ровном фундаменте, в то время, как дорога, идущая рядом, спускалась вниз под острым углом. Линия закончилась на цоколе, утыкаясь в один конкретный кирпич основания. Стефан постучал по нему.

— Польй, — радостно сказал он и выдернул каменную заслонку. За муляжом лежал железный короб с дверцей, замок которой требовал довольно увесистый по оттиску ключ.

— Твою ж! И где нам теперь его иска...

Роджер вбил два пальца в верхний край дверцы. С трудом, но её петли слетели.

— Для двери при обыске ты тоже ключи искал?

— Я просто стараюсь не привлекать внимания, — вздохнув, ответил Осберт.

Во взломанном ларце лежал обтянутый засохшей кожей, окрашенной в синий, цилиндр. Крышка едва поддавалась, когда Стефан попытался его открыть. Уже в нём лежала очень большая свернутая грамота. Раскрыв её на высоте рук, она своим концом коснулась земли.

— Ты, вскрывший эту тайную печать, являешься одним из высших господ, — переводил немец с латыни:

— И раз уж теперь знание попало в руки твои, то значит, что огни инквизиции воспламят опять. О подвиге этом написать посмей. Умный лидер воспользуется опытом прошлого.

— Ну, хоть в этот раз без стихов. Ну, как? Это оно?

— Здесь звёздная карта. По ней мы найдём место.

— Даже такой тайник им не подошел, ну ладно.

— Дальше идут только подписи и отметки тех, кто был здесь до нас. Интересные личности.

— Небось, одни короли?

— Известные священники. Торквемада, Карл Пятый, Филип Второй, Генрих Второй.

— Папский фуллхаус, не меньше.

— Погоди...

— Что такое?

— Франциск Второй.

— Ещё один папа?

— Нет. Король Франции, но не в этом дело. Рядом с ним стоит не только печать. Метка.

Холод пронёсся по головам обоих Вестников от макушки до самого горла. Длинные кинжалы, как шпажки воткнулись им сверху.

у.

— Руки от меня убери, выблядок Мамоны! - недовольно кричал немец, чем разбудил Роджера:

— Пошёл вон, кровопийца!

Вокруг корпуса парень почувствовал тяжеленные стальные прутья согнутые так, чтобы жёстко прижимать Вестника к спинке стула, на котором он сидел. Подняв голову, Тревис увидел причину недовольства своего товарища по несчастью. В его шею сзади вцепился молодой мальчуган лет шестнадцати. Стефан дергал головой, пытаясь сбросить кусающего, и когда тот подошел к Осберту спереди, Вестник пнул его ногой в ближайшую стену. От удара плохая проводка заставила свет немного вздрогнуть.

— У них что, ещё вампиры водятся?! - воскликнул Роджер.

— И не только вампиры, чёрт.

— Значит, сказки — не вымысел.

— Ещё как. Как же больно-то, сучий паразит! Была бы моя воля, я бы избил эту свобочь до смерти. Этот говнюк не знает даже о формальном этикете!

— Как смеешь ты, простолюдин, так говорит о подлинном наследнике королевских кровей! - малец пришел в себя, после удара об деревянные полки за спиной:

— Чтоб ты знал, невежа, пред тобой истинный король заблудшего королевства Франции. Франциск перед твоими очами!

— Довольно дерзко для отпрыска короны, который год с лишним правил, сдохнув от гангрены, — упрекнул его Стефан.

— Кто же знал, что эти Гизы встанут на моём пути. Лгали, что помогают власти, а толку-то! Им лишь бы поскорее меня прибить.

— Тебя что, чесноком откармливали? — вставил Тревис.

— Нет, идиот! Это мерзкое обличие появилось после моей смерти. Богом клянусь, на меня навели порчу!

— И что, решил свалить подальше из страны, в тихую посасывая иудейскую кровь? — спросил Осберт.

— Уж слишком много слухов ходят об отродьях Дьявола в Европе. Бежать пришлось.

— Я смотрю, с людьми ты давно не общался, раз решил поделиться с нами своей жизнью, — подметил Роджер.

— Твой друг посмел обвинить меня в несоблюдении этикета! Я не мог так опорочить свою честь.

— Французская знать, как она есть, — произнёс немец:

— Что же ты раньше не рассказал о себе?

— Еда не всегда осмелится со мной общаться. Даже ваши небратья по оружию кричат во всё горло. Вы же их ангелами зовете, не так ли?

— Откуда ты...

— Ну-ну, не будь так глуп. Неужели бессмертный вампир не может узнать о фауне вокруг?

— Что верно, то верно, малой. Много веков потратил, чтобы два и два сложить? — издевался Осберт.

— Как смеешь ты говорить о чести, хотя сам...

— Как давно умерший, мне лучше знать, кто выше любых королей, и кому даже поклонится не скверно.

Мальчуган улыбнулся:

— А хороший паёк попал ко мне в сети. Признаю поражение, вот только вы всё также здесь, в плену своей участи. Не каждая жертва столь долго утоляла мою жажду, как это будете делать вы.

— Он же не сможет нас убить, Стеф. Мы для него грёбанная бензоколонка!

— Верно, крестьянин. Разве что, «бензоколонка» мне не ведома. Моя долгая охота подошла к своему двойному завершению. Если, конечно, мне не надоест изредка сжирать одиноких дам в тёмных переулках. Вам же нужен стимул меня ненавидеть, не так ли?

Прутья вокруг Стефана заскрипели.

— Даже не думай. Я стал очень хорошо слышать за последние пару столетий. Ещё хоть скрип и прицеплю к твоей голове бензопилу. Попробуешь потом фамильярничать перед чистой кровью. Мне пора отлучиться. Время ужина ещё не настало.

Франциск удалился в правый проход, заперев его ключом.

— И часто тебе впиваются в шею, а? О многом я не знаю?

— Легенды или мифы существовали в каком-то роде раньше. Только летописное правило заключается в том, что коверкать содержание, перевирая правду, в них начинают почти сразу.

— Да уж. Исчерпывающий ответ.

Минута молчания в честь потерянной темы для разговора. Вдруг, что-то нашлось.

— А у тебя есть семья? — прервал тишину Роджер.

— Что? — непонимающе, выбравшись из гнева, сказал Стефан.

— Ну, родные? Да, вероятность маленькая, но, может кто-то смог дотянуть до сегодня.

— Не знаю. Я не стал бы копаться в архивах, чтобы прийти к какому-нибудь в глаза не видевшего меня человеку и сказать, что я его дальний родственник. Даже троюродные родные так не делают, особенно у вас.

— Не хочешь втягивать?

Осберт глубоко вздохнул:

— Не хочу, чтобы они себя считали моей роднёй. Я стал не тем, кто горел на том костре. Я — инструмент, нежели человек.

— Эй, не раскисай тут.

— Я тебе что, твоя жена? Я просто ответил тебе, ты сам спросил. Уж успокаивать меня не надо.

— Ладно, здоровяк, не буду. Ну, я хотя бы узнал главное. Тебе есть за кого бороться.

— Чего?

— Можешь сказать спасибо. Я не дам умереть твоей задумке.

Стянутые за спиной руки Тревиса подвинулись ближе. Кисть одной залезла в рукав другой и вынула оттуда монету.

— Надеюсь, прокатит.

Парень отвел пальцы с монетой вниз, а затем подбросил её над головой. Роджер заметил её взглядом, и закрыл веки со ртом. Монета оказалась у Вестника на языке, а в воздухе возник маленький комочек дыма.

— По команзе, — щепельнул парень и двинулся со стулом влево.

Скрип был громкий и чёткий. Малец, услышав его, тотчас оказался у пойманных.

— Простолюдинская голова мешает думать, — усмехнулся он и подошел ближе:

— Что, думал, рядом со своим другом будет намного проще выбраться?

Вампир схватил Тревиса за голову.

— Может, она и вправду тебе мешает.

В этом и был план. Вестник выждал, когда мальчуган прислонится к нему достаточно, и с размаху шеи вдавил монету в его лоб. С криком жгучей боли вампир отскочил назад.

— Воткни в него ножку стула. Сейчас же! - приказал Стефану парень.

Лоб мальчика зашипел и вспенился, на коже надувались волдыри, а плоть вокруг монеты стала обмирать. Немец напрягся, и тёмные щупальца выскочили из головы Франциска, схватили ножку стула Роджера. Под хруст дерева летящий кол пробил сердце вампира.

— Знал же, что склянку с ремня не стоило убирать в сумку, — воскликнул Осберт и сбросил оковы.

Мальчуган бился в припадке на полу, а подошедший к нему Стефан улыбнулся:

— Четвертак 63-го года выпуска? Я думал, что их хрен достанешь сейчас, они же почти полностью серебряные.

— Хранил на черный день. Когда в автобусе придется заплатить или купить стаканчик кофе.

— Удивительная вы персона, мистер Тревис, — произнеся это, Вестник ногой вставил до конца монету в голову.

Тело вампира сгнило до основания за мгновение.

— И с кем ещё нам предстоит встретиться? Ожившие мумии? Или может Кракен?

— Не все истории — правда, даже в нашем положении.

Немец приоткрыл вход в жилище похитителя. Это было дешёвое жильё, про отвратительные детали которого добавить нечего. Вестник открыл окно, и увидел Луну, поднявшуюся на небосводе.

— Плен сыграл нам на руку. Я порвал пальто, когда растягивал прутья. Ночь это скроет. Да и сейчас самое время для поиска.

— А как мы будем искать?

— В бумаге было указано несколько созвездий. Для нашего сезона подходит Северная корона. Место, которое мы ищем, должно находиться под углом в сорок градусов над её главной звездой, Геммой. Без секстанта не обойтись.

— И где мы его достанем?

Полтора часа скитаний по городу закончились на магазинчике с антиквариатом, который, к несчастью, уже был закрыт. Решётчатые железные ставни закрывали доступ в это полуоткрытое помещение. Но, благо, Стефан прикрепил себе на ремень необходимую бутылку. Нужный прибор был у них в руках.

— Ты умеешь им пользоваться? — поинтересовался Роджер.

— Нет. Меня никогда не интересовало мореплавание. Но я принцип на ходу пойму.

— Звучишь прямо как я.

В итоге не самых простых измерений и поисков, Вестники оказались в Старом Граде.

— Надо было в аэропорту лотерейный билет купить, — сказал Тревис, увидев характерный ландшафт.

Холодный ветер сдувал насевшую на обломки древних хижин пыль.

— Слушай, Стефан, а... Призраков, ведь, не бывает?

— Мои знания в демонологии по большей части практические, поэтому, я не уверен. А

ты что, боишься, что ли?

— Ну, я понимаю, что мы давно пересекли эту грань страха смерти, но все равно....

— Фантомный страх.

— А?

— Ты чувствуешь фантомный страх. Чувство боязни того, что вред тебе уже причинить не может. Он наступает не сразу. Даже у меня был.

— И как, ты смог избавиться от него?

— Я стараюсь отвлечься.

— Чем, например?

— Размышляю, сколько нужно тех красных пуль, чтобы нас убить.

— Точно. А сам про «фантомный» говорил.

Ветер дул, не переставая, и изредка становился сильнее. Со стен посыпалась каменная крошка, издав четкий стук.

— Роджер.

— Что? Да?

— Ты идешь впереди меня. Я думал, что я нас веду.

— А, извини. Не заметил.

Узкая тропинка между развалин закончилась тупиком. Секстант в руке немца подтвердил. Сюда Вестникам и надо.

Парень огляделся. Ветер стих.

— И что мы тут должны найти?

— В рукописи больше ни слова. Может, тайник.

Стефан нагнулся и порылся руками в песке. Тревис помахал ногой вокруг, но, ничего не приметя, обернулся. Странный штиль был только рядом с Вестниками. Перед глазами парня ветер поднял в воздух целую стену пыли.

— Осберт.

— Что у тебя?

— Ложись!

Роджер отпрыгнул в сторону, а немец пригнулся к земле. Песчаный вихрь промахнулся мимо одного, и пролетел над головой другого прямо в гористый бугор, которым заканчивался тупик.

Маленькими кусками песок и пыль слетели с него. На его месте был люк.

— Обычный сейф с кодом, видимо, слишком скучный, — парень встал с развалившейся под его весом стены бывшего домика.

— Рядом с люком стена, — присмотрелся Стефан:

— По типу фортификации, мы у дворца любимчика церковных кладохраниелей.

Под крышкой прохода был вырыт длинный спуск вниз. Земля была только сверху люка: стенки представляли собой блоки камня, наложенные друг на друга. В некоторых из них выдолблены отверстия, в целом походившие на своеобразную лестницу.

Осберт спустился вниз. Длинный коридор освещался ничем, кроме как светом из отверстия люка.

— Тутуруууту-ту-туру-ту-туру-ту-тутуруруру..., - напевал под нос появившийся сверху Роджер.

Немец зажёл ручную зажигалку. На стенах висели железные подставки, в которые были вставлены продолговатые палки. Вестник взял одну, поднёс к газовому огню, но те просто задымились.

— Без бензина никак, если тут, конечно, нигде нефти нет, — произнес он.

Тревис усмехнулся, и последовал за идущим Стефаном. Осберт в этот раз шел метра на три впереди, свет от зажигалки еле доставал до догоняющего парня. Каменный хруст. Оба Вестника замерли, как вкопанные.

Рядом с немцем из стены появился свист. И сразу за ним дротики. Стефан приготовился увернуться, но полет этих маленьких снарядов закончился намного быстрее. Не успев добраться до Вестника, они рассыпались в воздухе. Осберт посмотрел на Роджера.

— Догадки есть? — спросил парень.

— Ни единой.

— Вот меня всегда интересовало, почему за разные ловушки в фильмах отвечают разные кнопки...

Ветер дунул в спину Тревиса. Затем, что-то вдалеке упало. И ещё раз. И ещё, уже ближе.

— Накаркал, фильмолюб. Бежим!

В кромешной тьме трудно было разглядеть источник звука. Пока через минуту легкого бега рядом с Вестниками не упал булыжник. Потолок обваливается.

— Хорошо, что хоть с одной стороны! - крикнул парень.

На мгновение показалось свечение в конце коридора. Внезапно, грохот появился и спереди, а свечение исчезло. Паника не давала шанса подумать или остановиться. Уже предстоящий тупик можно было разглядеть взглядом. Роджер, не придумав ничего более лучшего, набросился на Стефана. В голову пришло только место спереди.

Завал был за спиной. Вестник переместил обоих.

— Не выберемся, зарую ещё глубже, — ворчал немец, пытаясь оторвать от себя Тревиса.

Стало понятно, откуда бил свет: над головами спасшихся виднелось забитое досками дно колодца. Стены уже не были рукодельными. Вокруг была пещера от сильно высохшего источника. Вокруг всё ещё были небольшие лужи с водой, которые наполнялись от ручейков из породы, но ведром такие уже точно не зачерпать.

В ближайшем углу маячил проход. Это помещение уже было чем-то обтесано для более подходящего вида.

— Как не к стати я обронил зажигалку. Придётся искать что-нибудь наощупь.

Парень по указанию спутника начал проводить руками по стенам. Довольно аккуратно, чтобы случайно ни на что не нажать. Всё было гладко, пока Вестник бедром не стукнулся о что-то твердое. Это был довольно большой валун почти на весь угол комнаты.

— Вроде ничего на стене нету.

Роджер хотел подойти к другой, но споткнулся. Удержав равновесие, парень уже хотел сделать шаг снова, но тут нога будто застряла. Парень наклонился, чтобы кистью понять, что

случилось.

— Стефан!!! - услышал немец и подскочил на голос.

Тот в едва различимом освещении замер на корточках.

— Опять нажал?

— Рука.

— Застрял?

— Да нет! Меня рука за ногу схватила!

Осберт нащупал западню из пальцев. Совместными усилиями её удалось раскрыть.

— Под валуном кто-то есть. Живой. Надо его убрать. Стань с другой стороны.

Вестники схватились за камень, но ни сила обоих, ни габариты его самого не давали это сделать. Тогда, немец, как лезвием, ладонью рассёк валун снизу. Но, неожиданно, всё место вокруг затряслось на минуту.

Роджер вытащил отколовшиеся куски породы, и рука зашевелилась вновь. В этот раз она залезла в новое отверстие и начала вытряхивать песок. Появилось лицо и часть торса. Кожа на лице черноволосого мужчины без слоя пыли походила на окаменелость. Он был замурован здесь очень долго. Рот двигался, сжимая твёрдую плоть. Даже хрипа не было, но Тревиса осенило. Парень выбежал из помещения, зачерпнув воды и поднёс её к телу. Голова этого человека с дикой жадной пило содержимое, чуть не вгрызнувшись в ладони.

— С... Спас-спасибо, — закричал он едва разборчиво.

— Ты говоришь по-английски?

— Д-дак-хе.

— Кто ты?

— Меня з-зовут М... М... Марок. Я — служитель свыше, посланник небожителей и Вестник их.

— Совпадение за совпадением. Приветствую, собрат, — произнёс Стефан, держа во рту трубку и зажигая её спичкой.

— Так у тебя всё это время были спички?!

— Держал до нужного момента.

— В-вы...? — откашливался мужчина.

— Мы можем тебе помочь? — перевел тему Роджер.

— Нет, я сам пытался...

— С нами двумя должно получиться.

— Если сбросить камень или сделать подкоп...

— Да...

— Дай ему договорить, Тревис.

— Мы будем погребены обвалом навечно!

— И долго ты тут?

— 1923 год был вокруг меня... Когда я зашел в эту проклятую пещеру.

— Тебе тоже нужен был список?

— Да. Вы тоже за ним пришли? Он здесь.

— А как ты оказался в такой ситуации?

— В полной темноте, я гладил руками стены и пол, пока на меня не упал этот валун.

С недовольством Тревис посмотрел на Стефана.

— Что? Все бы так сделали... Ладно-ладно, считай, что мы квиты.

— Слушай, Марок. Мы можем вытащить тебя отсюда.

— Ни в коем случае! Если вы хоть попытаетесь, всё здесь засыпет, и списка вам не видать.

— Ну, мы же можем сначала взять его, а потом...

— Все равно нет. Вы, как и я, не знаете, что здесь ещё может храниться.

— Хорошо-хорошо. Но мы все равно что-нибудь приду...

— Эй, Роджер.

— Что такое?

— Металлическая линия.

— Где?

— Под вами.

С места, где рука Марока вцепилась в ногу, слетела закрывающая детали грязь. Отчетливо блестящее железо. Немец, подметая, шел по этому следу до середины комнаты.

— Как помещений, так дохрена, как тайник, то обязательно посередине.

Круглый каменный диск был по центру. На нём было много маленьких блоков, с разными изображениями.

— Печать, так печать, — буркнул Осберт.

— Что на ней написано?

— Д-да... Что там?

— Множество букв. На греческий похоже, но очень много символов похожих на эн.

— Э-это... Это иврит.

— Нужно сложить слово, но какое? — завис в ступоре Тревис.

— Марок, я правильно обращаюсь? — спросил Стефан.

— Д-да.

— Как на иврите будет вера?

Мужчина пальцем провёл по песку. Осберт схватил схожие блоки и подвинул к центру. Железный звон пошёл с потолка. Пики устремились к Вестнику, но только они приблизились к нему, как их наконечники рассыпались. Рука Марока упала на землю. Роджер снова сбегал за водой. Придавленный снова пришел в себя.

— Так это ты на входе был! - догадался парень.

— Я отгонял незваных. Тайна должна остаться тайной, даже если я буду тут.

— А я уж думал, что призраки существуют.

— Н-ну, м... Мои действия не говорят о том, что их нет.

Облегчение Тревиса пропало.

— А другой «веры» нет? — между железными столбами замер Стефан.

Марок снова написал на земле, но уже более длинное слово. Пять букв, пять блоков. Печать открылась.

— Ясно. Символизм. Число это и количество ран у главного мученика, и номер грехопадения.

За кругом лежал ящик, который Осберт тут же вытянул щупальцей.

— Я-я горжусь вами, друзья. А теперь, уходите отсюда.

— Но Марок...

— Я-я всё сказал! Спасибо вам за то, что за эти годы я смог снова поговорить с кем-то.

— Пошли, Роджер. Так надо.

Вестник нехотя ушел с немцем.

— Поднимешь нас?

— Конечно.

Парень закрыл глаза.

Оказавшись на поверхности, всё было спокойно. Как вдруг, порода просочилась вниз, обвалив целый квадрат скалы.

— Жаль его, — угрюмо произнёс Стефан.

— В этот раз тебя можно успокоить? — радостно ответил Тревис.

Немец обернулся. Рядом с парнем, у колодца, оперевшись на него, стоял, дергая ногами, Марок.

— Упрямый до конца. В тебе больше схожестей со мной, чем мне казалось.

— Ты как? — обратился к спасённому Роджер.

Удар в лицо сломал парню нос.

— Ау!

— Если ты думаешь, что я как твой друг пощажу тебя, то нет. Мы всё ещё утратили слишком много, чем моя свобода, — рассердился Марок.

— Ладно, я не надеялся на благодарность.

— Товарищ, пока я пытаюсь открыть этот сундук, ты можешь преподать ему больший урок.

— Эй! Ну уж нет. Я не намерен получать тумачи за спасение жизней. Дай сюда, я сам его открою.

Тревис выхватил груз у Стефана и поставил на землю. Внешний вид у ящика был довольно необычным. Вместо религиозных деталей или вычурностей, он был покрыт костями по рёбрам, а вместо замка выступал череп.

— Бедная собачка, — сжалился Роджер:

— На простой ларец пошла.

Вестник пытался открыть челюсть, скрывающую щель для ключа. Надавив очень сильно, он отломал её.

— Упс. Прости.

— Ты сейчас с костями болтаешь.

— Отстань.

Пальцами парень схватился за оставшуюся часть. Внезапно, большой палец проткнулся клыком верхней челюсти. И, что более, странно, кровь исчезла сразу же. Сундук задёргался.

— Роджер, лучше отой...

Парень очнулся. Иерусалимский Вестник и Стефан тоже. Все трое лежали отброшенными. Немец медленно вставал, показывая усталость. Тревис подошел к нему, и поднял за руку.

— Ты цел? Что случилось? — спросил он у Осберта.

— Я сам не понял. Нас что-то толкнуло. Смотри!

Ящик был открыт, но на нем чего-то не было.

— Эй, — воскликнул Марок:

— А где кости и череп?

— Мы не знаем! - ответил парень.

Стефан на него положил руку.

— Так. Сейчас главное, не вздумай дёргаться.

— Почему?

— Может стать хуже.

— Что там?!

— Он... На твоей шее сзади.

— Сними его с меня!

Немец вцепился черным сгустком в костяной выступ на спине Роджера, однако, это обернулось странностью. Вестника оттолкнуло, сильнее чем в первые. Стефан впечатался в ближайший глиняный пригорок. Пришлось сплюнуть кровь.

Шок переполнил Тревиса. Он пытался моргать, тем самым вырвать кости из себя. Кроме клубней дыма ничего не менялось. Переместившись немного вперед, тоже. Последняя попытка.

Рука парня взялась за выступ. И тут, опасность будто поддалась. Словно делая это уже сотню раз, пальцы знали за что схватится. Мышцы раздвинулись без капли боли, а кости, как в хорошо проваренном мясе, слезли без усилий. Что-то белое взмыло в воздух над головой Роджера. Тот чувствовал странную уверенность. Правая рука опустилась вниз и раскрыла ладонь. В неё и упала эта вещь. Около трёх десятков позвонков на ней вытянулись, сделав из себя длинный посох, на конце которого был череп той самой собаки. А из его затылка за мгновение ока появился вытянутый нарост, заострённый снизу, как лезвие. Коса из чистой кости.

— Ай, Моська! Знать она сильна, что лает на слона! - засмеявшись, запрыгал на месте Марок.

— Тебе и вправду стоило купить лотерейник.

— Что это за штука?

— Коса.

— Да я понял, что коса. Откуда она тут?

— Люди старых веков были очень умными, — успокоился иерусалимец:

— Поставили охранять от непрошенных гостей верного пса Сиза.

— Всадника? Жнеца?

— Ага, — продолжил Стефан:

— Был бы ты не тех кровей, был бы растерзан в труху.

— Значит, я что, дворянин?

— Нет. Ты просто с той же кровью, что и мы с Мароком. И с Всадниками. Коса признала в тебе хозяина.

— Крутой подарок, жаль, что сегодня не день рождения.

— Ну, теперь, перевес в сторону ангелов уменьшился. На процентик, наверное.

— Мне теперь придется найти хороший для неё чехол.

Только Роджер озвучил эту фразу, как его новое оружие вернулось к нему в спину.

— Видимо, — отряхнулся от грязи Осберт:

— Не понадобится. Пойдём уже посмотрим то, зачем пришли.

Внутри сундука лежала очередная бумага, на этот раз свёрнутая в конверт. На нём был восковая отметина.

— Пий Десятый. Папа, закончивший инквизицию.

Стефан открыл обёртку и достал долгожданный пергамент. Он был жутко твёрдым из-за смолы, покрывавшей его, чтобы тот не испортился.

— Двенадцать Посланников Ада

Идут они по Миру давно.

Пять веков имена их содержат

Сие древнее кровь-полотно.

— Опять стихи?

— Да. Падший, поющий в баре Торонто.

Смертный, идущий подобных искать.

Дурьер Архангельском жив ещё с фронта.

Прах ведом мстью и волен шагать.

Копи в Ливии, тюрьма Бардии его охраняет.

Орфет в Ирландии, лес в Скибберин — это дом.

Марок свободен, в Граде Давида он ожидает.

Мари в поисках правды, след за следом.

Грайсин юг посещает, в Нанкине она.

Онгэйд прячется близ домов Ливерпуля.

Клык в Риме родном, Помпеи, туда.

Бунарр — неизвестно, идёт как судьба.

— Подожди. А где Докун?

— Закон равенства. Обычно, нужно много ждать, чтобы он сработал, но, видимо, за нами присматривает Милита.

— На Земле всегда должно быть двенадцать Вестников. Но, Стефан прав, должно не значит есть.

— Ну, тогда, кругосветное турне продолжается?

— Увы, друзья, я должен вас оставить, — с сожалением сказал Марок.

— Что?

— Список не зря написал свои строки. Пока я лежал там, я не сходил с ума от бешенства, я думал. Я думал, что меня достала эта жизнь. Я не хочу быть служителем, мне пора на покой.

— Но ты же не сможешь просто так взять и всё оставить!

— Нет, я прошу о другом. Прах, если я правильно понял, уже догадывается, о чем я.

— Приемник. Ты хочешь найти себе приемника.

— Я молю найти его. За меня.

Осберт взглянул на Тревиса. Немец не знал, что ответить.

— Спас тебя один раз, — произнес Роджер:

— Спасу ещё, так и быть. Но тогда, извинись.

— За что?

— За нос.

Марок попросил прощения, и ушел восвояси.

— Мы ещё увидимся с ним? — парень шёл за немцем, пытаясь хоть как-то начать диалог.

— Навряд ли. Он лишится сил, а затем вернется в Седалис.

— И где же нам найти подходящего на такую роль?

— Найдем. А ты что, грустишь?

— Смешанные чувства.

— Да ладно тебе, Тревис. Уход в отпуск для многих радость. Даже я был бы не прочь.

— А что мешает?

— Конец мира.

— Ах да. С этим расставанием что угодно забудешь.

— А мне уже давно засела в голову одна мысль.

— И какая?

— Что-то нас часто называют друзьями.

Стефан резко остановился и замахнулся. Правая рука с полуоборота полетела в сторону парня. Роджер от неожиданности отскочил. Осберт протянул кисть.

— Я не против. Друг, так друг.

Тревис выдохнул, и пожал руку Вестника.

— Куда отправляемся тогда в такой дружественной обстановке? — с ухмылкой задался парень.

Покрышки авиааборта со скрипом прикоснулись к земле. Каменные скульптуры людей, инуксуиты, встречают прилетевших в Канаду. Красно-серый автобус до центра. Издалека здания этого города похожи на одну большую гору, рядом с которой торчит телевизионная башня Си-Эн, похожая на кий, который проткнул бильярдный шар.

— В Торонто около сотни известных баров, из них только тридцать с караоке и пятьдесят с живой музыкой. Будет отлично, если у тебя есть идея, потому что я даже не уверен с чего начать, — недоумевал Стефан.

Тревис открыл сумку на своих коленях и посмотрел на пергамент. Ответ нашелся. Строка ближайшего к Вестникам стала намного ярче с каждой сотней метров.

Такая игра в «Горячо-холодно» привела их в несколько эксцентричную «наливайку». Бар «Кок на Дантерфорте» представлял из себя старую корягу, на которую намотали ленты почтенные британские куртизанки двадцатых. Освещение заполняло помещение красным, не отсвечивая, разве что на черно-белых стенах с вывешенными старинными портретами.

— А вот и новые гости! - закричал бородатый бармен в фартуке, промышляющий ещё и готовкой лёгких блюд:

— Добро пожаловать в нашу скромненькую бухту. Чем могу вас обслужить, джентельмены?

Роджер тихонько кашлянул и задал:

— Мы тут ищем кое-кого, кто у вас выступает. Внешность не зна...

Осберт его перебил:

— Европейец, лет до тридцати, тёмные волосы, скорее всего короткая причёска. Белый, накаченный, пару ожогов на шее и руках.

— А, Энвил. Да, выступает у нас по вечерам. Сегодня успеете застать, если закажете столик. Замешкаете, займут фанатки с соседних улиц.

— Что, такой красивый?

— Не в этом дело. В прочем, я не хочу портить вам представление об этом парне. В нём бушует огонь, когда он выступает, уж поверьте.

— Так и быть, столик у окна. Мне нужно иногда отворачиваться, чтобы не вырвать.

Вестники вышли на улицу, которую обжигало дневное солнце. Через квартал немец заметил тележку на колесах и её хозяина.

— Ход-дог будешь? Я проголодался.

— Не откажусь, но ты бы не хотел рассказать, откуда ты знаешь Падшего?

— Видел на фронте.

— И что? Какой он?

Стефан протянул доллар торговцу.

— Да, два будьте добры. В один побольше горчицы.

Обратившись к парню, он добавил:

— Знаешь, есть такие книжки с иллюстрациями? Про героев в пестрых пижамах, «несущих справедливость»?

— Комиксы, что ли?

— Именно. Я сам не увлекался, книжный формат предпочитаю больше. Ты же знаешь о таком персонаже: синий костюм, красный плащ и лазеры из глаз?

— Да, как не знать. Про него крутой фильм выходил в конце семидесятых.

— Короче говоря, точь-в-точь тот парень. Только без всех этих «сил».

— Очень добрый?

— Очень скучный. Уверенный в своей добродетели мальчишка. Такие не меняются с возрастом.

— Кто бы говорил.

После сытного обеда, Осберт и Тревис отправились в долгую прогулку. Достопримечательности не привлекали их внимание, а вот подворотни и закоулки поманивали. словно разминка по утрам, происходила драка с очередным грабителем женских сумочек. Да и нападение на магазин удалось сорвать. Самое время было направиться в бар.

Вечерний город ожил. Стуки каблучков дам, торопящихся в очередные клубы, где можно «потусоваться», заполняли улицы. Дым от стоящих в пробках такси перемешивался с табачным от вышедших на улицу «снять стресс». «Кок» уже забился по сиденьям, кроме забронированного места. Вестники сели туда.

В помещении стало ещё темнее, когда прожектор для сцены лупил своими киловаттами в микрофонную стойку с табуреткой. Дверь в служебное помещение впустила выступающего. Синие джинсы, клетчатая рубашка нараспашку, рукавами затянута выше локтей, красная футболка под ней и чертовски неподходящая кепка. Казалось, что петь будет дальнбойщик.

Стефан от такой одежды даже немного улыбнулся, пока выступление не началось. Взрыв электрической гитары вместе с барабанными ударами задали тон музыки.

— Заживо сгорел, продай душу огню! - его голос доносился с колонок.
Осберта захлестнули воспоминания.

— Оберст? Вы в порядке?

Осбер встряхнул головой, чтобы разобраться, что происходит. Обзор застилала большая палатка земляного цвета с трубным каркасом. Сам же немец обеими руками опирался на громадный стол, на котором расстелилась карта местности, расписанная командирами, стоящими вокруг.

— Теуфел, вы вообще нас слушали? — обратился к нему излагавший длинный план наступления военачальник.

— Да. Моё предложение — скомпенсировать всю огненную мощь по флангам, дабы отрезать приближающегося противника.

— Хреново вы нас слушали, при всём моём уважении. Снимки с самолётов говорят, что некоторые батареи усиленно маскируются. Они хотят пробиться, а значит требуется равномерно распределить всё имеющееся вооружение.

Решение было принято, командирский состав вернулся по своим позициям.

— Если бы жирдяй в фуражке был прислугой, то в рот своего британского хозяина клал бы бутерброд с равномерно размазанным паштетом, — размышлял, покуривая сигарету оберст:

— Дай, хоть, в бинокль взгляну, про что тот рассказывал.

Осберт приставил глазки к лицу. За пригорками едва виднелись солдатские каски. Но всё же во внимание бросились две другие детали: на расстоянии пяти метров друг от друга лежали деревянные ящики, из одного торчала ребристая трубка. Рядовые, к тому же, маскировали что-то грязью, образуя слегка выглядывающие кучи.

— Устанавливают миномёты? Вряд ли это бы стали делать среди дня. Они спешат.

Как вдруг, неуклюжий солдат, несущий ещё один ящик, проронил круглый металлический цилиндр. Мина бы от такой неряшливости взорвалась бы, но все довольно спокойно среагировали на поступок.

— Эй, шульце! - позвал Осбер рядового из ближайшего окопа.

Беспрекословно тот подбежал и поприветствовал командира.

Оберст шепотом отдал приказ:

— Вероятность химической тревоги, передай своему прямому начальнику.

— Слушаюсь!

Военачальник поторопился в палатку. Он снова заглянул в бинокль. Противник включил рацию.

— Простую бомбардировку они точно сюда не вызовут.

Немец включил радиопередачу, и заявил:

— Надеть противогазы! Зенитная батарея в полную боеготовность. С 11 по 2 часа. Залп по команде.

— На каких основаниях, Теуфел?! Я здесь управляю!

В воздухе поднялся самолётный шум.

— Огонь по видимым целям!

— С какого хрена, оберст?!

— Feuer! - заорал в приёмник Осбер.

88-ти миллиметровая пушка озарила светом свинцовые облака. Несколько тяжеловесов

показались в небе, а с ними десятки снарядов. Оберст натянул на себя резиновую маску и сделал глубокий выдох.

Всё вокруг покрылось ржаво-красным туманом. Военачальник спрыгнул в окоп. Не все успели надеть защиту. Крики рядовых не так поражали, как их вид через тонкие стёклышки на глазах. От паники солдат, синеющий от удушья, схватился за Осбера. Немец отпнул его от себя, а рядовой умер, упав на землю. Вспышками показались выстрелы, а трассирующие снаряды лучами летели в укрытия.

— Надо бы теперь свои козыри использовать, — оберст напрягся, и лежащее тело распалось на чёрную массу.

Впитавшись в землю, щупальца выталкивали камни и грязь, образуя проход. Командир протискивался за ними.

Враги активно поливали перекрытое туманом поле боя свинцом. Пол в укрытии затрясся, пару солдат упало вниз. Кулаки Осбера оставили их без сознания. С захваченным пулемётом СТЭН наперевес немец выбрался наружу. Ещё трое были убиты без труда, но стрельба в окопах быстро привлекает внимание. Рядовые и стрелки шли наугад, не всегда различая перед собой препятствие, поэтому оберст решил действовать тише. Удары в грудь или в открытую часть головы под градом выстрелов даже не удавалось услышать. На счету немецкого диверсанта уже насчитывался отряд с небольшим. Глаза вокруг различали только огневые всполохи. Также, только летящие от пороха боеприпасы зенитного орудия помогали ориентироваться в этой суматохе.

Внезапно, металлический скрежет и мощный взрыв пошли с того же места. Куски орудия с огромной силой долетели даже до Осбера.

— Эх сейчас бы паштета! - пытался переорать выстрелы британский сержант.

— У тебя сейчас желание о еде поговорить появилось? — в ответ кричал капрал.

— Бывает такое. Прямо привычка появилась. Даже завтракать без выстрела не могу.

— Странный ты.

Двое солдат перебежками прорывались по канаве, отрытой заранее.

— Видишь орудие? — спросил голодный.

— Только всполохи его выстрелов! - сказал идущий с ним.

— Я попытаюсь проползти к нему и подложить взрывчатку, а ты прикрой меня, ладно?

— Так точно!

Сержант полез под пули, останавливаясь через каждые три толчка коленями. Впереди лежал камень, удобный заслон. Солдат добрался до него. Собравшись с духом, он выглянул за уступ. Меткое попадание вонзило ему кусок металла в открытый локоть. Рука до предплечья отказала. Сержант лег на спину, заглатывая воздух и сжимая кистью ранение.

— Капрал, уходи, капра...! - выкрикнул солдат.

Дыхание остановилось, когда страх замеченного пулемёта заполонил его глаза. Стрелок нажал на курок. Зрачки улавливали только свет, бивший в них. Сержант уже был готов принять смерть, но шлепок по лицу заставил его очнуться. Перед ним стоял капрал, а свет от выстрелов бился из-за его спины. Точнее, из-за оперения. Оперения его крыльев.

— Сможешь добраться до медика?

— С окопа смогу.

Рука капрала взяла раненого, и метнула того в сторону земляного укрытия. Закатившись, солдат, мельтеша подбитым предплечьем позади, убежал, пригнувшись.

Пулемётчик в шоке стрелял по закоптившимся крыльям. Он даже и не заметил

брошенную защищающимся гранату. Капрал схватил взрывчатку, и взлетел вверх.

Снаряды продолжали вырываться из дула зенитки. Попаданий никто не замечал, кроме наводчика, глядящим в прицел с диким воодушевлением. Легкие движения в воздухе манили его, как хищника, как и очередная небольшая цель. Залп, но после него радость покинула стрелка. Рикошет. Ещё залп и ещё один рикошет. А цель не пыталась скрыться. Она пикировала. Наводчик в ужасе дёргал рукой в ожидании огненного шквала, но боезапас иссяк.

Железная конструкция вмялась в основание. Солдаты рядом направили винтовки в мелкую дымку. В центре показалось тело, стоящее в оборванной форме. Мгновение, и стало понятно, что форма британская, а в руках носившего её было что-то. Растерявшись, стрелки дали выстрел. Взрывчатка разбросала всё в радиусе двадцати метров. Кроме потрёпанного, но живого капрала.

Осбер забрался на территорию обстрела, и добежал до места взрыва. Меткий немецкий глаз заметил зачинщика. Черная струя схватила его и подтянула к оберсту. Солдата даже не удивило это, и он бросился на врага в ответ. С захватом Осбер справился быстро, локтем всадив в лицо напавшего. Но затем, капрал кулаком нанёс удар в живот. Уворот от ещё одного, и коленка немца впилась в грудь солдата.

Встречные выстрелы также давали о себе знать. Кость левого плеча оберста раздробилась от патрона 7,7 миллиметра, в бедро капрала вонзился 7,9-ти миллиметровый. Чувство победы уже текло по венам вместо крови, сила обоих была на пределе. Правые кулаки со страшной скоростью летели друг к другу. Столкновение отметились неожиданно.

Тишина, причем абсолютная, осела на поле. Воздух вырвался из того крохотного промежутка между пальцами двух рук с такой мощью, что газ улетучился. Маленький чистый шарик вокруг непроглядной ржавчины. Ни солдатских криков, ни выстрелов тоже не было слышно. Всё, что как-то заботило дерущихся — их запястья. Красное пламя, как вода выливалось из них. Капрал оглядел руку своего оппонента.

— Приветствую, коллега, — произнёс он.

Понимание только разозлило Осбера ещё сильнее. От накипевшей желчи во рту, оберст плюнул, повернулся спиной и медленным шагом пошел вперед.

— Что, даже за нападение не извинишься?

Немец остановился.

— А за моих подчинённых ничего сказать не хочешь?

Капрал молчал, осознав, что нахамил.

— То-то же.

— Что «то-то же»? Он и сначала нормально пел, — возразил Роджер.

Стефан снова увидел перед глазами сцену бара.

— А? О чем ты?

— Ты что-то бормотал или мне показалось? — парень задумчиво прожигал немца взглядом.

— Нет, тебе показалось.

— Где-то, есть городок, зовется Надежда, — исполнял певец:

— И когда-нибудь, детка, он вдохнет дым этого пожара!

Гитарное соло заставляло посетителей приплясывать. Зал подпевал припев песни.

— Заживо сгорел! Заживо сгорел! - кричали люди за столиками.

Настал момент гвоздя этой эксцентричной программы. Рядом со стулом прожектор

освещал бутылку, полную алкоголя. Исполнитель сорвал зубами алюминиевую крышку, и отпил немного, а затем, на удивление толпы, вылил содержимое на себя. Публика замолчала, но инструменты продолжали играть. Певец достал блестящий предмет, и провёл им по штанине. Звук струн достигнул музыкального апогея.

— Заживо сгорел! - крикнул исполнитель, и поджёг себя.

Посетители были в шоке, однако спокойствие группы на сцене заставляло их сидеть на местах. Песня подходила к концу, а когда пламя начало синеть, бармен плеснул в певца ведром, полным льда и холодной воды.

— Глянь, как я сгорел до основания, — последнее, что произнёс выступающий. Инструменты замолкли, свет выключился.

— Пора, — Осберт стукнул Тревиса по плечу, и выбежал из заведения.

Вестники зашли за бар, скрипнувшие петли говорили о том, что кто-то вышел через чёрный ход. За зданием была ровная площадка, которую должен был освещать навесной светильник, но разбитую лампу никто не спешил для этого менять. Стефан выбежал за угол, и, увидев желанную цель, посыпавшую пепел от горячей сигареты рядом с надписью «Место для курящих», нанёс неожиданный хук. Певец рухнул на спину, но успел рукой схватиться за поручень выходной лестницы позади.

— Ох, как же отлегло, блять! - немец мял пальцами кулак.

Роджер подбежал к поверженному.

— Что, ты тоже хочешь меня ударить? — вытирая кровь с носа гаркнул упавший.

— Нет, я просто хотел проверить, в порядке ли ты.

— Благодарю, я в норме. Однако, твой друг желает обратного.

— Ещё бы, ты своего пока не получил сполна.

— Осберт, прошу. Нам нужны союзники, а не груши для битья.

Парень помог исполнителю подняться.

— Ты же Падший, верно?

— Да. А твой спутник — Прах?

— Ты посмотри, ангельские мозги признали кулак своего врага.

— Если бы ты хоть немного знал о том, как я попал к вам, то ты бы такого не говорил.

— Думаешь? Знаешь, приятель, предателей всегда поровну: одни трусы, уверенные в проигрыше своих, а другие — слабаки, которые и не нужны системе.

— Говоришь, как нацист, каким был.

— Да что ты можешь знать...

— Я так понимаю, вы ребята — два сапога, пара?

— Две стороны, скорее. Две стороны одной...

— Разных монет. С тобой меня ничего не роднит, — Стефан закопался в себе.

На диалог он идти не хотел. Парень же пытался свести разговор к более ровному тону, «отводя» Осбера передохнуть.

— Энгил, тебя ведь так зовут здесь? Меня зовут Роджер.

— Приятно познакомится. Прощу прощения за то, что ты столкнулся с этой многолетней расприей. Я...

Пожарная машина пронеслась мимо бара. Тревис и Осберт спокойно среагировали на сирену и проблесковые огни, мигнувшие в кирпичном проходе. Посторонним там не рады. Однако, Падшего будто пчела укусила.

— Возможно, та причина, за которой вы ко мне явились, и вправду важна, но я не могу

так просто стоять на месте. Долг меня зовёт.

— Ага, конечно, герой. Мы с тобой. Не хочется ваше эговеличество, потом, по городу искать, — Стефан ворчал, тыкая Энвила пальцем в грудь.

— Как пожелаешь, — Вестник расправил свои крылья.

— Как часто приходится видеть крылья перед своими глазами, — размышлял парень.

Падший взмыл вверх.

— Ну что? Наперегонки?

Роджер и слова не успел опрокинуть, как Осберт закинул черную верёвку вверх, и забрался на крышу.

— Так и быть, — Тревис закрыл глаза, и чуть не соскочил с лестницы, прицепленной на красном мчащемся коробе.

Кирпичное строение полыхало почём зря. Окна выбило от мощного огненного потока. В удачно расположенный новый проход влетел Энвил. Сразу за ним, на соседнем проёме появился Стефан, запрыгнувший с соседнего здания. Вестник пытался помочь забраться, но немец пресекал все попытки.

— Люди ждут, а не я, — ответил он, пока залезал.

Транспорт пожарных уже приближался к горящему дому. Педаль газа водителем была вдавленная в пол. Как вдруг, на перекрестке и, по совместительству, на месте рядом с главным входом в эпицентр пожара, появился маленький седан, еле тащущийся от мебели, прицепленной на крышу. Ручник вверх, нога к тормозу, а Вестник по дикой инерции полетел вперед, выбив очередное стекло на втором этаже.

— Аварии ко мне так и липнут, — произнёс Роджер, стряхивая с куртки стекло. Поднимаясь по пролёту, парень услышал непогасший спор вновь.

— План дезертирства также придумывал?

— О чем ты, Прах?

— Ну, также неряшливо и уныло.

— Какой смысл этих вопросов? Ты хочешь, чтобы я тебе всё изложил? Тогда ты сможешь мне доверять?

— Я доверять тебе не имею права даже сейчас. Единственная уверенность в том, что даже это здание поджег не ты, заключается только в одной маленькой детали: ты был на тот момент с нами в баре. А так, у тебя есть все возможности нас предать.

— Я больше так не могу!

— Что такое, белая простыня жмёт?

— Я был там!

— Что?

— М. Нурро.

Вестник в ярости схватил Падшего за грудки.

— Откуда ты знаешь это имя?!

— Это я им был.

Вскипячённая котельная водяным толчком создала легкую вибрацию в помещении.

— Ребят, я понимаю, что вы тут отношения выясняете, но может мы уже поищем выживших? — нервно спросил Тревис.

Все трое резво оббежали все закоулки.

— У меня пусто!

— У меня тоже!

— Никого!

Очередной резкий толчок.

— Второй котёл? — предположил Роджер.

— Скорее всего трубы с га...

Первый этаж поглотился огнём.

— Говорил же.

Второй этаж топился в пламени.

— Что-то ещё не проверили?

— А время есть?

Третий этаж заполонил пожар.

— Теперь нет, — Энвил схватил двоих помощников за плечи, и выпрыгнул в окно.

Удивительно, но толпа зевак даже и не обратила внимание на спланировавших Вестников, здание приковало всё внимание. Падший вовремя спрятал крылья, а к троим прибежали пожарные и бригада медиков.

— Вы как оттуда выбрались? — спросил один из них.

— Через пожарный выход, док, — натужно кашляя, ответил парень:

— Кто-то там остался?

— Нет, все люди выбежали ещё в начале. Да и немного их было, это же арт-студия полыхала.

К группе прибежали ещё двое людей. Уродливый низкорослый дядька в измазанном сажей костюме и полицейский торопились встретить Вестников.

— Вот они, офицер, — не менее противно, чем он выглядит, говорил тот человек:

— Они крушили мои экспонаты. Возможно, они и поджог устроили.

— Ну, сейчас оформимся. Пройдемте к машине, господа.

— Смотрите! - закричал Роджер:

— Рояль с верхнего этажа падает!

— Погоди-ка, — думал дядька:

— У меня не было рояля.

Но рядом с пришедшими никого уже не было.

Из дыма Тревис, Энвил и Осберт упали на верх строительной постройки, по внешнему виду похожую на незаконченную парковку. Уже наученный парень стал на асфальт, как после простого прыжка, а вот остальные с трудом вставали на ноги.

Будучи на четвереньках, Падший заговорил:

— Не я предатель, Прах. Предали меня.

В дверь старой избы громко постучали. Мужчина сидел у печи, подтапливая заснеженную хижину, когда услышал стук. Хозяин открыл деревянную заслонку. И стоящий на улице, и тот, что внутри, оба оглядели друг друга сверху до низу. На них висели тонкие льняные рубахи и штанины, сокрытые от мороза меховыми сапогами и шубами.

— Вам письмо. *Signum de caelo*.

Гонец протянул конверт, а мужчина быстро вырвал его из рук и захлопнул дверь.

— Подъем, ребятня! - крикнул он в соседнюю комнату:

— Для нас есть работа.

Из спальни вышло ещё двое. Много моложе, но внешний вид не говорил о близком родстве каждого с каждым.

— Что на этот раз? Деманьяк? Или опять убор? От его кишок я два дня отмыться не мог, — сказал самый малый.

— Будь благодарен за то, что это был не леший. Хорошо, что уборы ими питаются, — поправил другой, более крупный и темноволосый.

— Нет, мальчики. Нам предстоит найти дезертира.

— Правда? Говорят за них дают херувима, а может даже и лёт!

— Извини, Аварус, но с крыльями ты бы походил на куропатку.

— Катись к чёрту, Эверард!

— Оставить ругань! Мы идём почти что к медведю в берлогу, так что будьте терпимей, хотя бы друг к другу. Собирайтесь, да поживей.

Дождавшись, наставник отвёл своих учеников к повозке, стоящей в прихиженном амбаре. По приказу, лошади были запряжены руками молодых, а мужчина же вчитывался в послание на бумаге.

— Бывал кто-нибудь из вас в Стребре? — намекающе спросил он.

— Я бывал, — открылся брюнэт, будто дотерпевши до момента, чтобы это сказать:

— У меня там бабка жила, а я проводил у неё теплые месяцы.

— Отлично тогда. Возьмешь вожжи, а то мне путь не известен. Ехать туда пару дней, поспим, если что, по дороге. Аварус, пойдешь со мной охотится.

— Ура! - воскликнул один.

— Да, господин, — немного погрустнел второй.

Копыта бодрых скакунов вцепились в снежную дорогу поздней ночью. Путь был не близок: лес извилист и непролазен. Ночлег не был долгим, если появлялся. От лунного света в зените до первый красных отблесков с горизонта, и снова вперед. Через четыре дня повозка прибыла к концу, к немаленькой цветущей деревеньке. После обеда наставник зашёл к старосте, дал золота на «нужды для поселения», а сам узнал, где прячется недавно прибывший хакас.

Они подождали вечера у названной избушки, а когда хозяева зажгли у окон первую

свечу, ворвались внутрь. Внезапно, шок сковал пробравшихся сюда. Мужик стоит и за спиною прячет женщину и маленькую девочку.

— Животное, раз правило запомнить не дано! - наставник в ярости оголил свой меч из ножен:

— Тебе возможность дали снова сюда спуститься, но отпрысков плодить ты право не имел.

— Но я...

— Молчать! Эверард, возьми с собой ребенка в детскую, здесь надо обсудить недетские дела.

Темноволосый ученик послушался и взял девочку на руки с собой. Что необычно, та даже плакать не хотела. Эверард отнёс её, и запер дверь в эту маленькую комнатку.

— Сейчас родители твои кое-что обсудят, а потом вернутся, — успокаивал он ребёнка:

— Не хочешь немного поиграть?

Девочка кивнула и достала из-под кровати две игрушки, вязанную пряжей и сплетённую соломой.

— Тебе их мама сделала?

Ребёнок уж было хотел согласиться, но что-то его остановило, а говорить она всё также не собиралась.

— Не волнуйся, — погладил Эверард её по голове:

— Я тебя не обижу. Ты мне можешь доверять.

— Прявдя?

— Клянусь.

Девочка взяла из руки ученика игрушку и объяснила:

— Эту связала мама, а эту подарил папа... Когда не уходил.

— Куда уходил?

— Не зняю. Мама говорила мне, когда мне было два годя, что папа уходил. Мама тогда плакала, и очень по нему скучала. Но недавно он вернулся, и мама больше не плачет.

— Так ты рождена до...

Не успев договорить, Эверард почувствовал дуновения ветра. Но не с улицы, а прямо под собой. Он становился всё сильнее, поднимая локоны волос вверх, а сквозь пальцы и тело проскакивал синий свет. Ещё минута, и всё закончилось. Однако, девочка стала странно себя вести. От испуга её глаза открылись шире, а сама она, издав визг, забежала за кровать, спрятавшись.

— Эй, ты чего? — спросил ученик, протянув руку вперёд. Как вдруг, Эверард что-то почувствовал. Он будто стукнулся об стенку, хотя ни рука, ни плечи не касались их. Обернувшись, ученик тоже испугался, да так сильно, что вскочил с кровати.

Два пышных перьевых отростка торчали из-за его спины.

— Посидел немного с ребёнком, а уже серафим! Всего-то...

В спальню постучали. Эверард приоткрыл дверь, в щели которой выглядывал Аварус.

— Уже поговорили? — спросил его брюнэт.

— Ага, награду получил?

Ученик развёл крылья в стороны.

Стоящий снаружи ощутил зависть, отчего ткнул своего товарища.

— Почему только ты и наставник получили их, а?! Сволочи, вечно вам везёт!

Голова Эверарда поднялась от толчка слегка вверх, и только собиралась вернуться

назад, на уровень роста Аваруса, как внезапно, шея молодого ученика замерла.

Муж и жена, скрепленные объятьями, были проткнуты клинком. Кликом с пояса наставника.

— А девчонка всё ещё у тебя? Я её что-то не вижу.

Крыло ученика полностью закрыла проём, через который смотрел стоящий. Мышцы кистей дрожали от напряжения, а душа Эверарда от нависшего ужаса.

Аварус снова постучал.

— Ну и долго мне ждать, когда ты откроешь?

Ученик схватился за лицо. Яростный стук об дверь. Стук.

Пока стоящий на проходе стучал, он оглянулся вправо. Трупы замерли на месте, а наставник завешивал окна тканью. Лишние глаза не нужны. Аварус повернулся обратно.

Стук. Хруст. Конец крыла с огромной скоростью влетел в его лицо так, что стоящий улетел к задней стенке. Эверард вышел из детской. Сорвав дверную ручку, он с дикой злобой посмотрел на своего учителя.

— Он ничего не нарушал, — прожевал сквозь зубы ученик.

— Наверху будет всё равно. Приказ должен быть выполнен, это наша обязанность.

— Обязанность убивать семьи?

— Говоришь, как демон.

— Значит, демоны — лучшие друзья для маленьких девочек, чем мы!

Наставник вытащил кортик из своей шубы, а Эверард бросился вперед. Мужская рука с заострённым железом полетела к нему навстречу, но ученик выставил крылья. Клинок впился в них, но увяз так, что не вытащить. В глазах наставника появилось предзнаменование, и в этот момент ученик развернулся, вынул меч из убитых тел, и съёс голову своему учителю. Кровь брызнула, окропив края перьев. Однако, не счастье нашло на Эверарда. Он почувствовал, как в его затылок смотрели. Девочка вышла из спальни. Игрушки выпали у неё из рук.

— Я ушел из деревни. Но, как и других, меня нашли. Предали суду. Облили грязью в глазах тех, кого я знал. Брин не слышал моих слов и в итоге, меня низвергли в Ад. Крылья, как видите, мне оставили, но кто сказал, что от них мне стало легче? Ангелы презирают демонов, демоны ненавидят ангелов, а я попал в эту мясорубку, связанный по рукам и ногам. Пытали. Много. Но я не страдал, я знал, что был прав. Пока, однажды... Не нашли, как сломать меня. После суда о девочке забыли. Как мне казалось. Это было назиданием мне. Она умерла самой тяжкой смертью: приёмных родителей найти не удавалось, и дитя добил голод и холод, — рассказывал Энвил.

— Тебе это показали? — спросил Роджер.

— Да. Сказали, что крылья, идущие ей по наследству, будут оторваны. Затем, прошло пять веков, и Смерть обратила на меня свой взор. Бредущий шаман из далёких лесов, скрывавший лицо капюшоном.

— Ха, ко мне пришла дама в платье из костей, невезунчик, — неуместно пошутил Стефан.

— Не слушай е...

— Погоди, Тревис.

Осберт сел на бетонный бортик с края парковки, на котором сидел и Падший. Словно глядя в пустоту, немец продолжил:

— Паренёк был прав. Сапоги, да ещё и с прогнившей подошвой. Я скажу так, да, судьба

дала нам пинок под задницу в своей хреновой манере. Но к этой стерве я привык. Не с первого и не со второго раза, но привык. Так и ты, чтоб тебя! По сравнению с теми гнидами, что я встречал, ты слишком скучный. Но и слишком добрый. Не забывай того ребёнка, но и не закидай от одного проигрыша. Решил быть добряком, так будь им. Нам такой нужен. А печаль брось. Она разрушает строй. Ну что...?

Стефан протянул Энвилу руку.

— Мир? — спросил Падший.

— Перемирие. Я же сказал, что ты ещё сполна не получил.

— Мда, ребят. А я думал, что вас долго придётся примирять. Я, знаете, не психоаналитик для любовных парочек.

— Пошел ты! - в унисон сказали сидящие.

Вестники пожали руки.

— Откуда будете, товарищ замполит?

— Давеча бывал я по всей стране. Везде был нужен, да и везде пригождался. То, что Родина у меня Отечество помню, а вот откуда я... Это уже не важно. Думаю, перебраться в неведомые края необъятной.

— Ну вы прям поэт. Шибко красиво глаголете, может, вам на журналиста военного надо было?

— Да был я им, правда, это было так давно, что я уже и не вспомню.

— Что-то такое тоже есть. Война растягивает время намного длиннее.

— Как скажете, товарищ майор.

— Проверьте-ка состояние ребят. Погода сегодня ни к черту, а драться им придётся.

— Есть!

НКВДшник спустился по открытым ступеням к ожидающим бойцам. Кто-то нервничал на винтовке, а кто-то заядло болтал с соседями по укрытию.

— Терпеть не могу эту бойню, — ответил рядовой, глубоко зарывшийся в свою боевую позицию:

— Сражения идут постоянно, а людей у нас не прибавляется. Хороших людей не прибавляется.

— Ну, тебе виднее, — перебил его замполит, и вынул из своей шинели белый папиросный свёрток.

— Когда на поле боя ты в сотый раз выживешь, то ли сидя в окопе, то ли очнувшись из-за не добившего тебя осколка гранаты, — пробубнил он с сигаретой в зубах, зажигая её спичкой:

— Начинаешь понимать, что вся эта война ничем не лучше шахмат, кто бы как не вертел доской.

На улице стоял дикий мороз, из-за чего дым огромным клубом окружил НКВДшника. Внезапно, со стороны фронта подул ветер, сдувший последствия курения.

— Идут, — прошептал замполит, и снял с плеча своё оружие.

Затем, в мгновение тишины, он обратился к рядовому:

— Как тебя звать, солдат?

— Владимир.

— Лучше слушайся, Владимир. Не хотелось бы терять такого умного парня. Меня, к слову, Бартос звать.

— Не русский?

— Долгая история.

Гул ветра, что перекрывал всякое спокойствие, сменился походным топотом солдат. По звуку, они прошли около сотни метров, а затем всё снова стихло. Поднялся вой.

— Ложись! - кто-то закричал из окопа.

Начали рваться артиллерийские бомбы. Куски земли поднимались в воздух, засыпая укрытия.

Но огненный шквал не был постоянным. Враг подступал ближе, и тогда же орудия смолкали. Только орудия. Стволы накалялись до красна от сотен пуль. Кого-то ранило на подходе, кто-то умер, защищая свою страну. И это изменчивое варево длилось долго.

Замполит вёл стрельбу метко. Один за другим перед ним падали немцы. А у Владимира возникали проблемы. Страх пеленой закрывал его глаза. Это и сыграло с ним злую шутку. Вражеские солдаты без перебоя рвались вперёд, словно сама уверенность в своей безоговорочной победе придавала им сил. Один из таких, к несчастью, и заметил открытый сектор. Он побежал туда, и запрыгнул в самую глубину. Рядовой пришёл в себя, и схватил винтовку. Всё, как показывали в училище, выпад и колотый удар. Но это не помогло. Немец выдернул нож из подсумочного чехла, и тоже нанёс удар, оставив глубокую рану. В панике Владимир закрылся своим оружием, как щитом.

Бартос не сразу обратил внимание на прорыв. Заметив же, он мигом откинул парня за себя, и ударил врага в лицо. Вместе с носом, челюстью и тремя выпавшими зубами, вогнулась и каска.

— Будь мужиком, философ, — произнёс замполит, обратившись к Владимиру.

Но позади НКВДшника уже остался только труп рядового.

— Да чтоб тебя!

Замполит взял немца за ворот его кителя. Видимо, тот ещё что-то скулил, без удачно пытаясь выговорить слова. И в этот момент, будто кровь от комариного укуса, вытягивающаяся от длительной жажды, все силы и дух вышли из избитого в кисти Бартоса. Он тут же подскочил к хладному телу, и разорвал рубашку на груди солдата. Словно пытаясь промассажировать бездыханное сердце, замполит сильно вдавил свои ладони в голую часть Владимира. Зелёный дым прокатился по рукам Бартоса и, через секунду Владимир очнулся.

— Ты прав, рядовой, — сказал замполит:

— Хороших людей не прибавляется. Но мы их и не собираемся терять.

На фоне раздался громкий и мощный крик петуха. Начало нового дня. Ветер качал нескошенную траву и старенький деревянный забор, железный гараж постоянно скрипел. Из дома с кирпичным фундаментом, но со сколоченными стенами из брёвен, вышел проснувшийся и бодрый хозяин.

— Здравствуйте, Михал Палыч! - заметил он ремонтирующего свой трактор старика.

— И тебе привет, Боря. Сегодня опять в город поедешь?

— Да, вам снова нужна щёлочь?

— Догадался. И наждачки захвати. Эта ржавчина чёртова с моей ласточки ну никак не выводится.

— Понял вас.

Хозяин вернулся к себе, переоделся в широкоплечный джинсовый костюм. Открыв створы гаража, он выкатил личный транспорт.

— Покормите Хунда, Михал Палыч?

— Конечно, у меня как раз для него кости говяжьё остались.

— Спасибо.

Сев на черную 72-ю Уральскую М-ку, Борис завёл двигатель, и поехал по деревенской дороге.

Промеж зелёных равнин, полей и заросших оврагов, вдалеке виднелась давно родная для него станция Соломбалка. Именно на неё ветеран боёв, замполит, сошел вагона, который тащила чугунная бочка, называемая локомотивом. Железный конь Бориса подъезжал к первым частым домикам в округе.

Пол часа ненапряженной, ветреной езды закончились почти у самого берега Двины. Мотоцикл остановился у большого, обитами ребристыми листьями, ангара. Центральный

рынок в самом разгаре приёма покупателей. Разные секции, разные запахи. Зелень с постоянно стекающей влагой, свежерубленное мясо — эти товары теснились почти в самом начале, где очередная жительница с азартом будет расхватывать данное изобилие товаров. Однако, Борис шел дальше. На рыбе и специях закончилась пищевая часть торгового сборища. Различные чистящие средства мелькали перед глазами всё чаще. С таким количеством химии о любой грязи можно не то, что забыть, даже не думать. Борису всё равно не то. Близился край ангара. А ноги, строго ведущие вперед, наконец-таки, завернули к лавке.

— Если бы я пил стопарь каждый раз, когда ты появлялся, цирроз придушил бы меня подушкой, — пошутил продавец:

— Дедок всё никак не уймется?

— Ты же его знаешь, Саш. Без трактора жизнь ему не мила.

— Как всегда?

— Да и рулон наждачной бумаги.

— 50 копеек с тебя. И да, Борь, у меня к тебе дело.

— Слушаю.

— Короче, у меня тут одна девочка есть.

— Моцик не дам. Ты мне его поцарапал прошлый раз.

— Не больно-то и хотелось. Но не в этом суть. Она меня недавно встретила. Говорит, мол, такое-то надо, а я говорю, что, ну, есть у меня один друг, у него есть... Ты же знаешь, я варежку хорошо развязываю.

— А про то, что я завязал с контрабандой у тебя варежка развязаться не смогла?

— Послушай, да, я знаю, что ты хотел завязать, но это такой шанс... Если устроишь, сделаю, что хочешь.

— Нет. Меня не жаба душит, но я не могу.

— Я тебе распредвал для Урала найду.

— Целый?

— Прямо со станка.

— Интересно. Ну и что там за дельце?

Торговец отдал бумажку с названием. Брови Бориса подскочили вверх.

— А гаубицу она не хочет? Где ты её вообще достал? И зачем ей всё это?

— Говорит, брат авторитет, и за всё заплатит. Лучше меньше знать тут, чем ходить с разбитой мордой. Борь, всё что угодно.

— Я попробую что-нибудь найти. Попробую. Ждать месяц, не меньше.

— Да-да, я её предупредил.

— Хорошо, свидимся. В следующий раз заеду за распредвалом.

Купив ещё один баул нужных припасов, Борис поехал домой. По возвращению отдал заказанное ему и уселся рядом со своим телефоном. День будет долгим. Он пальцем провёл по диску дважды, и поднёс трубку к уху.

— Девушка, здравствуйте, свяжите меня с Калининградом.

Связистки покрашенными ногтями вставили телекоммуникационные провода в нужные порты, и по другую сторону ответил незнакомый голос.

— Кто это?

— Дядя твой, Галь из Израиля. Целых десять лет не виделись. Хотелось бы тебя через месяцок-два увидеть у нас в Архангельске.

Звонок прервался. Теперь требовалось ждать.

Тёплым и ранним утром Борису пришла посылка. Свёрток бумажек с Кремлём попал в руки курьера, а по телефонному диску снова набрали номер, но уже другой.

— Саш, назначай ей встречу. Сегодня. С Северного есть понтоны, по ним до Талажского шоссе, буду её ждать там вечером, на перекрёсте рядом с фонарным столбом. Он там один.

— Всё будет, как скажешь. Спасибо, братан.

— Поблагодаришь запчастями. До связи.

Борис повесил трубку. К оранжевому закату мотоцикл был откачен подальше от дома, дабы не привлекать внимание шумом.

Фонарь немного подмигивал, иногда с него сыпались искры. Тут ещё был заброшенный дом, с виду похожий на почтовое отделение. Кроме выхлопной трубы дым, правда табачный, сочился ещё и изо рта Бориса. Никого.

— Какой же Саня дурак. Развели, а он даже и не понял. Торгаш ещё называется...

— Я думала, что Александр работает на заводе, — сказала появившаяся на дороге девушка.

Борис повернулся, дабы её разглядеть. Жёлтые туфли с толстым каблуком. На черное платье в разноцветный горошек была одета буро-зеленая куртка. Пышная светлая прическа прокололась огромными розовой заколкой, похожей на вилы. Её челюсть постоянно дёргалась от жвачки, сминающейся между зубов.

— Он и мне так в первый раз сказал. Стесняется, бедолага.

Сквозь чавканье, она спросила:

— Ну, а за посылку, надеюсь, он не обманул?

— Духу не хватит. Держи.

Борис слез с Урала, и поставил перед девушкой сумку.

— А ты вообще поднять-то её смо...

Она без труда подняла её к своей груди, подкинула для проверки веса и положила обратно. Её худая рука расстегнула молнию, и схватила желаемый предмет.

— Евреи умеют делать пушки также, как и торговать. Не то, что этот Александр.

— Эй, сбавь обороты. О нашем общем знакомом гово...

Жёлтый каблук влетел в щёку Бориса. Тот упал на землю. Стрётот пулеметной очереди прошёлся по его груди. Слепящий свет фонаря перекрылся подошедшим стрелком.

— Твой знакомый-обрыган пытался, как он думал, умело подкатить. Что же, я переспрошу в его манере. Пососал, малыш?

Нога девушки перемахнула через седло мотоцикла. Ключ на старт, газовая рукоять повёрнута до полной, однако, конь стоял, как вкопанный. Крутить и нажимать уже некуда, девушка оглянулась. Борис схватился за заднее колесо. Туфля уже летела пробить или хотя бы сломать цепкие пальцы, но вторая рука подстреленного отбила и зацепилась за неё.

— Тот вопрос... Скверно признавать, но да.

Кисть сжалась, вмяв по вертикали её ступлю. По венам пошла целительная энергия. Кожа девушки обуглилась, мышцы засохли, а кости обратились в пыль. Борис встал, как ни в чём не бывало, открыл багажник, и положил туда сумку и вещи покойной.

— Я на автомойке разорюсь.

Мотоцикл умчался.

— Алло, Боря?

— Да.

— Ну как прошло?

— Тебя кинули, Саш.

— Что?!

— Она схватила вещи и свалила. Как совет, впредь запомни, если ты хочешь занять отношения, не выполняй странные поручения и честно говори, где ты, блин, работаешь.

— Хорошо. Прости, что впутал.

— Потом извинишься.

К двери дома кто-то пришел.

— Да-да, сейчас выйду, — крикнул Борис, услышав гостей.

Отодвинув затвор, он приоткрыл, оставив проход на цепочке. Перед дверью стояли троё.

— Приехали. Так, я не совершал никаких звонков. Мне оператор мстит.

— Do you understand English? — спросил тот, что стоял ближе всех.

— Чё?

— I know a little Russian, — поправил сзади стоящий:

— Ты... Знать... Английский?

— Антисоветчики, что ли? Не, я английский не знаю. Нерусский, но не знаю.

Внезапно, третий пришедший прислушался к чему-то.

— Deutsche oder was?

- Österreichisch-ungarisch, höflicher.

· — Немец, что ли?

— Австро-венгр, повежливее.

— И тут бам! Стальное ядро с мою голову торчало из моей груди. На Первой Мировой любили экспериментировать, а в Галиции началась целая пора «токсичных теорий». Когда в мою ногу воткнули шприц с неизвестной адреналиновой бурдой, бултыхаясь от судорог, я только хотел свернуть шею санитару-теоретику.

Для гостей был накрыт небогатый стол. Роджер впервые пробовал квашенную капусту, Энвил морщился от предложенного сала, а Стефан переводил огромный рассказ Бориса на немецком в английскую речь.

Большую часть времени, Тревис вилоккой накалывал экзотический продукт, и с навеса смотрел на неё, но после услышанного сказал:

— Бывал не на одной, а на целых двух войнах, да ещё и Мировых. Ха, он нас обгоняет, Стеф.

В маленьких промежутках, Осберт вставлял непереверждённые фразы, вызывающие то ли радость, то ли смех у встреченного ими Вестника.

— Прах, а он не назвал своего прозвища. Старое имя Бартос было поймано моим ухом, но я не уверен, что оно написано в его Пактуме.

— На руке указано Дурьер.

— Дюар?

— Дурьер, Роджер. И, ради приличия, вы оба, перестаньте ковыряться в закуске.

— Может, не будем тянуть время, и всё же расскажем уже, зачем мы тут? — парень отставил от себя миску.

— Я это давно уже сделал. Он согласен.

— Тогда, чего же мы ждём, Прах. Время поджигает.

— Не всё так просто. Наш друг нарвался на белые простыни.

— А он только на зелёных спит?

— Я про ангелов, нелюбитель капусты.

— Ну, мы на них тоже постоянно нарываемся. Это, почти что, наша работа.

— Да, но Бартос не встречался с ними ещё с войны. А здесь снова. И не простые туристы.

Стефан положил на стол содержимое своей руки. Это была цепочка с металлическим амулетом. Ромб, из которого вниз шла пересечённая стрела.

— Чем-то на символ мужчины похож. Символ Марса, римского бога.

— Отчасти ты сказал верно, — отметил Падший:

— Это слияние символов Марса и Ареса, древних аспектов войны... Ровос?

— Именно. Эта цепочка была найдена на одежде убитой ангельской барышни. Где Ровос, там и Дестралир, а где Дестралир, там и куча ангелов.

— Предлагаешь пойти по следу, а он есть?

— У Дурьера есть одна идея. Да?

Борис в очередной раз куда-то звонил, пока трое Вестников сидели за столом.

— Псс, Энвил, — шёпотом обратился Тревис:

— Ты понимаешь, что Бартос говорит?

— Что-то про прощение, долг и какое-то слово... Перевестинемогу. «Саш», вродебы.

— Alles ist fertig. Bar Grossen Wagen. Es ist einen Blick wert, — закончив,

произнёс Дурьер.

— Сте-Пра-фан-х? — одновременно прозвучало две фразы.

— Собираемся в путь, друзья. Не выпили здесь, так в бар заглянем. Бартос отвезёт нас.

Урал в своём изначальном виде не был рассчитан на перевозку четырёх пассажиров, но смекалка Бориса, присущая и местным жителям, нашла выход из ситуации.

— Дурьер уверен, что мы не выглядим, как идиоты? — спросил Роджер, теснясь с остальными в прицепе.

После ответа, Стефан перевёл:

— Нет, идиотами нет. А вот свиньями или курицами немного.

Немец и австро-венгр залились смехом. Благо, дискомфорт длился мало. Десять минут и уже горизонт перекрылся не только хрущёвками, сталинками и старинными домами, за которыми никто не следил, а ещё и всякими заведениями для вымогания забитого кошелька. Бар Гроссен Ваген был точно таким же.

Резное убранство навевало дух гамбургского трактира, нежели простой советской пивнушки.

— Бартос говорит, что только внешний вид тут хорош, но ассортимент не блестящ.

— Каков наш план он решил умолчать?

— Падший осмотрит округу сверху. Ты обойди территорию, вдруг, кто-то на улице нам важнее, чем здесь.

— А вы?

— Мы подождём в баре.

— А причину столь эгоистичного выбора узнать можно?

— Сможешь что-то заказать у ни слова не говорящего по-английски бармена?

— А ты сможешь?

— Сможет Дурьер, а я буду отыгрывать туриста из Германии. Удачное же для этого место выбрали.

— В следующий раз, забегаловку для поиска улики буду я выбирать.

Пол группы осталась сидеть прямо за стойкой. Тёмная летняя погода позволяла Энвилу безо всяких проблем облетать окрестности. Роджер надумал только смотреть по сторонам улицы.

Через десять минут парень всё же зашел обратно в бар. Однако, не безрассудность повела его туда, а нужда.

Туалет заведения представлял из себя коробку из пожелтевшей, некогда белой плитки. Отдельных кабинок не было, вместо них открытые, вмонтированные в пол мраморные писсуары, скрытые перегородками до плеч.

— Коммуникабельненько, — подумал парень.

Единственной вентиляцией и окном свежего воздуха было, как ни удивительно, простое окно. Маленькая форточка пропускала не только встречный ветер, но и ещё кое-что. Непонятный для Роджера язык.

— Я и раньше пьяных слышать не мог, теперь ещё и это. Ну, неужели у нас даже слов похожих нет? — сомневался в занятой позе Тревис:

— Может, хоть что-то я смогу понять?

Предложения пролетали быстро, Вестник едва успевал повторять некоторые их части.

— «Дьемона»?! Они что-то про демонов говорят!

В это время в зале царил покойствие. Те, чей алкогольный бак был заполнен до краёв,

давно ушли, искать развлечения на свою задницу. Бартос и Стефан же всё также болтали о всяком.

— Так, давай же, выпьем о былом. О войне, например.

Бокал пива, который держал Осберт, остановился на подходе к бокалу Дурьера.

— Ну уж нет. За что угодно готов пить, но не за это пятно дёгтя на наших жизнях.

— Я тебя понимаю, — сказал Борис, немного отглотнув ржаного:

— Эта война — страшная вещь. Сотни бойцов умирали там, где сражался и я, и ты, тысячи за один день, миллионы повсюду, да. Да, такое не забудешь, но я предлагаю выпить за то, что это дерьмо закончилось. Я не пью за то, что «наши» победили «ваших», а за то, что кучка людей вознесла красное знамя на никому не сдавшееся здание и так остановила реки крови. Не достойная ли причина пощекотать горло, а?

— Возможно, — произнёс про себя Стефан, и снова поднял стакан.

Не успел немец опрокинуть, как парень рванул на улицу.

— Удивительно, — заявил бармен:

— Обычно у нас бегут в туалет, а не из него.

— Что, пиво настолько хреновое? — поинтересовался Дурьер.

— Отчасти да. В основной зал подают не самое лучшее.

Подозреваемых от вырвавшегося Вестника отделял высокий забор. Перескакивать через него было бы неразумно, поэтому Роджер просто его перелез. Слегка ободрав штанину, Тревис окликнул стоящих:

— Эй вы! А ну стоять, ангелы!

Те ничего не поняли, даже без спиртного. Тогда, парень схватился за воротник одного из них. Его перегар заставил поморщиться, пока второй что-то невнятно и злобно бубнил. Когда пьяница уже замахнулся на Роджера, тот среагировал лёгким пинком. Тело упало на землю, чем напугало пойманного.

— Где Дестралир?

Опьяневший ни слова не улавливал, только галдел бессмыслицу для Тревиса.

— Что за чертовщина тут происходит? — с неба спустился Энвил.

— Ангелов пытаюсь допросить.

— С каких это пор нетрезвые теперь стали ангелами?

— Он что-то про демонов говорил.

Пойманный начал упоминать то же слово, что и запомнил Вестник. Энвил схватился за лоб.

— Отпусти его.

— С чего вдруг?

— Он говорит про друга. У него есть друг и его зовут так, Димон.

Кисть парня расслабилась.

— Тьфу! А я уже предвкушал побоище.

— Роджер! - донёсся крик из заведения.

Стефан держал в захвате работника бара, вытащив его прямо на стойку и заломив руку. Один палец на ней уже был сломан.

— Вас обсчитали? — спросил Тревис уже внутри.

— Сучий бартендер узнал кулон. Говорит, что здесь есть ещё один зал, куда заваливаются нужные нам ребята.

— Ты это узнал, сломав ему палец?

— Нет. Это мечь за ту мочу, которую он мне в стакан налил.

— Всё ясно. Так, а они сейчас не там, так ведь?

— Скоро заявятся.

По улочке пронёсся рёв мотора. Серый УАЗ-3151 без верхней крыши остановился на обочине. Четверо вылезло с пассажирских мест, и ещё один спрыгнул с края кузова.

— Здравова, Гюнтер! - обратился к бармену вошедший, толстоватый пацан.

— Я Геннадий.

— Да? А чего тогда «Гроссен Ваген» на вывеске весит, а? Чё, «Большой Машиной» называть было трудно?

— Хорош мозги канифолить, Сёва, — заткнул его, по всей видимости, рассерженный водитель и главный этой небольшой шайки:

— Или тебя Сван... Сванхи... Тю, вот немцы ещё дают. Нормальных имён, что ли, придумать не могут?

После риторического вопроса, он подошёл к стойке и спокойным голосом сказал:

— Гена, у нас всё свободно?

— Д-да.

— А что у тебя на пальце? Бинт?

— Да я это, поскользнулся, когда туалет мыл.

— Ха, молодец, Гюнт, будем тогда его загрязнять, — вякнул ещё один, более высоким и раздражающим тоном.

Все, кроме главного, заржали хохотом гиены.

— Тихо все! Я потом наличность принесу, замётано?

— К-конечно.

Банда пошла к лестнице, ведущей наверх.

Толстяк замахнулся и остановился, сказав:

— Внимательней, Гюнтер. Я не туалет.

На втором этаже зал обычно закрывала дверь. Однако, в этот раз, её замок был вырван с корнем. В комнате было темно, когда туда зашли приехавшие. Щелчок выключателя, и у дальней стены загорелась лампа.

— Я поражён, что твой атрофированный отросток между плечами знает о существовании имени Сванхильда. Однако, то, что ты даже произнести его не смог, меня вернуло с небес на землю, — Осберт сидел прямо под светильником.

— Чё за чурбан? — произнёс кто-то из-за спины главаря.

— Я же сказал. Тот, кто с небес на землю вернулся.

— Про таких, как ты, много болтают, — угрожающе усмехнулся главный и ответил на понятном Стефану языке:

— Что же, я хочу попробовать тебе лицо-то раскроить.

— Даже колкость на мою не придумал. Erbärmlich.

Лампы по всему залу зажглись. По краям были раскиданы столы и стулья, а остальные Вестники стояли у центра.

— Долго репетировали, актёришки?

— Это вообще-то я предложил, — влез в диалог Роджер, и нанёс первый пинок.

Главарь увернулся, перепрыгнув всех впереди стоящих противников. Осберт с разворота ударил подскочившего стулом.

Падший скрестил руки, отбивая удары, но, подняв их слишком высоко, открыл торс

оппоненту. С пробитой защитой, Энвил получил по лицу, затем по груди. Следующий кулак Вестник поймал, и локтём сломал нос врага.

Дурьер подскакивал, нанося выпады, но противник резко уходил от любых ударов. Очередной скачок, атака пришлась Вестнику на спину. Тот согнулся, но поймал момент и, вытянув ногу, подсёк увёртливого.

Сладко Тревису не было, он взял на себя двоих. Блок локтём, косточки кулака врезались в щёку одного, блок ногой, носок попал в живот второго. Синхронный захват обоими оппонентами заставил парня прокрутиться по продольной оси. Это их развернуло, но сам Вестник переборщил с замахом так, что ударился собой об потолок. Роджер упал и тогда, нога уже летела ему в затылок. Как вдруг, враг отлетел. Парень вспомнил о козыре в рукаве, точнее, в шее. Белая полоса вырвалась из него. И, внезапно, коса послушалась странной идеи, которая родилась в голове Вестника. Позвонки не вытянулись в рукоять, только лишь межпозвоночные диски вытягивались всё сильнее. Череп сверху походил на воздушный змей с костлявой нитью, которого ветер резво понёс туда, куда хотел Тревис. Один разрубился пополам, второй лишился головы, противнику Дурьера пробило грудь, а врагу Падшего — горло. Когда очередь неслась к главарю, Стефан сбил коленом его на землю, а затем заорал:

— Достаточно!

Белое лезвие остановилось у его глаз на мгновение, а затем вернулось в Роджера.

— Немного практики, всё-таки, не повредит, — уже тише договорил немец.

— Кто украл?! - поразился Осберт.

Главного привязали к стулу. Пара выбитых зубов расшевелила его язык.

— Говолу зе. Мителский стваз.

Смех Стефана было слышно даже на улице.

— Ты понимаешь, о чем он говорит? — был не уверен Тревис.

— Джентльмены, у нас появилось небольшое преимущество или его нет. Дестралир похитил страж Митеры.

— Его разве не заперли в клетке сами ангелы? — сомневался Падший.

— Видимо, он сбежал. Да ещё и прихватил игрушку.

— Теперь придётся искать эту зверюшку и отобрать меч?

— Nicht so einfach, — произнес Бартос:

— Ich habe sie in der Vergangenheit getroffen. Sie hat Waffen gestohlen. Dieses gierige Tier wird sein eigenes nicht geben, bis Sie einen Ersatz finden.

— Дурьер говорит, что страж так просто не отдаст нам меч. Нужно найти ему замену.

— И какую же?

— Zuerst müssen Sie es fangen und dann verhungern.
Für ein einfaches Eintopfgericht alles geben.

— Поймать, заморить и обменять Дестралир на еду.

— Открываем сезон охоты. Вот... Только где?

Все посмотрели на главаря.

— Исакогофка! Его у Исакогофки видели!

Съёмная квартира с горящим, который уже час, светом. В ней раздался звонок. Трубку подняла неизвестная.

— Я могу полететь на самолёте! - практически с истерикой произнесла она.

— Слишком долго. Я куплю тебе билеты на поезд.

— Ты же знаешь, как я боюсь сидеть внутри купе!

— Да, но мы все чем-то жертвуем. Я, например, временем, за которое ты отказываешься. Брин бы был разочарован.

— Ты не знаешь, как он ко мне относится.

— Хочешь доказать обратное? Вызови такси на вокзал. Я решил послать тебе подмогу.

— Я и сама могла справиться.

— Не могла, Нимбри, поэтому и вызвал.

Если выбраться из центра столицы Архангельской области на юг, то после огромных пустырей на пути первым встретится вокзал. Жилых домов там мало, только магазины автозапчастей или заправки. Это говорило о малом разнообразии отходов, появляющихся в мусорках. Однако, нищие люди с надежной иногда в них заглядывают, дабы выловить что-нибудь.

У ржавого контейнера ошивался старый и худощавый пенсионер, не грешивший обыскивать подобные «барахолки». Эта привычка не казалась ему низменной, хоть и рефлексыв дергали его голову при малейшем шорохе. Вокруг мчались машины, да и люди ходят вокруг, шумов появлялось много, но вдруг слух пожилого поймал странный клёкот. Старик обернулся, и немного испугался. Перед ним был человек, покрытый тёмной одеждой,

похожей на сшитые воедино сотни отдельных кусочков ткани. Большой капюшон закрывал его лицо, и от этого становилось не по себе, потому что его глаза в этой тени светились. Во тьме виднелось два белых шара, но зрачков в них не было заметно.

— Й-й..., - словно отыкивал он.

— С вами всё хорошо? — повежливал пенсионер.

— Й-еда...

— Прости, но тут ничего нет. Сам ищу.

Человек заглянул в бак, из которого вычерпнул лопнувшую пластмассовую бутылку из-под масла. Её протянул старику, издавши:

— Й-еда?...

— Пьяница ты или кто? Белочка у тебя. Какая же это еда!

Рука поднесла бутылку к затемнённому лицу. Здесь сердце пенсионера ушло в пятки. Тени, будто и не было, а вместо неё черная морда, открывшая рот. У него не было губ, только ломанные линии зубов, из-за которых лился белый свет. С дикой резкостью, существо вцепилось в пластик. Клыки, если их можно так назвать, обрезали весомую часть от бутылки, и она покатила в горло. Даже не прожёванная, пластмасса полетела глубже, в желудок.

— Свят-свят! Совсем со своей палёной водкой с ума посходили, — старик поплевал, и легким бегом ушёл на другую сторону дороги.

— Бартос точно умеет водить? — сидя на пассажирском сидении УАЗика, спросил Роджер.

— Ich habe einen Führerschein nur auf einem Motorrad, aber sie haben mich auf einer solcher Maschine gefahren, alles ist in Ordnung.

— Вроде умеет, — неуверенно ответил Стефан, а затем дёрнул руль за водителя правее:

— Ну так, Дурьер — самоучка.

Пепел слетал с трубки Осберта от встреченных в поездке порывов ветра до самой Исокогорки, названного вокзала. Улица, кроме внутреннего освещения железнодорожной станции, была видна только из-за включенных фар машины.

— Осмотрим район. Услышите клёкот — попытайтесь подойти ближе. Он не такой сильный, даже умереть может. Вот, — немец отдал каждому по маленькому шоколадному батончику:

— Если что это ваша приманка. Страж большую часть своей жизни голоден. Иногда доходит до пожирания всего, что под зубы попадётся.

В багажнике нашли большой фонарь. Его взял Тревис. У Бартоса и Стефана были зажигалки, а Энвил имел при себе карманный Люфтганский тревожник — оранжевая труба с небольшой лампочкой на конце. Вестники разбрелись по территории.

Парень обходил закрытые автомобильные мастерские. Никаких подозрительных деталей поначалу не попадалось, пока под ногами Роджер не заметил обломки всякого мусора. Большая часть была искусана.

Осберт оглядывал лестной пустырь, оцепленный забором. Казалось бы, пусто, но тут немец слышал шум.

Дурьер шёл, мелким пламенем освещая дорогу. По вытянутой крыше и двум опорам, Бартос опознал заправку. Всё закрыто, как вдруг в глаза Вестника попало движение. Недолго думая, он побежал за ним. Тень скрылась за постройкой, Дурьер туда. Уже впереди была его спина, отчего Вестник набрал разгон, отскочил от боковой стены, и занёс в полёте

руку.

Внезапно, её поймали.

— Св... Св-ои, — выговорил Падший.

Вестник всё это время гонялся не за тем.

Роджер следовал по крошкам и осколкам. Угол забора засветился, но это был не фонарик парня. Тревис замедлил шаг, стараясь не быть тихим. Вестник подошел совсем близко. Свет лишь подрагивал. Прыжок.

Стефан добрёл до окраины. Дальше был только густой лес. Шум же только усиливался. За узкорастущими соснами рос пышный ягодный куст. В нём было что-то. Немец погасил свою зажигалку, раздвинул ветки, и увидел. Кошка попала в западню.

— Такой, как ты, прокусил мне руку в детстве. Наверное, это моё проклятие.

Осберт вытащил зверька за шкуру, а он, вцепившись за одежду, залез Вестнику на плечо.

— Как же ты туда забрался? Охотился? Или убегал?

Роджер выскочил из-за угла прямо на яркий луч. В голову парня прилетела консервная банка.

— Ау, — озвучил он, заметив отлетевший предмет.

Тушенная говядина легонько вытекала из банки.

— Прости. Я думала, что это... В прочем, не важно. Я пса разыскиваю, — пришли извинения от света.

— Эм, да ничего.

— Ой, прости, тебе же слепит.

Фонарь погас, а перед Тревисом стояла молодая девушка. Она была одета в тонкое синее платье с белым воротничком, на котором лежали длинные тёмные кудри. С напряжением девушка посмотрела на предметы в руках парня.

— Так это тебя прислали за мной наблюдать?

— А?

— Чтоб сдох этот Софос! Мало того, что не доверяет мне, так ещё и охранника тупоголового прислал.

— Будьте посдержаннее, мисс. Я просто не понял, о чем вы.

— Ой-ой, как неловко вышло. Прости, я не подумала. Меня сюда прислали, чтобы... То есть, меня попросили пёсика найти.

— Для поисков собаки нужен «охранник»?

— А, да я так назвала знакомого друга. Зверь крупный, боюсь не утащить его одна.

— Ну, цели у нас схожи. Правда, я ищу немного другое... Среди всех этих обломков пока ничего не нашёл. Будто ему нравится больше жевать резину или металл, нежели шоколад.

— Шоколад? Какое животное ест шоколад?

— Меня интересовала экзотика. Такой приятный риск обнаружить необычного и милого питомца для себя.

— Вероятность маленькая.

— Как и встретиться двум англоговорящим людям в другой стране.

Девушка источала подозрения.

— Какое животное ест шоколад? Как вообще он тут оказался? Не может же это всё быть тупым подкатом.

Парень, изображая волнения, стянул рукава куртки как можно ниже.

— Она знает, как поймать существо. Надо ей подыграть, — решил Роджер, сказав:

— Я просто шучу. Меня сюда послали также. Возможно, я и вправду за тобой должен наблюдать.

— И с чего мне тебе доверять?

— Такому ангелочку нельзя не довериться.

— Какое облегчение. Хоть бы когда-нибудь они сообщали всё в точности. Ладно, господин телохранитель, теперь будем искать вместе. Погоди, ты что, хотел приманить его шоколадом?

— Ну да, а что, всё-таки надо было взять нарытое из мусорного бака?

Встреченная Вестником рассмеялась.

— Нет, что ты! Они не всеядны. Им больше нравится приготовленное мясо.

— Изысканная, однако, тварюга.

— И очень догад...

Кошка на плече Стефана урчала какое-то время, пока не дёрнулась от испуга. Её спина изогнулась, а рот, открывшись и показав клыки, выдал шипение.

— Над нами?

Осберт повёл щупальцу из фляги на землю. Чёрная масса обвязалась вокруг камешка и подняла над собой. Немец нажал на кремниевый спуск флакона с бензином. Яркое пламя показала не видимые в темноте ветки. Сверху на них сидел страж. Вестник услышал протяжный клёкот.

— Ну здравствуй, банковский сейф.

Существо с открытой пастью прыгнуло на Стефана. По морде прилетел бульжник, но зверь в падении извернулся, став носками ног на плечо немца. Кот вгрызся в них. Страж взвыл от боли, стряхнул с себя животное и прыгнул. От такого сильного толчка Осберт упал, поймав отброшенную кошку.

— ...вый, — только девушка договорила, как между ней и парнем оказалось существо. Искательница замерла в ступоре.

— Эй, пёсик, я тут, — подзывал Роджер зверя.

Он развернулся к Тревису. Вестник поднял разбитую банку с тушёнкой. Лапы стража направились к ней, но парень другой рукой остановил голодное существо.

— Тебе нужно это, а мне нужно..., - Вестник пальцем в воздухе обвёл контур меча.

Согнув культияпки, страж кивнул, а затем, укусил себя за ладонь.

— Он точно понял? — не уверен был парень.

Зверь скрепил кисти друг с другом. Прокусанная была сверху, что заставило кровь течь с неё вниз. Когда с нижней ладони набухли капли, страж начал аккуратно разводить их. Красная жижа, слишком густая для привычной человеческой, налипла между его рук. И тут, она начала крепчать, менять цвет. Роджер изумлённо наблюдал, как из крови стража появляется гарда меча. Парень настолько потерял концентрацию, что опустил консерву вниз. Кусочки мяса попадали вниз.

Существо «спрятало» оружие обратно. Оно разозлилось, но не животной яростью. Теперь зверь хотел поторговаться сам. Схватив за шею девушку, страж ритмичными движениями задёргал шей, будто его сейчас вырвет, но на самом деле так он выдавливал из себя слова.

— Й-йа хочу... Й-йеды... Мног-го... Тебе нужна она, а м-мне н-нужна й-йеда...

— Нет, не трогай его! - крикнула пленница:

— Если страж погибнет, меч нам больше не видать!

— Ну, я, вообще-то, и не собирался.

— Почему?

— Извини, красotka, но я тебе соврал, — Тревис закатал рукава на место:

— Мы по разную сторону баррикад. Привет от Милиты.

— Вестник?! Но... Но я думала, что вы помогаете нам!

— Помогать преступникам? И зачем же? Чтобы вы убили меня, как моего собрата?

— Как рыцарь Милиты может так гнусно лгать?

— Не знаю. Может, у неё самой спросишь? Все равно, скоро увидите.

Вестник собрался к своим. Страж с минуту постоял и прожевал:

— Й-йеда?...

— Нет, животное. Нет! Нет! НЕЕЕЕ...

Пинок со всей силы откинул существо на землю. Не самый пугливый зверь испугался. Стопа с яростью разбила его череп. Сквозь разорванное лицо бывшее свечение вырвалось и навсегда погасло.

— Я тут подумал. Твоя смерть дел нашему пути не сделает, а его... Хотя бы уравнивает шансы.

Роджер уже ехидно ожидал агрессивную злобу, с которой его противники не могут совладать. Однако, девушка упала перед ним на колени.

— Спасибо, — провыла она, сопя от подступающих слёз.

У парня заныла коленка, он почувствовал вину и спустился к ней со словами:- Эй-эй, ты чего плачешь? — От счастья. Если бы я умерла, Брин бы низверг меня вниз. — А что в этом тако... Ах да, я понял. Сильно провинилась? — Я постоянно в чём-то виновата. Всё разваливается в моих руках. Это был мой последний шанс. — Ну, за тобой же никто не наблюдал, можешь пока выдох... Девушка вылетела из рук парня. Что-то подняло её вверх и унесло вперед.

Боязнь высоты и на секунду не проскакивала в голове похищенной. Она волновалась, скорее, за последствия.

Ничего нельзя было ждать наверняка от крылатых гостей. Вот и девушка не ждала столь резкого падения вниз. Казалось бы, сейчас всё закончится, и ангел разобьётся насмерть, но сноп свежескошенного сена, сваленного на поле, оставил на упавшей только ссадины и царапины. Захватчики вытащили её оттуда на землю. Придя в себя, девушка посмотрела перед собой. Не обычные ноги держали на себе вес ближайших. Вместо них были трехпалые лапы как у коршуна или грифа. Глаза поднялись выше, как вдруг, лежавшей нанесли удар когтями. Девушка успела разглядеть только женские силуэты.

— Когда на нас можно будет смотреть, тебе скажут, — пригрозила та, что ударила.

— Это вряд ли, — дополнила соседняя:

— На такую роскошь тебе даже смотреть нельзя.

От самоупоения они пританцовывали у пойманной.

— Всё же было так просто.

— Выполни задание Бриана.

— И получи от него дар.

— Мы выполняли.

— И получили.

— Какой же прок от этих подарков, — бурчала под нос схваченная:

— Если от куриц теперь вас не отличит...

Нога одной из них придавила голову девушки к земле.

— Она не то что не может простых поручений сделать, так ещё и уважение проявлять.

— Ничего, мы тебя научим.

— Обязательно научим, — когти лапы, доставшие до лопаток лежавшей, разорвали ткань на спине. Два небольших крылышка показались из-за дыры.

— И как же ты их получила, м?

— Небось по наследству, с такими ошибками повышений не получают.

— Да и сейчас тебе они не идут.

Когти распарывали кожу. Крик девушки передавал всю истерику. Стоявшие над ней смаковали эти страдания. Вопли перекрывал лихорадочный хохот. Внимание полностью поглотил это ужасный процесс. Поэтому, летевший в одну из них кирпич попал ей прямо в темечко совсем незаметно для неё. Сойдя с пленницы, напавшая стиснула зубы, увидев кинувшего, а точнее Роджера.

Сам Вестник видел двух короткостриженных близняшек-серафим в, мягко сказано, вызывающей одежде.

— Я думал, что драки между девушками менее напряжённые.

Кто-то ждёт момента, когда надо вытянуть козырь. Принявшая на себя камень посчитала, что он настал. Она дёрнула крыльями, за которыми прятался ручной гранатомёт.

— Напрягись-ка от этого! - курок спустился, и снаряд устремился к Тревису.

— Эх, Стефан зря этого хотел. Каламбуры у вас плохие, ребят. Отличный выстрел, кстати, — произнёс ей на ухо очутившийся за спиной парень. Серафим, используя пусковую трубу как дубину, пыталась попасть по Вестнику, что было тщетно. Роджер увернулся и

выбил крепким кулаком челюсть сопернице.

— Скотина! - воскликнула сестра раненой:

— Как ты можешь бить женщину?!

— Ну, лежачих тоже не бьют, но что-то вы этого правила не придерживались. Моя очередь.

Страхнув кровь, ангел в ярости бросилась на Тревиса. По началу мужская солидарность заставляла парня поддаваться, но когда Вестник получил по лицу пару хороших тумаков, терпение его лопнуло. Отбив очередные, парень вырубил серафима коленом.

Ухо Роджера пробило пулей. Второй ангел открыла огонь, но только на секунду её мушка уловила Тревиса. Ещё один враг руками и ногами пытается остановить парня. Тщетно. Тело сестры-серафима рухнуло, как и тело первой. Вроде настало время передохнуть, но истошный крик той, что со сломанной челюстью только нервировал до дрожи. У Вестника родилась идея.

Ногой он прижал тело ангела к земле, а кистями схватился за крыло.

— Зуб за зуб, падла.

Раздался хруст. Серафим подскочил к своей сестре, но, не успев, получил последний удар. Как теннисный мячик отлетает от ракетки, от оторванного крыла отлетела напавшая.

Парень бросил конечность. Теперь его заботило только состояние девушки.

— Ты цела? — Роджер склонился над ней и ощупал шею:

— Плохи дела.

У припаркованного УАЗа рассвет встречали Энвил и Бартос. Когда солнце выглянуло к ним присоединился и Стефан, за которым плелась спасённая кошка.

Салон машины покрылся дымом. Тревис, державший раненную, положил ту на задние сидения.

— Стража видел? — обратился к нему Осберт.

— По пути. На нас напали, лучше уходить отсюда.

— На нас?

— Со мной девушка. Спина пробита. В машине есть аптечка?

— *Bartos, das Mädchen braucht Hilfe. Ich werde führen, kannst du damit umgehen?*, - нервничая немец сообщил Дурьеру.

— *Sie wird Zeit haben, mit mir zu leben.*

УАЗик незамедлительно тронулся с места. Бартос сорвал верх платья у пассажирки, и попытался обработать раны специальным набором.

— *Schlimmer als ich dachte. Sie wird nicht durchhalten. Ich könnte Energie einatmen, aber es gibt kein einziges Lebewesen unter meinem Arm.*

За сидением Стефана появилось мяуканье. Животное продолжало идти по следам Вестника.

— *Traurig, Freundin, traurig. Aber nichts. Triff mich in der Hölle,* — шепнул Осберт, а затем произнёс:

— *Sie gehört dir, Bartos.*

Дурьер взял кошку и положил рядом с девушкой. Одной рукой он втягивал силу, другой вливал её в раны. Зверёк ощутимо уставал, а после и вовсе будто уснул. Спина заросла, оставив два больших шрама. Спустя минуты пришла в себя сама пассажирка и, к удивлению Вестников, кошка. Животное прыгнуло на дверь, а затем и в густую лесную чащу.

— *Neun Leben oder Quantenüberlagerung, was?*, - пошутил и немного посмеялся над собой

Дурьер.

— Кто она, Роджер? И что вообще там случилось?

— Ну... Я встретил её случайно. Шла домой, что ли. А потом туда явились ангелы.

— Ангелы? Решили вовремя на охоту собраться. Была бы моя воля, каждому ангелу голову бы свернул... Погоди. Страж у них?!

— Нет, он умер.

— Неплохо, так даже лучше. Не придется таскать эту железку с собой.

— Так и куда нас теперь заведёт судьба? — влез Падший.

— Поедем к ближайшему. В Ливерпуль.

— Каски констеблей и туман. Довольно удручающе.

— Зато музыка отличная.

— К слову о музыке, Тревис. Глянь, что я нашёл в бардачке.

Стефан показал аудиокассету, на которой красовалась надпись маркером «От скуки. TheRollingStones и тд.».

— Включишь?

— Да, пора раскрутить камешки.

Первый день пути пролегал внутри страны. Остановок было шесть. Разные города на мгновения западали в души Вестникам. Величественность Санкт-Петербурга или главенство природы в Пскове, конечно, отмечались ярче всего.

Затраты на еду, воду и бензин приходилось урезать по максимуму. Где была возможность, в автомат подачи топлива влезал Осберт, где-то подворовывал Роджер. Много припасов не брали: либо могли обнаружить, либо этого просто не требовалось. На следующее утро машина сделала остановку у обочины.

— Живот прихватило, Стеф? Ты прав, не надо было покупать только сыр, как его там Бартос назвал?

— Косичка.

— Во-во.

— Я только вспомнил об одной, немаловажной проблемке.

— Какой?

— Той, что на коленях твоих спит.

Между ног парня, скрестив руки как подушку, дремала спасённая девушка.

— А что с ней?

— Как мы её за границу перевезём? И к тому же, на кой мы вообще её с собой взяли?

— Она — свидетельница. Отпустим сейчас, и её найдут, будут пытаться и убьют.

— В твоих словах есть доля логики. И тактики. Польщусь, если с меня пример берёшь.

Но вопрос остаётся открытым.

— Я бы мог нас туда перекинуть, только я даже представить не могу, куда нам прыгать.

— Вроде раньше тебе этого не нужно было.

— Ну, как я понял, чтобы попасть в конкретное место, мне надо знать конкретное место, а если нет, как тогда, с крышей, то я окажусь в любом ближайшем подобном месте.

— Допустим, но как ты собираешься заглянуть за границу один?

— Может... Энвил меня поднимет?

— Действительно. Тело размером с двух людей в начале дня — такая незаметная вещь.

— Ну, так отвлеку их.

— Чтобы их глаза точно не пялились в небо нужно что-то очень привлекающее. Бартос!

Проснувшийся Дурьер, вздрогнув, ответил:

— Was ist passiert?

— Wissen Sie, es gibt keine Fütterungsstation in der Nähe?

— Ich war noch nicht hier, aber meiner Meinung nach ist sie zu unserer Rechten. Das Desig erfordert.

— Ну что?

— Рядом есть подстанция. Сделаю кратковременное отключение света. Увидите вспышку справа, взлетайте.

— Понял тебя.

Тревис разбудил Падшего, Бартос остался с пассажиркой, а Стефан побежал к оцепленной территории.

Станция была закрытым стальной решёткой оврагом, засаженным вокруг деревьями. Мимо них и проскакивал Вестник. Оставалось где-то десяток метров до охранного поста, Осберт оглаживался всё чаще.

— Разве за такими зарослями можно упустить нарушителя? Возможно, я переоценил местную охрану, — переводил дух за стволом дуба немец.

— Ни с места, — тихо произнёс пришедший не вовремя пограничник.

— Oder vielleicht nicht.

Стефан смиренно поднял руки за голову, и повернулся спиной. Он не собирался сдаваться, а просто размышлял.

— Ну и на чём я мог подставиться? Шёл сквозь кусты, ломал ветки, шумел. Определённо.

Но поток мыслей прервался. Щелчок кнопки сзади требовал к действию. Пятка выбила сознание из поймавшего.

— Гляди-ка, подмогу вызвать хотел. Надо торопиться, это могли заметить.

Вестник обыскал вырубленного пограничника. Кроме пистолета, офицер на службе имел две гранаты. Их-то немец и взял.

— Как высоко ты сможешь взлететь? — интересовался парень у Энвила.

— Метров на триста, при том не на долго. Сам должен понимать, двойной вес на крыльях не удержать.

— Мне хватит мгновения.

Звук детонаций добрался до ожидающих.

— Погнали.

Падший обхватил парня за торс и мощным взмахом оторвался от земли.

— Прямо как в былые деньки, — бурчал Стефан под нос, перебежками возвращаясь к машине.

Вестники сверху наблюдали за всполошившимся военным пунктом. Как проткнутый палкой муравейник копошился он всем составом. Неразбериха прикрывала от чужих глаз.

— Запомнил виды?

— Надеюсь, что да.

— Переубедись, второго раза не буд...

Меткий свинцовый снаряд большого калибра просквозил шею Энвила. Падший якорем полетел вниз. Оба вращались в воздухе, не давая определить направление Тревису.

— Машина, машина, машина! - брызгал он у себя в голове.

— Володя, как тебе занавески? — пожилая и крупная женщина с целлофановым рулоном

сидела впереди, рядом со своим мужем.

— Надь, ты это восьмой раз уже спрашиваешь. Нормальные они, я бы не стал их покупать в этой хреновой Европе, если бы они были плохими.

— А мне что-то не нравятся. Может, надо было те взять? С полосочками.

— Ты сама эти выбрала.

— Конечно. Я всё в нашей семье выбираю. Всё жду твоего решения, в конце концов.

— Началось...

— Вот Любкин муж. И дом отбахал, и диван купил, и телевизор цветной... А у нас нету такого.

— Ага. Отец его в милиции, пристроил сынка куда нужно, а ты меня обвиняешь. Я не волшебник, у меня из карманов чудеса не вываливаются, дома строить.

— А у Любкиного вываливаются, знач-т.

— Надь, вот смотри, если сейчас случится чудо, даже не деньги свалятся, а любое, едем обратно и я буду смотреть материалы для дома. Ну что, съе...

Салон очернился.

— Тьфу, Володь, опять двигатель не починил?

— Надь, ну душой не прикидывайся. Движок спереди.

Семейная пара оглянулась назад. Роджер с раненым Падшим на его руках вызвали у них испуг. Дым снова появился.

— Ну что, съел? — расхохоталась старушка.

Вестники упали на кресла УАЗа. Стефан появился прямо за ними.

— Что происходит? — полусонно промычала девушка.

Педадь в пол.

— Насмотрелся? — обратился к парню немец.

— Такое себе. Нас заметили.

— Ха, меня тоже.

Автомобиль нёсся на высокой скорости. Граница была недалеко.

Осберт, давя на газ, пару раз взглянул на Тревиса.

— Чего ждём?

— Нужно подъехать как можно ближе.

— И откуда ты эти правила берёшь?

Расстояние сокращалось. Парень схватился за приборную панель перед собой и металлический обвод лобового стекла. Плечи подрагивали.

— Роджер?

Между кузовом и выдвинутым дорожным ограждением остались считанные метры.

— Так тебя Роджер зва..., - недоговорила свои догадки пассажирка.

УАЗик расплылся перед глазами пограничников, на ровном месте исчез.

· — Бартос, ей нужна помощь. Я поведу, справишься?

— Она у меня пожить успеет.

· — Всё хуже, чем я думал. Она не протянет. Я бы мог вдохнуть в неё энергию, но тут ни одного живого существа под рукою нет.

· — Печально, подруга, печально. Но ничего. Встретимся в Аду. Она твоя, Бартос.

· — Девять жизней или квантовая суперпозиция, а?

· — А может и нет.

— Ещё пару раз и меня перестанет тошнить от этих скачков, — подметил Стефан.

Парень посмотрел в салон. Энвил восстанавливался, Дурьер что-то долго и агрессивно восклицал, а девушка пребывала в шоке.

— Как настроение?

— Невразумительное. Зачем это всё было?

— У нас долгий путь, а тебя просто так бы не выпустили.

Шок исчез, но вот недопонимание осталось. Из кармана, вшитого в платье, рука достала содержимое.

— Прости, но у меня были с собой документы.

— Оу, ну, я просто не собирался тебя обыскивать в твоём состоянии.

— Галантен, как он есть. Даст взорвать электростанцию, лишь бы в юбку не залезать. — С лёгкой злобой, но в попытке успокоится произнёс Осберт.

Дорога упростилась. Пять стран были пройдены напрямик за трое суток на колёсах, а уже Ла-Манш набитый УАЗ пересекал прицепленным на поезде.

Темы для разговоров бурно вскипели с отправки ещё их Архангельска, но спустя столько большую часть поездки все обоюдно молчали, лишь изредка переговариваясь ни о чём. Так не делала только девушка. Она озвучивала потребности или пожелания, но на контакт выходить не стремилась. Это даже играло на руку Тревису, признаваться в деталях появления пассажирки очень не хотелось. Однако, рутина добила оставшихся.

— Если вы не против, я хочу зайти в ресторан. Может, у них молоко есть.

— Я с тобой. Уж больно персонал хвалил их ассортимент.

В машине остались только парень с девушкой и Бартос, отрывший в карманах сидений журнал, возможно, посвященный средствам передвижения.

— Наконец-таки время появилось. Прости, что приходится здороваться спустя три дня практически молчания. Привет.

Собеседница стеснительно хмыкнула.

— Мне нужно тебе сказать кое-что. Наш «водитель», Стефан, жутко ненавидит таких, как ты.

— Он что, убьёт меня?

— Нет-нет. Я об этом побеспокоился. До поры, до времени ты для него простой человек. Ну, ещё и свидетель событий, которого надо охранять.

— Ну... Ладно...

Эмоции вроде пробивались на её лице, но безразличие всё ещё было к ней приковано.

— С тобой всё хорошо? Раны зажили давно, а вот лицо у тебя всё ещё не бодрое.

— А?

— Так.

Парень открыл дверцу, слез с переднего сидения и распахнул кузов заднего, где и сидела пассажирка. Вестник взял её руку и поцеловал.

— Меня зовут Роджер.

Такое приторное поведение вывело девушку из транса.

— Тот, с немецким акцентом. Стефан.

— Да?

— Хорошо подметил. Ты галантный.

— Что уж со мной поделаться.

— Нимбри.

— Ним-как?

— Нимбри. Это моё имя.

— Отлично, теперь я могу избавить себя от выдумки ненужных обращений.

— Вы все — Вестники?

— Ага.

Тяжкие раздумья снова закрались в её голову. Она оперлась на колени.

— Мне конец.

— Почему?

— Это было моё последнее задание. Проверка на верность. Я облажалась.

— И что, тебя казнят публи... Ой, забыл.

— Так меня хотели по быстрому убрать. Сейчас же, они могут снова надо мной издеваться.

— Тебя пытали?

— Не знаю. Ты когда-нибудь надевал кастрюлю на голову?

— Зачем?

— Не знаю. Просто так.

— Ну, был разок. Давно, в детстве. Лет, так в пятнадцать.

— Так вот...

— Или в семнадцать...

— Хорошо, я поняла. У меня есть слабость.

— Какая?

— Я боюсь быть запертой.

— Неожиданно.

— И этим пользовались, ну, постоянно.

— Над тобой издевались ангелы?

Неуверенно девушка кивнула.

— Но ты же удивилась моим словам тогда. Почему ты была уверена, что они хорошие?

— Мне говорили, что это наказание. И что оно приведёт к очищению. Так попадают к Брину.

— Извини, бедняжка, но это не так работает. Наказанных пускают только к нам.

Падший тому отличный пример.

Нимбри от тупика обронила слёзы.

— Эти годы... Унижения... Это было просто так?...

Роджер не находил слов. Он хотел успокоить её, но сказать ему было нечего. Парень решил жестом её воодушевить. Вестник прикоснулся к плечу девушки. Сильная боль судорогой пробежала по мышцам Тревиса. Парень скорчился и отпрыгнул назад.

— Прости! - воскликнула пассажирка:

— Я забыла об этом. Мы приносим страдания, таким как вы, если нам плохо.

На крышу вагона, где и стояла машина, что-то упало. Вмятина от падения была незначительной, но заметной. Вестники насторожились.

— Ich werde es übergrüfen, - Бартос отложил журнал и вылез из салона. На стенке была прикреплена большая створа. Дурьер взялся за её ручку.

— Drücken Sie, — проговорив, напрягшись, Вестник открывал проход. Ржавые ролики едва крутились даже от чрезмерной силы Бартоса. Как вдруг, створа задвигалась резвее. Будто австро-венгр её метнул. Импульс был такой сильный, что уже не Дурьер вёл ручку, а она его. От такого толчка Вестник врезался в угол.

- Übertreibe es oder was?·

Бартос обернулся и неожиданно мало света било с улицы. На пороге вагона стоял крылатый силуэт. Разбежавшись, он что-то невнятно закричал и бросился на него. Тыльная сторона ладони гостя вмяла щёку Дурьера, и тот грохнулся с другого угла. Незванный стал у его головы. Подошва туфли соприкоснулась с его грудью.

— Твоей вины нет, мне просто нужна машина, — каблук повис над его лбом:

— Прощай.

— Мари, стой! - закричал Роджер, признав в голосе знакомую.

— Тревис?

Гостя насторожила. В неосвещенной половине вагона она не заметила остальных.

— Это правда ты?

— Вроде да.

Парень подошел ближе.

— Могу ущипнуть.

Вестница налетела на Вестника. Зарывшись головой в его куртке, она словно тисками сжимала его.

— Я боялась, что не увижу тебя!

— Мари, — едва вытряхивал воздух из горла Тревис:

— Пусти, пожалуйста...

— Ой.

Роджер снова стал на свои ноги.

— Фух. Очень ты рада меня видеть. Как ты тут очутилась?

— Я... Я не помню.

— Да ну? Не знал, что Либерна обладает плохой памятью. Придётся запомнить.

— Кто тебе это сказал? — злобно спросила собеседница.

— Что именно?

— Что я обладаю плохой памятью.

— Ты же сама...

— Я ничего не говорила. Что ты тут забыл?

— Я? Ну, нашёл наших братьев, думал, не знаю, мир спасти.

— И где же они?

— Ты одному чуть голову не пробила.

— Так это наш? А я думала, что простой человек.

— Разве социопатия — твой конёк, Мари?

— Нет, почему ты так решил?

— Разбить голову первому попавшемуся — не самый гуманный поступок.

— Я и не хотела её разбивать.

— То-то каблук так летел.

Вестница бегала глазами по окружению и излучала непонимание.

— И чего ты вдруг разозлилась? Свою кличку «Либерна» не любишь?

— Какая разница? Тебя не должно это волновать.

— Серьезные какие. Так ты расскажешь, как тут оказалась или дальше будешь недотрожить?

— Докун умер не зря. Теперь.

— Убийца убийц, значит?

— Прежде чем обмудок был пробит бесчисленным количеством арматур, торчащих из бетона, он успел поделиться некоторыми деталями об своём оружии.

— Шестёрка что-то знала про Дестралир?

— Почти. Она навела на более крупную шишку. Болезненные пытки раскололи и её.

— Тянет же нас быть детективами.

— Меч похитили. Страж Митеры, слышал о таком?

— Агась.

— Посетила Архангельск. Новости трубили о на шумевшем нападении на бар. Название германское.

— Гроссен Ваген.

— Затем меня привлёк подрыв питающей станции пограничного пункта. А затем, Пактум был виной. Я же хотела найти тех, кто встречался со зверюгой.

— Он же вроде только на один город действует.

— Вопрос, скорее, о километрах, но, видимо, мне просто везло плестись за вами. Ну?

— Что ну?

— Где Дестралир?

— Ах да. Этого следовало ожидать. Его больше нет.

— Что?!

— Стража пришлось убить, — Нимбри напомнила о себе.

— А ты кто? Тоже Вестник?

— Нет. Это Нимбри. Из-за неё зверя пришлось убить.

— Человек?

— Свидетель, — девушка взглянула на Роджера:

— Меня взяли с собой, чтобы ангелы не смогли напасть на ваш след.

— Это плохо! - стиснула зубы Вестница:

— С ним у нас поднялись бы шансы.

— Но они и так у нас есть, — успокаивающе приобнял её парень:

— Лучше давай я тебя с остальными познакомлю. Нимбри ты уже знаешь. Дурьер пытается от твоего приветствия оклематься.

Бартос сидел у стенки, претерпевая головную боль. Услышав своё имя, тот заговорил на русском:

— Хороший удар, сучка.

— Спасибо, а у тебя классное падение, — ответила ему прибывшая и заметила удивлённые взгляды:

— Что? Я хорошо готовилась к поездке.

· — Я проверю.

· — Переборщил, что ли?

— Что? Я-я не знаю, — Вестница задремала в поездке и, будучи во сне, бормотала себе под нос:

— Теб... Мен... Не... У... Ить...

Мари начала натужно стонать. Руки, сложенные в замок, распутались. Девушка была свёрнута клубком, поэтому её ладони были очень близко к низу штанин. Мышцы на пальцах вздрагивали и, словно тащили кисти вниз. Стон походил на вой от боли.

— Эй, ты чего? — очнулась Нимбри и качнула Вестницу за плечо.

Спящая не остановилась.

Разбуженная взялась за неё. Кожа ощутила жар. Нимбри трясла со всей мочи.

— Да очнись же! Как там тебя... А, Мари!

Девушка пришла в себя.

— Фух, с добрым утром. Или ночью, не знаю.

— Что-то случилось, пока я спала?

— Ну да. Ты спала. Вот что случилось.

— М?

— Ты разговаривала во сне.

— Да? О чем же?

— На тебя напали, наверное. Воспоминания?

— Может просто дурные мысли. Дай-ка я кое-что посмотрю.

Вестница облокотилась на стенку вагона и замерла на вид со створы.

— Не думала, что увижу французский пролив с такой точки.

Свет луны бликовал, деля водную гладь на черную и белую сторону.

— И что же ты хотела увидеть?

— Время.

— Я не вижу там часов.

— Мне они и не нужны.

— Как так?

— Подойди.

Нимбри стала прямо за Вестницей.

— Что ты видишь вон там? — девушка указала пальцем на отдалённый берег, проглядывающийся за водой.

— Ничего, вроде... Погоди.

Лунный блеск озарил маленький каменный шпиль вдалеке.

— Башенка?

— Это Пост Дувра. Памятник, один из трёх. Он нам нужен.

— Как?

— Пост указывает на север. Мизинец с большим образуют прямой угол в центр запястья, с безымянным — тридцать, со средним — сорок пять и с указательным все шестьдесят градусов. Считаю угол между башней и Луной.

Девушка сделала всё, что произнесла.

— Где-то восемьдесят, но азимут у неё будет 280. Солнце смещается на пятнадцать градусов каждый час. Поделим и получим...

— 18 с половиной. Плюс-минус.

— Отлично. Надо прибавить один, то есть 19 с половиной. Теперь, глазом делим наши «часы» на двенадцать долей и считаем количество светлых. Где-то пять. Складываем. 24 с половиной. Больше, чем часов в сутках, поэтому вычитаем 24 и вуаля, сейчас пол первого.

— Я поняла, наверное. Но лучше если ты мне в следующий раз покажешь.

— Да ладно тебе. У нас тут не лекция по астрономии. Да и знаешь, я на препода не сильно похожа.

— Нет, что ты. Это просто я, наверное, в очередной раз блеснула своей глупостью.

— Двум пессимистам проблему грустью не решить. Так что, подруга, если не возражаешь, давай сменим тему.

— Подруга?

Интонация Нимбри источала несвойственное ликование.

— Ну, я никогда не против найти новых друзей. А то как бы я Роджера встретила?

— Значит что, теперь мы делимся интересами?

— Ха! Брось, нам не по пять лет.

— Ты права, просто у меня мало опыта в дружбе.

— Я играю более по-взрослому.

— А?

— Мне нравится скреплять дружеские отношения. Скреплять их раскрытием тайн.

— В смысле?

— Я расскажу тебе свой секрет, а ты мне свой.

— Ты так со всеми делаешь?

— Когда выпадает возможность. Что думаешь, подружка?

— Даже не знаю...

— Ну, я не настаиваю. Как-никак, сейчас не до этого. А я столько хотела тебе рассказать...

— Ладно-ладно, уговорила.

Блеск зубов Мари подчеркнул её ухмылку.

— Хорошо. У меня никогда не было... Не было парня, в общем.

Глаза девушки разглядели в Вестнице что-то странное, даже не на первый взгляд. Вся так называемая крутость, которой Мари окружала себя, как крепостными стенами, на миг рухнула. За нею со стеснением сочилось всё, что выдавало бы в откровеннице маленького ребёнка. Нимбри прониклась и умилилась такому поведению.

— Воу, — подыграла ей она:

— Хрупкому человеку такое не дастся... Т-то есть, ты очень сильна, раз столько времени боролась с одиночеством в одиночку.

— Это не так уж сложно. Хотя, если честно, я показывала свою слабость, причем не так давно.

— Как?

— Влюблялась.

— Да?! И в кого же?

— А сейчас разве не твоя очередь?

— Ой, прости. Да... Даже не знаю, может... Ладно. Я... Я никогда не имела друзей.

— И всё? Слушай, старые раны люди ворошить любят, бессмертные существа — не меньше, ваша же родня, но забей ты на это. Я витаю в облаках, до сих пор не понимая зачем,

но это мои бредни. А твои уже решены.

— Думаешь?

— Конечно, подружка. Мой пластырь на твою душу уже закрепился.

— Спасибо.

— Пожалуйста, только знаешь...

— Что?

— Давай поднимем ставки. Я хотела развлечься в эту ночь. Я расскажу тебе самое сокровенное.

— Оу, а что же взамен?

— Ты поделишься таким же.

— Н-но у меня нет такого.

— Да брось. Не может быть, чтобы у тебя не было давно забытой пьянки, где ты подралась или воровала по приколу. Или, может, даже хуже.

— А если... Тебе не понравится?

— Шутишь, что ли? Конечно, мне понравится. Тайны — мой кофеин.

— Ты любишь кофе?

— Ага.

Девушка наполнилась доверием. Возможно, она нашла себе идеального товарища.

— Давай, Мари, я слушаю.

Вместо, скорее всего, короткого факта, в уши Нимбри полилась целая история. Можно было предположить, что опирается она на воспоминания из далёкого прошлого, однако даже эти ожидания были подорваны.

— У меня друг е... Был. Так трудно даже сейчас осознать его потерю. Прости за такие слова, может, ты их даже не поймешь. В общем, к сожалению, смерть любит меня навестить. Правда, это как об стенку крупой, вот только ошметки потом... Задевают моё окружение. Грустно? Конечно. Отвратительно? И не только. Проблема другая. Ненависть и желание поквитаться. Как хорошо людям, у которых нет того, кто виновен в потере. Им не надо мстить. А мой случай... Другой. Его отняли или, проще сказать, убили недавно. Ждать «охлаждения» мне не хотелось.

Тёплая чикагская ночь вела прибрежный ветер до самых оживлённых улиц своего города. Окружающая архитектура хоть и сбивала его с пути, тормозила и не давала ускориться, на более открытой местности явно царил не штиль. Подобно такси, рвущимся до своих клиентов, он вился по улочкам и, как молодая пара в самом соку романтики, пробиралась к значным видам мегаполиса, будь то крыша высотки, например. Замечательный ракурс открывается на них, от него не хочется отрывать взгляд и не мудрено. Отвлечься на что-то другое с мощным порывом, шуршащим по ушам просто невозможно. Звук тоже за него не проходит. Внизу прохожие и крик не смогут услышать.

— ААА!!! Пусти меня, тварь! ПУСТИ!!!

Мало кому приходилось свисать головой вниз с огромного здания, но кричащий — везунчик. Хотя, может и не совсем. Ведь его держал не железный крюк, хоть и железной хваткой.

— Я не привыкла к таким нагрузкам, — облокотив голову на плечо, с надменностью заявила черноволосая Вестница:

— Тебе ответ на мою загадку там не надул, а?

— Катись к чёрту, сука! Ты даже не знаешь с кем связалась. Тебя ждут последствия! А

ну живо меня отпусти, паску...

Мари немного подкинула за ногу допрашиваемого и, в тоже мгновение, подхватила его другой рукой.

— Так ты же сам попросил отпустить, нет? В полёте передумал? Я хруст слышала между пальцев. Рекомендую вежливо и вкратце рассказать о своих друзьях, а то не хотелось бы, чтобы червячок оторвался от моего крючка раньше времени.

Жертва назвала адрес. Пелена так плотно залила глаза, что Вестница и не запомнила, как выглядела дорога до туда. Даже на плавное приземление не было времени. Мари уже не заботил ремонт двух глубоких трещин на асфальте.

Старый склад. Пространство на улице забито контейнерами для перевоза. Свет маленькой лампы на фронтальной стене озарял только главный вход — стальные створы высотой и шириной с грузовик. Животная злость кипит кровь. Возможно, так себя чувствует изголодавшийся гепард, едва добравшийся до своей цели. Ещё немного и... Плюм.

— Мужики, видали, а? А я говорил, что дробь — отличная штука! Вестника вынести смогла.

— Да, видели мы, как ты её в упор саданул. Если бы это овца напролом не попёрлась, ты бы и попасть бы не смог. И сам бы лучше глянул: ей черепню даже не развезло, только поцарапало.

— Пошел ты! Ничего не отлетело даже, весь свинец сейчас в её башне.

— Так, заткнулись оба! В башне, говоришь? Ну, что же, подними е...

Перекур у сознания закончился на не столько язвительных, сколько дерганных покачиваниях туловища девушки. Чувства приходили назад постепенно, шаг за шагом, переступая через непонятную ступень. Эта лестница сопровождалась замеченными бурными толчками.

— Ещё одна! Сколько их вообще в патроне бывает-то?

— Вытаскивай давай, спец по дробовикам. Скажи спасибо, что плоскогубцы тут нарыли, в такой заброшке хрен что найдешь.

С последней дробинкой, вырвавшейся из головы Мари, та сделала вдох, как если бы всплыла со дна водоёма.

— Наша спящая красавица соизволила открыть глаза. Как спалось с горошиной в мозгу? — назойливо спросил тот, что выдирал металл из мяса.

— Довольно крепко, близко же стрелял. Тут и остолоп бы попал.

Ухмылка на лице двух других стоявших отчётливо показал себя.

— Колко ты его подколола. Не так, как дробь тебя, — подметил центральный.

Осуждающий взгляд стрелка подкрепился грубым броском инструмента на полку.

— Свора цепных собак. Лаете даже друг на друга. Что вы вообще тут забыли?

— Ну как же. Мы тебя ждали. Разве наш общий знакомый ничего не сказал? Прс последствия там, нет?

— Ledo.

— Чё ты там сказала?

— Остынь, хирург. Дамочка осознала, что в западне.

Мари дрогнула руками. Тактильные ощущения наконец-то дали о себе знать. Девушка была связана по рукам и ногам. К стулу пристегнули кожаные ремни, однако от вздрога слышалось лязганье проволоки. Третий из разговорчиков подошёл и холодным дулом пистолета ткнул Вестнице в висок.

— Девятимиллиметровая пуля — не свинцовая крошка, дорогуша. Если застрянет глубоко, спать будешь долго. У нас для таких особые меры. Сколько говоришь в том баке литров?

— Около двухсот. И зачем тут так много азотной кислоты?

— Ты бы ещё спросил, зачем на металлургии наковальня. Здесь раньше был склад красочного завода.

— Ну, я думаю, что ты, дорогуша, туда поместишься. Поэтому, не рыпайся, а то жизнь станет... Более красочной.

— Ладно. Так и быть, посмотрю на ваш цирк, — проигнорировав угрозы, невозмутима ответила Мари:

— И как же мы проведем вечер? Пытки? Встречалась я с ними. Скучно, когда долго.

— Я предпочитаю вещам более дельное применение. Мы — не звери, какими вас выставляем, — упоминал центральный в крайне весёлом настроении:

— Да, я знаю, кем ты была. Читать с лодыжки трудновато, но такому я уделил время. Ты подчеркиваешь свой статус видком. Настоящая демонесса. Прямо как твой коллега.

— Это... Это твоих рук дела, тварь!?

— Что? Неет, что ты? Ты правда уверена в том, что убийца останется в том же городе со мстительным свидетелем? Он давно уехал. Однако, без меня, твой дружок сейчас был живчиком. Или как вы это называете?

— Простой стул не удержит мои пальцы, когда они будут сминать твою глотку.

Древесные ручки взвыли скрипом.

— Нетушки, так дела не пойдут, — неизвестный рубильник повернулся по желанию подстрекателя.

Раскаты электричества пробежали по белёсой коже, и подкидывая волосы в верх. Рубильник поднялся на место.

Сквозь вонь жаренный смрад и дым, оголился смех.

— Электрический стул тоже не удержит.

— И не надо. Было бы кощунством не дать тебе воли, — с непонятными фразами центральный собеседник стал совсем близко и согнулся на одно колено:

— Я дам тебе её. Дам тебе сладкую месть.

Мужские кисти подвернули джинсовую штанину. Черные буквы словно потрескались, держа за собой горяще-желтый свет. Собеседник отошел.

— Ещё раз.

Женский вопль источал не страдания, а гнев. Сил выбраться из под ремней просто не хватало, мышцы танцевали в диком сокращении.

— Не вышло? Ну же, выпусти её. Я хочу на неё взглянуть, — Пактум светился всё сильнее:

— Либерна, ау, выходи!

— Отъебись, — хрипнула Вестница.

Щека вомнулась от прилетевшего кулака.

— Это ужасно! - Нимбри в мурашках, с трудом выдавила из себя эти слова:

— Как же ты ушла?

— Я не помню, — едва не плача, ответила Мари:

— Единственное, что не даёт забыть остальное...

Девушка запрокинула ногу на железную рукоять вагонной двери. За тканью, как за бинтом, была язва. Договор покрылся трещинами и ранами с обуглившейся коркой. Внезапно, Вестница отбросила мимолётную грусть и немного взбодрилась.

— Ну и чёрт с ним. Мой возраст не предполагает страдать по прошлому.

— Но тебе всё ещё ведомы эмоции простых людей. Это меня немного удивляет. Как, живя столько лет, видя столько боли, ты всё ещё не стала... Ну...

— Бесчувственным камнем? Забавно, но об этом я думала когда-то тоже. Даже нашла ответ, как мне кажется.

— Скажи.

— Наша участь подобна морю.

— Морю?

— Да. Мы, как морская гладь, не изменимся за много лет. Чтобы ни случилось, мы будем такими же. И в тоже время, волны раз за разом поднимаются вновь. И никакой опыт этого не меняет.

— Интересно.

— Ага. А знаешь, что ещё интересно? Твой секрет. Выкладывай.

— Оу, точно. Не знаю, с каких слов начать.

— Иди как идёт.

— Хорошо. Я... Ты хорошо знаешь Роджера?

— Зависит от вопроса, а что?

— Мне кажется, он был очень хорошим человеком.

Вестница нервно проглотила слюну.

— И?

— Я... Я не знаю. Не думаю, что он обратит на меня внимание.

— Что? Ты что, запала на него? Ха-ха... Хе.

Девушки неловко промолчали, пока Мари не решилась сказать:

— Ты не права.

— А?

— Роджер не из тех, кому что-то надо показать. Он сам всё увидит. Я успела это понять за то недолгое время общения с ним.

— Просто... Вряд ли он даже знает или догадывается об этом. Для него я была просто жертвой в беде, которую пришлось отбивать от своих же.

— Стоп... Чего?

Нимбри поняла, что прокололась. Лунного света было достаточно, чтобы увидеть страх и стыд на её лице и в её глазах.

— Мари, прошу. Молю, дай мне сказать.

— Уж слишком часто я позволяю ангельскому отродью болтать.

— Я понимаю, что не смею это упоминать, но... Но неужели ты перечеркнешь

проскочившую между нами дружбу?

Рука Вестницы немного напряглась и, через мгновение, сомнение всё-таки закралось в мысли.

— Ну?

— Что ну?

Мари сделала глубокий вдох.

— Ты вроде как хотела что-то сказать.

— А, ой, прости. Я хотела сказать, что не собираюсь причинить вреда.

— Зато я хочу.

— Прошу, подруга, если это слово мне дозволено говорить, я не за тех, кого ты считаешь своими мучителями.

— Тогда, о чём, скажи на милость, ты думала раньше? Почему не ушла до нас? Я не могу поверить в то, что такой комок «милоты» мог захотеть перебежать через баррикады на другую сторону, а не просто уйти с поля боя. Может у тебя есть что сказать на этот счёт?

— У меня есть.

Из тени вышел Роджер.

— Роджер, я...

— Всё в порядке, Нимбри, всё в порядке.

— Ты так уверен в этом? — напряженно спросила Мари.

— Да. Ты спросила, что я могу сказать на этот счёт? Она попала сюда случайно. Не пришёл бы я тогда, ругать тебе сейчас было бы некого.

— Мари, прошу тебя, не жги между нами мосты. Не будь Либерно...

— ОТПУСТИ ЕЁ!!!

Как молнии пальцы Вестницы быстро обвилились вокруг шеи ангела. Одежда со спины с треском распоролась, вырвав из себя два огромных чёрных крыла, настолько темных, чем раньше, что даже при свете увидеть их не получалось.

— Поставь её на землю, живо! - коса змеёй сползла к руке Роджера.

— Так вот она, холодная. Как обещали. Раз не любовь, то смерть заполнит моё сердце.

Нимбри рухнула на пол.

Белое лезвие свистнуло в полёте и нанесло глубокую рану. Тревис выбил с ноги Мари из поезда в воду.

— Was?! - Стефана разбудила шумиха, но взгляд он обратил только под самый конец, что вызвало ужас:

— Бартос, просыпайся! Бартос? Ай, steigen!

Дурьер очнулся вторым и выскочил с Прахом к последствию проишествия.

Роджер сидел, держа тело Нимбри. Ему всё ещё трудно было поверить.

— Что здесь случилось? — согнулся к нему немец.

Стеклянные глаза не обратили внимание на вопрос. Стефан пощелкал пальцам у парня над ухом.

— Рядовой, что стряслось?

— Мари, — прошептал он.

— Kannst du es wiederbeleben? ·

— Leben für Leben. Es geht nicht anders. ·

Одна деталь попала на глаза Осберта. Искорка мелькнула у шеи затылка девушки.

— Lose ziehen ist eine gute Wahl. Hilf mir. ·

Прах достал нож из внутреннего кармана. Палец, как перо, начало извергать кровавые чернила. Трентор будто не замечал окружающих.

— Нам дали силу и долголетие, но не излечили от боли при потере близких душе. Чудовищная слабость, — думал про себя немец, рисуя на полу пятиугольник.

Закончив, он обратился к Бартосу:

— Wiederholen Sie alle Wörter nach mir. Andernfalls werden wir nichts speichern.

Утвердительно кивнув, Дурьер прислушался к голосу Стефана. Оба заговорили на неизвестном языке.

— Eitselommu von. Silibairavniatatum. Sinaicramsubinimracnirorre.

Багровая геометрическая фигура стала идеально ровной. На полосе всплывали символы. Некоторые менялись и новые застывали. Когда движение в контуре прекратилось, пятиугольник загорелся синим пламенем.

— Нашел-таки, — последние слова блудного сына перед смертью и встречей со Смертью.

Огонь рос, становясь выше. Роджера он обтекал, как воду, а у Нимбри загорелись ноги. Загорелись они непривычно, не как обычное тело, а бумага над свечой. Пламя бежало быстро, но, что странно, ни гари, ни потемнений не возникало. Огонь горел только поверх. Что-то меняться стало только спустя время. Кожа неестественно побледнела на месте воспламенения и, осветлив её достаточно, пожар шёл дальше. Ткань также, как и держащий девушку Вестник, не были важны для этой яркой субстанции. И вот, уже у головы, волосы, как бенгальские палочки, вспыхивали от пламенных прикосновений, но не тлели, а только становились пепельно-белыми. Как вдруг, тело напряглось, глаза девушки открылись. Лицо понемногу поглощал огонь, но она даже не чувствовала его. Нимбри смотрела на Тревиса, а Тревис оживленно думал о ней, сбросив с себя ступор.

Янтарно-карие глаза пламя создало лиловыми. Девушка начала кашлять.

— Вы замечательно потрудились, теуфел-оберст, — заявил сидящий за столом, чья нацистская форма своими полосами и железками говорила о высоком положении её обладателя:

— Операция была проведена успешно. Разгромить противника с численным превосходством — удел не каждого.

— Благодарю, Герр Ворштхер.

— Вы не дослушали. Потрудились вы, конечно, замечательно, но во-первых, выпустили на фарш опытный отряд закалённых в бою солдат.

— Их нарушения дисциплины требовали наказания. У нас уничтожительная война, а не насильственная и грабёжная.

От правдорубящей дерзости военный встал с кресла, размахивая руками.

— Ваш статус сильно развязывает вам язык. Не был бы у вас карт-бланш от самого Фюрера, я бы заткнул вам рот. Но я не закончил. Во-вторых, вами было взято в плен около 120 гражданских.

— Укрепления сами себя не построят, Герр. Нам нужна рабочая сила.

Военноначальник вернулся на своё сидение, сбросив фуражку на стол и вытащив платок из формы.

— У вас всегда найдётся причина выкрутится. Так вы и одерживаете верх. Может это и хорошо, но вы мне не нравитесь, — вытирая пот с затылка, пробурчал военный.

— Не удивительно, Герр. Я сам иногда себе не нравлюсь. Я вообще не уверен, что я

могу кому-то...

Стук в дверь кабинета перебил Стефана.

— Войдите!

Кто-то вошёл внутрь, только стук каблуков был слышен из-за спины оберста. Немец напряг спину, ожидая что неизвестный выйдет из-за его плеча.

— Я не вовремя, Герр Ворштхер? Я не буду мешать, если вы хотите отчитывать подчиненного дальше, — слегка утомлённым, но молодым голосом спросил посетитель.

— Как меня только не называли противнике на фронте, но чтоб «подчиненным», — сквозь зубы нагнетал Осбер:

— Да как ты...

Может, немец ожидал увидеть там рядового, максимум офицера. Может, секретаря. Но точно не женщину-капо. Стефан сморщился от неприязни. Обноски-лохмотья свисали с худого до костей тела, их скрывал большой по размеру пиджак с характерной белой лентой на предплечье. Серый платок обматывал волосы, обезличивая и без того серую внешность.

— А, Йенде, заходи, — спокойно, необычно ласково произнёс Ворштхер:

— Прошлый раз ты что-то...

Руки военного задёргались под столом. Капозетполицей может и не заметила этого, но острый глаз оберста наострился. Там открылся ящик, из которого вылетел небольшой столб пыли.

— Что-то ты плохо убралась. Неужели, паёк был такой сытный?

— Нет, Герр, не был, — вздохнула пришедшая.

— Хорошо. Тогда я урежу тебе его не в наказание, а как стимул. Пройдемте, Теуфел, девушке надо дать место для работы.

Из кабинета двое оказались в белом коридоре с застеленным выцветшим и подгнившим ковром по всей длине. Став у окна, немцу открылся вид на безжизненную территорию. На концентрационный лагерь не позволял смотреть едкий рассеянный свет, пронизывающий пасмурное небо.

— Неужто я вижу на лице слуги потустороннего тоску? Столько крови лежит на ваших руках, а в печаль уводит рабский труд? Даже мне, такое чуждо.

— Что творится в моей голове ведомо знать только мне, Герр. Уж лучше ответь мне на вопрос. С какой стати начальнику этого проклятого места должна убираться капо?

— Рабочая сила, как вы её назвали, всем нужна, оберст. Я просто решил выбрать из неё более приятную на вид.

— И поэтому капо?

— Возможно. Понимаете, эта труха, что слоняется у нас под окнами, даже полки протереть не сможет. Да ещё и страшные, как смерть. Хоть какая-то польза. Знаете, я же простой человек с потребностями.

— Охотно не верю. А та труха тоже бы не смогла вытереть пыль, если бы вы её не приносили, так?

— Что, о чем вы?

— Рука, Ворштхер. Когда собираете пыль и грязь отовсюду по ящикам, рука может испачкаться.

Военный взглянул на кисти. На одной из них осело много светлых кусочков.

— Но-но я... Э-это просто игра. Знаете, я...

— Игра, Герр? Вот что, вы подкинули мне отличную идею для отпуска. Фюрер уверен в

победе, до меня ему уже нет дела. А я лучше побуду здесь. Те 120 заключенных должны работать, а не участвовать в играх.

— Дерзко, с вашей стороны уж точно. Думаете, что сможете тут пробыть больше дня? Да я...

Спустя пару часов под крики военначальника на фоне, на запрос об переводе был принят утвердительный ответ. У Герра появился сосед по кабинету.

- — Оживить сможешь?
- — Жизнь за жизнь. По-другому никак.
- — Жребий — хороший выбор. Помоги-ка.
- — Повторяй все слова за мной. Иначе не спасём.

— Господи! - перепугался облачённый в пижаму военный.

Было раннее утро, когда солнечный свет сине-белого цвета пропитывал туман. Ворштхер спокойно спал на своей простецкой кровати, которая по сравнению с койками заключенных была роскошной. Причиной пробуждения оказался оберст, тихонько покуривавший в углу комнаты и наблюдавшим за спящим. Точнее, резкий запах табачного дыма от него был причиной.

— И как это вы умудряетесь верить в бога? — риторически спросил Стефан.

— Я в праве верить, ведь он с нами. Не постесняйтесь ответить, какого гурке вы забыли в моей спальне?

— Хотел проверить.

— Храплю ли я?

— Нет. Крепко ли вы спите под боком у трупов.

Геррские нервы заиграли от такого ответа.

— И часто вы намерены меня так навещать?

Осберт затянулся и плеснул в военного дымом.

— Увы, мне тоже требуется довольствоваться сном. Хотя бы раз в три дня. Да и еда с водой мне не помешают. К слову, не знаете, что сегодня подают?

— Гороховый суп с консервированной говядиной.

— А на десерт — хлебцы с сахаром? Вы уверены, что предлагать сухой паёк простого солдата недавнему гостю с фронта целесообразно? Мы не в бараке, и раз уж у вас есть табак, который я с радостью позаимствовал, то и что-то более съестное найдётся, чем похлёбка и требуха в банке.

— Ну знаете... Мы не в вашем личном доме с фройляйн-домохозяйкой, которая вам приготовит сытный стол! Здесь я главенствую над тем, что у меня в желудке и, возможно, будет у вас. Если я захочу сочнеейшей дичи, то пойду на охоту, уж времени мне хватает.

— Вот и отлично. Вам как раз не повредит столь приятное увлечение. Да и свежий воздух... А я вам даже навстречу пойду.

— Да?! И как такой напыщенный самодоволец мне пойдёт навстречу?!

— Я поработаю за вас в кабинете.

— А?

— Я видел стопку бумаг, пришедшую к вам на осмотрение. Думаю, так мы сэкономим намного больше времени. Не посылать же вас сначала с документами разбираться, а потом за зверьём.

— Н-но...

— Вы меня слышали. Что, патроны для винтовки закончились? Поделиться?

— Нет, — прожевал Ворштхер:

— У меня и своих предостаточно.

Боевая охрана, совсем недавно по времени вставшая на пост, была немного изумлена внештатным заданием. Солдаты даже не поверили сперва, что идут за свежим мясом в лес. Пока небольшой отряд, собранный лично начальником концлагеря, уходил, показываясь за окном, оберст приступил к озвученному. Ориентировки о переводах проскальзывали после печати с руки Стефана на следующий пост, где их прочтёт другой ответственный.

Документация направлялась в архив, сведения о заключённых дополнялись. Багровых папок или бумажно бежевых обложек на столе становилось меньше. Буквально таяли на глазах с продуктивностью Осбера.

Трудоголик-немец только позднее заметил, что в кабинете, кроме звука его шагов, легкий стук, нарушавший тишину, исходил и от часов. Циферблат был сделан из той же древесины, что и корпус, лишь только побелённые отметки не давали ему слиться с остальным. Сидя на стуле с бархатной обивкой, Стефан повернул голову к часам как раз в момент перед их ударом. Время 9:00.

Как гром среди ясного неба, в кабинет постучались, громко и чётко.

— В-войдите, — замешкал Осбер.

С незаметностью чибиса и резвостью полевой мыши в кабинет заявила вчерашняя гостья.

— Ты пришла убраться. К сожалению, не только ты обременена работой, так что мне придется не покидать помещение.

Оберст с трудом подбирал слова к своему собеседнику. Стекланный взгляд, устремленный в пол, серый налёт на едва-едва живом теле. Немец подсознательно уверился, что говорит с манекеном, который характерно не отвечал на любые слова.

— Ты там меня слышишь? — с сомнением спросил Стефан.

— Да.

Видавший многое, оберст немного вздрогнул от столь резкого ответа и поворота головы.

— Тогда, почему ты молчала?

— Мне приказано только отвечать на вопросы и выполнять работу.

— Герр, видимо, ой как не любит болтовню. Ладно, даже у таких есть желания. Ты можешь приступить к уборке.

Скрещенные за спиной руки, только сейчас замеченные немцем, обнажили подготовленную шерстяную метёлку и совок. Дабы не отвлекаться, Стефан зарылся в документацию.

— Показания свидетелей... Уже проверены, на перевод. Списки военнопленных... Каторга, пытки, Ворштхер, ленивая ты скотина, — вылетал из-за папок бубнёж:

— Никакого разнообразия. Простая и примитивная жестокость. И к таким я примкнул, жаль, выбора не было. И почему всех только Хель привлекает?

В это время, главный пылесборник в комнате, по совместительству, книжный шкаф — деревянные полки, вставленные в стену, готовились к очистительной участи. Тонкая уборщица подошла к ним и легкими, но нервно частыми взмахами сметала налипшую на литературу грязь. Острый слух оберста цеплялся только за естественный в чистке шорох.

Работа в поте лица несёт за собой плоды: почти все полки подметены, почти все документы проверены. Стефан от скуки завитал в облаках. Ядра серого вещества, не так давно прозванные базальными, исключили ненужные размышления из действий немца, по сути, сделав из него станок для обработки бумаг. Внезапно, эта машина прервала свой ход. Небрежный стук ноги предзнаменовал потерю опоры. Капо падала вниз, со страху цепляясь за первое попавшееся, за книги. Немец даже не повёл бровью: щупальца в два метра от бедра до стены подхватила и уборщицу, и летевшие книги.

— Будьте аккуратнее. С вами всё хорошо?

— Д-да, простите, я отвлекла... А-а-а!!!

Капо вскочила на ноги очень резко для изморённого человека. Испуг попытался

исправить Стефан, убрав столь дивную для уборщицы конечность.

— За такой конфуз и вы простите меня. Не держится у меня в голове мысль, что о мне знают только военные чины. Я...

— Линдворм?! - не сдержалась девушка, в тоже мгновение схватившись за рот руками.

Оберст удивился. Однако, не выходка капо подстегнула его, а слово. От такого у немца даже взгляд вздрогнул. Вздрогнул, заметив важную деталь.

— Часто убираетесь, пока тут никого нет?

Уборщица виновато опустила голову.

— Герр часто удаляется из кабинета, когда я прихожу. За его столом всегда много пыли, возможно, он знает, что я буду ему мешать.

— Моё присутствие столько грязи не принесёт, да и я не тот, кто оставляет дела незаконченными. Мой нрав — моё проклятие. Но, хочу вернуться к другому. Интересуетесь мифологией готов?

Левая коленка девушки нервно заёрзала.

— Ворштхер слишком глуп в интересах, однако лизоблюды дарят ему подарки и в литературе. Я заметил сборник германского оккультизма.

Ещё немного и капо была готова потерять сознание от ужаса.

— Линдворм хорош, признаться мне он тоже привлекателен. А что вы думаете о Фафнире, м?

— Все драконы чем-то прекрасны. Однако, вы — не он, — в родном для себя поле речь уборщицы стала уверенней.

— Почему же?

— Фафнир, сродни любому дракону из сказаний готов, обладает крыльями. А Линдворм нет. Его родня — змеи.

— Неужели я похож на змею?

— Хвост, что поймал меня, хоть и был чёрным, но очень походил на змеиный.

— Не буду скромничать, ваши слова мне польстили. Не каждый день меня сравнят с чешуйчатым отродьем.

— Нет, что вы! Молю, я не делала ничего подобного, клянусь! Прошу, герр, не сердчайте! - капо в панике слезливо протараторила.

— Не знаю, что мне хочется больше: сожалеть такому крепкому, пока что, нраву, который приходится скрывать, или восхищаться, что вы до сих пор держитесь.

— Простите?

— Вот видите. Как только тиран покинул палаты вы даже и не заметили, как стали нарушать абсурдные правила поведения, предписанные вам. Скажите честно, дерзить мне вас подстрекнул простодушный риск или интуиция?

Зрачки у девушки забегали в стеснении.

— Смелей, не бойтесь. Наш разговор я никому не выдам, клянусь. Я был когда-то человеком, давным-давно, и слово клятвы не раз сдержать мне доводилось.

— Н-ну... Ваши объяснения позволят мне ответить легче. Вы... Внешность у вас такая же, как и у тех, для кого я работаю. Но внутри... Совсем не так. В вас нет... Чёрствости.

— Благодарю. Не подскажите ли, где ваша спальная комната?

— А? Ой, она почти рядом с лестницей, слева от кабинета. Если, конечно, подсобку можно назвать спальней комнатой.

Стефан обошёл уборщицу, встал у двери и приоткрыл её. Выглянув, он осмотрелся.

Никого. «Хвост» стремительно удлинился и сразу же вернулся обратно.

— Вот. Доказательство моему слову, — немец протянул девушке книгу.

— Откуда вы узнали, что я её не прочла?

— Драконам уделено с десятой по двенадцатую страницу. Да и Герру она точно ни к чему. Сейчас вы можете отнести её к себе.

— Но я же не убралась до конца!

Осбер провёл пальцем по кожаной корочке. На кончике было чисто. Свободной рукой он испугал капо. Очень быстрый взмах был с целью просто погладить девушку по голове, однако та не сильно это оценила.

— Прошу прощения. Просто хотел показать, что вы поработали отлично. Можете удалиться.

— Спасибо, ге...

— Стефан. Пусть хоть кто-то называет меня, как прежде, а то ненароком и забыть можно.

— Спасибо, Стефан.

— Пожалуйста, Йёнде.

Из непроглядного леса долетел грохот. Через время и ещё с десятков шумов, на КПП уже стоял Ворштхер со своей прикомандированной сворой. Солдаты за ним тащили тушки едва взрослых фазанов, нагруженных друг на дружку.

— Чего уткнулись? За работу! - надзиратель хлопнул заключённого по спине деревянной палкой, которая треснула пополам от такого сильного удара. Толпа недавно впившихся взглядом в охотничью процессию вновь врезалась штыками лопат в землю. Погода стояла холодная, утром у всех валил пар. Над работающими возвышался белый столб, соизмеримый только с тем же, что исходил из трубы у соседнего здания. Фабрика, как оно описано в документах. Однако, настрой внутри там точно не фабричный.

Конвейерные ряды полны заготовок для ботинок, фляжек, любой полезной ручной клади. Они все проходят через истёртые мозолями руки. У пленников один выбор: исполнять указанное. Отказ — это смерть. Полон ли сил, если это так можно назвать, или изнеможён — заключённый умрёт от рук смотрителей или сам. А дальше, как на кухне. Нужное уйдёт по рукам, а бесценок по цинизму, будь то требуха от фазана или труп, пойдут в топку. Многие здесь признают это балансом.

Стефан курил. Пальцы хотят раздробить трубку. Мнение — бред, но с ним надо считаться. Приходится. За столь долгое время, оберста посетила тошнота от табака. И всякий раз, когда она возникала, весь гнев уйдет в слюну, а Осбер просто сплюнет отторженную желчь.

— Терпение — слабость. Но, чтобы выстоять перед силой, придётся быть слабаком. Парадокс.

Колокол пресёк размышления немца. Поздний завтрак скоро будет готов.

Длинный стол, практически шедевр искусства за столь изысканную выточку дерева, практически используется по назначению. Мебель была рассчитана на восемь персон, хотя делили её только Ворштхер и Стефан, сидящие по краям.

Прислуга на подносах вынесла шелковые платки и положила возле проголодавшихся. Ясный безоблачный день скрывался за толстыми шторами. Серебряная посуда отбрасывала остатки пролетающего света. Оберст вращал между пальцев нож, пуская солнечного зайчика на потолок. Побелка в полумраке цвела аквамарином и внушала этим глубину всего помещения. Желтый кружок сполз по стене, внезапно попав на сощурившееся лицо.

— Ой, Герр. Запомятовал, что вы здесь.

— Про субординацию в последнее время вы тоже запомятовали.

— Не сгущайте так краски. Давайте лучше поговорим о другом. Раз вы откликнулись, наверное, сами испытываете желание к разговору.

— Абсолютно не испы...

— Как здесь оказалась та капо?

— О ком это вы?

— Уборщица, что у вас прибирается.

— Ах вы о ней. Как и все гражданские, она прошла через стандартную форму перевозки на наших машинах сюда.

— Откуда?

— Около сотни километров отсюда был маленький город. Даже название не вспомню,

его выкорчевали с корнем. Там было много таких, как она.

— Как-то скудно для поста капозетполицея. Да и возраст не подходит ни для политического заключённого, ни для какого-нибудь Свидетеля Иеговы. Может, родители?

Ворштхер убрал руки под стол. Никто не хочет, чтобы другие видели, как они дрожат.

— Герр, кто её родители?

— При всём уважении, Теуфел, я не могу разглашать столь секретные данные...

Стефан встал, откинув стул.

— Ради простой еврейки вы будете скрывать информацию?! Уж за допуск не сомневайтесь, по нужде Фюрер вам лично подтвердит.

Вернув мебель на место, немец направился ближе к собеседнику. Щеки Ворштхера немного поскакивали от стучающей челюсти. От неудобства, левая кисть старательно поправляла правый рукав.

— Предательство только в удобном кресле кажется безболезненным, — Осбер подошел вплотную к Герру и нагнулся:

— А вот на холодном бетоне или в окровавленном снегу ответственность как наковальня бьёт по мозгам.

— Ладно-ладно, оберст! Я расскажу, только прошу, сядьте на место!

— Вот так бы сразу, — немец мигом уселся обратно.

— Йёнде Гефеш — дочь Иммануила и Магдалины Гефеш, рождена отцом и матерью местного бойкого и, scheiße, кусачего сопротивления. Не сказать лучше, заноза varsch. С ней мы уже давно покончили.

— Украл Йёнде?

— Нет. Хотели, но не могли. Они опережали нас, перехватывали донесения и просто исчезали.

— Охотно верю, и что же вам помогло?

— Не что, Теуфел. К нам конспиративной весточкой на связь вышел сам Иммануил. Решил сдать себя с потрохами.

— С какой стати?

— Магдалина была убита за месяц до этого. Старик раскис. Знал, что увезти его любимое сокровище не получится. Любая машина, которую мы заметили бы, проходила осмотр. Поэтому, он попробовал схитрить.

— Отдал себя в обмен на Йёнде.

— Её Иммануил оценил гораздо дороже. Вместе с собой он сдал большую часть своих подельников и потребовал должности капо для неё.

— Вы и сдержали слово? Захотелось поиграть в добряка тогда?

— Плохо вы меня знаете, оберст. Я умею сдерживать слово. Однако, маленькую оплату взамен я всё же взял, — Ворштхер не сдержал усмешку настолько, что на слух этот звук походил на пороссячий хрюк.

— Всё бы отдал, лишь бы быть таким же тупоголовым, как вы, Герр. Интуиция не работала хоть бы.

— Ну, позвольте, все же мы люди, по крайней мере снаружи. Все мы испытываем голод. Кстати говоря о голоде...

В столовую вместе с поддёргивающим нюх запахом внесли огромное блюдо, набитое запечёнными птицами. Подойдя ближе, несущий вдруг замер. С шелестом, всколыхнув скатерть, щупальца молниеносно обвила мясную грудку. За пару секунд черная полоса

вернулась к хозяину заметно толще. Прислуга в шоке посмотрел на посуду. Только капли жира украшали дно блюда. На свинский ответ, Стефан впервые за столько лет не сдержался и рыгнул. Платком он протёр свои губы.

— Гороховый суп и тушенку господину Ворштхеру. Он сегодня дико проголодался, — приказал Осбер испугавшемуся и удалился к себе.

По вечно молодой коже давно не бежали мурашки. Крепкий нрав, может, и сдержал бы их, но холод, который ловил несущийся поезд, был не менее весомой причиной этому. Глаза не уходили от огня, красота пленяла Стефана, но тело поддалось к машине. Опустошенным немец упал на сидение у открытой двери, качнув подвеску и разбудив бурно спящего Энвила.

— Бессмертие сделало тебя соней?

— Тревога давно не закрадывалась в моё сердце, — тихо выдал Падший, широко раскрыв глаза, но в мгновение опустил веки от света пламени:

— Что стряслось?!

— Немыслимое. Любящий смог вернуть себе страсть.

— Девушка...

— Оставь это. Дессион — не такая редкая штука. Давай лучше сделаем глупость.

— И какую же?

— Вспомним ушедшее. Как смог простой солдат из пехоты вдруг оказаться в еврейском партизанском подполье?

— Ты читал газеты тех годов?

— Я не был из тех, кому нужна добавка пропаганды. Что нужно, узнавал на фронте, хоть прямо в окопе.

— «Когда семь кругов Ада заполнятся доверху, многих вернут обратно в окопы. Надо же как-то порадовать Теуфела.»

Осберт ухмыльнулся:

— Военный брэнд страшнее военной тайны. Геббельс подавился бы, сжав язык тогда за зубами.

— Где ты, знали все. Но остановить тебя не мог никто.

— Сам попросился или кто-то порекомендовал?

— Не помню.

— Забыл?

— Не знаю. Тебе же не нужен ответ на эти вопросы. Ты просто решил, что так допрос будет похож на разговор по душам.

— САМОДОВОЛЬСТВО! - вне себя от увиденного предстал лысый военный:

— Только дикое самодовольство позволяет вам сначала меня допрашивать, а затем приносить в кладовую чертову кровать!

— Вы сами отвечаете на вопрос своими выкриками, Герр, — подмечал оберст, руками махая несущим койку продолжать ставить мебель:

— Существо из Преисподней логично привести с собой «чертову кровать». Однако, дела обстоят слегка иначе.

— Спешу услышать, что мне нужно будет пересказывать начальству.

— Работница не в состоянии выполнять свою работу.

— Что ещё за бре...

— Я её не единожды ловил от неминуемого падения на почве обморока. Капо требует более высоких норм содержания.

— На любой происк милосердия вы найдёте оправдание. Терпение рано или поздно лопнет.

— И не у одного вас, раз уж вы не решаетесь раскрыть глаза на то, что ценный ресурс летит на ветер.

Сколь стремительно ушёл Ворштхер, столь же быстро наступил вечер.

Стефан решил прогуляться. Тёмная прохлада поднимала настроение. Внезапно, немец остановился от скрипа. Звук пришёл из спальни уборщицы. Снова скрип. Оберст решил стукнуть по двери. Тишина. Скрип.

— Наверяд ли... Но стоит проверить.

Осбер ворвался в комнату. Йёнде от неожиданности подскочила с табуретки.

— Стефан, что вы тут делаете?

— Опровергал сумасшедшие догадки. Почему вы не спите в такой поздний час?

Девушка привычно опустила голову вниз.

— Скажите честно, я что-то сделала не так?

— О чём вы?

— Герр несколько часов был в диком бешенстве. Когда меня пустили в кладовую, я увидела новую кровать, но...

— А?

— Я не могу на неё лечь! Не может такого быть, чтобы сейчас мне дали возможность спать тут! Ваш подарок, он тоже такой странный. С каждым днём теперь меня мучает страх. Если это пытка, то так и скажите. Я спокойно приму свою участь. Я не могу больше быть с этим камнем в груди.

Чёрная лента обвязалась вокруг спины и ног Йёнде, оторвав её от сидухи. «Хвост» всегда незаметной комнатной температуры, капо съёжилась на нём, но затем почувала теплоту по всему телу. На руках немец отнёс девушку до кровати и положил туда.

— Простите мой слишком резкий подход, — Стефан едва был уверен в том, что говорил:

— Но только так я мог хоть что-то вам... Тебе ответить.

Йёнде смотрела на стоящего оберста, и они оба не сказали ни слова в течение следующих минут.

Уже и мысли в головах обоих перестали рождаться. Капо, вдохновившись примером, дёрнулась первой. Решительно. Чересчур.

Глаза виновато скрылись. С плеча слезла ночная рубашка. Рука немца робко потянулась к истрадававшемуся телу. От пальцев остались миллиметры. Однако, ощущения Йёнде лишь сказали, что одежда вернулась на место. Осбер аккуратно застегнул пуговицу и отошел от кровати. Тогда же он наткнулся на спинку стула, задвинутого в стол и смотрящий в маленькое окошко.

Спина Нимбри выгнулась от желания сделать вдох. В глотке появилось препятствие, от которого девушка, не ожидая, решила избавиться. Кашель выбросил дыхательный ступор. Пепел вылетел из её рта.

— Оказывается, человек, повинный в смерти близкого мне, всё это время сидел со мной в машине, — вдумчиво повторял Стефан:

— Вот откуда приходили письма.

Казетполицейя обязаны досматривать. Выход на улицу, вход по окончанию смены. Каждый день. Однако, комнаты заключённых не заключены в такой постоянный дозор. Для солдат это и вовсе форма наказания: кто проиграл в карты или курил дольше положенного шёл проверять, чаще всего заглядывая за соломенную подкладку, именуемую матрасом, и выдвигая убранство имеющихся в камере полок. Попасть на такое мероприятие просто не удавалось, все чем-то заняты. Осбер тоже был занят. Он гулял, закончив работу ещё ночью. Вот и поймал проверку кладовой неслучайно.

Шлем рядового болтался с головой от рутины. Пожелтевшие от уплотнившейся кожи пальцы, привыкшие нажимать только на курок, пролистывали литературную единицу скудной библиотеки. Оберст пробрался вплотную, но солдат и глазом не моргнул.

Пустая трубка в кисти немца давно не была использована по назначению, поэтому Стефан придумал ему новое. Стук дерева по шлему немало перепугал дозорного.

— Нашли что-нибудь? — ехидно спросил Осбер.

— Никак нет, Теуфел-оберст!

— Замечательно. Свободны.

— Есть, — рядовой зашагал как заведённый ключом в спине.

— Стоять.

Армейские сапоги дрогнули от внезапного приказа.

— Книгу отдайте.

Солдат повернулся, из-за шлема показался его взгляд. Подозрительно недовольный, однако верный дисциплине, отдал ручной груз. Пустив каплю пота, рядовой вернулся к прежнему маршруту.

В сомнении любой бы нахмурил брови. С таким видом лица немец открыл полученный предмет.

— Тот самый сборник. Похоже, Йёнде только перед сном читает.

Стефан перевернул до первых описаний. Ничего особенного для бестиария драконов.

— Фафнир-фафнир-фафнир. И правда без крыльев. Даже огня не пускает.

Текст не поражал разнообразием, вся информация вводилась механической печатной машинкой. Некоторые буквы не баловали себя чернилами и были едва читаемыми. Но проблем с ними оберст не ощущал: все буквы по необходимости обвели карандашом. А рядом появились новые.

— «Принимает облик человека. Мне даже встречался один. По первому виду даже и не скажешь, что он опасен.»

Кончик рта напрягся от симпатии, а сам Осбер захлопнул книгу. Время уже призывало к работе. Бумажному параллелепипеду уже оставалось вернуться на место, как вдруг, форзац и обложка не сдержали упавший вниз предмет. Немец поставил книгу на полку и наклонился

ближе. Конверт.

Нервы напряглись не от неожиданности, а от дерзости выходки, которую она несла за собой. Коридор к кладовой внезапно кем-то стал занят, о чём говорил стук тяжёлой подошвы. Оберст держался за ручку двери с наружной стороны, а неприемлемое послание, находясь во внутреннем кармане, последовало в уже привычный для её обладателя кабинет.

— "Шкатулка откроется скоро. А ты отправишься к предтечам.", — всплыло на холсте, что лежал в картонной упаковке.

Письмо писали подготовленные люди. Чернила, легко создаваемые в домашних условиях, нельзя увидеть, не подогрев. Однако, Стефан не в первый раз встречался с подобной шифровкой: последний раз она стояла обеих рук его подчинённого. Поэтому, наученный уже навис над бумажкой, слегка освещаемой простой зажигалкой под ней.

— Ты же их читал, — озвучил Падший.

— Да. А откуда ты это знаешь?

— Подполье. Мы находили слабые узлы, не достигающие твоей жестокой дисциплины и распутывали их по своему желанию. Только твой сон не был нам достижим.

— Но про нас с Йёнде вы не знали.

— Про... Про вас?!

Ночная метель так и клонит в сон. По стеклу бегут ледяные хлопья, расслабляя чернейшее из небесных покрывал. Но сон придёт только в тоске. А еврейская девушка, уж сколько лет скованная в кандалах и сидя в мраморной клетке, не тосковала в ту ночь.

— Что случилось с вашими руками? — ужаснулась Йёнде, держась за руку своего любезного гостя.

Оберст редко снимал с себя перчатки. Сотни оправданий ради простого нежелания.

— Не все, кто меня знал, — нехотя исповедовался Стефан:

— Считали хорошей идеей стать со мной союзниками.

— Вас клеймили!

— В те времена это было обычным делом.

— Как же такую мощь удалось поймать?

Девушка пальцами водила по шрамовым впадинам алой и потрёпанной кожи, но застыла, когда вторая рука Осбера аккуратно прикоснулась к её ладони.

— Меня искренне трогают ваши комплименты, но молю вас... Не тратьтесь на это, если вы боитесь, что без этого последует наказание. Я хоть и чудовище, но не тщеславен.

Эти слова сильным порывом подняли дух молодой уборщицы. Угасающая искорка её искренности снова вышла из своего серого убежища.

— Знаете, — ухмыкнула Йёнде, — даже Ворштхер не получал такого. Он жаждал покорности. А вы... Вам иногда нужно говорить приятные вещи.

— Чтобы поднять мне настроение?

— Чтобы вы любили себя. Возможно, также, как любите заботу.

Часть кузова автомобиля давно приняла очертание немецкого кулака.

— Это была та ночь?! - зрачки Энвила сузились в полной темноте.

— Столовые приборы, лежавшие в кладовке, никогда не использовались. Они будто лежали там назло: вся стрепня для Йёнде употреблялась ей руками. Я решил ей сделать подарок. Оловянная ложка смялась, как пластилин, а на кисти выросла чёрная форма.

— Свеча...

— Она останавливала меня. Думала, что я пострадаю. Но металл плавился, капая мне на

ладонь. Я боль даже не помню, слишком много было. Как звали ту суку, которая в меня стреляла?

— Яни.

Оберст не спал, упав с пробитой головой, его держала только невозможность встать. Только кожа на затылке сцепилась с соседским краем, койка согнулась пополам, а в центре матраса остался след от удара. Церемонности были забыли. Если впереди была дверь, после её не было, слетала вместе с петлями.

— А, Теуфел, рад вас видеть! - кладовая насквозь прошила дырками от сотен пуль, а свет, бьющий из них, озарял подозрительно радостное лицо Герра:

— Повезло вам не видеть вчерашнюю заварушку.

Ворштхер взмыл вверх. Стефан ни разу не замечал, что начальник концлагеря такой низкий в росте, но сейчас, когда кожаные перчатки Осбера держат его над собой, это стало ясно.

— Der Zwerg ist faul, verdammt! ГДЕ ЙЁНДЕ?! - тканевый шеврон и железная плашка оторвались от груди из-за давления.

— Все погибшие отправляются в печь, — неизвестный голос откликнулся позади.

Ворштхер упал, в последний момент схватившись за борта кровати.

— Довольно этого абсурда, оберст.

— Погоны майора такой дерзости не скажут, — тихо кипел гнев в жилах Стефана.

— Смотрели бы лучше вы себе под нос, а не на чужих. Карать нужно на фронте, а не в лагерях! Решили здесь самоуправство устроить?

— Фюрер осведомлён...

— Фюреру насрать на тонкие детали марша. Он упоён гениальностью своих генералов. А вот им же не без разницы, как вести победоносную войну. Я здесь только за одним: вы пресекли черту. Для вас только два выхода. Либо вы дружно запеваеете походную песню и отбываете на фронт...

— Либо военный судья расчехлит давно зачесавшийся молоток. Дайте мне сутки.

— У вас 18 часов.

Бровь над правым глазом подскочила вверх. Оперативный взгляд на ситуацию как в шахматной партии просчитал шаги наперёд.

— Жаль, Герр, что приходится так быстро с вами прощаться, — снисходительно и, внезапно, спокойно ответил немец.

Осбер собрался уходить, но ожидавший остановил его ещё на мгновение.

— Это нашли в вашей руке в ту ночь, — майор отдал немцу грубо сплавленное оловянное сердце.

Красный свет от запястья попался во взглядах оставшихся при уходе Теуфела.

До самого вечера все были чем-то заняты. Пробоина в сетке рабицы поспешно заделывалась, как и зарывались ямы от взрывов гранат. Партизаны — редкое явление, но очень едкое. Хаос в одном месте, гармония в другом. От появившейся легкости на душе Ворштхер возжелал чаю. Фарфоровая чашка остывала, стоя на подносе, как вдруг, вместе с вибрациями на коричневатом напитке тишину пробили выстрелы.

— Отличное попадание! Правда, от каски такой просто срикошетит.

С бедра в кисть влетел приписанный пистолет, а офицерские ботинки безрассудно рвались к месту шума.

— А, Герр, решили к нам присоединиться? — насмешливо спросил оберст с туго

натянутой радостью.

— Это ещё кто? — Ворштхер мимо ушей провел вопрос Стефана, шокировано уставившись на ещё одну персону:

— Я сказал, кто это?!

— Облегчение вашим трудам, Герр. Позвольте вас познакомиться, — немец держал гостя за плечо и подводил ближе к пришедшему.

Высокий рост не скрывал крепчайшей атлетичной фигуры. Военная форма только подчёркивала визуальную прочность. Но начальника смущало другое. Лицо скрывалось за десятком заворотов чёрного и толстого бинта.

— Знакомтесь, Йимтруда.

— О-о-ч-чень приятно позна...

Теперь в жизни немецкого командира сердце наполнялось в ужас не только при виде своей матери. Такой угрозы от женщины он не чувствовал никогда.

— Зачем она здесь, Теуфел?

— Меня больше не будет рядом, так что я попросил её помочь вам. И в уборке тоже.

— Она... Не опасна?

— Клянусь богом.

Падший поторопил рассказ. Уж сильно не нравился ему такой развёрнутый подход Осберта.

— Ты его не убил?

— Гниду раздравили сапогом. И только след металлического подарка остался на его черепе. Йимтруда... Йёнде отомстила.

— Этого же хочешь ты?

— Перемирие и Пактум. Не было бы хотя бы одного, нашей «дружбе» не было бы и начала.

— Так в чём же моя вина? Тот, кто и умер в том лагере, кто надругался над твоей любовью и был всему виной.

— Не он её убил. Вы пришли её убить.

— Стефан... Мы хотели её спасти.

— Да? Как же? К каким «предтечам» вы хотели её отправить? К умершему отцу?

— Магдалина тогда была жива.

В горле Праха ёкнуло что-то.

— Мы хотели взять Йёнде к Магдалине. Но тогда пришлось открыть огонь.

Зубы едва позволили выдавить Стефану слово:

— При-чина...

— Ты. Свеча была сигналом к атаке.

Осберт покинул вагон.

Крепкий сон трудно прервать. А для крепкого сна после стресса нужен неординарный подход.

Роджер пришёл в себя, сидящим на мягком сидении автомобиля. Грузовой кран переносил платформу, на котором он был закреплён, на каменный пол станции. Приехали.

Парень сразу замотал головой в поисках.

— Доброе утро.

— Нимбри! Ты в порядке?

— Да. В полном, не смотря на вчера.

— Твои волосы...

— Выжглись во время обряда, — встрял в разговор Энвил, стоящий у уже спустившейся машины.

— Какого ещё обряда? Я только помню, как меня начала душить...

— Вестница.

— Ты прав, Роджер.

— Да нет же! Шея!

Вместо гематом и шрамов на том девственно молочном клочке кожи словно перьевой ручкой был набит Пактум.

— Мы со Стефаном нашли одного из наших. Он просил найти ему замену.

— Прах провёл обряд, когда ты поймал уже мёртвую... Извини, но уже мертвую тебя.

— Как ему удалось? Я явно не та, кого можно так превратить.

— Я бы с этим не согласился. Ты — Дессион, моя дорогая.

— Кто?

— Потомок наших старейших коллег. Не удивляйся, Всадники наплодили столько крепких семейных ветвей, что количество их огромно. Поражает, разве что, такое необычное совпадение на моём веку. Ангел по наследству, я прав?

— Да.

— Ещё и Дессион. Считаю, звезду упавшую повстречал.

— То есть, по Земле ходят миллионы людей с силой, схожей с нашей?

— Нет. Они так же слабы, тому вина очень большая родословная. Но особенность у них всех одна: гнев спасает их от угроз, а на виду можно заметить красные искры — печать такой родственной связи. А сейчас, будучи в шкуре Вестника, Нимбри будет владеть наследуемым ей Витиумом, по ощущениям очень схожий с дессионской «изюминкой».

— Так, а волосы почему стали седыми?

— Обрядчик может указывать, каким будет будущий голем.

— Голем? Я что, теперь игрушка вашего немецкого друга?

— Прости мне такую откровенность в словах. Я не это имел ввиду. Прах сделал так, чтобы ты сама решила, как тебе хочется выглядеть.

Тревис посмотрел на причёску Нимбри ещё раз.

— Хороший вкус.

— Да? Н-ну, спасибо...

— Стоп. А где же автор такой умной затеи? Где Стефан?

— О-он уш-щёл, — внезапно, со стороны выхода с вокзала вернулся Дурьер.

Австриец принёс бумажку, на которой от имени пропавшего, было написано:

— «Вернусь я к своим близким. Вину свою смою с себя.».

— Опалило сердце свеча. Зря я ему рассказал.

— Отлично, теперь он ещё поссориться собрался. Как это всё закончится, пошлю ему бандеролью шоколада. Девушкам, как Осберт, говорят, помогает, — пытался пошутить Роджер, но стыд подбивал интонацию, от чего тот снова стал серьёзен:

— Ладно. Не думаю, что нам стоит его сейчас искать.

— Но ведь это ваш друг!

— Тревис желает Праху только добра, Нимбри, — ласково обратился Энвил:

— Поиски приведут к удару по челюсти. И не я буду его зачинщиком.

— В-ви зак-кончили?

— Ага.

— А куда мы едём?

— Ливерпуль.

— В Ливерпуль погостить собрался? Ах ты мелкий, американский, кривоzubый, тупой щенок-молокосос! Да я тебе поставлю зубы в такое удобное место, что ты даже от вставных визжать будешь! Тебя так отделают, что моя мамаша, упокой Господь её душу, слышать крики будет под зёмлей! Глухой, что-ли, эй...., - всбёщённый трёкот едва попадал в ухо.

Ядрёный ирландский перегар был тому преградой.

— Вы точно тут кофе хотите попить?! - парень безнадёжно смотрел на затылки своих троих сопутников, уставившись в напитки на барной стойке.

— Ну всё, б-башмак!

Падший поймал летящую к Смертному культяпку с кольцом. Этот паб не обладал высоким потолком, поэтому спокойный подъем Вестника со стула прервался упавшей задетой макушкой чашкой.

— Смелычаком здесь только шкаф оказался? Я может и карлик в твоих глазах, приятель, но в печень тебе вмажу как просто так.

Алкоголь в жилах этого задиры поддерживал разум в весёлом препровождении, но томное молчание высокого по своим меркам мужчины колыхнуло муражки.

Наклонившись, Энвил спросил:

— Вам чем-то мой товарищ помешал?

— Д-да... Да не очень, хе-хе. Просто, передай своему... Товарищу, да? Товарищу передай, чтоб не пялился на прохожих в уборной.

Компания на фоне и ругающийся с галдежом вернулись за свой столик.

— Что ты в туалете сделал?

— Я в нём не был.

Девушка хмыкнула, сёрбая кофе.

Грустный город вокруг. Чад от отоплений разил в небо, не понятно было тучи нависли от непогоды или во всём виноват людской смог. Но жизнь кипит. Совсем не броско, мелкими шажками, одной или двумя машинами за полчаса в дороге. На улицах гуляют все, кому не назначают обеденный перерыв. Смеются они на эту серость. Может вопреки, а может грусть и не замечая. Тёплый свет из окна мрачного кирпичного дома чувствуется также.

Утренний холодок закутывал горожан в шапки. У кого их не было набрасывали капюшоны.

Бетонная лесенка ко входу синюшного дома занялась гостем сегодняшней погоды.

— Драл я в рот этих иностранцев, Ирвинг! - ненависть разбудила сидящего.

Укутавший руки в себя прищурился на голосащих.

— Кепи ничуть не хуже, Скотти.

— У англосрани только рожи кривые. А у этих язык вообще хер знает где. Ты слышал, что хоть один ляпнул?

— Наверное.

— Да и похрен.

Как вьюга, из тёмной широкой двери появились, на глаз, знакомые.

— Чё, как оно?

— Сюрприз у меня, мальчуганы. Момент.

Холодный воздух долгожданно попал в ноздри.

— Как хотите, а я не могу там сидеть, — воркнул Тревис, тошно оценивший убранство и запах паба.

Щелчок от пальцев в безпальцевой перчатке. Бодрствующий встал на ноги.

— Сэр, сэр! - маленький мальчик дворовой наружности прибежал в миг к парню:

— Прошу вас, ради бога, помогите!

— Вот и вышел погулять на свежем воздухе... Что случилось?

— М-мама...

— Что с мамой?

Пацан зашмурыгал, но Вестник его остановил:

— Ну же, говори.

— Маме плохо, встать не может.

— Ладно, куда идти?

— Я покажу, сэр.

Роджер неохотно плёлся по улочке за мальчуганом.

— А скорую вызвать пробовал?

— Вы нужны именно.

— Ясно.

Квартал, за угол и направо. Тупик.

— А вот и вы! - заметил подоспевшее преследование Смертный:

— Что-то вы долго, ребят. Мальчик и то лучше вас справляется.

— Какого?

— Не добавывались бы до меня в пабе с вашим недоростком, я бы и не понял, что вы меня хотели прочить.

— С каким ещё недоростком?

— А, я понял, Скотти. Мы с тем пропитым дебилом не водимся, рядом сидели.

— Фух, — парень успокоился:

— Повезло.

— Шкет, сдрысни. Дело у нас есть.

Группа заворошила свои карманы.

— О, ну давайте.

Увесистый кастет напоз на толстую кисть. Чокнули складные ножи. Как вдруг, привлёк всех здесь застопорившийся бег. Бездомный посмотрел на Роджера.

— Отменные рёбрьшки, — прочавкав, заявила Нимбри:

— Хоть я их впервые ем.

— Свирина не блещет сочностью. Я для этого добавляю яблочный соус в мясо.

— Я хоть и наливаю здесь всякое, но вкус у вас такой себе.

— Да ладно ва...

Шелест струн засел в подкорку. Если, конечно, не она была её источником. Ни Падший, ни Нимбри не поняли, что это. Но чувствовали, куда и что.

— Я знаю эту песн... А может и нет. Напоминает... Хотя навряд ли, — музыкальный вкус Тревиса бил по его извилинам.

Ум потерял маршрут размышлений. И внезапно, костяшки кулака почували прикосновение. Затем стукнула нога. Вестник будто тонул в желе, пока взгляд снова вернулся под его контроль.

Смертный дрался, но такой усталости в себе он давно не чувствовал.

— Я же... Я ничего не делаю!

Парень уворачивался от опасных взмахов ножа, хоть и капли усилий не прилагал.

— Роджер, держись, мы уже..., - Вестники ворвались в это дворовое представление под вскрик Нимбри, который в обмлении умолк.

Каждый инструмент надо настраивать. Все требуют разного подхода, а иногда и подручных средств. Но гитара такого не требует. На верху любого грифа есть рукоятки, держащие в своих шестернях натянутые нити. Они называются механики.

Капюшон, что стоял перед прибежавшими на помощь, держал в руках удобный инструмент. Фолк, акустик или электро — её нельзя было определить. Всем виделись любые. Но тех самых механик, в той самой точке грифа было пусто. Железные струны тянули ввысь. Заканчивались же они в жутко резвом в драке Смертном. Механики, намного большие, чем должны быть, сидели на его ногах и руках. Марионетка в руках музыкального кукловода.

— Каких же ещё чертей нам стоит лицезреть в наших станах?

Последняя нота резонировала из деки, цепи спали с бьющегося. инструментальщик обернулся. Неспортивное тело в кофте, обёрнутой рваной курткой, вмерло как каменное.

Сбив всё нагнетание, Тревис неуклюже опёрся на своего компаньона по драке.

— О, друзья, вы не поверите...

— Поверим! - заявили оба Вестника.

— Нимбри, почему ты выглядишь так испуганно?

— Роджер, повернись.

Смертный глянул влево, но там было пусто. А глянув вправо, отскочил. Всё, что закрывало голову от непогод, сползло вниз. Темные кучерявые волосы перетекали в светлые корни. Изголодавшееся лицо, синевато опухшие глаза. Девушка схватилась за своё лицо, когда показалась нижняя часть обычного вида. Рот наглухо прижимали прошитые сквозь губы чёрные и густые жилы.

Музыкант потянулся вперёд, а Нимбри отступила назад. Тревис окликнул на ощущение беспомощного, но в ответ, развернувшись, он только мычал.

— Полегче, парень. Мы можем тебе помочь.

На простые слова немой схватил Роджера за грудки. Бредовый для биологии взрыв нервной клетки, разрядом блеснул в девушке. Искры родились в зрачках.

Хмык неожиданно превратился в чистый гласный звук. Нить рассыпалась в пыль. Все посмотрели на Вестницу.

— Ай, Моська..., - пробубнил Смертный

— Да вы знаток зарубежной литературы, мой друг.

На губы музыканта возложились его пальцы.

— Что случилось?! - спросила Нимбри.

— Это была ты.

— Смелюсь предположить, что ваша сила определилась. В лучшем случае мы и ваше второе имя можем узнать. Позвольте.

Падший всецело старался без прикосновений к девушке разглядеть, что написано в её договоре.

— И как же звать нашу милостивую попутчицу теперь? А, Энвил?

— Сумрак! - ни с того, ни с сего заявила Вестница:

— Называйте меня так.

— Оу, ну, без проблем. А что ты думаешь?

Указательный палец с опущенной вежливостью уставился к картонному пакету, что всё это время свисал с кулака Падшего.

— Сколько ты прихватила с собой пончиков? — направил он вопрос к Нимбри.

— Два, вроде.

— Что же, время отплатить нашему другу за труды.

— Близко, только, не подходи. По опыту Сумрака, — подмигнул Роджер:

— Это часто приводит к беде.

Шоколадный кружок с хрустом вылез из своей упаковки и полетел подброшенным. Забинтованная скоптившимся от времени бинтом ладонь умудрилась поживиться сладким. С упоением задрожало голодное тело. Локоть согнулся, лакомство уже у самого рта, губы

открылись. Но пончик всё ещё у рта.

Мастерством гитарной игры новый знакомый поднял черту, под которой трудно чем-то было удивить. Но только на свет показались зубы этого музыканта, в мозгу оказалась ещё одна мысль. Перед природной, слегка желтоватой керамикой был ещё один рот, но намного-намного прозрачный, сродни целлофану. Однако, прочнее, раз даже еда не смогла промнуть эту хлипкую на вид преграду.

Под капюшоном одно удручение. Десерт нервно вбивался в помеху, отрицая тщетность.

— Тебе, может, помочь? — практически для себя, почти вслух произнесла девушка.

— Од-я-а-м-н-а-е-с-н. Он-н-з-е-е-д-л-о-о-л-п-о-с-г-е-е-н-б-я, — неразборчивое бормотание отражалось нежеланием озвучиваться.

Голодный знал, что его не поймут. Пончик отчаянно мялся всё сильнее и сильнее, пока гитарист не признал поражение, зачем-то вытянув левую руку вперёд, как если бы её подвесили на крюк. Внезапно, она с неуютно дернулась и будто в назидание схватилась за гриф. Музыкант завертел головой, думая куда положить лакомство. Решением стал бок деки, куда аккуратно он положил пончик. Ногти шелестнули заветным железом, а десерт упал от взмаха кисти на грифе. Металики впились в спину Смертного, а другие понесли атаку рывком. — Стойте! - прервал их Роджер, но вовсе не своим, грубым и хриплым голосом. — Учитель, ну зачем вы так невежливо поступили? — в воздух снова сказал Роджер, только тон его был почти знакомый, но всё-таки более слабый. — Джейден, что я тебе говорил! Голос выше, спину ровнее. Если ты хотел на сцене выступать, то и в жизни должен выжимать из себя все сто. А ну! Тревис и кукловод выровняли осанку. — То-то же. Что же до вас. Давно я не встречал непугливых. Меня звать Гарри. Гарри Дэйбик. Соло-гитара в любимой группе ваших родаков и тот, кто был уверен, что рот нам никто не развяжет. Вязать я узлы умею. — Вы себя зашили?! - возмутилась Нимбри:- Н-но зачем? — Учитель считал, что я слишком много времени трачу на еду. Простите, что перебил. Мьюдрант. Джей-Джейден Мьюдрант, мэМ.

— Дерзко, однако не достаточно. Больше экспрессии. Ты же музыкант. А так, детка, я давно понял, что нам двоим только и нужен сон.

— Истинно, как и нам. Я правильно услышал, Гарри?

— Верно, качок.

— Мы четверо здесь одной породы. Пришли по важному делу.

— Погодите... Учитель, это же наша группа!

— Чего?

— Н-ну, наш пиар-менеджер, помните, Мила, вроде, говорила, что есть и другие, кто подписывал контракт.

— Извините, н-но вы понимаете, что вы оба умирали?

— Детка, не для твоих ушей такая откровенность, но когда мясная каша из двух засидельцев в баре отлетает от бампера блядской гробовозки, допереть до чего-то можно.

— Просто, мы не ожидали увидеть пиар-менеджера на том свете.

Падший потёр свою переносицу, сказав:

— Даёте вы, Милита...

— Так, значит, нас четверо. А это кто? — тыкал в себя Роджер.

— Это Смертный. Он тоже наш.

— А, ну тогда пять.

Рядом с разговором о себе напоминали многоэтажки. Застройки для любого сорта

жизни. Чаще всего, любого из низших прослоек. Квартирки теснились друг с другом с каждым этажом всё меньше. И неудивительно: кверху здания рос социальный статус. Были бы там люди честных взглядов, их, разве что, могли бы обругать тайком от зависти или незнания, но жизнь там кроме подъема извивалась известными путями. Некрупный город проблем не ищет. Жильцы могут прослушать хлопки и удары, а доставка проглядеть лужицу крови с лежащим зубом. Полицию позвать можно, только когда она уйдет, не будет возможности вызвать её обратно.

Сквозняк подстегнул синюю штору, пророщенную выдуманными бутонами. Входной косяк размялся от одной из хозяек, только что вернувшихся домой.

— Как день, подруга? — обратилась к соседке рыжеволосая девушка.

— Как всегда. Паршиво. Хорошие деньги только у уродов, от которых тянет блевать. Не так я себе представляла эту работу.

— Не расстраивайся. Ещё немного, подкопим и свалим отсюда так далеко, как только можно.

— Не забудь с собой взять нашу коллекцию.

— Обязательно возьму. Полароид стоит денег, а такие моменты я забывать не хочу.

Как гром среди ясного неба сначала кто-то закричал, потом прогремело с крыши. По потолку забежали трещины.

Профессия проститутки не гарантирует лишения страха, но некоторые приобретают такое с опытом.

Худые ручки рыжей с трудом на себе могли нести тяжеленный колыт, который лежал под подушкой. Сутенёр считал это мерой безопасности, а сама девушка — стильной игрушкой, так что чёрный цвет корпуса наряду с черным цветом тонкого прозрачного платья не вызывал вопросов. Как и не вызывала вопросов вся ситуация.

Только одно оставалось непонятным: как неожиданный ряд пуль простучал, так же быстро он и стих. В это время треск бетона и стали нарастал.

— Я хочу проверить, — заявила темноволосая соседка рыжей.

— С ума сбрендил?! Там же опасно!

— Ну, не весь день же тут просидеть. Да и то, по статистике умирают под завалами те, кто ничего не предпринимал.

— Хочешь, иди! Я не собираюсь умирать за просто так.

— Как знаешь подруга.

Авантюристка послала воздушный поцелуй своей знакомой перед уходом.

На следующие минуты компаньонами у рыжеволосой были сторонние шумы. Треск и выстрелы, выстрелы и треск. И тут, всё стихло. Легкий ветерок окутал рыжие локоны. Из окна забил солнечный свет. Стало очень спокойно.

Куртизанка взялась за голову с непониманием. На руке её привлекло что-то. Чувство, будто на кисть прилип мусор. Девушка стряхнула его, и эта штука слетела с руки. Но тоже самое она почувствовала теперь на другой руке. Затем на плечах, а потом и по всему телу. Как если бы пса облили из ведра с грязью, и он резво отряхнулся, как и отряхнулась рыжая.

Не всякая грязь должна так сходить, но девушке явно казалось, что её кожа стала чище и не только. Для неё всё вокруг стало больше в размерах.

— Что за ху...? — голос рыжеволосой обернул её в испуг. Вместо привычного та услышала namного высокий и детский.

Взгляд, устремившийся в зеркало, не помог. Перед стеклянной пластиной стояла

маленькая девочка, чьи алые кудри девушка знала, как свои. Они и были её.

— Может алкоголь в голову так сильно ударил? Как бы то ни было, к черту! Я собираю вещи, и мы уходим отсюда.

С трудом вынув баул из-под кровати, рыжая клала туда разные вещи.

— Точно! Чуть фотографии не забыла.

Она открыла деревянную коробку, что стояла на прикроватном комодике, и достала из неё кипу белых квадратиков.

— Не терпится развесить их где-нибудь в нашей общей спальне. Вот интересно, какой порядок предложит моя тёмненькая спасительница? Клёвые места первыми, а потом все отели, где мы были вместе? А может наоборот? Когда она пролила шампанское на постельное бельё в тот раз, это было нечто. Кстати, где то фото?

Рыжеволосая пошерудила колоду. Запечатлённый, знакомый интерьер подсказал ей нужное. Однако, взглянув поближе, девушка не увидела свою подругу. Она взяла ещё одну. И ещё одну. Пусто. Её знакомой не было на фотографиях.

Страх должен был забить сердце, как сумасшедшее, но оно не проявляло себя в груди. Девушка подняла голову. Жилая комната, также выполнявшая роль "гостевой", была такой же, как и час назад, но в деталях казалась слишком иной. В спину бил, вроде бы, солнечный свет, но с такой силой он должен был вызывать жар, хотя его не было.

Паника, которой нет. Скрип дверной ручки не перекрыл её. В комнату вернулась подруга.

— И как там?

Она не ответила.

— Ау? Что случилось?

Внезапно, голос темноволосой прокатился от спины до ушей спросившей.

— Ты умеешь говорить во сне?

— Так это всё сон?

— Тебе решать.

От такой манеры речи девушка обрадовалась. Кошмар закончился.

— Ты проснешься?

— А как?

— Я подниму тебя с кровати.

— Так я лежу?

— Как знаешь.

В районе рёбер рыжая почувствовала прикосновение рук, которые потащили её назад.

— Но ты же стоишь спереди.

— А тяну сзади.

Спиной девушку тянули к свету. Она не сопротивлялась, ей это было незачем.

Но на секунду, в ухе послышался крик. Плач той, кого она любила.

— Всё хорошо?

— Н-не уверена, возможно.

Рыжеволосая поднялась на кровать, и, скорчившись, она протиснулась в окно. Подул ветер. Форточка рухнула на подоконник. Тушь, что стекала по лицу темноволоски упала на толщ недавно умершее тело.

— Господи, какого хера ты тут устроил? — у косяка крикнул стрелок, уперевшись в деревяшку:

— Захер ты её пришиб?

— Эта сучка мне палец отстрелила. Больно, блять. Ты вроде сам хотел, чтобы у нас свидетелей не было, Кормак!

— Ну и нахер ты это сделал?

— Что?

— Эх..., - со выдохом холодный ствол коснулся затылка скорбящей:

— Твоя подружка, то, кем она была... В общем, классная цыпа. Без обид. Моё имя знать нельзя.

— Мы идём, Кормак.

Ещё один выстрел раздался.

— Даже, блять, попрощаться с тёлкой не даёшь. Видел бы ты их.

— Я и видел одну.

— Заткнись.

Пока пожарная лестница с ржавым хрипом скрипела, по плиточной лестнице появлялись шаги.

— Нимбри, стой за дверью, — Роджер отводил глаза от посмертных объятий, но успел дать указание раненой спутнице.

— Точно не стоит?

— Да, детка, побудь в сторонке. Тебе такое не к лицу, — Гарри вмешался в разговор, вцепившись в голову, но Тревис его пресёк:

— А сейчас зачем так делать?!

— По больше уверенности в словах. Ты же с женщиной говоришь.

— Учитель прав. Не зря он всех поправляет.

— Так, а ну свалили из меня! Я уж знаю, как объяснять девушке, что трупы её испугают!

— Там что, трупы?!

— Получил? Распишись и дуй к ней.

— Энвил, ну ты ему хотя бы скажи.

— Роджер, лучше сходи опросить жильцов. Вдвоем и поровну мы справимся быстрее.

— Да ну вас.

Вестница на пару с запарившимся Вестником остановились перед дверью соседей жертв по этажу. Жужжание электрического звонка под пальцем Тревиса не помогал лёгкой мороке. Отзвонив, он приупал боком к переходящей от входа зеленоватой стене. Но в миг вздёрнулся, заметив взгляд Нимбри на себе.

— Как ты?

— В норме. Просто с поездки немного дёргаюсь.

— Да... Самой не верится, что это всё так повернулось.

— Ну, ты самая везучая из нас.

— Почему это?

— Почти всё время пролежала в отключке.

Парень понял ущербность шутки, но девушка, видимо, его поддержала. Она посмеялась, немного.

— Я согласна с тобой. Ты пережил штуку похуже. Такое волнение за другую, а потом и вся нескрытая ярость. Сочувствую.

— Брось. Волнение я и правда чувствовал, и что за другую правда, но ярости не было. Скорее страх.

— Страх? Чего же?

— Поте...

— Чаво нада?! Не видно, что ночь на дворе?! В окно гляньте, — женская ругань приближалась к замку.

— Так, Нимбри, отойди-ка. Я с таким уже дело имел. С такой, точнее.

Из-за проёма высунулась голова резвая как огонь, бегло осмотрела Роджера и столь же резво закрылась.

— Фиц напротив живёт, наркоша! Проваливай, пока я тебе твои шприцы не засунула по саму...

— Послушайте, — возгласила Вестница:

— Мы просто хотели узнать что случилось. У вас тут убийство.

— Дорогуша, я удивлена, что ты водишься с таким неотёсышем. Я, конечно, тоже вышла

замуж за алкашню, но примером таких быть нельзя! А что до убийств, тьфу на них! Когда к нам переехали какие-то бугаи, этого стоило ожидать. Не смей к ним стучаться! Моему мусе сломали ключицу, когда он хотел попросить их перестать смолить в подъезде.

— Печально.

— А знала бы ты как плохо мне на работе. Котик пахать не в силах, а кухарке трудно семью содержать...

Слабый пол начал играть в словесный теннис. Быть судьей Тревиса не устраивало, он пошел обратно по коридору. Перегоревшая лампочка не освещала путь. Показаться может что угодно.

— Раз здесь кто-то сигары курит, зачем жить в такой халупе? — Роджер присел и поднёс ближе к лицу видимый им мелкий цилиндр:

— Хах. Иногда сигара — это просто сигара, а иногда это... Ребят! Никто здесь пальцы не терял?

На находку посмотрели все. Обрубок длиной семь сантиметров с почерневшей, свёрнутой кровью на конце.

— Для девушек кожа грубовата.

— Да и фу...Фу!

— Что такое?

— Не могу я на это смотреть. Там ноготь грязный и плохо подстриженный.

— Верно.

— Эй, а тут никого символ на фаланге не смущает?

— Гарри, чтоб тебя! Я просил в меня не залезать без разрешения.

— Ты слишком податлив. Я бы даже сказал удобен.

— Живо вылез!

— Похоже на что-то мистическое, — Падший осмотрел улику повнимательней:

— Но такой крест лицезрею впервые. В таком мастером был Стефан.

Гитарист поморгал.

— Он нам попутчиком был, — объяснила Нимбри:

— Довольно хорошим попутчиком.

— Вернёмся к делу. Что это знать сейчас неважно. Захотим узнать, сходим в библиотеку. Я думаю, надо обратиться к другим источникам.

Скрывавшая редкие и обкорнанные волосы фуражка лежала вдалеке. Голова трещала от приземления на асфальт и заживала от его холода. Веки долго не открывались, как вдруг, всё залило светом.

— Кхе, бля, я уже...

Белое полотно затмил тёмный контур чьей-то причёски. Пинок ногой в плечо лежавшего привело его в чувства.

— Таких даже в райский сортир не пустят. Докапываться будешь.

— Да иди ты на...

— Пойду, только ответь, и я избавлю тебя от головной боли, — в наклонившемся лице хулиган признал Роджера:

— Не от всей. От всех лечит только врач. А ты глянь-ка туда. Ну же.

Налитые стрессом глазные яблоки посмотрели на ещё один залитый лампой предмет. Таксофон.

— Настроились на торговый лад? Не слышу?

Кивок.

— Как там тебя, Смертный, да? Хорошо воду возить, — заявил Гарри через Энвила.

Парень повернулся:

— Открыли, называется, бутылку шампанского. Когда же он выговорится...

— Покажи ему уже палец.

— Есть, сэр!

Брезгливо из кармана куртки вытащили связку фаланг. Раненный испугался и в ужасе пробежался по своим рукам.

— Спокойней. Он — не твой. Нам нужно знать, что на нём изображено.

— А, пацан. Ближе поднеси.

Простецки, без излишеств набитый крест, у пересечения более тонкий круг.

— Кельтский?! Тот самый!

— Что?

— Пацан, вообще это простой кельтский крест, безделушка, но палец. Палец, блять!

— Да-да, что с ним?

— Это знак Брассов. Мафия.

— Ирландский картель. Новостные заголовки часто в преступлениях винят «неизвестных ублюдков», святовопатричьих. Их дело, помяни моё слово, — подметил Гарри.

— Не знаешь, как их найти?

— Не-а, — ответил лежавший коротышка.

— Эх... Было, конечно, хорошо поиграть в сыщиков, но здесь мы закончим. На горизонте Конец Света намечается. Приближается шторм и он угрожает самой жизни: Убийство двух девушек нам простят.

— О чём это ты говоришь, Р-Роджер, да?

— Ура, Гарри, ты запомнил моё имя. Если вкратце, ангелы завязали с нами маленькую войну. Совсем ничтожную, на всё население планеты.

— А мы должны?

— А мы должны найти остальных Вестников и поспешно направиться к единственной ниточке до более высших сил.

— А предупреждать всех, чтобы к Зову не прислушивались?

— Догадливый ты для поддатого музыканта.

— Забавные слова для фаната.

— А?

— Я не испытываю к ним удовольствия.

— Уел. Ещё вопросы?

— Почему мы должны уйти?

— Есть цель и поважнее.

— Чем убийцы, шныряющие по городу?

— Не остановим кого-то покруче, то и убивать будет некого.

— Хорошо, но нам и надо что поездить по свету, находя людей. Один справится.

— Опасность в конце ты романтично опустил?

— Учитель, его могут поймать по пути. Без поддержки он не справится.

— Ты не прав, Джейден. Я вижу в людях всё, что нужно. Парень не промах...

— Да ладно? Ты меня похвалил.

— Хотя, я бы ещё его поучил бы многому.

— Чтоб тебя. Подожди, я что, по-вашему, сам должен ехать? А что, прости, ты собрался делать?

— Искать этих говнюков.

— Что же конец?

— Мы встретим тебя там, — вернулся Энвил:

— В словах Гарри и Джейдена я отыскал хороший замысел. Мы разделимся в поисках Вестников.

— И заодно разберётесь с мафией? Интересное вы выбили себе приключение. Оставили меня одно...

— Я поеду с тобой.

— Иронично, Нимбри, иронично. Дурьер, что думаешь, если понял нас?

— Не панимат, но идея хараша.

— Как поделим список?

— Кто был следующим на очереди?

— А как у теб... У вас кличка?

— Онгэйд.

— Ливерпуль... А, точно! Скибберин в Ирландии. Затем, Помпеи в Италии, Бардия и Ливии, Нанкин в Китае и... Последнего нет.

— И где же он?

— «Идёт, как судьба». Не знаю, что это может значить.

— Так и быть. С последним размыслим уже вместе. Возьмём ирландца. Нам нужно будет время на преступные разборки.

— Погоди. А нам троих ты всучил?

— Нет, лентяй, в Китае мы встретимся, чтобы потом ты не искал нас неизвестно как.

— У меня для этого рукопись есть.

— Хочется лишние деньги на перелёт потратить?

— Только потому, что логика не на моей стороне, соглашусь. Что же, джентльмены, прощайте.

— Не нагнетай. Увидимся ещё.

— Даже тут, Гарри, даже тут.

Как перекрёсток дробит тропу на несколько, так и судьба разделила Вестников. Роджер затаил лёгкую обиду, от которой всячески его отвлекали разговоры со своей попугачицей.

— Был когда-нибудь в Африке?

— Видел египетские пирамиды. На холодильнике магнетик. А ты?

— Корабль со мной на борту проплывал мимо Туниса. Не знаю, стоит ли это считать.

— Как любовь. Не обязательно поцелуя или прикосновения. Хватит и взгляда.

Ручка в купе хрустнула, внутрь зашла проводница.

— Что вашей душе угодно?

— Кофе, побольше сливок, две... Нет, три ложки сахара. А мне чай.

— Сию минуточку, сэр.

— Я угадал?

— Угу. Откуда?

— Люблю держать в голове что-то кроме заварушек в барах. Сродни британской вежливости. Всегда и везде что-то подмечаю.

— Да? А у меня с этим туговато. Иногда мне расскажут моменты из жизни, а я и не

помню, делала ли я это вообще. Словно разные люди делали меня такой, какая я.

— Ну, в свете последних событий...

— Слушай, Роджер, ты помнишь, какая у меня кличка.

— Сумрак?

— Ага. Я хочу признаться кое в чём.

— Интересно. Давай.

— Это не настоящая кличка.

— Вау. И давно решила это рассказать?

— Не помню, я же говорю. Просто, я так тебя благодарю.

— За что?

— За всё, что ты делаешь. Иногда страшно говорить правду. Но не тебе.

— Мда уж. А я думал, дело в другом.

— А?

— Я подумал, что «Королева Полуночи» просто стеснительно произносить.

— О-откуда?

— «Всегда и везде что-то подмечаю». Вы болтали с квартиранткой, которой я не понравился, мне повезло глянуть на твою шею и...

— И долго ты пялился на мою шею?!

— Секунду, наверное. Я так и не вспомню...

— Дурак.

· «A storm is threat'ning my very life today» — Gimme Shelter, The Rolling Stones.

· «I can't get no satisfaction» — Satisfaction, The Rolling Stones.

— Женщина, я вам ещё раз повторяю, мы не снимают котов с веток. И пожарным тоже не надо звонить. Ну и жалуйтесь. Приятного вам вечера, — телефонная трубка села в гнездо с помощью рук уставшего к ночи полицейского:

— Эй, Рой, что думаешь насчёт субботы? Я тут недавно шикарный паб приглядел. Крылышки, пинта до краёв, футбол. Пойдёшь, нет?

— Извини, Пайс, жена не отпустит. У нас обещанный семейный ужин. Ну ты знаешь, всё добровольно и принудительно.

— Знакомо. Сидеть на заднице и слушать стариканские призывы починить им плиту тоже, знаешь, не привлекает.

— Сам значок на себя повесил.

— Я мечтал быть патрульным, Пайс. А туда новичков не пускают. Два года я новичок. А комиссар молчит.

— И будет молчать.

— И пусть. У меня есть идеяка.

— Под камерами расскажешь?

— Тимми спит в будке под четырьмя упаковками рыбных палок. Всем будет пофиг, даже если я устрою вооружённый бунт.

— Ясно, Рой, выкладывай.

— Думаю, прокрасться на дело со значком Уилкинсона.

— Абсурд. Как?

— Я подслушал разговор в раздевалке. Шелби свалил на месяц в отпуск. Мне только и остаётся, что поменять местами значки.

— А в лицо тебя не узнают, так? Те, кто в поле выходят, друг с другом трутся всегда.

— Не совсем. Уилкинсон работал только в ночную смену, когда видеть его могли только ты со мной и его напарник. Бобби... Как там его? О'Браэн, вроде. Мне и нужно, что на глаза ему не попадаться.

— Будешь менять расписание?

— Буду менять расписание. Завтра с ним поедет Биф, послезавтра Шерман. А так, гляди, и весь месяц пройдет.

— Великолепный план. А где в это время будет Рой?

— В смысле? Я же всё сказал.

— Да я не про твои похождения, олух. Тебя кто подменит на посту оператора, а?

Полицейский скорчил задумчивую гримасу.

— Э? Стоп, нет! Я не буду тебя по вторникам подменять.

— А кто меня уже четвёртый месяц прокатывает с пабом, а? Твоя жена — золото, спору нет, но другу бы время мог уделить.

— Я не виноват, что у меня всегда есть дела.

— Вот и во вторник будут. И считай, что мы в расчёте.

— Договорились?

— Ну...

Рой подставил перед Пайсом ладонь, чтоб он её пожал.

— Хрен с тобой. Один раз.

Рукопожатие подтвердилось хлопком, а в участок зашли посетители.

Постучавший в плексиглас, обратился к оператору:

— Мы к вам с плохими известиями, стражи порядка.

— Едрить. Пайс, да к нам труппа заехала. Когда концерт, ребятки?

Вестник с гитарой не выдержал насмешки и подчинил Дурьера. Гарри в теле Бартоса вцепился в выпирающий круг, установленный в прозрачное окно. Это был микрофон для общения с залом. Корпус смялся промеж пальцев, но вылез из гнезда, сделав за собой отверстие.

— Этот город готов сгореть от преступного огоньку, а вы страх потеряли только насмешками кидаться!

— Какого хрена, мужик! Это муниципальная собственность. За вандализм мы сажаем...

Микрофон со всей дури влетел на место. Вокруг паза зазияли трещины. На удивление, прибор всё ещё работал, пока в него гитарист выплёскивал накопившееся:

— На счету у тех, кто по праву должен гнить за решёткой уже две девичьи жизни за сегодня! Либо вы сейчас примете необходимые меры, либо я сыграю на тёплых струнах из ваших...

— Учитель?

— Чего тебе?

— Прошу вас, будьте немного дружелюбнее. Они же нам должны помочь.

— А, да. Поздно, наверное, насрать. Простите за то, что вспылел, ребятки. У вас тут убийство.

— Рой, мне сейчас показалось, или он и правда сейчас сам с собой болтал? — чревоушительно шепнул полицейский напарнику.

— Так походу выглядят сумасшедшие.

— Чё ты там вякнул?

— Гарри, сбавь пыл. Мы здесь не ради бессмысленных споров.

— Когда меня считают психом? Серьёзно, качок?

— Сам же недоволен кличками в свой адрес.

— Опыт позволяет.

— А я такого не достоин?

— Псс, Пайс, Хайман-Каммингс?

— Не, Рой, Браун-Скваир.

— Ты слишком вспылчив. Вернись к делу.

— Мне последнее время слишком много перечат! Этих я ещё пойму, видимся в первый раз, а вот с такого щегла я ожидал уважения.

— Теперь подраться рвёшься.

— Джен...

Резвый аккорд подставил подножку не кому-нибудь, а самому времени. Музыка играла, но часы остановились.

— Что же я мог ещё ожидать от рокера.

Слова из уст надоумили Энвила, что он волен двигаться в окружении. Однако, ноги не послушались желанию сделать шаг. Дурьер же стал в стойку.

— Ты у меня запоёшь! - воскликнул Гарри.

Бартос ударил Падшего по рёбрам. Кажется, Вестник почувствовал хруст, отчего издал звук ощутимой боли. Но скорчиться не мог.

— Пой!

Энвил, вдруг, прислушался. Его словно током ударило. Переменным ли или постоянным, но он знал, что это за песня.

— Пой, я сказал! - костяшки кулака Дурьера уже готовы были встретиться с носом Вестника.

— Ты видишь это по ТВ ежедневно..., - голова Энвила дёрнулась от нападка:

— Слышишь это по радио...

Падший не чувствовал, что в его действиях есть усилия. Он пел знакомую, почти что любимую песню, а тело двигалось само. Как танец.

— Голос резвее!

— Полиция пытается достучаться до меня, ведь якобы это, — Дурьер кинул плечо вперёд, дав Энвилу обойти его сбоку:

— Начало конца!

Вестник схватил коллегу и бросил вперёд. Бартос отскочил спиной от железной ручки стульев для ожидающих и отлетел на половую плитку.

— Отребье — да, над ним так хорошо смеяться. Отребье... Ну что ж, продолжайте и порвитесь надвое от смеха.

— Дожми, ну!

Вестник взмахнул крыльями, подпрыгнув прямо над Дурьером.

— Ха-ха-ха! - подошва ботинка готова была раздробить лежащую голову.

Гитара заиграла концовку, теперь застыло всё.

— Джейден, сбиваешься. Фальш в нотах, кто так играет?

— Что? — витающий в воздухе Энвил посмотрел на Онгэйда.

— Спасибо за перекур, здоровяк, — к нему обратился лежащий Гарри.

— Что это сейчас было?

— Мне надо было выпустить пар. Только музыкальные уроки дают мне спокойствие. Джейден может играть и один, но удобней ему играть с вокалистом. А слух у меня не растерялся ещё, в тебе его найти, качок.

— Вся эта остановка времени была нужно, чтобы просто успокоиться?

— Ага.

— Всё мироздание остановилось по твоей прихоти ради этого.

— Нет. Видишь, дверь закрыта?

Полицейский участок был отгорожен от улицы закрытым стеклянным проходом.

— Да.

— Время стоит только здесь. Снаружи всё шло, как обычно.

— И любой прохожий мог видеть это всё?

— Тоже нет. Я как-то об этом с преподам из университета болтал. Чисто гип-гип...

— Гипотетически.

— Ага. Мол, если бы это существовало, это было бы сродни чёрной дыры. Горизонт событий, его так он называл, не виден наблюдателю извне.

— И что же это значит?

— Прохожий только итог увидит.

— Сколь занимательно. Так, мы больше не во злобе друг на друга?

— Я точно нет.

— И я. За царапины, разве что, звиняй.

- Перед Дурьером извиняться будешь. А сейчас спусти меня.
  - Вот тут никак. Приготовься к посадке.
  - Погод...
  - ...Нтльмены!... Кислый сидр..., - Роя поразила картина за плексигласом:
  - Господа, при всём уважении... Оставьте нежности при себе и встаньте с пола.
  - О чём этот лигавый говори... Качок, живо сдрысни с меня!
  - Вот и рухнул консерватизм в моих глазах. Пайс, а ты таких видел?
  - Спасибо Акту, что до сих пор таких ловят. Может, и этих под замок?
  - Нет, П-пайс, я думаю, что они просто упали. Что это на меня нашло? Бред.
  - У тебя что-то голос поменялся. Всё в порядке.
  - Да, кхе-кхе, просто знобит, они там что-то про убийство несли.
  - Верно, эй, вы! Зачем весь этот цирк тут устроили?
  - Офицеры, мы пришли доложить об убитых девушках.
  - Адрес какой?
  - Хановер и Скул-лэйн.
  - Пошлём туда патруль. Как раз время позднее, пора на работу.
- Пайс приподнял телефонную трубку, но Рой тут же её задвинул.
- Ты чего?
  - Это наш шанс! - экзальтируя, шепнул полицейский.
  - Сейчас?! Сегодня же грёбанный вторник!
  - Мы договорились, всё равно. Потерпевшие, я поеду с вами.
  - Вы один справитесь?
  - Мне нужно убедиться в содеянном. Потом я вызову бригаду медицинской экспертизы.
  - Хорошо, как мы можем к вам обращаться?
  - Уилкинсон, джентльмены. Шелби Уилкинсон.

Вспышка на фотоаппарате отражалась в недавно погибших зрачках. Чёрные кружки не реагировали на свет. Лаборант, своим видом похожий на луковицу из-за надетой куртки поверх халата, расставлял следственные номерки кислотно-жёлтого цвета. Проводящий опись выглядывал из-за спин работающих, оставляя заметки в журнале.

— В комнатах всё чисто. Никаких следов ограбления или разбоя. Всё произошло здесь, — сотруди́к стряхнул пыль с ладоней и задал вопрос:

— Что скажешь?

— Парни пока смотрят верхний этаж. Пока что говорили за мокруху. Здесь только её последствия.

— Девчонки попали под удар?

— Скорее всего. У одной пистолет, пробьём по базе, а так всё выглядит как неудачная попытка отпора.

— Что по напавшим?

— Грубых следов не видать. Даже выстрел в голову был сделан крепкой рукой. Работали опытные ребята.

— Думаешь на...

— Не строй из себя дурака. Да. Богатая квартирка на окраине, без нарушений и жалоб. Взрыв, убийства, элегантный побег. Пять раз подряд и всё стабильно. Заканчиваем, парни!

— Прикроем дело?

— Ну, не мы, так над нами. А не они, так и в пробке не ровен час от бомжа с пулемётом сдохнуть. У самого ж дети. Забыл?

— Да нет. Что-то настроился на всё это как раньше.

— И спустя год даже не скрывал, как в карман накладываешь. Смешно.

— Ну, кто-то же должен вселять надежду.

— Пошли уже, добряк.

Кейсы собрались, закрылись на собственные замки и в руках следователей покинули квартиру.

В закутке со сломанной лампой, в это же время, Энвил, Бартос и Онгэйд ожидали результата.

— Ich hoffe, dass all diese Umzüge zu mir und das aktuelle Chaos nicht umsonst sind.

— Что он говорит? — Джейден смог спокойно спросить, так как был один в своём теле.

— Если бы мне было известно. Natürlich, ja.

Когда у косяка завывлядовали люди, голос Гарри механиками вернулся в Бартоса. Тот показывал себя задумчиво, пробубнив только:

— Кто-то же должен...

— Эй, банда, что-нибудь можете сыграть? — обратился описатель.

— Мы — свидетели.

— Ну и? Вам по-человечески жалко, что ли?

— Уши пахать перестали? Нам сейчас не до выступлений. Охота послушать музыку, вали на улицу. Найдёшь, где искать, злодей.

— А?... Да, к чёрту! Передайте Уилкинсону, что мы осмотр мы закончили, данные будут завтра в лаборатории.

— Конечно. Не сердчайте на моего друга. Он встревожен сегодняшним вечером.

— Как бы ему бутылкой за огрызания не прилетело. До свидания.

Внутри квартиры все двери были открыты. Кроме одной. Падший пролез под оградительной лентой и постучался в неё.

— Господин Уилкинсон, вам всё ещё плохо?

— Что? Нет, нет. Извините, нико... Не всегда удаётся увидеть труп. Особенно, такой.

Полицейский, уткнувшись в стену, боком выдвинулся из туалета к выходу.

— Вас просили известить, что результаты экспертизы будут готовы завтра.

— Да-да-да, всенепременно. С утра зайду. Надо только до дома добраться.

— Минуточку. Шелби, мы вместе искренне желаем поспособствовать вам в работе с этим делом.

— Неожиданно. Но гражданские лица не имеют право как-либо участвовать в расследовании.

— Да я...

— Гарри это известно. Просто, учитывая тесную связь со случившимся, его дух не может простить бездействия.

— Тесную? Вы как-то были знакомы с жертвами?

— Я водил её на свидание, — заикнулся несдумчиво гитарист:

— Одну из них. Это всё.

— Вот как. Знаешь, ладно, не в моей юрисдикции лишать тебя вершить справедливость. Запиши мой номер, звоните завтра, я дам указания, что нужно будет сделать.

— Понял, Ш... Господин Уилкинсон. Рад, что вы понимаете.

— Да не за что-у..., - полицейский забыл о ступеньке перед его ногой:

— С такими выражениями меня точно вывернет. Аккуратненько, по стеночке...

Когда он покинул этаж, Энвил с подозрением обернулся к Гарри-Дурьеру.

— Серьезно?

— Что?

— Ты ходил с одной из девушек на свидание? Мы поэтому здесь?

— Ну, вроде того. Она меня шаурмой накормила, когда я там ночевал.

— Gigolo.

— Я не прокажённый вымаливать милостыню. Это была жалость. Обидно, поблагодарить отказался. Задело меня это сострадание.

— Она не хотела нас оскорбить, учитель.

Вестник только хотел ответить, как вдруг, живот у Онгэйда заурчал. Гарри же сложил подчинённые им руки.

— Это я и тогда понял. К чёрту. Парни, никто есть не хочет?

— Я не прочь!

— Про тебя ясно, Джейден. Я просто не догадывался, что после смерти надо наполнять желудок. Может, сводите бедолагу до ближайшей закуской?

— Не выйдет. Совсем недавно мы потеряли наши денежные средства. Если быть точнее, они сам от нас ушли.

— А как же поездка в Ирландию? Италию? Нам разве не нужен бюджет.

— Я намеревался отложить эти раздумья на потом. Сразу после дела.

— Хорошо решил. Только я не могу думать, не поев. Уже невтерпёж. Пошли, придумал кое-что.

Опытный владелец бизнеса, стремясь к идеальной формуле купле-продаж, как плотник с рубанком, снимает с рабочих часов ненужные слои без клиентов, доводя до золотой середины. Часы гарантированной прибыли. Есть и рискованные. Не все готовы назвать их идиотами, однако их стратегии также не всеми поддерживаются. Кучка народу, что соберётся за ночь, будет равна той, что придёт в первые пять минут обеденного перерыва. Но даже гроши звенят. Поэтому, некоторые позволяют себе не закрывать ларёк, заручившись плодами экономии. Половину ингредиентов для уличного блюда, что берут исключенцы, под замок, а ключ в карман. Ночью лишние деньги тратить нельзя. Всё готово лишь для заработка.

Новый, набитый средним количеством ещё не зажаренного филе, вертел стал в паз. Точильная указка завозилась по лезвию тесака. В действиях повара ни капли дрожи. Усталости тоже нет. Ночная смена только началась. Лязг по железу и тряска от неожиданного веса инструментов ознаменовали проникновение.

— Ты хотя бы знаешь, как её приготовить? — Энвил подозвал зафартученного.

— У этой будки я был так много раз, что можно было сюда устроиться. Меня, разве что, за чистоту могли не взять. Джейден, тебе маленькую?

— Среднюю, если можно.

— Сегодня можно.

— И вы потом как собирались ужинать?

— Сначала Джейден, потом я.

— Я, скорее, про детали процесс.

— Две души — двойной аппетит.

— Умно подмечено.

— Спасибо, учитель.

Гарри нагнулся под стол. Он искал мучную лепёшку с пятнами от запекания, которую, заметив, в количестве двух штук водрузил на деревянную доску. Зубастыми щипцами поварской новичок набросал овощей и салата. Схватился за нож и с уважительным видом взглянул на вертел справа от него. Оценив обстановку, он снова полез под стол. Там Гарри нашёл шпатель. С ним резать мясо было удобнее.

— Почти, как разделывать тушу. Мягче, только.

Кусочки брякающе упали на предполагаемый для них поднос. Внезапно, забрякал ещё декоративный подоконник. По нему стучали ладонями.

— Дарова! - перегаром выдал явившийся.

За ним поддёргивались ещё двое.

— Доброй ночи.

— Заверните-ка нам штучки три с собой.

— Йи, Дойл, ну тебя с этой дрянью.

— Лью дело говорит. Тебя прошлый раз с буррито так вдарило.

— Я в себя влил достаточно. Не возьмёт меня хавка. А есть я хочу жутко.

— Траванёшься, я тебя до бочка тащить не буду.

— Заткнитесь оба. Одну сделай острую. Очень.

Жгучий соус по ночам просят редко. На столе и в холодильнике его не было, и только стикер на дверце всё разъяснял:

— Острый соус, картофель и сыр ночью не предлагать!!! Замечу растрату — уволю!!!

— Извините, но я могу сделать только три обычных.

— Чё говоришь? Ближе, не услышал.

Повар наклонился и повторил:

— Только три обычных могу...

В нос уткнулся 911-ый.

— Дойл, что за...

— Дойл, ты что...

— Я сказал вам обоим заткнуться! Слушай сюда, тюрбан, я спокоен, когда трезв. Но сегодня не твой день. Мне нужен блядский соус. Либо он слетит на шаву с твоей башки, либо ты его мне найдешь.

— Ладно. Если дадите, я схожу в магазин за...

— И чтоб ты сибаса сделал? Тут ищи.

— Да чтоб тебя, — скрывшись у заднего проёма, ворчит Энвил:

— Хоть бы дел не натворил.

— Учитель не умрёт так.

— Нам не нужно, чтобы здесь нашли труп повара. У парня семья небось.

— Ты готовить будешь, а?!

Гарри помотал головой.

— Да. Ствол только опусти.

Мясо легло в указанное место, повар трепетно завернул лаваш и положил на гриль. Повтор готовки пришёл на пользу. Под нервами иногда получается быстро освоиться. Второй свёрток лег обжариваться.

— А острая где?

— Сейчас.

Гарри нагнулся. Был услышал хлопок пробки и звук чего-то сыпучего. Однако, пьяный только задёргался, пытаясь показать раздражение, залитое алкоголем.

Процедура вернулась в прежнее русло. Лепёшка, салат и овощи, мясо. Последним к заготовке повар поднёс горловину бутылки. Красная жижа легла на еду очень быстро, что даже этикетку на сосуде никто не заметил.

По очереди Гарри выдал запакованные в картонную обёртку две шаурмы. Третью положил в руки уже скипающему от нетерпения.

— Оплата? — спросил его повар, держа вместе с ним блюдо.

— Свинцом принимаете?

— Э... Нет.

— Мы друг друга поняли.

Пьяный развернулся уйти, подняв себе настроение угрозой, как вдруг, за горло куртки его подтянуло к стойке. Будучи отравленными, чувства притуплялись неожиданным. Кадык гладился об кухонный нож.

— Пушку отдай!

Смелость улетучилась. Трemorная рука поднесла оружие.

— Один из вас, деньги за жратву. У меня сегодня пальцы дёргаются. Быстрее, вашу мать!

На поднос для банкнот упало требуемое.

— Я бы вам урок преподал, особенно тебе, дорогуша, если бы настроение было. Поэтому просто отпущу. Единственное, что... Свинота, ау?

Воротник натягивался. Заложник готовился потерять сознание. Гарри его одёрнул.

— В чувства пришёл. Успокойся. Такое бывает, когда тебе тычут в нос. Питание помогает. ЖРИ!

Шокированный пьянчуга не понял.

— Шаурму открывай!

Приказ пойман, упаковка слетела, пьяный вцепился зубами в пищу.

— Отлично. Прожуй тщательно, проглоти и уёбывай от моего вагончика. Парни, ещё одного здесь увижу, располосую так, что жрать будет нечем, ясно?

— Да!

— Так точно!

— Ещё солдат. Позорище. Валите, — Гарри отпихнул заложника. Трое в темпе удалились, лишь только было слышно пьяное кряхтение.

Повар сел на стул и уснул, свиснув голову.

— Пусть теперь дристается. Я ему в еду мышинной отравы подсыпал. Не сдохнет, но блевать будет долго, — устами Дурьера ответил Вестник.

— Всё ещё хочется есть?

— В магазин зайдём. Куплю Джейдену батончик.

— Ура!

· — Надеюсь, все эти переселения в меня и нынешняя кутерьма не напрасны.

— Ваш номер сверху. Расписание работы нашей кухни прилагается буклетом, держите.

Вечером открывается наш гриль. Вы надолго?

— Две недели. Плавающе.

— Оплата после...

— Я выпишу чек, спасибо.

— Счастливого отдыха.

Много дерева. Ощущение архаики и старости с самого входа. Вот-вот заставит одеться в костюмы сорокалетней давности.

— Так ты у нас богачка?

— Рабочий бюджет. Если не заморозили, значит, начальство не только злое, но ещё и очень глупое.

— В покер бы с тобой сыграть. Рисковая барышня.

Малиновый закат, уходя, бликовал на песчаных барханах. Обточенную орнаментом створку, закрывающую проход, открыл консьерж.

— Для молодожёнов.

— А?! Что? Мы не...

— Спросили бы хоть. Что у вас там?

— Крепкое вино из наших погребов и вкуснейшие мбаттены, прямо из-под золотых рук нашего кулинара.

— Оставляйте, что уж там.

Телешка перешла из рук в руки. Была поставлена у края кровати, где Вестник подсел к Вестнице.

— Как ты относишься к алкоголю?

— Не пила ни разу, а так нейтрально. А ты выпивал?

— При жизни не успел. После же просто даже сподвиги улетучились. Выбросить?

— Н-нет. Я хочу попробовать. Так, из интереса.

— Другого и не дано. Опьянеть уже не удастся.

— Ну вот. Даже лучше.

Бутылка красного лежала на пряжном ковре, будучи сбитой ногой, картофельные «сэндвичи» с мясом оставили после себя только крошке на посеребрённом подносе. Роджер стелил выделенный для себя прямоугольник у шкафа. Нимбри сидела на подголовных подушках, прижав колени и держа ладони у носа, скрывая бурную реакцию на лице.

— Ты должен был предупредить!

— Что лицо краснеет от выпивки? Бросьте, мэ.м.

— Нет, не брошу, сэ.р.

— Ты что, обиделась?

Девушка промолчала. Тревис, не придумав, ничего лучше, подошёл к Вестнице и поднял на руки.

— Эй! Зачем?!

Положив её в другой край кровати, Вестник раскрыл простынь, отбил подушку и расстелил часть постели.

— Я в ванную, ты пока переоденься и под одеяло.

— Угу.

Луна убывала. Середина ночи. Роджер сопел в уютившийся угол, а Нимбри очнулась с накатившей трезвостью. Что-то заскреблось в коридоре.

— Кто здесь?

Девушка не ожидала, что встанет и пойдёт к выходу. Она считала себя пугливой для решительных поступков. Светильник не загорелся, его не захотели включать, что странно. Замочный затвор щелкнул, номер закрыли снаружи. Только сейчас Нимбри заметила широченное зеркало в большую часть длины комнаты. Отражением служил вид из-за стеклянных панелей, бассейн полный воды с шезлонгами освещал голубой спутник планеты. Предплечье согнулось. Указательный палец завил пепельный локон. Тот был коротким, чтобы образовать петлю, поэтому просто огибал фаланги.

— Чего бы вдруг я стала это делать? Я что во сне?

Внезапно, волосы заметно длинели. Из сновидений спасает щипок, хотя колкое чувство прикосновения концов локонов плечей не остановило странности. Лунный блик от водной глади навис как нимб над головой Вестницы.

— Никогда не видела затмения.

— Рад, что ты не догадывалась.

— Кто?! Кто здесь?!

Здесь только девушка. Абсурд набирал обороты. Огромная круглая тень будто протекла. Масляные реки пробивались на незапятнанном куске месяца. А вместе с тем, макушка с самых корней покрылась чернотой. Нимбри захлёбывалась воздухом, пока выплёвывала:

— Голос... Вспомнила....

— Как хорошо. Не пришлось долго напоминать. Малыш, ты меня порадовала. Хочешь знать чем? Какая разница. Ты жива, и я снова могу держать с тобой связь. Вот это важно.

— Апостол... Я...

— Молчать. Это должно быть в твоей голове, когда я говорю. Вернёмся к важному. План выполняешь замечательно. Встречай наших друзей в том же духе. Буду вас ждать с нетерпением. Про ту брюнеточку можно забыть. Она уже плывёт ко мне первой баржей. Немца, правда, жаль, но думаю, вас хватит. Поэтому-то я и связался. Расскажешь попугайчику, неровен час сделать с тобой то же, что и с щёлкальницей позвонков. И я за тобой слежу. Затмение будет моим выходом. Оно вроде завтра, да? У тебя будет время заняться вашим новым коллегой. На сегодня всё. Не скучай.

Уши загудели так, будто рядом что-то взорвалось. В глазах темнота. Тело что-то трясло. Или кто-то.

— Вот на тебе. Просыпайся! Не хватало тебя второй раз потерять.

С век рухнула тяжесть, дав им открыться. Над девушкой навис Роджер, держа её за плечи.

— Ура! Кошмар?

— Что, что случилось?

— Ты задыхалась. Хах.

— Что смешного?

— Второй раз тебя спасает мой чуткий сон.

Нимбри переполняла печаль.

— Эй, ты чего вдруг? Неужели всё так плохо? Сейчас.

Смертный исчез на время двух полных вдохов девичьей груди. Первое изменение с

развешенным дымом лежало в пальцах. Пшик. Чпок. Парень протянул Вестнице алюминиевую банку. Брызг влаги Нимбри поймала носом. Она узнала в нём лайм.

— Когда настроения нет, пью газировку. Я не один живу по такому правилу, в автомате только осталось это безалкогольное мохито. Извини, не хотел тебя надолго задерживать.

— Всё хорошо. Я его никогда не пробовала.

Хлебнув, девушка взбодрилась в лице и показала неожиданность.

— Дрянь?

— Очень вкусно.

— А, оу. Ладно.

— Спасибо тебе.

— Да не за что. Обращайся. Так... Тебя уже можно оставить? Или у нас новый враг в лице сна?

— Нет-нет. Нервничаю. У нас же есть план?

— План, чтобы вызволить Копи? Ну да.

— Мы просто хотим зайти внутрь, да?

Роджер почесал затылок:

— Ага.

Нимбри помахала веками в знак неодобрения.

— Я что-нибудь придумаю. Правда.

— Хотелось бы мне быть таким же прохвостом, как ты. Чтобы всё с рук сходило.

— И это мне сказала та, которой смерть с рук сошла?

Нервы скопились в левом бицепсе, девушка потянулась их пригладить. Тревис подсел, нависнув ладонь, дабы поддержать Вестницу, но не решился. Нимбри внезапно объятиями схватила Роджера. Кажется, сила давления раздробила Смертному хребет.

— А говорят, обнимажки лечат, — прошептал он.

— Мне страшно в темноте, — хныча, ответила девушка.

— Всё в порядке, я рядом. Куда мне теперь уже деться.

Вестница немного подвинулась, подтянув «успокоительное» и укрылась одеялом. Пора отдохнуть.

Земля под ногами рождает то, что на ней стоит. Серые глыбы и смоляно-черная почва носит на себе здания холодных стран, в большинстве своём холодных оттенков. Пустыня другая. Сотни домов, возведённых из глыб песчаника, тонко инкрустированы пестрейшими красками этого мира. Антураж должный для бурлящего песком и жаром котла.

Белые флажки держали на привязи рвущиеся вперёд зеленные ткани. С жёлтых, потрескавшихся ступеней слетала каменная стружка. Наверху престарелой лестницы был огромный короб. Несмотря на ровные углы, его текстура навевала ассоциацию с грецким орехом. Его оболочкой был камень, а под ней, в маленьких по сравнению с площадью отверстиях, подобно тонкой плёнке, скрывающей маслянистый плод, скрывались металлические решётки, что на окнах, и варённое листовое железо, являющейся дверью.

За ней преграждала путь клетка из арматуры, дальнейший проход в которой был закрыт большим замком. Ключ висел на португее охранника в углу. В регистраторской будке офицер перебирал папки вслепую, глядя футбольный матч в телевизоре на нижней полке. От закрытой шторки, ведущей в клетку, пошёл стук.

- من هناك? — створка съехала с вопросом.

В галстук вцепились. Голова в фуражке с треском разбила стекло.

- اللعنة! - воскликнул охранник, отдёрнув затвор.

Прицельная мушка застыла в зрачке. Перед дулом дым схватился за цевьё. Очередь огней.

Роджер поддёргивался, едва держась в равновесии. Из груди сочилась кровь, обливая рубашку.

— Сук...

Белые флажки держали на привязи рвущиеся вперёд зеленные ткани. С жёлтых, потрескавшихся ступеней слетала каменная стружка. Наверху престарелой лестницы был огромный короб. Несмотря на ровные углы, его текстура навевала ассоциацию с грецким орехом. Его оболочкой был камень, а под ней, в маленьких по сравнению с площадью отверстиях, подобно тонкой плёнке, скрывающей маслянистый плод, скрывались металлические решётки, что на окнах, и варённое листовое железо, являющейся дверью.

За ней преграждала путь клетка из арматуры, дальнейший проход в которой был закрыт большим замком. Ключ висел на португее охранника в углу. В регистраторской будке офицер перебирал папки вслепую, глядя футбольный матч в телевизоре на нижней полке. От закрытой шторки, ведущей в клетку, пошёл стук.

- من هناك? — створка съехала с вопросом.

В галстук вцепились. Голова в фуражке с треском разбила стекло.

- اللعنة! - воскликнул охранник, отдёрнув затвор.

Из-за входной двери выглянул Роджер, на мгновения отвлекнув вооруженного. Скачок, пинок в спину.

— Знаешь, мне как-то не до принесения черепно-мозговых. Ты чего такая на взводе?

— Времени мало. Сантехником хотел прикинуться? — отгрызнулась Нимбри.

Раздевалка для персонала, гостевая для свиданий — Вестники шли тихо, заглядывая в комнаты. Остановившись у коридорной развилки, девушка осмотрелась, после рванула вперёд.

— Стой! - сказал Тревис.

Угнаться за ней было трудно. Лестничный пролёт лязгнул до второго этажа. Тупик на нём помог поймать торопящуюся. Как и светошумовая граната, подкатившаяся по полу, остановила догнавшего Роджера.

Глаза ослепило. Солнечный свет, бивший в лобовое, отскакивал в щель кабины для перевозки задержанных. Смертный вскочил. Руки, пояс и лодыжки держали цепи. Вестник попытался их сломать. Чувство, что кость вот-вот лопнет, забило. Внезапно, с неискренней агрессией Вестник прыгнул со своего места. Он пытался спровоцировать охранника, что в сопровождении.

- تريد التبول؟ سنصل إلى الشرطة ، ونجف هناك -

Хладнокровный тон ответа не порадовал парня.

— Мда уж. Не на такое я рассчитывал проникновение.

Тревис подумал про сидение.

— Нимбри, отвернёшься, ладно?

— Зачем?

— Надо. Хотя... Я тебя всё равно такой больше не увижу. Знаешь...

Машина колыхнулась на кочке.

— Ты мне очень понравилась. Не думаю, что была бы ты другой, я бы тебя не спас, но... Ладно. Я рад, что ты с нами и... Со мной, в общем. Приятно тебя подкалывать. Уж очень

МИЛО ТЫ СТЕСНЯЕШЬСЯ.

— Ч-чего...

Лоб влетел в пластину металла, смяв его в комок.

Белые флажки держали на привязи рвущиеся вперёд зеленые ткани. С жёлтых, потрескавшихся ступеней слетала... Темнота.

Опора под затылком была жёсткая. Шеи коснулась медицинская перчатка. Темнота и теплота.

Роджер в остолбенении, напрягшись, посмотрел на люминесцентную лампу. Голая грудь парня была измазана в прозрачном геле. Холодные пластины дефибриллятора нагрелись при контакте с кожей. От жизни родилась усталость, она и потянула в сон.

Качка мотала голову, как вдруг, Тревиса бросили на пол. Вестник поднял руки, кандалы дали знать о себе весом. Охрана ушла, замок клетки захлопнулся. Пока силы возвращались, вниманию упала универсальная доска. И кровать, и стул в одном. Воронка из жести со вкопанным сливом.

— Ты живой? — донеслось от угла.

Нимбри сидела в тени. Но появление напарника её взбудоражило подняться. Колодки висели на ногах, но между ними не было привязи. Она нависла над парнем, с толчком схватившись за него. Пепельные волосы как могли закрывали взгляд. Тишина напрягала.

— Ним... Я не знаю, что ты сейчас чувствуешь. Но я не хотел тебя обидеть теми словами.

— Я боюсь сесть.

— Что?

— Можно, можно я сяду? На твои колени.

Роджер подогнулся вперед. Сверху была всё та же хрупкая девушка. Кивок.

Вестница плюхнулась вниз, запустив руки в перегонку. Цепь была в её грязных ладошках. И тут, по шее пробежало что-то чёрное. По самым венам до кончиков пальцев. Ржавчина ссыпалась. Как сломав преграду, Нимбри с этой возможностью коснулась Тревиса.

— Были бы мы простыми прохожими, — гладила она его по лицу:

— Я бы забила тебя до смерти чем-нибудь.

— Всегда знал, что романтика убивает. В прочем, нам обоим это уже не страшно. Ты согласна?

— Будешь задавать вопросы с таким щенячьим взглядом, сама выпрыгну из поезда.

— Тогда будем кататься только на самолётах...

Подпорка мягкого места девушки подняла её голову на уровень света из окна. Нимбри обомлела. Белый круг намокал во мраке на четверть.

— Даже на корабле нельзя. А я бы хотел на паруснике покататься. Прямо как отец по рассказам мамы.

— Мореход, таинство затянулось. Не забыл, нам ещё нашего вызволять.

— Угу. Ещё мгновение и сразу.

Вестница, не умея держать злобу, рывкнула и, не найдя более гуманного и в тоже время болезненного способа, схватила Роджера ногтями за щеку.

— Ай-ай-ай!

— Умудряешься же ты за несколько часов достать со своей романтикой. Даже подумать не даёшь, а стоило бы.

— Это что, значит нет?

— Я сказала, дай подумать.

— Ай-ай, я понял-понял!

— Вставай. Пока устраиваем побег, я подберу слова, чтобы тебе всё высказать.

— Только сама слезь.

Девушка прямо-таки вскочила с места и обернулась к входной створе камеры. Прикосновением она искала замок.

— Эй-эй-эй, — по стенке за спиной Тревис поднялся на ноги, которые всё ещё были закованы:

— Здесь охрана ходит. Заметят, что ты сломала дверь, опять будем дружно лежать в отключке. Лучше освободи мне ступни.

Часы тикали, но даже с вернувшейся свободой в движениях наилучшей идеи для поисков пока не нашлось.

— Слушай, здание же прямоугольное, — подметила Вестница.

— Заметно.

— Заключенные прямо за стенами, по бокам, сверху и снизу. Может, попробуешь попрыгать и посмотреть?

— Рисково. Если буду проверять каждого, кто-то проснётся. Да и не хочу оказаться на чьём-то горле. По той же причине.

— Неужели нет способа Вестнику быстро отыскать Вестника, а?

— Есть, но он для более открытых встреч. Поняла, да?

— А почему, тогда, я вообще пришла к той мысли? Про прыжки.

— Не знаю. Сказала бы ты сейчас точное его местоположения, ответ был не изме...

— Северный блок. Камера... Мм... 1...

— Серьёзно?!

— 17...

— Ладно-ладно. Держись, — рукой парень уволок девушку поближе и, взявшись за её спину, сомкнул глаза.

Покой тактично нарушался храпом. Темнокожий преступник мирно спал, давно почив признав своей вину. Шорох встрепенул его нос. Заключённый почесал его, попутно лёгши на бок. Голова Нимбри дёргалась от до обрыва мышц напряжённой шеи. Вестница поскользнулась на сене из-под матраса сразу после прыжка. Как на крючке она повисла на пальцах Роджера, тянущего за её одежду. Вернувшись на опору, девушка шепливо возразила:

— Мог бы и подождать! Камера 173.

— Прости. Слишком уверился в твои слова. Я и сейчас в них верю, но в тот момент... Пофиг.

Смертный заключил Сумрак в объятия.

— Поменьше шансов упасть. Я это ещё после первого раза уяснил.

— Первый раз же у нас разный?

— Это тебе решать.

— Эй!

Пара испарилась в клубе дыма. Дышать стало труднее. Кирпичная коробка едва-едва отдалялась от локтей в ширину. К затылку из отверстия у потолка лились проблески городских огней. Толстостенная клёпанная пластина заглушкой отделяла этот карцер от остальных помещений. Тревис уже размышлял о том, как её выкорчевать, но Нимбри ткнула его в плечо. Веко Вестника скривилось от абсурдности.

— Ну хоть по прикиду понятно, кто перед нами.

Железная паутина окружала повисшего и сидящего на коленях одновременно человека. Руки закреплены за спиной, но самое необычное крепилось на его торсе. Гладкий половинчатый панцирь, как сосуд, покрывал его от пояса до шеи. Передняя и задняя часть была скреплена толстыми болтами с заваренными шляпами.

— Мне подарят освобождение парочка англоговорящих, — урчаще огорчился пленник и запрокинул голову назад, дабы из-под низа рассмотреть пришедших.

— Давно я не встречал иностранцев, понимающих нас.

— Не прячьте разочарование. Вы мне радости не приносите.

— Но лучше бы и дальше не встречал.

Щетинистая улыбка появилась на смуглой коже. За густой чёлкой глаза закованного поднялись к глазам парня.

— Неудачное вышло знакомство. Меня зовут Нимбри, а моего... Недружелюбного напарника Роджер.

— Не всякий рабочий рад подачкам от зодчего.

Тревис пфыкнул.

— Харахти Бабейфми Маскини Мухвна Идогб. Прошу вас, милейшая, освободите меня. Мы одной стаи, что чувствуется в вашей стати. Вам по силам снять эту ловушку.

— Видишь? Капелька доброты и все к тебе уважительны.

— Угу.

Скрепящий песок стучал об пол, смягчая давление половин. Девушка растащила части, уложив их без лишнего шума. Пленник освобождён.

— Помог, так помог.

— Я думал, что здесь ты налаживаешь контакт.

— Благодарю вас. Мне бы не удалось выбраться без вас.

— Как много лести. Ты нам что, пылесос пытаешься продать?

— Нет. Просто лесть — самый простой способ отвлечь.

Не успели Вестники опомниться, как затылок заключённого стал больше. Спина расширялась, а из рук вылезли пальцы. Из человека в оранжевой тюремной робе вылез ещё один в той же оранжевой робе. Не взглянув, он толчком плеча вынес стену перед собой. Изначальное тело упало наземь, а вырвавшийся скатился вниз по откосу, оставив только осыпавшуюся стену за собой.

- مهلا! اللعنة! القلق! الهروب - на обвал вдалеке отозвались охранники. — Капелька доброты и все ко мне уважительны. Ещё сбежать, правда, пытаются и попутно мозги пудрят. — Ну прости! - на недовольство девушка подскочила ближе:- Я думала, что он показывает искренние чувства. Тревис губами коснулся её щеки.

— Вот так искренние чувства показывают, а то было враньём. Даже без мелкого шрифта понятно было.

Пощёчина.

— Это было тоже искренне, если что.

Нимбри легла на свою подставленную ладожку, в темноте не стесняясь краснея.

- زنزانة العقاب ، اللعنة -

— Надо валить.

— Побежим?

Затворы загрохотали.

— Поздно, — парень рывком взялся за ногу Вестницы и локоть бессознательного

Вестника.

Отель. Девушка снова чуть не упала.

— Знаешь, я только заметил. Сколько времени ты нервничала, но твои прикосновения больше не приносят боли.

— Это очень плохой флирт.

Нимбри повисла на шее Вестника.

— Тогда уж приму своё поражение.

— Подожди.

Неожиданно, она прикоснулась к его губам. Насильно закрыв глаза, Вестница удерживала поток эмоций.

— Вот, — выдохнула Нимбри:

— Это за внимательность.

Девушка отскочила назад, пожелав не перегнуть палку, но Роджер поймал её на робком уходе. Мальчиковская настойчивость обхватила дрожащую спину. Второй поцелуй был более серьезной точкой в конце их дружбы.

— Грубовато?

— Немного.

— Прости.

— Уже ничего. Мне надо в душ.

Руки быстро, почти стыдливо, отпустили её.

— А я... А я положу нашего друга где-нибудь.

— Точно.

На шезлонг у бассейна тело положили, укутав в несколько полотенец.

— Ну вот, — потирал ладони парень:

— А то не хватало ещё араба раздевать.

В полную воды и покрытой пеной ванну с трепетом погрузилась одна, а затем и другая обнажённая ступня Нимбри. Расслабление волной омыло её, когда она легла в керамическое окружение. Отдых тянул всё ниже и ниже. Вдох, и девушка полностью погрузилась под гладь. Пузыри разбивали отражение на сотни кусочков. Взгляд не отрывался, но вот с чувством удовлетворения подступала тяжесть. На грудь будто положили камень. Пока в это время много больший камень блестящей Луны в отражении почти полностью не наполнился мраком. Вестница вырвалась наружу. Сеанс гигиены окончен. Белый ворсистый прямоугольник ткани завернулся вокруг её груди, свисая вниз. Нимбри посмотрела в зеркало. К удивлению её волосы не ощущались мокрыми. Влага не опускала вьющиеся пепельные локоны. Теперь затяжелела голова. Раковина выступила опорой, пока девушка всё сильнее поддавалась. И вдруг, она увидела металлическую трубу. Движение напугало. Стояк покрывался трещинами, хотя и казался мягким как глина. Голова откачнулась влево. Он резко слетел. Прямо на шею. И на ней стояк стал совсем жидким. Облегая шею, он менял свою форму осознанно. Металл образовал браслет, туго облежавший кожу. По центру свисала обкусанная цепь.

— Нравится? Хотел обозначить границы. Форму служанки на поле же не надеть. Ну, а раз всё так бодро началось, может быть мне подлить немного дерьма в ваши отношения, м? Отправить тебя на улицу, как предательницу. Пареньку не привыкать.

— Тебе это не выгодно.

— Да ну?

— Сам же говорил, что тебе нужны все мы. Всем этим кукловодством раз в месяц ты меня до себя не привезёшь. А без меня всё, что ты продумывал полетит к чертям.

Апостол сделал выдох, который подтвердил домыслы Нимбри.

— Надо будет подержать твою руку на конфорке. Может, от шрамов податливей будешь. Люблю это в девушках.

— Мне тут в голову мысль пришла.

— Аж интересно стало. И?

— Роджер! Иди сюда.

— Дышать надоело?

— Сейчас, чтобы я не выдала ему всю нашу маленькую тайну, тебе надо взять надо мной контроль. Ну же.

Луна в её глазах чернела. Тёмные реки вытекали с неба. Вестник уже заходил. Пальцы дернули полотенце. Надо было следовать роли, но стеснительная улыбка дала непродуманный исход. А может и продуманный. Смертный схватил девушку на руки, облизнув той шею.

— Вот же бл...! - подумал Апостол.

Смертному постучали по лбу. Бурная ночка. Ожидание алых губы Нимбри стало разочарованием при виде и прикосновении указательного и среднего, потёртых мозолями, которые его и разбудили.

— Жеребец, ты кто? — спросил очнувшийся раньше всех заключённый.

Спросонья Роджер почувствовал тревогу. На шезлонге лежал всё тот же. Из ладони стремительно вылезла верная кость. Коса наострилась у оранжевой робы на плечах.

Как вдруг, с туалета донёсся смыв. Кабинку освободил уже третий.

— Чтобы ты не задумал, числом не возьмешь. Нас не убить, Харахти или как там тебя, мы такие же Вестники, как и ты.

— Харахти?! - одновременно произнесли те, что в комнате, и возможно пробурчал тот, что в шезлонге.

— Kharvestdjusi! الحصاد كثير العصير! Lavendemmia è succosa! - купцы забрасывали межязыковые крючки, только бы кто-нибудь подошёл к прилавку.

- كم سعر البرتقال ، مهلا؟ — подоспевший покупатель тыкал на пахнущие оранжевые плоды.

Продавец успел бы ответить, если бы дырявая тряпка не толкнула деревянный стол с фруктами. Апельсины с пыльной дорожки отправлялись за пазуху недовольного собирателя. Последний как раз остановился у ноги виновника. По первой под покрывалом на всё тело продавец не заметил тонкой детали. Цвет штанин был такой же яркий и оранжевый, как и у сочного товара. Сомнение. Догадка. Напряженный взгляд вверх в поисках глаз. Взгляд нашёл только влетевшее колено.

Из отеля выскочила служебная машина.

— ВСЁ В ПОРЯДКЕ! МЫ ВАМ ЕЁ ВЕРНЁМ! МЫ... Эх, — Роджер досадно глянул водительское зеркало:

— Нам точно стоило так сильно спешить?

Нимбри сморщила лицо. Сладкий сон разбился об песочную стружку, которая влетела в открытое окно. В номере было пусто.

— Чё?

— Нельзя терять ни минуты, казанова.

— Сколько ещё словечек ты ко мне из головы вспомнишь? Неужели от тюремного срока совсем уже трудно любовь представить?

— Я в тюрьме отсидел больше, чем ты жил в своём доме. Берегись!

Машину качнуло на резком повороте. Голова парня помяла раму брезентовой крыши.

— Видимо так долго сидел, что водить забыл.

— Сам за руль посадил.

— Ты и не спрашивал!

— Вора! Вора лови! - тюрбан еле поспевал за убегающим, но зато привлекал народ.

На солнце тело ускользало от препятствий, не хуже носимой чёрной ткани по ветру.

Внезапно, тупик. За бегуном урвались люди похуже продавца фруктов. Подручные мясника с крюками и тесаками наперевес стряхивали кровь.

— ЛОВИ!

— АЙ! - водящего качнуло.

— С тобой всё нормально?

— Да, просто... Сука... Он теснится.

Рука за управлением ёрзнула в сторону. Тревис повернул автомобиль на полосу дороги обратно.

— Нет, с тобой не всё нормально.

Тот, что с тесаком, получил с ноги. Вестник едва убрал голову с траектории ступни. И только после стало понятна глупость этого уворота. Машина вслед за рулём развернулась, полетев в кювет. Пустынная обочина плохо гасит силу полёта, переворота было не избежать. И ещё одного.

Роджер очнулся, желая выплюнуть кровь, забившую ноздрю. На водительском пусто. А вот на улице продолжались странности. Запылившаяся оранжевая роба бился с воздухом. Более того, «воздух» ему отвечал.

— Мы вроде собирались вернуть тачку назад! Что за хрень ты творишь, Харахти?!

Заключённый обернулся. Ударил себя по лицу. И из робы выскочил пленник. Такая же копия, что и раньше. Но вид его был другой. С яростным всхлипом он рванул на свой исток.

Два близнеца вцепились друг в друга. Необычно, но эта драка не была похожа на выброс негатива, а слаженный и чёткий бой. Те, кто жили в одной голове, уж слишком сильно знали себя, чтобы бить неуверенно.

Кулаки мяти кожу и стучали по мышцам. Увороты и выпады как плацебо: противник настигал оппонента всегда. Но слабости равны у обоих. Передышка в пять секунд.

— Удобно всем телом драться? Исида уже знает, как Онурис во мне тебе задаст! - ворчал нападавший и запустил ногу с поворота.

Оппонент пригнулся от него, но не заметил подвоха. Копия, встав перед оригиналом вплотную, забралась обратно внутрь через грудь. Внезапно, рука заключённого вмазала ему же в нос. Серия крепких ударов в сочетании с коленом едва удавалось остановить.

— Надо останавливать этот балаган, — усилием застрявший Вестник определился в своём положении.

Ноги прижимал смятый бардачок. Выскочить не получалось, словно жука схватили за крылья. Ноги оригинала пытались давить самих себя. Парень подпёр ладонью кусок металла.

— Поднажмём и раз... Ай, твою ж! - заострённые куски порезали пальцы.

Машина двинулась от упавшего. Кто-то проигрывает. Роджер высвободил косу. Она обвила зажатую конечность, остриём зацепившись за полы. Кузов трясло от ударов. Прекратились они только тогда, когда рука схватилась за горло.

— А может ну его? Ну, набьёт себе морду, уснёт, а как придёт в себя, тогда и я с ним поговорю.

Вестника даже перестало сильно волновать его заточение в автомобиле. Роба упал навзничь, распоров оболочку машины у капота. Струя бензина прыснула на жаркий песок. Всполохи пламени летящие из трубки заставили Тревиса нервничать.

— Мне голым в Ливии делать нечего. И так уже был в тюрьме.

Коса двинула бардачок, а дерущийся вмял его обратно. Лежа на капоте, он будто рвал воздух.

— Я тебе не дам себя сжечь. Не для этого я умирал! Не для...

За стеклом заключённый не слышал американских жалоб. Его волновал соперник. Не важно, что его не получалось увидеть, он дрался его руками. Треск стекла на секунду. Роба не стучал по нему, чтобы был такой звук. Шею обвило что-то, но обе руки были у него на виду. Его как лебёдкой затянуло в салон, пока он видел, как всё активнее пыhalo топливо на

жаре. Остановившись на чём-то похожем на ещё одно тело, заключённый почувствовал ещё один толчок, но уже спереди. Взрывной толчок.

Ветер выл, подобно зною. Зной был... Холодным. Холоднее горящего бензина, уж точно.

— ...оч...ОЧНИСЬ УЖЕ!

Вестник откашливался. Никогда так громко не кричал.

— Можешь ненадолго уладить всё, что у тебя там в голове, ладно?

Грёбаный выродок будет диктовать мне, что делать. Как ты диктовал. Всегда диктуете. Я вижу себя в лодке, хотя воды не видать. Возможно, мираж от жары. Вечно твои фантазии. И ведь ладно, я тоже могу помечтать, но ты у нас такой важный, что хоть сейчас мир покроется водой. Всё по единому твоему слову. Лодка качается. Каждый раз, когда это лодка качается, я что-то слышу. Голос. Я знаю. Конечно, конечно ты его знаешь. Но не помнишь. Тень величия заставляет не вспоминать. Вот бы мне такую тень, я бы и тебя забыл. Вспомнил. БРАТ!

— АТ! - вскрикнул обгоревший.

— Живой? А, тупой вопрос. Извини, что решил закрыться тобой от взрыва. Ну, с учётом аварии... Ты накосячил, я... Думаю, что мы квиты.

Вот бы ты также сказал. Как я оказался в твоей голове, Одайон? Тебе ли важно, Харахти? Тебе важно? Почему ты взял моё имя, брат? Просто так. Не желание тебя вело, Ра видит. Ра видел и твою смерть. Или убийство сказать правильной?

— Трудно, наверное, жить столько лет в заточении, живя вечно?

Это не жизнь. Никогда ей не было. Ты был в тюрьме, Одайон? Кто мог посадить прислужника фараона? Полицейские. Те же, что и пытали меня. О чём ты говоришь? Зачем это рассказывать? Всякий раз, когда просыпается мой братишка, редкостная эгоистичная тварь, я должен тебе напоминать, что мы — херов громоотвод? А? Возможно, пичканье таблеток не сильно развивает твою память.

— Не хотелось бы, чтобы от взрыва ты забыл, кто ты есть.

Простая ненависть над дурацкой куклой, какой ты стал, мне смешна. Я хочу, чтобы ты помнил, каков ты. Тот, от кого меня разъедает. Ты в лодке? Да. Я стаю у края лодки. Посмотри на воду под тобой. Скажи мне, что ты видишь.

— Мой клинок пронзил сердце Сети Первого.

— Статусно.

— Я видел тьму, которой Анубис оплёл моё тело. Его лапы держали меня за руки. Он чуял мой страх. Своей пастью зверь вырвал не внутренности, но внутреннее. Моя душа выбралась за его клыки, и я перестал бояться. Но путь в Дуат закрылся предо мной. Его закрыл Сет.

Проклятие. Надо бы поработать. Только так можно снять. Смотри в даль. Как я очутился в тюрьме?

— Меня называли больным. Мир не видел меня нормальным. Надо его ограбить.

Он заслуживает этого. В разумных рамках.

— Страна. Мне нужно дойти до страны. Я смогу дойти пешком.

Да, помню я, как извилины от жары скручивались в спиральки для ловли мух. Зато незаметно.

— Я ограбил ливийский банк. Сел в машину. Бензина не хватило.

Такой замечательный план и впросак.

Заключённому стало больно. Его жгло. Жгла память. И я рад, что ты начинаешь чувствовать. Мне полагался расстрел. После него меня спрятали так глубоко, как могли. Никаких историй о воскресших и не водилось даже на обедах охраны. А раз я был у них втайне, то и втайне помогал им существовать. Деньги, чёртовы деньги. Я сэкономил им целое состояние. Каждый пасмурный день наступал заветный час. Мне даже не было известно, когда он происходит. Я определял его конец по отраве в остатках еды. Онемение челюсти, слабость, помнишь? Кто-то проболтался, что туда провозили нервные паралитики. Говорили, что для крыс яд, трава им меня. Даже два шага сделал не мог, сразу валился. В камеру заходила охрана. Один никогда меня не трогал. Ему мешал ствол, нацеленный мне в затылок. Другой делал самое безболезненное: напаивал меня водой. Двух литров им всегда хватало. Затем, меня на руках тащили до верхних этажей, где брали со склада хреновину, явно непривычную для тюрем.

Роба стянул локти, будто связанный. Металлическая сетка, перевязанная в форме рубахи. Её надевали на меня по пути. Позже, уже приодетым я буду на крыше. Животным в других странах перед этим дают наесться от пуза, а там это была работа. Посадят на стул и надеешься, чтобы дождь пошёл, а ни то печь будет, как в драном карцере. Но все равно волнуешься, словно первый раз, и тут...

— А!

Какое счастье, если отключишься от первого разряда, но второй...

— ЧТОБ ВАС!

Буду честным, запах прожаренного мяса поднимает аппетит, а он уже хоть как-то отвлечёт от адской боли. Слышишь, что говорят охранники?

— Они... Смеются.

И ставят всё те же деньги, когда же я сдохну. А по времени меняют штуки такие, аккумуляторы называются. Ты не поймёшь. Способ быстрый и дешёвый. До заключённых никому толка нет, а вод до электричества...

— Как и Хараhti не было...

Именно так. Ты понял меня. Как и должен был. Не зря ты пришёл ко мне.

— Я вижу. Клинок.

Что не ясно-то? Ты убил...

— Он уже в крови.

Фараон никому не был нужен. Мне уж точно.

— Ты не хотел его убивать. Я вижу тело.

Стой.

— На нём нет золотых одеяний.

Хараhti, нет.

— Я им был.

Брат.

— Ты убил брата.

Нет. Нет! Его убили.

— Но ты не можешь вспомнить, кто это сделал.

Мне это не нужно. Не нужно, чтобы и ты помнил! Не нужно, я сказал!..

— Одайон, — сказал Роджер.

— Тебе ещё чего надо?

— Кому ты всё это говорил.

— Я?! Ты слышал.

— Слышал. Кому?

— Раз слышал, то зачем спрашиваешь?

— Хараhti ведь мёртв.

— Да. И он говорит со мной.

— Я уже встречал подобных тебе, но вы не говорите вместе. Вы чувствуете, что вы в одном теле.

— Мы же братья.

— Один из которых ненавидит другого настолько, что обрѣк себя на смерть, ради его убийства.

— Хараhti...

— Его нет в тебе.

Лодка затихла. Зачем ты это сделал? Я завидовал тебе. Зачем? Ты был лучше меня. Зачем? Я хотел быть как ты! Нет. Ты желал быть мной. Мне страшно. Лодку не нужно качать, чтобы она двигалась. Почему тебя не было рядом? Ты сам меня отбросил. Ты отталкиваешь себя на край лодки. Ты — это я. Прости меня. Тебе нужно простить для начала самого себя. Сядь в лодку.

— Может, откликнешься на другое имя. Хараhti?

— Хараhti мёртв.

— Алло, господин Уилкинсон?

— А, что, кто? Да?

— Справедливость же никогда не дремлет?

— Какие глубокие вопросы в такую рань. Вроде да.

— Откроете дверь?

Старый для своих молодых лет офицер британской полиции не ожидал увидеть компанию из трёх человек у себя в гостях утром прекрасного воскресенья.

— В холодильнике завалялся пастуший пирог. Вам чай?

— Милейший, я бы предпочёл кофе...,- не договорил Падший, глянув на прожжённую ржавую тюрку:

— Хотя не стоит. Стакана воды будет вполне достаточно.

Не все были довольны окружением или пытались такими показаться. Гарри от дискомфорта откинул шею Дурьера к спине.

— С вами всё в порядке, мистер..., - вкрадчиво спросил полицейский.

— Ага, Шел. От мамы давно съехал?

— Простите?

— Слушай, Уилкинс, я спал в местах и похуже. В большей части я даже отвечал за «интерьер». Но это... Скажи, ты всех встречаешь в одних трусах?

— Это шорты.

— Под ними есть бельё?

— Эм. Я лучше промолчу.

— То, что прикрывает яйца, зануда, называется трусами.

— Так, всё! Хватит! Вы трое заваливаетесь ко мне домой ни свет, ни заря, уверенные в моей беспомощности и слабохарактерности, да и к тому же вам мой образ жизни поперёк горла стоит! Я — заслуженный офицер полиции, и я...

— ...Курю в кровати.

— Что?

— У вас дым из спальни идёт.

Бесхитростный свёрток бумаги и табака спалил одеяло, будто от голода обкусив его.

— Мама мне его на новоселье подарила.

— Ага! Говорил же, а, народ?

— Оставь подлое поведение, Гарри. Хозяин дома, что тебя пригласил, в печали.

— Нет, всё в порядке. Просто, просто надо перевести дух.

— У меня идея есть!

— Гарри...

— Энвил, успокойся. Шел... Мистер Уилкинс.

— Уилкинсон.

— Да. Раз уж мы здесь по делу, которое, как мне помнится, без результатов экспертиз не продвинется, не могли бы вы двинуть свой зад в сторону участка, как раз по этому вопросу?

— А вы что, за мной поплетётесь?

— Как раз нет. Мы приберём бардак.

— Какой...

Офицера буквально на руках Гарри вынес к двери, кидая вещи с ближайшего стула.

— Что, даже чашечку чая выпить нельзя?

— Только по окончанию дела.

Вестник открыл хозяину дверь.

— Мы вас подождём. Спасибо.

— Только не переусердствуйте там. Спа...

Квартира закрылась.

— ...ибо.

Похлопав ладони друг об друга, Гарри ухмылился спокойствию в комнате.

— Ты и впрямь задумал навести здесь порядок? — с сомнением задал Энвил.

— Инвалида на ноги не поставишь. Мне просто хотелось повысить шансы нашего расследования.

— Джейден, и часто твой наставник нарушает обещания?

— Даже и не знаю, как сказать...

— Не знаешь, малец, вот и молчи. А ты, шкаф, кончай строить из себя ангелочка. Я не мать этого неудачника, чтобы вытирать за ним сопли. Мозги бы ему вправить, а комнату и сам убрать сможет. Да и такая маленькая ложь послужит ему уроком.

В доказательство с тумбочки был подняты ключи от квартиры.

— Как опомнится, что забыл, так сразу поймёт, что надо быть повнимательнее. Погоди-ка. Здоровяк, имя Шелби к имени Рой имеет хоть какое-то отношение?

— Только если незнакомое мне.

На общем колечке связки висел потёртый брелок с просьбой вернуть ключи при обнаружении полицейскому «Рою Фигни». Гарри ещё во времена своей музыкальной карьеры не особо любил стражей порядка, но двуличность было более мерзкой чертой для ненависти.

— Приди в чувства. Может хозяин другой?

— Полицейского жалованья на квартиру хватит. Чтобы на две... Херня!

Вестник взял за шкурку подопечного прямо по лестнице вниз. Ему требовались ответы.

До лаборатории было полчаса хода. Спешка не прекращалась ни на минуту: Уилкинсон не должен пропасть.

— Смерть наступила мгновенно. Следов побоев нет, в крови был обнаружен легкий антидепрессант. Пуля 9 миллиметров со стальным наконечником. Видали случаи и похуже, — рутинно описывал криминалист.

— Никаких зацепок на теле не оказалось?

— Однозначно можно сказать, что ирландская мафия прячется слишком хорошо. Слишком много случаев нападений без четких улик. Только полноценная перестрелка среди бела дня может вывести их на чистую воду.

— Ясно. Шелли, я...

— Занесу тебе конфеты потом. С миндалём.

— Конечно.

Шелби стоял на улице, будто испытывая желание покурить и потянуть время, но волнение сдавило ему желудок. Полицейского тошнило от тупика. Скорченным лицом он посмотрел на одну сторону дороги, потом на другую. Никого, кроме несущейся троицы впереди, за заправкой. Двое тащились, вцепившись, а вот третий догонял их.

— Тебе ли будет известно, что разбив ему лицо, ты просто приведёшь нас тупик?

— Если он надумает расплакаться и убежит к мамочке, не особо-то этот сыщик мне и понадобится.

— Тогда зачем мы вообще решили сообщить об этом в полицию?

— Хотел всё решить законным методом.

— А сейчас признал перемены? Для учителя это было бы похвально, начни всё с признания своей ошибки.

Ноги ступили на брусчатку.

— Знаешь, что я давно хочу признать?

— Мастер, прошу вас.

— Джейден! Не лезь мне под руку.

Напуганный был подтянут к рассерженному кулаком с воротником.

— Наш почтенный мистер ждёт подальше, через дорогу. Сходи-ка, пока мы болтаем.

— Но...

— Но?!

— Иду.

— Я остановился на яростном негодовании. Мазоли, раздутые струнами после целого дня игры перед любящей тебя публикой, не портят жизнь так, как твою заумные размышления. Ты что, мнишь себя лучше от этой манеры? Ещё возрастом со мной померься. Твои сотни лет никчёмны, раз уж тебе непонятен весь мой гнев.

— Поделись этим, раз уж считаешь нужным.

— Раз уж считаю. Считаю, что работа в команде не строится на лжи! Мне знакомо это, думаю очевидно. Тебе, возможно, трудно представить, что даже музыкальная, сука, группа стоит на этом столпе. Мой барабанщик, Скотти, ещё на пробах заливал, что у него талант. Может сорвать бельё с девицы простой отбивкой. Первый концерт с ним — ужас из моих глубоких кошмаров.

— Ты вроде злился, хотя твой голос всё споко...

— ДАЙ МНЕ ДОГОВОРИТЬ! Музыки пришедшие не слышали. Парень бы безнадежен. В его же хлипенькую рожу прилетело столько пива... Был бы я тобой, я бы его утешил.

— А ты его?

— Избил до соплей. Торчал мне деньги за этот шанс, упустил его, и деньги в тот вечер я так и не получил. И конец уж больно мне напоминает это всё сейчас.

— Скотт ушёл?

— Скотт вернулся, зная, за что получил. И воспрял, блять, духом! Месяц угробил на практику, а ложь засунул так глубоко в задницу, ну, в общем, глубоко.

— Так же должно произойти с Шелби?

— Так же должно произойти...

Фургон встал на улице под знакомые звуки ДТП. А на асфальте перед ним лежал полицейский и искавший его мальчишка, в теле своего наставника.

— Пакуйте, — скомандовал водитель выпрыгнувшим из салона подручным.

— Не, ну действительно навевает. Стой, падла!

Гарри словил пулю в лоб, едва разогнавшись для бега. Энвил напрыгнул на своего собеседника, накрыв того вырвавшимся из куртки крылом. Под стрельбу из пистолета, фургон умчался за мгновение.

— Что там за шум? — услышал шорохи криминалист.

Передним в это же мгновение очутился крупный человек, принёсший на руках тело. На вид убитого посадили за стул.

— ВЫ КТО ЕЩЁ ТАКИЕ?!

— Прошу понимания, мадам. Человек в тяжёлом состоянии, ему нужна помощь.

— Простреленную голову вы называете тяжёлым состоянием?! Это морг, а не больница, пошли прочь отсюда!

— Я не прошу вас помогать лично. Просто дайте мне пинцет.

— И что же мне мешает сейчас вызвать сюда наряд?

— Если вы это сделаете, к сожалению, мы не сможем найти как минимум одного полицейского, который был похищен, выйдя отсюда.

— О чём вы?

— Молю вас. Пожалуйста.

Криминалист замотала головой, проглядываясь по ящикам. Инструмент нашёлся быстро. Также лабораторный халат уже стоял рядом с пострадавшим.

— Ткани повреждены, это бессмысленно.

— Вам не нужно вытаскивать её самой, просто отдайте пинцет мне.

— Вы находитесь в моём присутствии, так что это мой долг. Просто вытащить?

— Да, только прошу, быстрее.

Лапки углубились в череп. Трудно даже слегка надавить, чтобы не усугубить.

— Не осторожнича...

— Помолчите.

Пинцет схватился. Аккуратно пуля вышла в руке криминалиста. Тело не шелохнулось.

— Теперь я хочу повнимательнее услышать, что вы сделали с поли... О, Господи.

Гарри скрючился на пол. Он отхаркал кровь, а может быть, вылил её не изо рта.

— Извините, — поднял шокированную Энвил:

— У вас не будет бинта или пластырей?

— Ну почему меня так угораздило?

Джейден оклемался под чьи-то всхлипы.

— Сидел бы на месте, жил бы как все, — Уилкинсон рыдал от истерики:

— Жил бы с мамой. Лучше бы не съезжал вовсе.

— Всё в порядке, Рой, мы выберемся.

— Какого?!

В клетку с пленными сделали выстрел.

— Ну-ка заткнулись нахер! Сегодня Лонгфорды играют.

Телевизор поодаль нехотя крутил эфир, перебиваясь помехами.

— Срань, а не коробка.

Шелби посмотрел на Вестника. Тот поменялся в лице от громкого шума.

— Beschi... Аа!

Двоеголосие и зелёный отблеск в глазах напугали полицейского.

— Ш-Шелби, вы чего?

— Тоже самое и я могу спросить у вас.

— А, аллергия на сырость.

— Как хорошо, что у меня только на пыль.

— Возможно. Ладно, попробую нас выволить.

Руки, что были за головой, натянули ограничение, связывавшее их. Щёлк.

— Остановитесь, пока не поздно!

— Я кому сказал заткнуться, а, бля?

Шелби едва шевелил губами:

— Гранаты. Руки и ноги. Не двигайтесь.

Это были не наручники. Маленькая бомба, готовая раскрыть весь свой внутренний мир при любой попытке освободиться.

— Мы в ловушке. Я точно убью господина полицейского, если произойдёт взрыв.

Джейден опешил. Его ума не хватало, чтобы сообразить хороший способ выбраться. Как вдруг, его осенило.

— Просыпайся. Ну же. Пожалуйста.

Вестник моргнул и открыл веки. Более грубо, чем ранее.

— Сейчас только глаза под твоим контролем. Вот и смотри.

Голова качнулась к ногам, где наручники, запаянные и перемотанные изолентой, держали на себе щепетильный груз. Потом, шея напряглась к Шелби, прикованному также.

— Это будет нелегко.

Глаза раскрылись. Ладони случайно дергались, будто их тянули за нити. Тянули так, чтобы дать понять, что с ними.

— Неужели аллергия может свести с катушек?! - подумал про себя полицейский.

— Гарри говорил никогда не отдавать инструменты чужакам. Надеюсь, он сумеет их настроить.

Сознание затерялось, к счастью, у Вестника было запасное.

Руки перчатками почувствовали родного хозяина. Пальцы импульсами нащупали всю обстановку. Обычная граната. Левая кисть обхватила корпус, правая вцепилась в запал.

Выкрутить его — и проблема решена, но чека не давала им двинуть. Бартос оказал усилие. Верхушка запала смялась, заглушив боёк. Нет бойка — нет взрыва.

Дурьер сорвал помеху. Аналогично и на ногах.

— Невероятно. Теперь меня, да?

Язык может рушить башни. Вестник понял, как выбраться из западни, но нужно ли спасать другого нет.

— Эй, ты чего?

На проходе висел замок. Дешёвый, треснул от давления.

Шелби почти кричал шёпотом:

— Не оставляй меня тут! Эй!

От испуга полицейский зашаркал ногами по бетону. Вестник это заметил, уже желая уgomонить пленника, но заметил шорохи не он один.

— Ляжь на пол, мудила! Живо нахер! - в спину Дурьера уставился ствол и наствольный фонарик.

Вестник обернулся, не реагируя на мандраж стрелка. Бартос прищурился, а затем с осознанием поднял ухмылку.

— Ты что глухой, bod?! Ляжь...

Из приклада УМРа вылетел штырь. Вестник опустил руку, проделав задуманное. Вместе выстрела, пулемёт открылся напополам. Вестник поднял ногу, разительно ударив по лицу противника. Дурьер потянулся.

— Ich musste mich lösen.

— И что это значит? — по велосипедным тормозам надавил Энвил.

— Я слабо чувствую Джейдена. Он не вернулся, но его ощущения не передаются по нитям.

— Как же нам их отыскать? Мы потратили слишком много времени, выбрав такой законный способ перемещаться.

— Бросай велик и садись на мой, пернач, — Гарри снял со спины свою спутницу:

— Главное не оторвать механики от тела.

Вестник бряцнул аккорд. Железный транспорт сорвался с места, как запряжённая резвая повозка.

— Ну и что это за шум здесь? — Дурьера заставил укрыться чей-то визит не вовремя.

Внезапно, уши заполонила странная музыка. Странная тем, что Вестник её знал. Её реж невыносимо задёргал тело, выдав себя.

— Сижу я, рвёт сердце, причины нету, - Бартос подался к первому, кого заметил.

— Этой ночке одинокой не быть, — за плечом и у софитов испугался второй.

— И хоть звонки здесь люди не слышат, кого-то дома нужно найти, — выбитый пистолет из руки схваченного перебил пальцы, боль от которых заставит кричать.

— А мы можем ускориться?

— Это натянет струны сильнее, я не знаю, что случится.

— Мы не узнаем, если опоздаем.

— Ну, держись, — Гарри подтянул гриф к себе, дав велосипеду сильный рывок.

Бартос выхватил нож из грудков, заткнув орущего.

— Затащить себе красавца хочу, — Бартоса дёрнуло.

Когда же руки вцепились в куртку умолкнувшего, ноги Вестника вовсе взмыли в воздух. Сам Дурьер упал в недоумении. Его тащило назад, от наступающих выстрелов. Он вцепился

ножом в землю, пропустив попадание по спине.

— Verdammt komödie!·, - воскликнул Бартос, терпя внутренний свинец.

Ладони у подонка дрожали, а у Вестника они и не дрогнули, схватив он упавший пистолет.

Скорость велосипеда росла, но управление становилось всё труднее.

— Гарри, неужели впереди тупик?!

— Либо тараним его головами, либо сейчас я открыт к предложениям!

Дурьер дал выстрел в потолок. Ничего.

— Пернач, ну?!

— Хочу найти милашку погорячей, — из подвальной трубы покатила струя.

Искра. На стрелка полился горящий газ. Вестника оттянуло ещё сильнее.

Двое искателей взмыли вверх. Крылатый параплан навис над улицами. Однако, вперёд их перестало вести.

— Бля, не думал, что лом так хорошо вырубает, — сказал разбивший Бартосу голову:

— Получше пистолетов, да, Кормак?

Главарь неспешно закрутил газовый кран.

— От пистолета любой уёбок сдохнет, — он присел на корточки рядом с телом:

— Для усердных нужно постараться. Брось его здесь. Нашего дорогого друга же отведи наверх.

— Зачем, Кормак?

— Ты мне говорил, что гранаты на руках очень полезны?

— Ага.

— Теперь у нас нет охраны в подвале. Трех нам хватило. Пусть на виду будет.

— А, так вот зачем.

— Какой же ты тупой нахер.

Вестники кружили над округой.

— И как же нам теперь выяснить где они?

— Я говорил тебе, что не знаю, чем это закончится. Говорил. Похоже, мы не особо помогли, подматывая клубок. Нас вело на юго-запад. Пока летим туда.

Травмы впадали обратно. Тело наконец очнулось. И откашлялось.

— Ай, как больно! - голос не пестрил австрийской манерой:

— Думать, даже думать больно, чтоб его!

Джейден, содрогаясь, поднялся. Тяжесть сверху скорчило его стойку.

— Почему? Куда... Ай!

Слишком слабая воля для крепкого разума. Времени на передышку нет, но оно необходимо.

— Сюда его? — ирландец показал на диван.

— Да, займёмся им позднее. Эмма! Сучка. Спускайся и открой мне пиво! - Кормак гаркнул на двери комнат второго этажа.

— Сейчас, придурок, — из-за щёлки приоткрывшейся возникнул нервный отклик:

— Я даже не покрасилась.

Полицейского скинули на мебель.

— Ты ни куда не собираешься, чтобы краситься.

— Чего, бля?! - женская туфля выбила створу туалета:

— Сам обещал велеко... великолепный, мать его, вечер!

— Спускайся, и я всё тебе расскажу.

Затылком можно было только услышать постук каблуков, а затем злую походку вниз. Шелби боялся пошевелинуться, но вот глаза бегали по ограниченному виду. Слева появилось платье, слепящее блёстками сильнее, чем издыхающее освещение. На голове пестрил продуманный бардак, отвлекая от шеи до плеч и от плеч до пальцев.

— Уродина, коп, скажи? — гогоча подтрунивал ирландец.

Полицейский опустил взгляд. Прожжённый сигаретами ковёр хорошо описывал преступный быт.

Грустный вздох от унижения. Холодильник в углу открылся. Пробка шепнула от открывашки. Девушка поднесла Кормаку пиво.

— У нас сегодня гость, — отхлебнув, сказал он:

— Присмотри за ним.

— Да сколько можно заниматься этими маш... масштабными плана...

Кормак полоснул девушку по лицу. Той же рукой он отодвинул локоны её волос от уха и произнёс:

— Когда тебе можно будет извиниться, я сообщу.

— Мы идём, босс?

— Пиздуй к выходу.

Бутылку вложили в непослушные пальцы, вернув назад.

— Допей, станет легче.

Девушка оцепенело ждала, пока ирландцы выйдут. Шелби думал, что ей страшно, но сам ёрзнул, когда та с грохотом бросила пиво в раковину. От движения, старый диван выгнулся под мягким местом полицейского в стремлении скрипнуть.

— Меня здесь нет, меня здесь нет, меня здесь...

Скрип. Туфли вступили на ковёр, а Шелби пытался вмять свою шею в грудь. Над ним остановились. Но, не обратив внимания, девушка просто села на свободную сторону.

Подлокотники имели больше дыр, чем казалось: в одной такой лежал пульт от телевизора. Неспешный пробег по каналам вещания не дали воодушевляющих результатов.

— Чё-нибудь хотите глянуть?

Полицейский перестал двигать грудью для дыхания.

— Эй, не вежливо, блин.

— Н-нет, спасибо, не хочу.

— Вот же ж как. А я тоже. Я проветриться хотела. Ну и хер с тобой. Да и со мной. Тоже. Шелби успокоило его решение ответить. Поэтому, он решил продолжить.

— Изви-звините.

— А?

— П-п-прошу про...

— Чё ты там бормочешь?

— Слишком тихо, дурак, — думал про себя полицейский, попутно дрожа:

— Чёртово волнение. Никак.

— Тебя, может, по голове стукнули?

Шелби посмотрел на неё. Он замер, когда увидел, что скрывается за запутанными волосами. Тонкое, вытянутое лицо, с чёткими скулами, кончающимися на скромном подбородке.

Кожа неиспорченная неровным загаром, но сочетание бледного и холодного с тёплым и

алым. Болезнь обрамляла её внешний вид.

— Я не врач. Если помрёшь, я не откачаю, эй!

— Нет, всё в порядке. Простите. Я говорил вам простите.

— За ступор не извиняются. Сама по сто раз на дню такая.

— Я не за это, — уверенность набухла в полицейском:

— Вы хотели покинуть это незлачное место, а теперь вы здесь из-за меня.

— Чё такое незначное?

— А, ну, такое место, где... В общем, где порой бывает скучно.

— Интересно. Какой ты умник. Извинения приняты.

— Спасибо..?

— Эмма.

— Приятно познакомится. Меня зовут... Рой.

· — Заеб...

· — Надо было размяться.

· Hot Stuff, Donna Summer

· — Грёбанная комедия!

Где-то час Вестник дремал, заживляя раны в подвале. Он лежал бы там и дальше, если бы смех не разбудил его. Искренний женский смех.

— Я что, спал? Сколько времени я здесь? И где Рой?!

В это время продолжались поиски. Полёт прервался на промышленной зоне, где мало развилок на дорогах.

— Извините, вы не видели фургон?

— Черного цвета, да.

— Ехал в эту сторону от центра.

Прохожие не отвечали ничего толкового. Как вдруг, поплавок задёргался снова.

— Нет, правда, я пытаюсь добежать до карманника, а собачка из сумочки леди вцепилась мне в штанину.

— И ты смог его догнать? — увлеклась историей девушка.

— Да, он, то есть, я нагнал его в переулке. Попал в тупик.

— Мне понравилось. Особенно про собачку. Я помню как тоже вцеп... Вцеп...

— Вцепилась?

— Да! Мудак с большими руками, но маленькими яйцами. Денег должен был.

— А при чём тут..?

— Он хотел меня придушить, а я ему ухо отгрызла. Визжал, а меня облило кровью. Это заводит.

— Д-да, наверное. Я бы не хотел, чтобы мне отгрызли что-нибудь.

— Не бойсь. Я грызу, только если попросят. Или если должны.

На улице притормозила машина. Вернулись, но не двое. В двери вошла группа людей, большая часть из которых скрыла лица балаклавами. Все встали у прохода, а Кормак прошёл дальше.

— Шелби-Шелби Уилкинсон, — проговаривал он, шаг за шагом подходя к дивану:

— Рад снова увидеть моего дорогого гостя. Уже во всеоружии.

Наигранный тон угас, когда ирландец посмотрел на девушку:

— Эмма, сестрёнка, свали наверх.

— А какая раз...

Пощёчина тыльной стороной ладони возникла из ниоткуда.

— Ты вроде проститутка, а не шлюха. Время сеанса закончилось.

Полицейский немо пошевелил губами на её глазах:

— Пожалуйста, уходи.

Девушка освободила места, куда спрыгнул Кормак. Поставив сапог на диван, он полулёжа заговорил:

— Она дешёво стоит, увы. Хотел бы я сестричку поадрёнее. Вот какие вам нравятся, а, сэр?

— Не знаю.

— Херня! Любой хороший коп знает, за кого он хочет заплатить себе на ночь. Даже такой, как мистер Уилкинсон. Признайтесь, у вас был стояк на тех, из-за кого вы меня ищите, а? Ну, тех шлюшек?

— Я не могу ответить. Вам это так нужно?

Ирландец убрал сапог и наклонился ближе:

— Вот поэтому вы и коп. Видите насквозь. Ясен хер мне плевать, что вам трахать. Я к вам обратился не за этим. Под меня начали копать, понимаете?

— Да.

— Ещё б тебе не понимать, ты под меня копаешь! - ирландец приложил к горлу полицейского нож:

— Мне это не нравится.

Сверху скрипнула половица.

— Эмма, твою мать, свали в комнату, я сказал!

— Больно и надо было, — тихо прозвучало оттуда.

— Извини за это недоразумение. Чувствуешь нож, да? Если бы я хотел, твоя голова уже бы украшала камин. Договориться хочется. Мне не нравится кровопролитие, тебе же тоже, наверное? Вот как мы поступим: сейчас мы поедем к тебе в участок. То есть, твоя задница выйдет из машины, а я прослежу, чтобы ты дошёл до участка. Заберёшь дело с уликами и отдашь нам. Тебе не нужны проблемы, а мне не нужен труп копа на диване. Понимаешь?

— Н-но чтобы закрыть расследование, этого будет не достаточно.

— Конечно, Шелби. Именно поэтому ты сейчас сидишь на моём ноже.

Полицейский проглотил слюну.

— Отличное согласие. Загружаемся.

Фургон также быстро уехал, как и приезжал. Девушка стирала ватным диском остатки макияжа. Внезапно, на крышу что-то упало.

— Антенна опять завалилась? — разочаровано она спустилась вниз.

Включив телевизор, девушка не увидела никаких помех, как тут в дверь постучали.

— И кто вы, нахер, такие?

— Менее грубо можно, дорогуша? — осадил её Гарри.

— Здесь находится наш друг. Мы бы хотели его забрать.

— Поздно прискакали. Он давно свалил. И лучше вам не интересоваться куда.

— Миледи, полагаю, вам известно только про одного из наших друзей. Либо вы очень искусно лжете.

— Дядя, я не с дерева упала. Здесь никого нет, кроме меня.

— Я-я здесь, — из подвала выполз Джейден.

— Мы будем на другой стороне улицы. Не думай вызвать подмогу. Здесь лучшие головорезы в толстенных бронежилетах. И все придут за тобой.

— Вы же снимете с меня наручники? Мне не только ноги нужны будут.

Кормак свистнул подельнику, тот бросил ему ключи. Открыться замку помешал телефонный звонок. Ирландец снял трубку с автомобильного телефона.

— Мне насрать, где ты. Тебе нужна... Как тебя? Эмма. Эмма тебе нужна, нам нужен Шелби. 20 минут.

Звонок прервался. Тормоза завизжали.

Пристанище окружили хозяева. Машина перегородила дорогу, остановившись на ручнике. На улицу показались Энвил, держащий Эмму за горло и Джейден. Гарри за ними поднял руки, оглядывая разъярённых преступников и неспешно спускался по предвходной лестнице.

— Вы так добры, друзья. Цветов не нужно, — потешался Вестник над ними:

— Вас как-то маловато.

Из фургона выскочил полицейский. За собой его тащил Кормак. Второпях он подвёл Шелби ближе к своим, а сам встал прямо напротив Гарри.

— Я уже тебя видел. Не тебе ли голову сегодня прошибли?

— Чёрт, ну и вонь. Не зря перестал пить. Скажу тебе по секрету: хочешь запугать, прополощи сначала рот ментолом, кхе.

— Как скажешь, — ирландец достал своё оружие и с вытянутой руки наставил его на полицейского.

Падший слегка надавил на шею девушки, шепнув ей:

— Извините.

— Ты кажется не понял, bod. Я приехал не ради своей сестры. Эта подноска пива бесполезна. Но это моя подноска. А это мне не нравится.

— Как скажешь, — вернул Вестник, медленно сняв с плеча гитару:

— Не возражаешь?

— Сижу я на ме-е-е-с-те, при-ичины нету, — Дурьер в механиках ногой влетел в ирландца у машины, пока того замедлила музыка.

— Этой ночи одинокой не быть, — прикоснувшись к следующему, тот зашевелился, как прежде, пытаясь выстрелить в Вестника.

Бартос сорвал с пистолета затвор, воткнув его ему в шею.

— И хоть звонки здесь люди не слышат, — третий отлетел от удара в челюсть.

— Кого-то дома нужно найти, — четвёртому прилетело промеж ног.

Вестник от рывка прикоснулся к спине Кормака. Тот очнулся, как и пятый, получивший в живот. Дурьер не успел спохватиться: в его шею вонзился нож. Гарри и Джейден возобновили ход времени от неожиданности и рванули на подмогу.

— Хочу найти милашку погорячей, — Шелби обхватил ирландца руками, пнул ногой Вестника от себя и разорвал наручники.

Гарри стоял на лестнице, скрывая зрачки от наступающих мигалок. Скорая помощь высадила бригаду за мгновение. Полицейского вынесли на носилках, остановившись мимо расстроенной Эммы.

— А ведь я отрекся от этого дела, — ухмыльнулся полицейский.

Девушка поцелуем сняла натянутую улыбку.

— Будешь моим личным следователем, и я научу тебя лгать. Может даже ещё каким-нибудь штучкам.

— Неужели удовольствие появилось в твоём лице? — заметил Падший.

— Мсть за мертвеца закончится на наказании. Это приятный бонус.

— Ты рассказал ему про ключ?

— Я положил его ему в карман. Этот парень и так намучался. Врач сказал, что руки у него как решето.

— И он продолжит лажать на барабанах?

Вестник кивнул на целующуюся пару.

— Он отыграл свою партию достойно.

— Поразительно, как всё закончилось, вспоминая тот взрыв.

— Кто-то дал обезьянам играть с гранатами. Без этого, грабежи их были бы потише. И они бы продолжались. Смерти девушке не напрасны. Как и поступок Роя.

— Такое спокойствие ещё суждено нам спасти. Бывал в ирландском лесу?

— Бывал в ирландском притоне. Несравнимый колорит.

— За всю свою короткую жизнь я повстречал намного меньше сумасшедших, чем после, — Роджер болтал сам с собой, ожидая какого-либо ответа от попугайчика.

Одайон, снова потерявший брата и слегка подгорелый от взрыва двигателя, молчаливо смотрел на песок.

— Тебе повезло, что рядом с тобой я. Вернёмся даже не отвлекаясь от мук.

Смертный коснулся плеча сидевшего, но тот сдёрнул её.

— Куда ты собрался меня вести? — оживился египтянин.

— Сначала в отель, немного приведём себя в порядок, а потом отправимся в недалёкое романтическое путешествие. Нужен ты нам, все подобные нам нужны.

— Это как-то связано с Апостолом?

— Откуда ты о нём знаешь?

— Возлётшая с тобой упоминала его вчера вечером, а ещё во сне, после...

— Можешь не продолжать. Да, нам нужно позвонить наверх, сказать, что нас заливают.

— И куда же?

Роджер задумался, сделал пару шагов, а затем ударил по бамперу машины.

— Треклятый Стефан! Он вёл меня, а я и забыл, что не знаю, куда идти. И в записке, только Вестники, вот же чёрт!

Смертный искал в жёлтом горизонте подсказки, но от безысходности сел рядом с Одайоном.

— Мы оба оказались кем-то ведомы, — подбадривающе подметил египтянин:

— Я смог выбраться. Ты тоже сможешь.

— Меня не пугает будущее. Я умер, а смерть не оказалось пустотой. Она оказалась актрисой, с которой я бы разделил завтрак.

— Ты и в жизни был мужланом? Тебя уже ждёт дама, готовая с тобой перекусить.

— Это была такая шутка... погоди. Откуда мы вспомнили про Апостола?

— Девушка, что была с тобой.

— Вот именно! - Роджер вскочил, проветрившись.

Вестник протянул руку Вестнику.

Занятый номер осыпало пылью. Вышедшая из ванной Нимбри не ожидала такого появления.

— Хорошо, что ты уже освободила комнату. Нам обоим понадобится душ. Отойдёшь в гардероб ненадолго? Нашему другу придётся раздеться, будь я здесь один, такого я бы и не просил.

Девушку качнул позыв. Ей хотелось вырвать, но она не подавала виду.

— Ты в порядке? Не болит там ничего?

Нимбри скорчила улыбку и кивнула, отвлекая внимание от неприязни. С ней же она скрылась за дверью.

— В паре ты любишь больше поговорить, да?

— Даже не знаю, что с ней, Одайон.

Через час персонал попросили вызвать такси до аэропорта. Тот принёс извинения: был угнан штатный автомобиль, придётся ждать стороннюю из города.

Тюремную робу сменили, чемоданы собраны, пять часов и самолёт ушёл на взлёт.

Роджер сел по центру. Перечитав все буклеты, заправленные в карман передней спинки, Вестник заметил беспокойную обстановку. Нимбри сидела у окна, но вот египтянин всё это время вжимался в кресло.

— Почему мы не могли поплыть на корабле?!

— Быстрее и дешевле.

— Легко тебе говорить. Я впервые в жизни так высоко над землёй.

— Даже если дверь справа от нас распахнётся, и ты случайно выпадешь, отстегнув ремень на своём поясе, оклемаешься в море. Главное, очнуться раньше прилёта чаек.

— Смешно, шутник. А я думал, что нужен тебе сильнее, чем прикормка для рыб.

— Был бы ты мне нужен именно так, я бы этого не сделал.

— Чего?

Стюардессы проходили по рядам, принимая заявки пассажиров. Через 20 минут на выдвижном столике Одайона оказались рагу шакшука, суп шурпа, чашка кофе и рисовая мхалбия на десерт.

— Это не совсем моя заслуга. Спасибо Нимбри, однако, мне пришло в голову, что бывшему заключённому захочется освежить свой желудок.

Египтянин за головой Роджера посмотрел на своего спонсора. Девушка смотрела в иллюминатор, нервно постукивая по фюзеляжу.

— Благодарю вас, милейшая.

Вестница не отреагировала, поэтому Смертный погладил её по руке.

Нимбри обернулась и, вроде понимая, наклонила голову вперёд. Не ожидая, она сразу же вернулась в прежнее положение.

— А вы не будете есть?

— Мы не голодны.

Тарелки быстро опустошились. Ещё 10 минут Вестник чувствовал насыщение. Как вдруг, о себе дал знать кишечный тракт. Одайон отстегнулся и убежал в туалет.

— Я тебя раскусил, — сказал Роджер.

Девушка перестала двигаться.

— Можешь на меня посмотреть?

Её лицо очень медленно проявилось из-за волос. Взгляд боялся подняться.

— Уже бесполезно скрываться.

Вестница сглотнула.

— Ну же, — что-то скрывая, нарочито спокойно продолжал Смертный.

Нимбри посмотрела ему в глаза. Разум, пребывавший в ней, приготовился к чему-то.

— Извини меня.

— Что? — промелькнуло в мыслях у девушки.

— Я понимаю. Та ночь, ты сомневалась, а я решил сделать первый шаг. Твоё полотенце было как красная тряпка, знак, команда.

— О чём он вообще? Даже думать за вчера не хочу, иначе меня здесь вывернет.

— Ты же из-за этого молчишь? Ты мне не доверяешь, раз я посмел поступить так грубо?

— Он ждёт от меня ответа. Вот же блять.

— Нимбри?

— Придумал.

Вестница легла на колени к Роджеру, облокотившись на свою вытянутую руку.

— Так и есть. Ничего, не обязательно отвечать. Мне достаточно эмоций.

Девушка чувствовала, как её гладят.

— Гладь, сколько влезет. Потом опять сяду, как ни в чём не бывало.

Не успела Нимбри успокоиться, как её укусили за ухо.

— Ты меня извини. Твой запах. Вроде, начал к нему привыкать, но как почувствую снова, хочется почувать ещё.

— Как же мерзко. Если он ещё что-нибудь выкинет, я точно пропал!

— Можно я тебя поцелую?

— Опять пустить этот язык себе в рот. Мне херово. Вот чёрт.

Вестница отвернулась к штанинам, пыталась дышать глубже.

— Этот одеколон ещё сильнее вызывает рвоту. Мне нужен воздух.

Пальцы на вытянутой зашевелились. Нимбри не встать: её придерживал Смертный.

— Почему тут нет форточек. Я не смогу. Где-нибудь.

Мышцы плеча играли от импульсов.

Створка туалета открылась. Резкий звук, кроме мук от тошноты, придал напряжения. Шпоньк.

Египтянина потянуло к фюзеляжу. От столкновения Одайон телом выбил аварийную дверь. Кисти впились в салон. Воздушный поток по началу срывал с места мелкий мусор. Затем, полетели проигнорировавшие указаниям авиалиний. Один человек схватился Вестнику за ноги, второй навис на теле, масса увеличивалась и всё труднее становилось египтянину.

Роджер не знал, что делать, ведь встав с сидения он просто бы был обузой. Вестники слышали скрежет метала. Фюзеляж стал мяться в руках Одайона.

— БРАТ, ПОМОГИ!

Нимбри вырвало, у Роджера дико разболелась голова, а в глазах бил красный свет. Фигуры рядом со светом. Их становилось больше, но шум утихал. Вестник напрягся, чтобы разглядеть всё получше. Одайон был в салоне. Несколько Одайонов. Их лица покрылись красными желобами, словно они разрывались изнутри, полными огня. Каждая копия как нить целой паутины держалась за другую, а та в свою очередь за всё крепкое. Пассажиры возвращались на места, а вместо них располагался один из Вестничьих обличий. Давление росло, дыра латалась телами. Последний, что стоял у стенки, похлопал ближайшего по плечу и сказал:

— Спасибо.

Египтянин сел на своё место.

— Я бы переплатил, собрат, — ткнул он на Смертного.

Роджера пронзила вина. Все могли бы её почувствовать в тот момент, но головная боль, почему-то, заставляла страдать. Вина накипала злостью. Вестник сдавливал зубы в своей челюсти, забыв за всё. Ему уже приходилось через это проходить.

— Не недосып, значит.

Смертный снова ощутил колени. Нимбри дрожала, переживая такие же чувства. Парень погладил её. Сквозь волосы Вестник видел красные искры, как от шлифовки. Жжение, но рвение.

Скрип шин шасси слышен и открытого аварийного выхода, а так ещё громче. Роджер пришёл в себя. Девушка спала, а Одайон спокойно читал буклет.

— Не боишься? — спросил парень египтянина.

— Уже привык немного. Не хотелось бы повторять.

— Да нет же. Копии.

— О чём ты?

На месте десятка сплочённых тел лежали смятые и согнутые кресла, незанятые этим рейсом. Большинство пассажиров и не увидело этого причудливого поступка: кислородные маски не дают мотать головой.

— Un aereo passeggeri proveniente dalla Libia è atterrato a Napoli con una porta d'emergenza aperta. Secondo l'equipaggio, a un'altitudine di 4000 metri c'era una depressurizzazione, tuttavia, nessuno dei passeggeri era in mare. I sedili vuoti sono stati spazzati via dal vento, che a sua volta ha barricato il passaggio. Questa combinazione di circostanze e l'abilità dei piloti ha permesso di atterrare in modo accelerato. In aeroporto, i soccorritori e la polizia hanno immediatamente rilasciato le vittime, ma la causa del problema rimane un mistero. L'unica cosa che il registratore di volo poteva mostrare era un problema di progettazione. Successivamente, si è scoperto che non c'erano parti limitanti nello scafo, che, in linea di principio, non avrebbero consentito all'aeromobile già in uso di volare in sicurezza. ; - вещалвечернийвыпускновостей.

Женщина-зритель прикрыла открытый в удивлении рот. Её созерцание телевизора прекратил странный скрип со второго этажа. Она вскочила не от незнания, а вполне понимая, что нужно делать. Пухлая возрастом кисть схватила топор. Тапочки пошлёпали к нужной комнате. Скрип был всё громче. С тумбочки упала стеклянная по звуку лампа. Дверь открылась. Свет от телевизора пробивался за спину женщины. Наросты, похожие на ветки без коры, но длинные как иглы росли на глазах. Их исток был от кровати в углу. Пара наростов зашевелилась, уткнувшись в пол. От препятствия, они надломились, рвясь без остановки. Женщина ударила по зарослям. Всё ближе и ближе был слышен истеричный вопль, будто с забитым ртом:

— М' -М' АМА! М' АМА!

· — Пассажирский самолёт, направлявшийся из Ливии, приземлился в Неаполе с открывшейся аварийной дверью. По сообщениям экипажа, на высоте 4000 метров произошла разгерметизация, однако, ни один из пассажиров не оказался за бортом. Пустые сидения были сорваны потоком воздуха, а те в свою очередь забаррикадировали проход. Такое стечение обстоятельств и навык пилотов позволил совершить посадку в ускоренном порядке. В аэропорту спасатели и полиция незамедлительно освободили потерпевших, но причина неполадки так и остаётся загадкой. Единственное, что смог показать бортовой самописец, это была конструктивная неполадка. Позднее, выяснилось, что в корпусе отсутствовали ограничивающие детали, что в принципе не позволило бы уже использовавшемуся самолёту безопасно летать.

— Третье правило! - крик посрамлённого родителя сопровождался секущими розками. Молодой мальчик икал, скидывая на плитку хрупкие слёзы.

— Чувства не движут людьми высокого статуса. Твоя несдержанность и своенравность порочит нашу семью.

— Но м'ама... — проскулил забитый ребёнок.

— Второе правило! - удар хлестко звучал по дому:

— Наша строгость делает нас лучше. Справедливость не бывает в драках. «В ином случае уходи прочь».

Мать была свечой этого времени. Воск её доброты и любви стекал с её щек, как и с щёк её сына, сбегая от жара идеалов и недостигаемого величия. Прут отбросили на пол. Лежащий там мальчик, дрожа, успокаивал дыхание.

— Я никогда не лишусь гнева, — думал он:

— Даже те, кто избегают его, прибегают к нему, чтобы изгнать. Это часть нас и без неё не будет и света.

Ребёнок привстал. Его белое одеяние с бирюзовой полосой по краям забрало на себя немного пыли.

— Нужно поговорить с м'амой.

Движениям мешали не побои родительского воспитания. Ссадина на коленке, рана на щеке и синяк у глаза появились раньше и стали их побуждением. Шаги поторопили маленького драчуна. Он отряхнул с себя грязь и заправился.

— Извините, *madre*, прошу вашего внимания.

Мать всхлипнула.

От плача мальчик и не заметил, что он запачкал ткани свежей кровью. Родитель подошёл ближе, а малец поджал голову, неудачно скрывая следы. Воск всё ещё есть на свече.

Пальцем мама протёрла лицо сына, ладонью приглаживая его кучерявые волосы.

— Увечья тоже не сделают тебя лучше, — строго не показывала нежность она.

— *Madre*, я...

— О, Боги! Посмотри на свои ноги! Они же все в грязи. Ты даже первое правило не смог принять!

— М'ама...

— Ничего не хочу слышать! Живо возьми гидрию и принеси сюда воды. Сам себя будешь чистить. Тебе это ясно?

— Да, м'а... *madre*.

Все куда-то спешат. Солнце грело камни. Кто не в сандалиях, от голодного поэта до ребёнка, резво неслись по улице. Только мальчик шёл спокойно. Его терзали раздумья, но он пытался отвлечься. Дети лепили фигурки. Кузнецы точили металл. Риторика болтали с собою. Его взгляд бегал по суматохе, а мальчик выискивал покой. У нужного места, у крана с грунтовой водой ребёнок посмотрел выше домов. Неизменна на месте, но прекрасна в каждом моменте. Гора цветущего августа поглотила его интерес.

Мальца считали странным. Когда любой мог упиваться искусством комедий или умирать от умений трагедий в театре, он без упрёков отворачивался от этого места. Когда любой хотел лично показать своё уважение к Исиде, явившись в храм, ребёнок просто

поклонялся ей в разуме. Когда дети ведомы своей искренней жестокостью, измываясь над слабыми животными, он защищает тех, кого не любят. И отлично от других, когда все жаждут быть правителями своих мнений, мальчик слепо подчиняется матери.

Толчок. Земля содрогнулась и вернула дух ребёнка в тело.

— М'ама рассказывала о таком. Сколько бы мир не трясло, он перестаёт это делать.

К несчастью, даже исполины постоянства умирают или рождаются заново. Гора раскрыла свой бутон, что заглушило мысли мальчика. Чёрный дым, который нельзя забыть. И огонь, как кошмар Прометея. Все куда-то бегут. А ребёнок несется домой.

Тяжёлая гидрия не помогала, но силы крепчали рвением. Улица стала изменчивой. Стены теперь не из глины, они из бегущих людей. Но вернуться не сложно: нужно лишь рваться вперёд. Мальчика злила усталость.

— Гнев нужен для света. Гнев нужен для света, — бубнил он про себя.

Как вдруг, зрачки поймали свой свет. Кузню пробила толпа, а товар лежал на камнях. Пламя обернулось к ребёнку. Отражение бурлило кипящими недрами. Дитя что-то сковало.

Он не заметил, как упал. Его челюсть сдавило от страха.

— М'ама, мне нужно к м'аме, — мальчик не говорил.

Боль забил язык в горле. Но ребёнок полз вперёд. В глаза лезла тьма, от муки или от дыма.

Подвёрнутая нога сломалась от тяжести гидрии. Раздумья затянули его интерес.

— Я знаю, что есть гнев от м'амы. Что такое свет от м'амы. Она знает, как мне нужно жить. Боги дают нам жизнь. Боги создают наше добро и зло. Я верю в Исиду от м'амы. М'ама — моя Исида.

Дитя не понимало, закрылись ли веки или тьма забрала зрение. Тогда он почувствовал её. Ему не было видно крыльев, но ветер с них обвивал руки. Не было видно сферы над её головой, но красное тепло согревало лицо.

— Моё создание, ты не должен был уйти вот так. Мне так жаль.

— М'ама, я хочу спать.

Жар подступал, но мальчик лишь засыпал от мягкой ткани. Дитя уложила на свои колени богиня его жизни.

— Спи, мой сынок, — шепнула она, успокаивая его смерть.

Топор нещадно кромсал наросты, открывая посеку. Всего минута, и женщина взяла ребёнка за обросшую руку. Ещё миг и от плеча она дошла до шеи, где развернула его голову к себе. Из рта пробивалось подобие зубов. Спаситель вынул из кармана белый баллончик. Отпустив руку, один нарост пробил футболку с груди, но не женщину. Подбородок ёрзал, пока его держали опущенным. Баллончик был всё ближе к зубам. Трубочка из него зашла в рот. Пшик. Всего минута, и дыхание ребёнка вернулось.

— MadreDio. Господь Милосердный, убереги безгрешного от злой участи. Убереги, — причитала женщина в потолок.

Наросты зашевелились. Как быстро они росли, так же быстро они вращались обратно. В ночной итальянской детской снова был обычный мальчик и его обеспокоенный родитель.

— Прости меня, пожалуйста, прости.

— Спи, сынок. Ты не ведаешь, что творишь. DioMio, смилуйся над своим дитя.

Утро гремело работой. Куски стекла собрали метёлкой в ведро, а ломкие остатки вчерашних зарослей складывали в мешок. Это было похоже не на уборку спальни, а на уход садовника за подстриженным кустарником. Всё собрав, женщина нагрузила свою спину.

— Тётя, можно тебе помочь? — виновато спросил мальчик.

— Не надо. Сколько можно повторять? Я приютила обездоленного ребёнка, значит Всевышний позволил мне это сделать. Называй меня своей матерью. Лежи спокойно.

— М'ама, можно мне поесть?

— Да, сынок, сейчас я уберусь и принесу тебе еду.

— Но мне хочется спуститься...

— Ни за что! Пока ты здесь, — женщина коснулась иконы на стене:

— Ты под взором Божиим, а он не даёт демону в тебе выходить наружу.

— Это не демон, м'ама! Я и сам могу отращивать такое. Словно ногти или волосы.

Мальчик вытянул руку. Толстые чешуйки натягивали и срывали отмёрзшую кожу, но ни следа крови из разрывов не было. Не успев налюбоваться, ребёнок получил веником.

— Я никогда не поведусь на твои уловки, демон. Ты борешься за тело этого несчастного малыша, но я не позволю его подчинить. Сколько меток, DioMio, ты бы на нём не оставил!

— М'ама, прости, можно мне поесть.

— Пока что нет, дитя. Демон силён. Молись. Молись и я пойму, когда тебе можно будет поесть.

Опекун закрыл дверь и повесил толстый деревянный затвор. Иногда снаружи до ребёнка доходили стуки, напоминавшие ему читать молитву. Послушность не выбьешь, однако, стихал он только тогда, когда рассматривал чёрную «метку» на своём запястье.

— Исида была со мной до конца. Исида встретила меня и после. Мой сон был таким крепким, пока меня не разбудили. «Тебе нужно окрепнуть». «Стать сильным там, где ты вырос». Исида — это моя м'ама.

Стук.

— Прости меня грешного, ибо не ведаю о злодеянии своём! - громко и заученно мальчик отвлекал, поднявшись к своему гардеробу:

— Я низко склоняю свою главу над твоим величием! Я каюсь в грехах своих и молю об очищении!

Шум не беспокоил соседей. Бедный район только рад услышать отголоски надежды, обросшие верой. А ещё здесь нависала старая театральная атмосфера. Через дорогу стоял сгоревший театр, и раньше из окон постоянно кричали сценические образы. Даже шкаф, который открылся в детской, пропитался этим духом от костюмов, розданных желающим за бесценок после пожара.

Расшитая рубашка с воротом-жабо до пояса. Холщовые штаны, обвитые ремнём. Плащ с большими пуговицами, детальными как брошь. Лишь первое великовато село на мальчика, но для улицы выбор не велик.

Наступил вечер. Ребёнок замолчал, услышав храп. Он сел на четвереньки, приложив ладошку к дверному проёму. Нарост не причинял боли, выбираясь из тела. Только молочный зуд заставлял терпеть.

Всё выше подбирался конец. Препятствие. Затвор обвил. Его вверх толкал нарост с другой руки. Неровно деревяшка вылезла с боковых креплений. Мальчик направил рост вперёд. К несчастью, опора была недостаточно крепка. Тяжёлый брус надломил наросты, летя вниз.

— М'ама! - шепнул ребёнок.

Доска зависла на костяной сети, за мгновение появившейся под нею. Падение удалось избежать.

Дверь открыта, как и путь

— Спасибо большое за кров и уход, тётя, — думал мальчик, смотря на спящую женщину:

— Но я не могу остаться здесь. Мне нет места там, где гнев главенствует над светом.

Лестница не удержала тишину. Последняя ступенька предательски отзвучала ветхостью.

Женщина очнулась. Как вдруг, в прихожей сработал звонок.

— Escusi, inglese? — обратились к хозяйке подсвеченные светом прохожие.

— Немного. Что вам?

— Where is Pompeiruinis?

Дорога с трудом была описана. Путешественники скрылись.

— Выйди из темноты, — грубо приказала женщина.

Кроме телевизора ничего не было слышно.

— БЫСТРО СОШЁЛ С ЧЁРТОВОЙ ЛЕСТНИЦЫ!

Дитя подскочил к озлобленному взгляду.

— Сын никогда не ослушается материнского слова. Ты — не мой сын.

Опекун, бросая слёзы, сделал шаг к дивану. Ребёнок также готов был приблизиться, как ему крикнули:

— НЕ СМЕЙ ДВИНУТЬСЯ, ЧУДИЩЕ!

Ступор придерживал дыхание. В глазах только женщина, освещённая мерцающим телевизором и схватившая некогда оружие спасения.

— М'ама, пожалуйста...

— ЗАКРОЙ РОТ! Я ДЕЛАЮ ЭТО ВО БЛАГО ТЕБЕ! Я СПАСАЮ ТВОЮ ДУШУ!

— М'АМА! М'АМА! - крик не оказывал содействия.

— Я НЕ БУДУ ТЕБЕ ПОМОГАТЬ!

На погасшем фитиле нет воска. Мальчик тонул в мыслях, как тут, его что-то дёрнуло.

— HELP! HELP! - воскликнул детский голос.

С петель вылетела дверь прихожей.

— Iknowyouneedsomeone, - пропел зашедший.

Щелчок пальцев, и топор упал ему в руки. В истерике, хозяйка упала на пол, ногами отползая к ребёнку. Та схватила штанину и истошно просила:

— Боже, если ты есть в этом дитя, помоги мне! ПОМОГИ МНЕ СПАСТИСЬ ОТ ЗЛ
Сынок, пожалуйста.

· Help! The Beatles

— К сожалению, итальянский мне не известен, но наши культуры не такие разные, чтобы перед сном рубить детей, — Роджер откинул отобранный инструмент.

Мизинцем и большим Вестник показал, что не мог объяснить.

— Попробуем вызвать полицию без пантомим. Есть телефон у вас? Пацан, ты меня слышишь?

Ребёнок перешагнул через перепуганную женщину. Смертный коснулся его плеча, как из другого стремительно в голову полетел нарост. Инстинкты свыкаются быть вне реакции. Белое лезвие с черепком срезало подступившую угрозу. Мальчик поразился, однако слова просьбы не давали бояться. С криком он дал ногой Роджеру в пресс. Вестника слегка качнуло.

— Солдаты, бродяги, заключённые, теперь оружий ребёнок?! - возмутился Смертный, найдя единственный плюс:

— Этот зад мне хотя бы не надерё...

Роджер принял удар на себя, считая, что устоит. Так же он и думал, пока не вылетел на улицу.

— Ты закончил там, герой? — обратился к лежащему на асфальте Одайон:

— Нам ещё нашего искать. Да и для твоей молчаливой подруги у меня больше нет тем для монологов.

— Как мило, что вы там воркуете, кхе, — присел Смертный:

— Я уже нашёл очередного попутчика.

— В случайном итальянском доме?

— Выйдет, сам увидишь.

Кирпичная стенка по краям косяка осыпалась. Из осевшей пыли вышел ребёнок. Вестник увидел причину своей неожиданности. Поверх ударившей ноги, вилась связка костей. Без кожи и мышц, но с красными суставами, которые динамично скрепляли усиливающую конструкцию.

— Кто-нибудь из вас знает итальянский?

— В тюрьме не было словарей.

— Не-а.

— Ну да, ну да, мы же не по всему миру скачем. Ладно. Обратимся к языку жестов.

Смертный закрыл глаза и исчез в дыму. Из-за спины он руками обхватил мальчика. Торсом Роджер почувствовал уплотнение. Ребёнку показали оголённое запястье. Вестник ткнул на него два раза, показал знак «мир», а потом «ок».

Десяток шипов беспорядочно пробил одежду и тело Смертного, а его самого захваченный бросил через плечо туда, куда и в первый раз.

— Нет-нет, кхе, мне не нужна помощь... — давил он на сарказм:

— Одайон, ты так и будешь стоять?!

— Ты ж сам сказал, помощь не нужна. Не хотел портить твой момент.

— Вроде в голове представлял себе двоих, а ума ни на одного не потянет.

— Тебя пока что ребёнок удельывает, умник.

— Non ti permetterò di ferire la Iside-m'ama! -, - заявил спорившим мальчик.

— Как жаль, что нет жеста «я тебя не понимаю».

— Роджер, он что-то сказал про Исиду.

— Про кого?

Вестнику не успели ответить, как несколько наростов устремились в его сторону. Хруст. Появившийся в руках Смертного люк защитил. Ещё наросты, и все в Вестника. Части отбивалась люком, часть срубало лезвие.

— Какой цирк, боже, — Нимбри скрывала отвращение ладонью:

— И придурок с люком ещё до меня добаться собирался?

— Малютка, мне нужна твоя помощь.

— Малютка? Чего египтянину ещё взбренило?

— Мальчик упомянул Исиду. Верховное божество.

— Католики с тобой не согласятся.

— Её образ изменчив, но она всегда предстаёт в облике женщины.

— Только не говори этого.

— Он ещё не знает, что вы ему враг. Продемонстрируй свою силу на него.

— Сработает? — хрипнула девушка.

— Должно, — бросил Одайон, скидывая курту.

Смертного начинала утомлять «практика фехтования». Один за одним сыпались кусочки костей.

— Когда же тебе это надоест?

Ребёнок не слушал. Роджер помахал рукой из-под люка, призывая остановиться.

— У меня нет белого флага с собой, ну хоть как-то!

Просчёт. Нарост добрался до металла, собирался отсечься, как вдруг, из него полез ещё один. И так из других. Обмотало ногу, и Вестника подтянуло ближе. Наросты множились, двигаться удавалось всё меньше.

— Надо было флаг вить, — Смертного заглушили кости, давление которых на него росло.

— Остаил бы вверх в окое.

Роджер кашлянул кровью. Внезапно, кашель получился от полной груди. Теперь уже от пыли. Ребёнок увидел тёмную фигуру, мановением смёвшая его труд. В атаку он не спешил. Только смотрел.

Фигуру женского силуэта оббежали люди. Одинаковые, одетые только в одни штаны. Двое легло у её ног. Игра теней дала Одайону время поднять своего двойника за спиной Нимбри. Над головой фигуры рога, зависшие короной.

От затишья на улицу выбралась хозяйка. Она завопила от облика своего приемного сына. Склонившись на лестнице, ею разлеталось уйма молитв. Но ребёнок её не слушал. Глаза бегали из стороны в сторону, ему жаждалось плакать и не начинать. Кисти легли на голову, дитя село на корточки. Он раскрыл рот, будто крича, но и звука не издавал. Вдруг, глаза замерли.

— Какого здесь вообще происходит? — оклемался Роджер:

— Пацан?

Кости стали резво расти. Опять. Женщина вскочила, вынув из кармана привычный белый баллончик, но слишком быстро удлинились наросты. По самую грудь опекун тянул лекарство, не доставая до головы. Её футболка рвалась, а на коже крупнели царапины. Отходить женщина не хотела.

— Малютка, может поможешь? — шепнул египтянин, забираясь обратно в себя.

— Эх, сучка ты, Нимбри, — думал разум в девушке:

— Никакой подлости, одни неприятности от этой затеи. Что ж, не вышло. Придётся отыгрывать роль до конца этой ночи.

Девушка прикоснулась к руке хозяйки. Возмущение пропало, когда острия костей испарялись. Медленно Вестница подвела женщину к голове мальчика.

— Я полон гнева. Но мне не хорошо от него. Он не властен надо мной, но я не вижу света. М'ама, что учила прятаться, гасла. М'ама, что тонула в гнев, не могла создать даже немного света. А теперь мне явилась м'ама, полная тьмы. Всё не так. Я знаю, что такое свет. Я видел м'аму, полную света. Я спал на её коленях. Спал, когда... Огонь. В её руках было так тепло. Сейчас только холод везде со мной. Гнев поглощает моё тело. И я всё дальше от света.

Ребёнок всё глубже опускался на дно мыслей. Он вспомнил прошлое. Былую ласку и любовь. Былую маму. И память дала ему ещё кое-что.

— Сынок, — голос трепетал над молодым ушком:

— Это место не должно быть вечным для тебя сейчас. Я не смогу всегда быть с тобой рядом. Тебе нужно окрепнуть. Не здесь. Ты не найдёшь здесь свет, как ярко не было бы. Ты станешь сильным там, где вырос. На руке появятся слова. Без них ты не сможешь уйти и только ими ты связан со мной. Мне не удастся всегда убаюкивать и оберегать твой сон. Но внутри тебя будет жить моё тепло. Помни меня, и я не покину тебя никогда.

Пшик. Вдох.

Кости исчезли, а с ними и сомнения. Мальчик встал и обнял девушку.

— Как это мил... А? — на её лице царило удивление.

Женщине стало больно. Она не успела уйти: дитя и её принял в объятия. Однако, это не жест спокойствия. Это было прощание.

Роджер лежал, опираясь локтями, и к нему подошёл мальчик.

— Обнимать тебя я не буду. Разок уже был.

Ребёнок и не тянулся. Он показал своё запястье, знак «мир» и «ок».

· — Я не позволю вам обижать Исиду-м'аму!

Автобусы — особенное явление. Вся жизнь, как цепочка недолгих путешествий, замирает на время, нужное для достижения точки Б. А от времени могут наступать изменения. Приходит вечер, рабочий день закругляется, уступая отдыху, а транспорт реже появляется на остановках. На такие маршруты не садятся пунктуальные люди. Им важно не останавливаться. Тут ждут своего шанса авантюристы, которым всё равно, когда их жизнь вернётся на прежнюю скорость.

— Бойтесь? — в толпе уставших одна спросила другую.

— Кого? — ответила незнакомка.

— Лёгкая желчь. Не меня точно. Чую в вас страх.

— Простите, но я вас не знаю.

— Меня никто не знает здесь. Санитары морга, может быть.

— О чём вы?

— Асфиксия. Никотиновые поражения прожгли легкие. Вы не курите?

— Нет.

— Курите. Просто от стресса теряете концентрацию и доверие. Сигаретой не поделились бы. Всё нормально, всем свойственно. Но я не попросить, а предложить.

— Я бросила. Недавно.

— От нервов. Возьмите.

Сигарета с лиловой полосой эстафетной палочкой протянулась к следующей.

Улыбка. Взгляд вверх, от абсурда, взгляд вниз, от отчаяния, взгляд вперёд, от решения.

Автобусы отвезут тебя куда угодно. Кинотеатр, магазин или пригородная трасса — точки на карте. А смысл этим точкам придают пассажиры.

Такой же день, что были за ним. Створка открылась, в машину зашли. В руку водителя положили воздух. Манжета коснулась поручня. Остановки пролетали мимо. Забитость то росла, то убавлялась. К центру же, на середине намеченного пути, давка окончательно раскрылась. Сознание гейзером выпреслинулось в излишнюю внимательность. Стеклопленочные огни со зрачками ожили и опустились на соучастника по общественному дискомфорту.

Таких много, как она. Школьница. Волосы до плеч. Курточка, как кожа, скрывала клубничную рубашку. Неудобство повело её голову по профилю. Маленький нос окружали румянец и маленькие пятна, словно веснушки. Увечья иногда подходят. Даже девчонкам. Ноздри дрогнули от запаха. Хворост, листва и осенний дождь. Волосы источали им.

— Вкус кислой ягоды. Уютно ли дятлу в людской клетке? — шепнули школьнице на ухо.

Непонятный для многих бред сыграл на чувствах. Девчонку приобняли, чтобы сопроводить.

Город закончился, а путь остановился в лесу. Ведомую отпустили, когда красные туфли встали на асфальт. Тогда она и разглядела её.

Высокие боты накидывали сантиметров к непримечательному росту. Из той части голени, где открывалась кожа, росли чёрные чернильные цветы. Худые ноги анорексией тянулись до плеч. Грудь, прикрытая широкой кофтой, по шее вела тонкие узоры. Пальцы рук исходили из замотанных почерстневшей тряпкой кистей, а их самих сковали цепи. На параллельных фалангах кольца, связанные стальными нитями в рукава. Острое, вытянутое

лицо, перекрытое светлой, сгоревшей чёлкой.

— Пойдём, — руки в карманы, и девушка похрустела по веткам.

Чаша наклонялась вниз. Деревья полностью закрыли небо. Наконец, школьница увидела, куда шла. Маленькая хижина, тихо спящая в эпицентре растительности. Ведущая зашла за угол, подняла люк и, поставив ногу на ступеньку, выдернула трос с ручкой из отверстия. Генератор загредел и снабжал током с промигиванием в лампочках снаружи.

— Ты — ведьма? — мяла локоть нервная школьница.

— Заблудшая душа. Подписала один договор и теперь живу здесь.

— Узнать меня могла только ведьма.

— И тот, для кого мозг — горошек в банке. Перочинный нож у меня имеется. Не хочешь есть?

Девчонка сглотнула слюну.

— Я тебя не съем. У меня найдётся еда для оборов.

— А? Д-да я просто спросить... Хотела...

— Не знаю, как надо гостепримничать, но я хочу поесть. Еда на кухне, да и тебя бы стоило покормить.

Школьница ещё минуту дергалась на месте, но только девушка зашла в хижину, как девчонка последовала за ней.

— Мне нельзя надолго оставаться. Меня родители ждут.

— У тебя их нет. Иначе, ты бы не поплелась за мной.

— Я же говорю, я хотела спросить.

— А я хочу подержать тебя в гостях подольше.

Зал со скромной софой был спаян с кухней. Ни ванной, ни туалета.

— Откуда в глухом лесу хижина?

— Когда-то они были по всему свету. Их всё больше, деревьев всё меньше. Тот город, — консервной банкой девушка показала на север:

— Родился из похожего домика.

— Ты его построила?

— Морская вода. Нет, его забросили намного раньше, чем моей тушке понадобился кров.

— Здесь и было так комфортно?

— Старых холодильник и лампочки нашла на свалке в пяти милях. Питаю генератором, излишки собираю аккумуляторами с погрузчика. Река неподалёку мне душ и стиралка. Не богато, но на пособие выжить можно.

— Безработным много платят?

— Инвалидам и старикам достаточно.

— Ты не особо старая.

— Сухость в горле. Мой 23-летний вид мало что говорит. Только патологоанатом узнал всё, без моих рассказов. Вскрытие развязывает язык тела.

— Вскрытие? Ты умирала?

— Я отдыхала. Усталость нельзя остановить. Пришлось глушить.

— Чем же?

— Едой.

Кастрюля пыхала паром. Пластиковые упаковки риса сварились изнутри.

Школьнице предложили менее затёртое место на софе, а девушка включила

радиоприёмник с импровизированной антенной из подогнутой вешалки. Два пластиковых подноса распределились по слушателям. Миска рассыпчатого риса делила место с плоской банкой мелкой рыбёшки.

Лакированные ногти подцепили мелкую рисинку и резко спрятали её в рот.

— Не стесняйся. Мы вдалеке от норм и правил, зажимающих наши инстинкты.

В поедании познаётся отношение к миру. Что важно для голодного: его внешняя скромность или утоление потребностей. Животное внутри нас принимает пищу, а человек придерживает его на поводке.

Девчонка изменилась в поведении. Жадность умеренно овладевала, но не переходила в грубость. Руки перестали помогать процессу, активно работали челюсть и зубы. Тогда же её скромная спина свободно вывела грудь вперёд. Ужин закончился.

— Оставь посуду на подушках и встань со мной.

Красивая мелодия окунула настроение в веселье. Стоило его вытряхнуть в танце. Прыжок вперёд, прыжок назад, шажок налево и направо. Рука, как ось, вращала и вела. На пике песня поменялась.

Ладони в талии, две девы стали в стойку. Движения медленные, но от эмоций, стгоряча. Так хорошо и так приятно. В объятьях танец подзастыл.

Школьница чувствовала близость, она свободна. Однако, та не ожидала встретить боль. Лоб слабо ныл, а девушка, державшая её, дрожала от страданий.

— И я, и ты похожи на людей. Мы выглядим их зеркалом, но это кривое отражение, — голос был чистым, неестественно образуясь в напряжённых губах:

— Они не знают, что такое доброта. Имитируют природные учения. Им дают крылья, как символ чистоты, но ничего не стоит этой сволочи умыться в мертвой добродетели. Вкус крови. Тебе нужно бежать.

— Н-но ты же дала мне теплоту. И уживаешься в людском кошмаре.

— Зла слишком много. Я не смогу сдержать его от беззащитных. Тебе не нужно разбивать свой дух, как его разбили мне.

— Нет, я не разобью его. С тобой мне никогда не пропасть.

— Прости меня.

Звук радио пропал. Да и само радио исчезло. Софа опустела, свет погас. Как будто, всего вечера не было. Как и комфорта.

— Ложь затмевает, но не унимает боль. Беги, пока не стало хуже.

Птицы не могут плакать. И обличие дятла, которое могло, тоже не заплачет.

Гостья исчезла, а значит пора перестать лгать. Или по крайней мере, стгущать краски. Хижина посветлела, а посуда так и не вернулась. Не зачем есть, если не желаешь. А вот пролить пару слёз во имя спасения новой молодой души всегда есть рвение.

— Сейчас общество «сыто» и помогает. Но это лишь потому, что его к этому принуждают. Оно слепо и жадно, таким и будет, пока имеют силу слепые скупердяи.

Хоть действия девушки казались многим опытными, к сожалению, глубоко внутри неё некогда оборвавший жизнь от голода ребёнок, страдающий по смерти своих родителей.

Подушка мокла, радио крутило белый шум. Душа, которая скрывает свои страдания, никогда не излечится. И вдруг, случайность, секрет явился явным.

На спину прилегли. Девчонка обняла девушку, вернувшись.

Приятный запах взбодрил очищенную от горечи. Кедровые орешки. Свежая горсть была перед лицом.

— Только это я смогла найти за бесплатно, — полотенцем вытирала свои волосы школьница.

— Ты смогла найти реку.

— Как и все звери.

Девушка присмотрелась. Внешне, девчонка всё та же, что и была вчера, но керотиновые нити иногда смешивались с мелкими перьями.

— Почему ты не послушала меня?

— Побег — не решение. Как и скрывать свои проблемы.

— Я делюсь ими с подушкой.

— Твоя одежда и чувства говорят о твоём желании уединиться. Но это не так. Ты одна не по желанию.

— Вкус хвои. Когда я встретила маленький клубок, и не думала, что он — психолог.

— Хочешь ли ты моего исчезновения или нет, моё нутро воет, что тебе нужна помощь. Я тебя не оставлю.

Девушка села, бросила в рот пару орешков и снова легла на софу.

— Ладно. Тогда постирай мне бельё.

— Мм. И какого цвета?

— Которое грязное.

Дятел ощутил на своём личике дуновение холодного утреннего ветра. Дела по дому сделали вчерашней ночью, а крепкий сон прошёл на краю единственного мягкого места здесь. Птицу смутило, ведь сквозняку в закрытой наглухо комнате неоткуда взяться. Оказалось, что ни окон вокруг, ни дверного проёма, просто не было. Опять пустые и состарившиеся стены без признаков жизни.

Школьница качнула бровью и прижала губы. По её левое плечо мягкие подушки всё ещё гнулись. Ладонка упала на пустоту, где в лежащем положении могли находиться бёдра. Хрясь! Девчонку ударило по руке за попытку прикоснуться. Свет и тепло озарило дом.

— Мне понравился этот шёлк на ощупь.

— Раз ты не уходишь, помолчи хотя бы.

Когда хочешь избавиться от сожителя на мимолётные мгновения, заставь его работать. Помыть посуду месячной грязи, вычистить потолок от гирлянд паутины и много другое. Дятел полон энергии, она готова на всё, лишь бы угодить своей знакомой. А девушка только и делает, что смотрит в точку бесполезных созерцаний.

— Что ты любишь? — спросила школьница, сметая пепел прокуренных сигарет.

— Не люблю навязчивые вопросы.

Девчонка неуклюже выронила совок из рук, просыпав пепел на себя.

— Они также налипают, залезают в неудобные места и от них хочется в душ. А люблю я чистоту, — на глуповатый вид блеснула ехидная улыбка.

Дятел откинул совок:

— Почему ты такая закрытая?!

— Вкус картона из-под пиццы. Открытость каждому может принести дерьма в твой магазинчик. Может быть, я предложу тебе что-то получше моих душевных излияний?

Школьница надула губы, связав предплечья крестиком.

— У меня душа нет, зато есть корыто. И лучше, когда тебя с него моет другой.

Мочалка бухла от пены и воды, струйками сбивая налипшую грязь.

— Почему ты не повела меня на реку?

— Вода ледяная. А здесь по близости есть кипяток, — девушка в прихватках слила полную кастрюлю под ноги дятла.

— Ай-ай-ай!

— Уж лучше так. Не кричи, она быстро остынет на улице.

— Ты не боишься, что я заболею, купаясь не внутри дома?

— У такой птички, как ты, температура тела выше, чем у любого из людей. Ты сейчас и не чувствуешь мороза.

— Знаешь нас изнутри?

— Уж лучше так, чем пялиться на вас снаружи, как ты этого жаждешь. Спиной поворачивайся.

Девчонка грустно вздыхала какое-то время.

— А ты тоже моешься тут, когда холодно?

— Мне не страшно обмёрзнуть.

— То, как ты забирала тепло... А ты умеешь его приносить?

— Что, прости?

- Ты прятала от меня тепло и приносила холод. Ты умеешь делать наоборот?
- Я не обогреватель. Всё, что ты чувствовала, было только твоими чувствами.
- Ну, такое каждый сезон увидишь. Вот если бы что-то необычное.
- Теперь пытаешься взять на слабо. Нет, дорогуша, необычного ты не увидишь.
- Эй! Но я хочу увидеть, что ты умеешь.
- А ещё переспать со мной. Скажи, все птицы — извращенцы?
- Я перестану даже думать об этом, правда! Только покажи что-нибудь.
- Вкус метана. Чую это мне аукнется.
- Пожалуйста-пжалуйста.
- Вспомни своё прошлое.
- Далёкое?
- Приятное.

Девчонка сомкнула веки и с усилием начала думать.

— Ты бы глаза открыла.

— А, точ...

Голая стояла на хвойной ветке, качавшаяся на весу. Ранний вечер стал поздней ночью.

— Не может быть, ой! - гром испугал птичку, обернувшуюся в другую форму.

Яркая вспышка летело высоко, выше чем летает дятел, чтобы разбиться с грохотом.

Вдалеке пестрил фейерверк, красивый и зазывающий. Приятным воспоминанием школьницы стала её причина вернуться в этот гремящий мир. Вдруг, в глубины памяти пробился голос, подобный глухому отзвуку в забитом от воды ухе:

— Хватит.

Искра зависла, а иллюзия вокруг потянулась за ней. Внезапно, даже иллюзия смогла соприкоснуться с реальностью. Летящие вперёд ёлки царапали крылья маленькой птички, срывая её крылышки. Секунда, темнота и дятел вернулся, немного поранившись.

Девчонка плюхнулась в корыто, брызнув водой и сжимая свои плечи. Капельки крови падали на мыльные пузыри.

— Чем дольше ты внутри своих мыслей, тем сильнее мысли цепляются за тебя. Извини меня, я не знаю, когда это перестает быть безболезненным.

— Т-ты же могла вернуть меня раньше, — дрожала школьница.

— Тебе было приятнее на ветке, чем в корыте.

От неловкости тема разговора поменялась.

— А с собой ты так умеешь делать?

— К несчастью да.

— Почему к несчастью?

— Я не всегда могу это остановить или делать приятным. Когда устаешь, вкус угля, когда дурно, вкус резины, и когда...

Девушка напрягла руки, опёртые на деревянные края. Капли тёплой воды потекли по бледной коже. Девчонка положила на её пальцы свою ладошку.

— Эй. Всё хорошо. Дыши.

Грудь весьма опытного типажа дёргалась, как осиновый лист. Но напряжение спадало от компании.

— Подними на меня глаза, пожалуйста. Мне нужно понять.

Короткая причёска не скрывала нервы лица. Зрачки пульсировали, вторя телу.

— Расскажи мне.

— Вкус снега. Когда открываешься.

Дятла замело. Крылья прорылись сквозь сугроб. Стояла непроглядная метель. Однако, шум от вихря не забивался в уши. Только детские стоны по близости, а может везде.

Птица и не заметила сразу заброшенные хижины. Намного старше лестного домика и другие по внешности, чужие из далёких мест. Одна такая стояла на вбитых в землю брёвнах, оставляя под нею много пустого пространства. Звуки доносились оттуда.

Подлетев ближе, дятел стал слышать кроме хныка ещё кое-что. Слова, одни и те же, пульсирующие, как в её воспоминаниях, но намного громче.

— Вкус еды. Вкус еды. Вкус еды. Вкус еды, — не умалял голос.

Завёрнутый в лоскуты шерсти и ткани на снегу скрючился ребёнок. Такого укрытия не хватало, чтобы согреться, оно было слишком тонким. Поэтому птице заметились странные выступы, идущие вдоль спины.

Изголодавшая нуждалась в помощи, но здесь никого для неё не было. Её будто забыли или бросили. И она это понимала.

Детское горло подбивал кашель, который не хотелось выпускать. Смирение росло и утягивало. Глаза смыкались, переставая видеть всё, как есть. В этот момент, перед ней возник тёмный силуэт.

Потрескавшиеся чернотой губы, лохмотья не начинавшиеся и не заканчивающиеся. Он что-то ей говорил, но кроме голода ничего не было слышно.

Ребёнок терялся в видениях. Силуэт пропадал, а на виду появлялось хоть что-то съедобное. Ветка хвои. Листва. Ягоды. Как вдруг, иллюзии, как думала маленькая, стали обращаться в реальность.

Из снега, плавая его и пачкая чернотой, выползли руки. Жадно рвясь вперёд, их пальцы гребли по земле. Через мгновение, они уже схватились за выступы. Глаза снова увидели силуэт. Зрачки молили о помощи. О любой помощи. Даже в долг.

Вихрь усилился, ровной полосой пробежав мимо. Параллельно спине, невидимое лезвие срезало то единственное, за что вцепились в ребёнка. Руки вернулись под землю, забрав этот трофей.

Что это были за выступы, дятел предположить не мог. Даже хлынувшая кровь не добавляла догадок. Алая только несла памятную боль.

Силуэт исчез насовсем, на горизонте загорелся свет. Подобный рассвету, но крупнее и тусклее. Птица знала, что была вне дома, поэтому и удивилась, увидя коридор, окропленный теплотой. Лучики, бьющие из окна, перекрывало что-то стоящее перед ним. Знакомая форма дала о себе знать. Огромные и густые крылья. Они не двигались и не качали перьями, не смотря на ветер. Видение показывало спокойный домашний кров. Но мысли только нагоняли страх.

— Вкус смерти...

Кровь таилась за крылатой фигурой. Кровь на стенах, кровь полу. И испачканные в ней перья о чём-то говорили. Произошедшее глубоко отложилось в сердце ребёнка.

Внезапно, чернота позади появилась снова. Тельце тащило по углублявшемуся снегу. Дятел снова посмотрел в коридор. Крылья приближались.

— Эй! Выпусти меня отсюда! Ты меня слышишь?

Попытки докричаться до пустоты не утешали. Фигура росла, затмевая округу. Прятаться было некуда.

— Нет-нет, так нельзя! Успокойся, тебе нужно успокоиться, слышишь?!

Ветер рос, тьма сгушалась. Фигура уже нависла над хижиной.

— Помоги, — шепнула птица, отвернувшись.

Снег вернулся в дерево. Маленькие ножки дятла успокоили, почуяв изменения. Однако, бояться было чего.

Мыльная вода корыта окрасилась в кровавый от всплесков крови. Девушка упала от обилия рваных порезов. Листва не успела её поймать. Опалённое крыло, некогда бывшее белым, мягким гамаком держало пострадавшую.

— Здравствуй, Элоиза, — ответила фигура, пришедшая из иллюзии в реальность.

— Джейден, блять! - рявкнул Гарри:

— Зачем ты ослабил хватку?!

Падший в зеркале заметил треснувший палец.

— Ars... Простите, учитель. Клонит в сон, а Дурьеру, похоже, уже надоело спать.

— Выспишься, когда я его свяжу! Я не знаю, что он вычудит после сломанной мне руки.

— Не клеветничай, Гарри, — поправил Энвил:

— Ты и так слишком долго держишь в плену своего подмастерья нашего друга.

— Знаешь немецкий в совершенстве? Нет? Вот и заткнись! Так он хотя бы пользу принесёт.

— Либо очнётся и сломает тебе что-нибудь ещё.

— Учитель, Падший, смотрите! - Джейден заметил вспышки света в чаще леса.

Маленькая птица здесь не привлекает много внимания. В том числе и для подросшей троицы.

— Хозяйка про них не рассказывала, — думал дятел:

— Но один из них точно её знает. Значит, её зовут Элоиза.

Поймавший девушку, словно пушинку, понёс её в хижину.

— Оставайтесь снаружи. Я только догадываюсь, что здесь произошло, — выкрикнул он.

— Эти люди не выглядят опасными.

— Учитель, — подзёвывал ученик Гарри:

— Может уже свяжем?

— Поскреби любого мужчину, и внутри окажется тайна. Подожди, и тайна сама выплеснется, — услышав, что требовалось, пернатая слетела с корыта.

— У нас тут окровавленная девица, а тебе лишь бы поспать. Сколько ещё тебя терпению учить? — Вестник-гитарист ругался на подопечного, скрыв своим голосом посторонний шум.

Школьница, стоя на двух человеческих ногах, взглядом окинула прицепленный к стене ящик.

В тазик с водой погружалась первая найденная ткань. На диване лежала красная от пятен простыня, а на ней пострадавшая. Вестник протирал сгустки вскипающей и чернеющей на теле жидкости. Под таким слоем маленькие раны, подобно дианеям, смыкали свои края.

— Зачем кому-то понадобилось жить на таком отшибе?

— Наверное, ради экологии, Учитель.

— Ну конечно. Есть пакетированный сыр, питать лампочки электричеством, купить и поставить сюда окна и двери — это определённо сделает такой зелёный островок экологичнее. Островок в океане пластика, правда.

— А может сюда уезжают для тишины? Уединяясь вы снимаете с себя все маски, дышите полной грудью, а затем с тоской по людям возвращаетесь, горя дружелюбием.

Умиротворяющие звуки леса не обманули Вестника. Листва может шелестеть не только из-за ветра.

Гарри схватился за летящее в него оружие. Грабли застыли у самых глаз.

— Нахер такую дружелюбность, Джейден.

Ученик заглянул за учителя, как тут вид ему перекрыла рука гитариста. Джейден вертел головой, но Вестник не давал смотреть.

— Мелочь, ты бы сначала оделась перед тем, как раскроить кому-то череп.

Только сейчас стыд скрючил девчонку.

— Будь проклята эта судьба, сводящая нас только тогда, когда ты повержена, Эла, — Падший полный отчаяний выжимал ткань.

Веки заёрзали. Подоспевшая влага счищала копоть. Радость слепо подступала к Энвилу. Неожиданное случилось.

— Мелкий сорванец! Она младше тебя. Это не бордель, живо отвернулся!

— Виноват, Учитель. Я лишь хотел...

Тёмная ночь, внезапно, сгустила жару. Температура застыла на противной отметке: свободные части тела чувствовали комфорт и даже прохладу, а под одеждой воздух закипал.

— Откуда я знаю этот запах, Джейден?

— О нет! Неужели всё из-за простого любопытства?!

Школьница остановилась делать глубокий вдох. Разило вонюю. Непонятной, но точно неприятной и едкой.

— Ваша Элоиза без иллюзий вообще не может? — обратилась она к Вестникам.

— Кто? Каких иллюзий? Мелочь, ты о чём?

— Сначала снег, теперь... Ай-ай!

Девчонка накинулась на Гарри. С молодых стоп ссыпалось немного листвы, упавшей со стеклянным звоном.

— Детей я здесь редко видел, да и я таким это место не сильно помню, но вариантов у тебя нет, мелочь. Джейден, зажги-ка свет.

В карманах Дурьера нашлась зажигалка. Барабан кремния создал огонь, но пламя вело себя необычно. Направление под строгим углом и от хижины.

— По деревьям вниз, Учитель?

— По деревьям вниз, — нехотя ответил Гарри и поставил ногу на стену домика.

Легкими толчками Вестник проверил прочность, дал рывок и встал на стену. На четвереньках за ним спустился Джейден.

— Душам мучаться целую вечность, и конечно никакого лифта поставить нельзя.

— Разве его не было тогда?

— Был. Видимо, когда я справил там нужду, его закрыли на ремонт. Или снесли. Всё выглядит другим, но чувствуется прежним.

— Хорошо вам, наверное. Почти как дома.

— Ага. Лучше дома не найти.

У крыши картина стала отчётливее: левый и правый край леса извился, зациклившись огромной воронкой. Верхушки деревьев скрывали, что находилось глубже.

Школьницу что-то обвило.

— Эй, что происходит? — пришла она в себя.

— Крыльев я у тебя не вижу, значит, летать ты не умеешь. А вот мы с моим протеже попытаемся.

Вестник потуже стянул ремень от джинсов у себя на плече.

— Что-что?!

— Через минуту, Джейден. Увидимся! - Вестник побежал по дымоходу.

Прыжок. В темноте только ветер даёт понять, что ты падаешь. И только треск говорит,

что ты приземлился. Ель прогнулась, держа на себе двоих. Ещё одна качка, теперь и троих.

— Где мы вообще?! - визгнула девчонка.

— На затворках пансионата для нытиков и слабаков. Ну, или в Аду, если проще.

— Я думала, что он горячий и везде лава кипит!

— Тебе ещё не показали спальные комнаты. А они тут ебанёшься, да, Джейден?

Дерево задёргалось, словно по нему идут.

— Вот дерьмо, где же Джейден?

— В смысле, а это кто?!

— Меня бросила девушка! - взвыл голос из темноты.

— Нашёл бы другую, — гаркнул ему Вестник.

— Я бы не смог!

— А ты пытался?

Вместо слов незнакомец заревел и качнул дерево ещё раз, символизируя этим прыжок.

— Сдохнуть проще, чем развести дуру на секс. Сама решай, кто он.

Птица прислушалась. Шелест веток и хруст стекла сменяли друг друга.

— Он разбился?

— Только в первый раз. Теперь такие будут вечно падать, пытаясь что-то понять или достигнуть дна, но никогда этого не произойдёт. Только жизнь даёт право на изменения, мелочь.

Джейден в это время упал немного дальше, но смог маякнуть своё приземление зажигалкой. Можно спускаться дальше.

Неизвестно какой прыжок спустя в пещере появился свет. Что-то с грохотом тысячи молний рвалось вниз.

— А это ещё что?

— Понятия не имею.

Столкновение должно было произойти за мгновение ока, но слепящее нечто замедлилось, едва коснувшись невиданной ранее земли. Свет стал гаснуть, улучшая видимость и дятел воскликнул:

— Я вижу людей! Их так много. Там ещё есть один, в самом центре.

— Мелочь, люди никогда не покажутся здесь, если они не лишились ума. Это не...

Не успел Гарри договорить, как к затухающему существу приближалась толпа. Звериная ярость вела эту массу вперёд. Вестник напряг зрение. В последний яркий момент был виден взмах белоснежных крыльев, в которые вцепились чёрные руки. Тьма вернулась, а незаметный шум набух рёвом, рыком и неизвестными криками.

— Мы спускались туда? — прошептала девчонка.

— Когда я был там, такого не было. Выбора сейчас тоже.

Внизу эпицентр ужаса скрывался мраком, редко рассыпая искрами. Человек знает слова друг и враг. Другое животное лишь чувствует их ауру. А животное здесь чует ауру ангела. И это чувство называется ненавистью.

Падший дышал изгрызенным горлом. Кровь, сера, дым. Глаза впитывали это вместе с болью. Кожу резали когти. Крылья жгли, а жжение вызывало дым. Раз за разом.

Уши не слышали происходящего. Как и тогда, Вестник ждал, что тишина его пыток не позволит ему держать сознание в узде, будет давить и выдавливать из него вопли. Как вдруг, он стал слышать. Сладкий нектар среди моря гнили. Биение сердца, но не своего. Падший слышал, ловил всеми силами его тепло. Словно это заметив, сердце дёрнулось, и тишина

вернулась вновь.

Вестник видел в этом странность. Раньше она повергала его в раздумья, смуту, а теперь, вдруг, разрываемым на части, он засмеялся. Смех остановился лишь тогда, когда уши снова покинул штиль. Падший узнал плач.

— Нет, нет! - повышал он тон, будто пытаюсь достучаться.

Слёзы ощущались в звуке, они разлили холодом и вереском, но в тоже время голодом и остывающим теплом.

— Я не могу... Я не мог...

Душевные муки в унисон грызли Энвила с физическими. Старая рана будет вечно кровить. Как тут:

— Я ЗНАЮ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО!

Крик донёсся даже до птички, Гарри и Джейдена.

Челюсти и когти замерли. Вестник с трудом слез с каменной плиты.

— Моя судьба не принести тебе извинений. Не они тебе нужны. Сейчас, спустя годы, века моих попыток сделать лучше, теперь я знаю.

Зрачок Падшего дрогнул. Тьма не исчезла, но мнимые цвета виднелись силуэтом.

— Я не прошу и не буду просить открыться мне, тому, кто последний близкий тебе. Это принесёт только страдания твоей душе. Элоиза, Эла, я молю не винить себя в смерти своих родителей.

Силуэт опустил руку. Её кулак нервно сжался.

— Я близок тебе, только принесся муки, поэтому...

Вестник упал на колени, поставив ладони на едкую пыль.

— Я не смог найти тебя здесь, но если бы получилось, я бы ни за что не дал твоим пыткам свершиться. Мне должно было страдать. И сим все равно не отплатить цену твоей боли, но я прошу не винить себя. Лучше вини меня. Этот кошмар ты взяла из моих мыслей. Вот и оставь его только для меня. Выпусти остальных и выслушай их, а меня держи здесь столько, сколько захочешь.

Силы пропадали, Падший уронил голову. На его пальцы осела грязь от ботинок.

— Вкус медового прополиса. Закурить есть? — надменно спросила девушка

— Тебе же не нравился запах моих, — кряхтел Энвил.

— Фильтр в них хрень, а так сойдут. Да и для кого ты их хранишь, если сам не куришь?

— Я пытался, Эла. Честно.

Не редко в жизни простых людей, посреди ночи, возможно, появляется звонок. Обычный телефонный звонок, который только начинает панику, а затем суматоху. Близкие люди — рыболовные крючки, выдёргивающие тебя из постоянной рутины. Болезнь близких людей — это подсечка.

Среди оркестра городского быта вой сирен скорой помощи виолончелью окрашивает картину. Сегодняшний вечер воспевался таким же количеством несчастий, как и всегда.

Местная больница Мин Йи распахивала одну дверь коридора за другой, принимая на себя летящие носилки. Молодая мать на них отхаркивала кровь в маску, теряя сознание от ножевых ранений.

За пианино в этой композиции отвечали финансовые возможности. Только деньги бесчувственно отыгрываются на судьбе, иногда припуская чьи-то клавиши на место, а иногда вдавливая их посильнее. Супруг этой недавно ставшей женщины не принял участи прогибаний. Поэтому на чашах весов, где он видел себя с одной стороны, а своего готового к рождению ребёнка — с другой, перевес вынул кухонный нож.

Рык труб привёл полицию на место, а родню вслед за ними. Наказание не забудется, но подождёт — всё, чтобы спасти невинные жизни.

Операционная подготовлена, барабаны гремят, поторапливая. Пульс отстукивает секунды.

Подобное происходит постоянно. Как и горе, всплывающее потом. Крючок выскочил из воды — сегодняшний вечер снова воспет гимном трагедии.

Неделю спустя, недалеко отсюда, несчастье снова произошло, но совсем иное и только на первый взгляд никак не связанное.

Сердце влечёт быть не одиноким. Юная Джи считала именно так, пока её потенциальная пара не отказала ей. Прекрасный макияж испортился, едва рестораник Йонгуан покинул посетитель. Тушь окончательно вымылась из ресниц, только лавочку у магазина одежды Аимицу заняли. Которая попытка на счету, а Джи так и смогла найти себе хоть кого-то в её жизни. Родственников под рукой нет, квартира снимается в захолустье, учёба не приносит радости. В такой момент дух человека слегка вырывается из пор, будто пытаюсь убежать. Это не стремление умереть, скорее желание лампочки выкрутиться, чтобы, вернувшись, гореть ярче. Трагедия этого случая не в очередном разбитом сердце. Дух молодой девушки не мог предполагать, что желание ненадолго отлучиться с насиженного места станет чьей-то возможностью. Лавка опустела неожиданно быстро.

Пропажу замечают не сразу. Пропажу чего-то не важного ещё позднее. Университет не ставил вопрос об отсутствии своих студентов под разбирательство, если знакомый мог знать хотя бы что-нибудь. У Джи не было подруг. Были разве что далёкие соседки. Они и замечали девушку по дороге, в странных нарядах, но внушавшие хоть какое-то здоровье.

Под странностями студентки имели ввиду платки, повязки и любую другую одежду, скрывающую тело больше, чем нужно. А пропавшей появилось что скрывать.

Комната из переоборудованной прачечной сойдёт за жилище, если не придирааться. Сломанные машинки теперь можно использовать под хранение.

Третья неделя не приводила к квартире Джи никакого внимания. Девушка просто могла устроить себе эмоциональный отдых. На самом деле, в очередную ночь, обмотанная

шлангом и целлофановым пакетом, стопа, подпиливаемая украденным тесаком, отсоединялась от голени.

Трагичные изменения сказывались на теле радикально. Какие-либо части тела могли начать стареть быстрее, чем всё остальное. Метаболическая гангрена призывала избавляться от таких особенностей, ведь даже больница имеет собственную публику. Но такое лечение только на сутки заставляло Джи сидеть дома. На месте старых увечий вырастали новые и свежие конечности. Столь бурный рост был связан с новой зависимостью, завязанной на испорченных инстинктах: подобно диким ящерицам, сумевшим оторваться от чужих глаз, особь съедала всё, что попадает под категорию «отпавшего хвоста».

Кости с хрящами складывались в стиральные барабаны, вычищаемые в ближайший проток местной реки вне посторонних глаз. Пока же объедки не скапливались, и ноги поддавались желанию ходить, с виду потрёпанная шла на незнакомые ранее улицы.

Голова приподнялась от древесной коры. Время на путь пролетело незаметно. Даже небольшой сон под дубом в приквартирном парке не отложился в памяти. Глаза намечено посмотрели в одну точку.

Антракт закончился. Весь оркестр набрал разыгровочный тон. Раньше сфальшивить не удавалось, но теперь свобода открывалась небольшими окнами. Клавишные могли стать поперёк ударных. Старая форточка незнакомой ранее квартиры закрылась. Смерть какой-то женщины не искривила ничью жизнь. И поэтому неизвестный для Джи мужчина спокойно вышел из дома по своим делам.

— Мама, — глухо капало на подкорку.

Утром полно детей, резвящихся и кричащих. Может быть это был чей-то возглас, а может нет. Место рядом с деревом опустело быстро.

— Роджер, ты так и не смог мне объяснить, как нам поможет малец с припадками, — спросил египтянин, иногда поддёргивающий опекаемого от проходящей толпы.

— Мой навык убеждения на него не работает. Я бы и сам был не прочь его отпустить, но он сам за нами поплёлся. Лишние руки лишними не будут.

— Он слишком юн.

— Знал бы ты одного из наших, пока тот не решил исчезнуть, так бы не говорил. Молодой не значит слабый. Вспомнил бы, кто меня почти не отделал.

— Так мне его или тебя считать слабаком?

— Мальчики, — Нимбри вернулась из общественной уборной:

— Вы только и делаете, что спорите. Так мы не решим нашей проблемы.

— Ним, я нарадоваться не могу, какой разговорчивой ты снова стала. Что произошло, всё-таки?

— Ну, Роджер... Мне было плохо! Да. Знаешь, такое бывает...

Одайон внезапно развернул Смертного к себе, шепнув:

— Чтобы девушка хотела с тобой говорить, жеребец, слушай, что она хотела сказать. Докапывать её расспросами — себе же хуже. Она явно не хочет про это говорить.

— И как я только на экспертов по жизни натыкаюсь?! - риторически ответил Вестник.

Нимбри думала показательно расстроиться, ведь её перебили, но спокойствие от отрезанной неприятной темы остановило. А ещё за край платья дёрнул мальчик.

— М'ама! - воскликнул он, оттаскивая Вестницу к автомату с напитками.

Молодой рассудок не привык к такому стеснению. Девушка погладила ребёнка по голове и сказала, протягивая купюру:

— Я не твоя мама, малыш. Но раз ты хочешь, не знаю, сходи себе и купи что-нибудь.

Двоица парней повернулись обратно. Лицо Нимбри источало детскую виноватость за принесённого в дом зверька.

— Мне плевать, что вы решили за него. Я буду о нём заботиться. И он пойдёт с нами. В других руках его замучают.

— У тебя был пёс или хомяк, хотя бы? — засомневался египтянин.

— Нет, но очень хотелось бы.

— Видно, что ответственность в тебе не выросла. Где малец?

— Ушёл за газировкой.

— Дальний автомат за твоей спиной?

— Ага.

— Тогда, почему там никого не вижу?

Пропал. Каждая минута поисков только усугубляла ситуацию. Поток людей не уменьшался и сменялся быстрее, чем успеешь всех осмотреть. Час. Два. Никаких результатов.

— Дети, к сожалению, как домашние животные, — пытался приободрить сидящих Вестников на ступеньках Одайон:

— За ними нужен глаз да глаз, ну, или поводок.

Нимбри вжалась в объятия Роджера.

— Слушал бы собственные советы, — губами отбил Смертный египтянину, вернув голос только к девушке:

— Выкрутится. Он сильный малый. Я такой же, но сильнее... Но...

— Да сколько можно! - Нимбри рассержено выскочила:

— Хватит цепляться за мелочи вокруг! Вы не станете лучше, раз встретились со смертью так рано. Может перестанете мериться всем, что ниже пояса, и посмотрите на картину в целом?!

— Нимбри, я... — Роджер думал, что ответить, как его осенило:

— Одайон.

— А что я? Ты рассказываешь, что не слаб.

— Ребят, входы точно записываются камерами.

Общее понимание ежесекундно привело троицу в камеру охраны. Запись рукояткой отмоталась назад, старт.

Ребёнок приблизился к манящему ассортименту, но даже не попытался нажимать кнопки. Вместо этого, рядом с автоматом он привлёк на себя внимание неизвестной сонливой девушки. Молодая ладонь легла в чужую, и в миг экран опустел. Бурная жизнь этого бетонного коридора вновь обезличилась.

— Можно ещё раз момент, куда она начала идти? — Смертный разглядывал мерцающие фрагменты на предмет зацепок.

Одайон выдвигал предположения, завязанные на небольшом опыте, а Нимбри отвернулась подумав. Тогда ей приглянулась полевая мышь, прекратившая сидеть смиренно как раз в тот момент, когда на неё посмотрели. Зверёк спрыгнул на пол, спеша выскользнуть в дверной проём.

— Надо пройти по тому же маршруту, — заявила Вестница.

— Но мы его даже и не знаем полностью, — парировал египтянин.

— Придётся согласиться, — поддержал Роджер.

— Вам сложно за мной пойти?

Вестники переглянулись, когда Нимбри выбежала.

Последовав за ней, Смертный увидел, как девушка успокоила походку, не торопясь нагоняя какую-то мышь.

— Ним, ты точно уверена?

Зверёк заподозрил на себе взгляд и принялся удирать.

— Поводка у меня нету! - бросила Вестница, разогнавшись.

Мелкие лапки отличались высокой прыткостью. В прочем, девушка не отставала ни на метр.

— Чушь это всё! - крутила она у себя в голове:

— Была у меня крыса, попробовал бы кто на неё шлейку надеть. Зато в ловле её мне равных не было!

Тушка мыши легко зашла в поворот со своей небольшой массой. Ринувшаяся поймать зверька Нимбри напротив, скользя по плитке, подняла волну брызг с ближайшей лужи, настолько резво они бежали.

Преследуемая не сворачивала в закоулки. На первой же балке мышь запрыгнула на строительные леса. Их предназначение помогать людям забираться в нужные места, вот и Вестнице они не стали преградой. Этаж за этажом, высота растёт, а доски под ногами скоро закончатся. Рука Нимбри уже почти притянулась к дребезжащему хвосту, как мышь напрягла все свои лапки в усилия прыжка.

Соседнее здание на улочку вперёд и на пролёт ниже — туда стремился зверёк.

— Это не шкаф изнутри, это не шкаф изнутри, это не шкаф! - бубнила Вестница, выбивая страх.

Рывок. Мышь упала на парапет, ощущая потерянный хвост. Кирпич рядом треснул. Мягкие пальцы раздробили в падении уступ, дабы уцепиться. Такие же мягкие пальцы вцепились в мышь.

Как первый раз вылезает из скользкого бассейна, Нимбри с трудом залезла на крышу. Никакой дрожи и ворошения девушка не ощущала.

— Неужели я её придавила?!

Вестница распустила кулак. Зверёк цел и по-странному спокоен. Будто замер.

— Ну и зачем ты сюда бе...

Не успела Нимбри спросить у себя, как огромная челюсть сгрызла маленькое существо, словно лакомство. Вытянутая волчья морда внушала ужас. Холодные, бирюзово мёртвые проблески шерсти на ней приносили необычности.

Стук досок на лесах добрался до испуганного уха. Клубень дыма отпугнул сморщившееся животное, а Смертный, появившись, поднял девушку.

— Китай, конечно, экзотический, но дикие звери на крышах — перебор.

По металлической лестнице впереди кто-то поднялся.

— Не тот волк опасен, что забирает своё, а тот, кто отнимает чужое.

— Людям без разницы, кто ползает у них под ногами, — сказал пришедший:

— Как и Калиту не важно, что обглаживать. Кто вы?

— Эта мышь следила за нами, — уверенно ответила Нимбри:

— Мы разыскиваем одного пропавшего.

— Вольным птицам дует попутный ветер. Я тоже кое-кого ищу. Вот только...

Глаза и волка, и неизвестного ярко блеснули. Животное оскалилось, грозно рыча.

— Товарищей в моём деле нет.

— Эй, пиджак! - зацепился за внешний вид Смертный:

— Мы не ищем врагов здесь. И тебе советую. Не каждый, кто тебе встречался, убивал.

Человек в костюме сделал несколько шагов. Прирученный зверь прилёг, отойдя.

Внешняя угроза немного улетучилась: деловой стиль на высоком помосте работал сильнее при росте на пол головы ниже Роджера.

Зализанные назад чёрные волосы, мутные по краям брови, острые и худые скулы смотрели на парня.

— Ты убивал?

Вопрос не успел дойти до получателя, как в закатанный рукав залетел за плечо Вестника. Череп с лезвием застыл между пальцев.

— Или сама Смерть не даёт тебе проиграть?

Смертного пронзило забытое ощущение уязвимости. Только он дрогнул, чтобы ударить, его грудок пошёл вниз, а печень вмялась. Согнутого парня обошли, направляясь к Нимбри.

Роджер развернулся, устремил рывок. Локоть отправил Вестника на пол.

Неожиданный ход притормозил уверенную походку. Девушка держала в руках кусок кровли, как будто рассчитывая на то, что он её убержёт.

— Даже пчела атакует в западне, — с этими словами был запущен кулак.

Кожа коснулась глины, однако та не треснула. Она рассыпалась, и летящий удар был направлен в ловушку. Уклоном влево Нимбри вцепилась во вражеское горло. Сейчас нужно было только давить со всей силы. Что-то пошло не так.

Фаланги отдёргивала неизвестная сила. Красные всполохи толкали Вестницу назад. Человек в костюме тоже стоял в недоумении, пока не услышал скуление своего зверя. Волк был на боку от каждой волны.

— Хватит! - крикнул он, слабо прикоснувшись к рукам Нимбри.

Девушка увидела глянецовый маникюр и линии иероглифов, следующие за ним.

— Уж лучше умная беседа, чем глупая драка, — закончила Вестница.

Роджер привстал, заручившись небольшой помощью своей подруги.

— Кхе, с нами был ещё один. Мальчик, такой же, как и мы. Его забрала какая-то женщина.

— Не будь это важно, ваша проблема осталась бы у вас. Деманьяк, которого нужно остановить, и маленький Вестник связаны одной нитью.

— Ты и не представляешь, в каком мы дерьме, костюмчик. Не важно, что случится потом, но твоё хлюпенькое личико пойдёт с нами. Иначе, слишком много слов я услышал от трусливого паренька.

— Роджер, — ткнула в спину Нимбри:

— Мелочи...

— Да не смотрю я на них, Ним.

— Лодка перевернётся и в ручейке. Грайсин.

— Сумрак.

— Смертный. Копи ждёт нас внизу.

Нанкин — портовый город. Товары — капля в реке нескончаемых перевозок. Через каждую машину грузовик, через каждое здание склад. Только коренной житель видит, как мимолётно одежда, продукты и техника слетают с полок, заполняемых новой утварью. Спокойствия тут и не будет. Прохожие слепы на изменения. Участники потока никогда не поймут, что рядом проходит шторм, ведь сами не остаются. Поэтому у оседающих в городе последствий редко найдёшь причину.

Барабаны стучат. Размеренно на окраинах и с грохотом внутри.

— Месяц с лишним в городе пропадают люди. Так это преподносят новости. Но ни полиция, ни простые граждане не продолжают поиски.

— Нет никаких следов.

— Не понятно, кто пропал. Местные очистные хранилища стали забиваться сгнившими останками. Но сказать, чьи они, никто не может. Записи с кладбищ и слова сторожей отбросили версию с разграблением могил. Археологи разрыли три акра в поисках древних захоронений. Как искать кости в яйцах.

— А кроме вони какие ещё минусы от этого?

— За время своих былых свершений мне встретилось очень много тварей, способных на вещи, не кажущиеся реальными. В отличие от животных, связанных узами пищи и охоты, они инородны и заслуживают только уничтожения.

— Ангелы, например?

— В моём деле нет товарищей. Однако, небожители оказывают помощь в их истреблении.

— Хоть в чём-то они полез... Ау, — Смертного ущипнули.

— Тварь, которую нам надо найти, имеет много имён. Пролют Даемониум, душе-социальная пиявка или же просто деманьяк. Эта сущность, вырвавшая прежнего носителя из чьего-либо тела, чтобы занять его место в мире живущих. В моё время их называли одержимыми. Именно их останки плавали в воде. Сродни линьке.

— А ты уверен, что похититель и этот деманьяк — одно и то же?

— Их инстинкты влекут искать существ с изменённой душой. Если есть деманьяк, то вместе с ним скоро появится ещё кто-то. Вестник подходит.

— И как нам её найти?

— Мышь должна была помочь мне в этом. К несчастью, запись с камер, как для вас, так и для меня, не принесла пользы.

— И поэтому твой волк съел мышь? — встрюилась Нимбри.

— Воля зверей, которые мне доверяют, в моих руках. Грызун поведал мне всё ещё до того, как вернулся, а его смерть лишь уравнивала природный цикл. Мышей должно быть достаточно, поэтому их нужно есть.

— А что делают деманьяки всё оставшееся время?

— Это отголоски недавно умерших, не желающих уходить в забвение. Как и обычные люди, они ищут вещественный способ остаться здесь.

— А если более конкретно?

— Какой-то предмет. Может, человек или вещь, часто связанная с прошлым.

— Нам нужен ближайший морг.

— Твой супруг полон самонадеянности.

— А? Чт... Нет! То есть, да. Грайсин, лучше нам идти.

Не все медицинские учреждения открыты для желающих. Номенклатура и обязанности документов отличают нас от животных. Поэтому, на животных никто и не обращает внимание.

Обеденный перерыв занимает персонал увлекательной заваркой лапши быстрого приготовления.

Мухи в офисе ненавистны всеми. Ленты и инсектицидные приманки в излишках. Встретить же хотя бы одну в своём стакане или на очередном пациенте — привычная участь.

Сегодня же, вдруг, обед оказался приятнее обычного. Ни одной мухи. Своего рода праздник. Можно даже задержаться за принятием пищи.

Компьютер в регистрации пустовал. По крайней мере, людей там не было. А вот насекомых со временем становилось всё больше. Поведение очередной крылатой мошки отличалось от обычного: мухи заполняли клавиатуру. Плотность росла, и в целом рой насекомых стал походить на две печатающие руки.

— У меня подозрения, что старый и толстый мужик не захочет попасть в тело другого пола. Может быть интуиция, а может моя любовь к фильмам про мистику, но нам нужно найти молодую женщину, худощавого телосложения и с признаками беременности.

— Но почему беременную? — засомневалась Нимбри.

— Такая бурная реакция на ребёнка, потерявшего маму, может говорить только о желании залечить свои раны.

— А если она уже успела родить?

— Ну... Тогда, зачем её красть чужого?

— Чтобы жить дальше.

— Что?

— Останки, которые деманьяки оставляют после себя, говорят о недугах этих тварей. Они умирают быстро. И словно самка, умирающая от голода, мать убьёт свое ложное потомство. Догадка Смертного логична.

— Значит, ребёнок в большей опасности. И всё из-за меня!- девушка скрыла своё лицо ладонями.

— Ним, не говори так. Это наш общий промах.

— Ошибки свойственны всем людям. Животные опираются на инстинкты, а не на долгие раздумья, и в этом причина отсутствия их ошибок.

— Если в их жизни нет ошибок и горечи от них, то и счастья они не достигают, — огрызнул Роджер и обнял Вестницу, поцеловав ту в макушку.

Пара отошла недалеко. На окраине спуска с шоссе во двор морга дремал Одайон.

— Тебе нужно немного отоспаться. Ты на взводе, и я тоже. Пусть хотя бы один из нас отдохнет. Я его найду.

— От твоих слов так и тянет назвать тебя дураком, — уставшая девушка похрипывала сквозь зевки:

— Но в тоже время я готова подчиниться любым из твоих просьб.

Смертный взбодрился, когда к его губам прильнули на прощание. Вестник-египтянин с кампанией ушли.

— Один в поле не воин, — сказал Роджер, вернувшись к Грайсину.

— Около сотни тварей мертвы от моих рук.

— А животным юмор свойственен?

— Нет, как и отвлекаться. Есть совпадение. Идём на запад.

Дорога к отелю извилисто вела то через деревья, густые запахом апельсина, то опускала в выезды, забитые баками, бочками и коробками. Девушка не могла отбиться от рвения вдохнуть полной грудью чистый, не пропитанный воздух. До вывески оставались десятки метров, как тут Вестница заметила красивую архитектурную находку. Узкое здание отеля обилось тропинкой из мостовой древесины, а та устремлялась к маленькому речному пирсу.

— Одайон, если ты не против, я посижу немного здесь, а потом поднимусь наверх.

Египтянин не придумал, что сказать, пожал плечами и ушёл, оставив Вестницу наедине с собой.

Закат затихал, фонари становились ярче. Сторона, на которой отдыхала Нимбри, пустовала, в отличие от соседней. Гуляк и десятка не набралось бы, но именно они налипали к краям. Все, кто голосил, распивал или курил, поглощали что-то от реки. Красоту своими глазами или воздух своими лёгкими. А позднее у потока стали отбирать чистоту. Бросить стаканчик в одиночку — дело незаметное, но стаканчиков уйдёт десяток в воду.

— Хорошо, хоть воду чистят. Погоди.

Девушка вглядывалась в каждого на берегу, до момента, пока крупный пакет неизвестной дряни не покинул руки очередного посетителя. У этой реки был мост, по которому Вестница проходит уже второй раз.

— Госбезопасность?! Мы могли представиться простой полицией, зачем так нагнетать?

— Маленьким топором большой ветки не срубишь. Два человека, один в деловом костюме, а другой — изодранной куртке, представившиеся полицейскими вызовут вопросы к той же самой полиции. Тебя этому фильмы не учили?

— Я мало верю, что это сработало бы в моих краях.

— Нам известен адрес, остальное — помеха в решении. Мог и не набирать «улик».

— Стоило казаться убедительным.

Дверь старой прачечной встретила гостей. Волк Грайсин забрал поводок и повесил на крюк, после чего принялся лежать.

— Это я самонадеян? — прошептал Роджер, стоя у косяка.

Внезапно, из-под пиджака выбрался пистолет. Кивок опытного стрелка приказал выбивать преграду.

Доска лопнула, проход распахнулся, ствол нацелен. Выстрел. Смертный локтем подбил пистолет вверх. Пуля прошла мимо.

Впереди стояла Нимбри, заслонявшая деманьяка.

— Сердце женщины — самое вредное. Сердце мужчины — самое глупое. Зачем ты помешал мне?!

— Ним, я думаю, что сейчас наступило время для объяснений.

За спиной Вестницы выглядывал ворох длинных, мокрых волос. Грайсин вылавливала мушкой любой открывающийся дюйм.

— Не надо! - мотала головой Сумрак, адресуя это и стрелку, и цели.

— Ты не знаешь, на что способны эти существа, — настаивал тон Грайсин:

— Уйди с дороги. Её нужно убить, чтобы душа успокоилась.

— Она не причинила никому вреда. Неужели нет другого способа?

— К чему эти бессмысленные разговоры?! Если деманьяк не навредил, он навредит потом. Убивать их эффективнее всего!

— погоди. Ты не ответил на вопрос! Есть и другие методы? — обратился Роджер.

— Чтобы тело было освобождено, его должно потрясти сильное страдание. Раньше одержимых пытали, рубили наживую, но сейчас намного проще просто убить.

В глубине коморки отскочила шпорка. Пистолет посмотрел туда. Ребёнок проснулся. Он подходил всё ближе, вытирая свои глаза свитером крупного размера, надетого, чтобы не замёрзнуть.

— Эта м'ама скучает, — объяснял мальчик:

— Я отпросился, чтобы её успокоить. А она попросила побыть с ней здесь. Я тут долго сидел, вот и уснул.

Детские речи показывали непонимание ребёнка, что тут происходит, но затем, он положил руку на качающийся ствол.

— Не нужно.

— Откуда ты знаешь, что убить проще всего? Ангелы? Это они показали, как нужно с ними вести себя?

— Их действия были лишены философий. Слишком много времени нужно, чтобы что-то обдумать! Счастье будущего строится сейчас, — пистолет Грайсин хотел отвестись, но молодые пальцы Вестника крепко вцепились:

— Отвали! - рывком ствол вырвался вверх.

Нимбри оттолкнул деманьяк, крича вслед.

Затвор отскочил под дымящуюся вспышку. Ногу бросившейся на защиту пробило. Взгляд Грайсин упал на пистолет, ведь он должен был попасть в голову. Крупный нарост, словно глушитель из чего-то твёрдого, отвёл пулю куда смог.

Вестница схватила раненную, роня слёзы:

— Разве заслуживают сбыться желания тех тварей, которых ты стремишься уничтожить?!

Под молчание девушка усадила истекающего кровью деманьяка на стул.

— Роджер! - криками вырывалась истерика:

— Помоги.

Смертный забежал по карманам. Отверстие надо закупорить, но чёртового платка не находилось. В стороны вылетала мелочь, фантики и бесполезные бумажки. Более плотная из них, упала на колено раненной.

Ощущения колкости подняли руку. Фотография, гладкая для кожи большого пальца. Боль усилилась: Роджер перекрыл рану. Рядом лежала только изолента, теперь серебряной полосой обвивавшая икру.

— Теперь надо вызвать скорую. Грайсин!

Ступор пропал.

— Будет время перетереть. Нам нужно вызвать помощь. Найди телефон.

Поправляя волосы, ботинки, скрывавшие шок, искали домашний телефон. За третьей стиральной машинкой, заваленной старым бельём, остался настенная трубка. Работающая, к счастью.

Дозвон пошёл, но ухо Грайсин дёрнули слова всё ещё на этом конце провода.

- 那是我? — сказал деманьяк.

— О чём она говорит?

— Роджер, что ты взял у неё дома?

— Старое её фото с семьёй.

- 那是我? — продолжала раненная.

Слова продолжали звучать, но это не было похоже на вопрос. Просто повторения.

Деманьяк скрючился, дергаясь в конвульсиях. Оркестр играет завершающие партии. По стене побежали трещины, возможно, от ударов дрожащей спины. Телефон дозвонился, деманьяк замер.

Виолончель сирен выжимала грустные чувства. Носилки нагрузились телом, не вдыхавшим газ через маску. Бригада погружена. На одну тварь стало меньше, как вдруг, треугольник качнулся. Пульс разыгрался. Ещё одна треугольная трель. Джи вскочила, глубоко вдохнув и снова рухнув на подушку. Потребуется реабилитация после такой долгой прогулки.

— Калит! - прозвучала кличка.

Волк проснулся, снял поводок с крючка и положил в руку хозяина. Походка Грайсин вела уходить.

— Постой, — прервал Роджер:

— Нам нужно, чтобы ты пошла с нами.

— Кто сидит на тигре, тому сложно с него слезть. Моя слепота вела меня вперёд так долго, что я не знаю, смогу ли я вам помочь. Я не соглашусь ни при каких обстоятельствах, — костюм выпрямился, и волк последовал за ним.

— М'ама! - крикнул ребёнок.

Отпустив руку Нимбри, мальчик подбежал к Грайсин. Взгляды едва знакомых пересеклись вновь.

— Неужели ты этого хочешь?

Кивков было много, и все полны искренности.

— Грайсин — она?! - тихо переспросил Смертный у Сумрака.

— Этот молодой Вестник внимательнее тебя, Роджер, — обернулся хозяин волка:

— И от того, он решил поучиться у меня недолго.

— Твоя холодная натура не пестрила женственностью, пиджак! Но я признаю, что драться ты умеешь. Я тоже был бы не прочь...

— Кривой пэньцин ровнее не вырастить. Я дам тебе лишь три урока. Урок первый.

— Стой, я же даже не запис...

— Каким бы быстрым не был гепард, только веки верных глаз замедляют его.

— Многозначно.

— Урок второй. Какой бы убийственный не был яд, змея свой трагит только по сильной нужде.

— Ты же не прямо сейчас их выдумываешь?

— И третий. Какую бы ёж не чувствовал боль, раскроются его иглы только по своей воле.

— Я надеюсь, это не тонкий китайский юмор.

Ребёнок сел на могучую спину зверя, который по воле Грайсин продолжил путь навстречу рассвету.

Уютный маленький номер. Копи в соседнем за стенкой смотрит закрытыми глазами телевизор.

— Как думаешь, сколько времени они будут нас искать? — задумалась Нимбри, бурча слова через грудь Роджера, на которой лежала.

— Отдохнуть мы успеем, — вздыхающе ответил Вестник:

— Тебе что-то хочется? Может, фильм или поискать в магазинчике настолку на английском?

Девушка посмеялась.

— Нет, я волнуюсь, что будет потом. Куда мы разбежимся, когда сможем достучаться до небес?

— Даже если большие чёрные облака опустятся, крошка, я останусь здесь.

Глаза Нимбри зарылись в футболку. Смертный хотел увидеть их снова, поэтому поднял девушку под плечи на уровень своей головы.

Ладошками парень придерживал её щёки. Капли били его по лицу.

— Стук-стук-стук, — напевал Вестник, спуская девушку вниз.

Любовь помогает скрыться от плохих мыслей. А также дать времени ненадолго улететь.

Посреди ночи в номере зазвонил телефон. Не потревожив чужой сон, Вестник проснулся.

— Алло? — прошептал Роджер, поглаживая ладонь Нимбри.

— Тебе всё ещё не кажется эта затея глупой? — Смертный не узнал обращённый к нему голос:

— Понятно, девкам нужны свои герои, но маслице для твоего ножика не чувствуется слишком мягким?

— Если это тот, о ком я думаю, то какая-то мерзковатая у тебя подача. Был бы молчаливым, таинственным, что-ли...

— ЗАТКНИСЬ! - от громкости даже пальцы у Вестницы дрогнули:

— Этот звонок нужен не для того, чтобы учить меня угрожать. Он для того, чтобы угрожать!

— А, да? Ладно, я слушаю.

— Кхм... Ну, не совсем угрожать, я просто ставлю ультиматум тебе. Шанс передумать. Мир итак пойдёт в тартарары, так что ни к чему тебе это. Парочку ты себе уже нашёл, значит...

— Можно ты предложишь мне купить пылесос, а я будто только сейчас тебя услышал и решил повесить трубку?

Роджер понял, что натворил, когда из микрофона доносился уже неразборчивый шум. Мизинец нажал на кнопку сброса, а рука Нимбри расслабилась и слезла на кровать.

Смертный проверил, всё в порядке. Как вдруг, ещё один звонок.

— Снова пылесосы?

— Лентяй, ты хоть что-то сам можешь сделать? Ты не первый, кому я в уборке отказываю.

— Я скучал по этому пропитому голосу нравоучений, Гарри.

— А Падшему надоело перебирать отели. Решил спихнуть это на меня. Не могли спать поближе к центру?

— Местный Вестник посоветовал именно этот отель. Меньше шума слышно нам, меньше шума слышно другим.

— Вы его уже нашли?

— Да, на семейном чаепитии аншлага не будет. Встретимся, расскажу. Где вы?

— В центре.

— До встречи утром.

— Зря ты про шум рассказал. До встречи.

Солнце взошло. Пора отправляться. Такси мигом подоспело по первому вызову. Клиентура не богатая. Десяток поворотов, три пробки. Древний храм украшал высочайшую точку города. У его подножий незахламлённые постройками кустарники и мелкая зелень, а ещё ниже пункт приёма туристов или же самый популярный отель в Нанкине.

Пятеро Вестников поприветствовало пополнение из троих. Элоиза отпраздновала это, закурив восьмую сигарету из кармана Энвила.

— И где же прячется наш божественный ведущий? — её вопрос уставил всех на Смертного.

— Нимбри, ты не знаешь ответа на этот вопрос? — перевёл он.

— Да, почему раньше не спросил? — слегка смутилась Вестница:

— Апостол в самой близкой точке к небесам.

— Эверест? — вбросил Джейден.

— Северный полюс? — предположил Одайон.

— Ватикан? — решился Энвил.

— Вавилонская Башня, — поправила Нимбри.

— В Библии, вроде, координат нет. Куда именно?

— Чёрт. Я не помню, я запи... 32 градуса, — в ушах девушки шепот дал нужный ответ:

— 32 минуты, 11 секунд северной и 44 градуса, 25 минут и 15 секунд восточной.

— Опять отправимся хер знает куда? — ворчал Гарри.

— Для списанного в утиль гитариста ты и так хер знает где.

— Вкус лимонной цедры. Эви, а я думала, что мы с тобой здесь дружим.

Ни один турагент, даже с крыльями, не сможет найти рейс в неизвестную точку на карте. Очередное предложение с перелётами не поддержали. Нимбри настаивала поторапливаться. Нанкин — город движущихся грузов. А для любого груза, даже для живого, найдётся подходящий грузовой самолёт.

— Учитель, я никогда не прыгал с парашютом! - мельтешил ремешками Джейден.

— Не страшно. Я тоже ни разу не прыгал. Главное — не сломай тело Дурьеру. Потом и мы костей не соберем.

— Вы его отпускали вообще? — отстегнулся от сидения Роджер.

— Разок был. Пока хватит.

— Не завидую я вам, ребят. У всех парашюты есть?

Гул от ветра мешал внятно отвечать. Копи показал «ок». Элоиза демонстративно защёлкнула свои крепежи на лямках Энвила. Смертный подал руку сидящей рядом Нимбри. Вестница встала, а Роджер подобрал её рюкзак.

— А ты прыгал? — крикнула ему девушка.

— Совсем недавно. Мне сон об этом приснился. Такой чёткий. А ещё там была т...

Красная лампа скомандовала приготовиться. Зелёный свет, и борт раскрылся. Белый блеск растворился в пустыне, заполнявшей вид до горизонта. Выделялась среди песка только огромная воронка по левую сторону. Смертный посмотрел вниз и обернулся.

— Ну? — читалось во взгляде Вестников.

— Сейчас, думал спиной прыгнуть легче.

— Тебе страшно? — спросила Нимбри.

— Не-а, всё прекра..., - Роджер хотел сгладить неловкость, пританцевав на краю трапа, но поскользнулся.

Едва он пропал из виду, как за дымом он появился вновь.

— Ладно, теперь не так страш..., - Вестница не дала ему договорить, схватив его за лямку парашюта и спрыгнув вместе с ним.

Смертный кувыркался в воздухе, безуспешно стараясь выровняться. Только рука Нимбри, схватившая Вестника за ногу, остановила вращение.

Кольца срывались друг за другом. Смертный скатился по бархану, Сумрак приземлилась рядом. Гарри и Копи вытащили Джейдена из песка, в который он зашёл по грудь, Падший и Элоиза спустились на крыльях.

— Вкус чернил. Странная здесь погодка, — девушка спрыгнула с Энвила.

Облака быстро скользили в верхних слоях атмосферы, почти не пуская солнечный свет. Только небольшие зайчики бегали по желтизне.

— Жалко. Загореть не удастся, — расстроился Вестник-гитарист.

— Твоя небрежная причёска подпортила бы образ.

— Ох, Долорес, ничего ты не понимаешь. Хендриксу не мешала его шевелюра.

— У Хендрикса были густые, а не патлатые волосы. И не смей меня называть Долорес, Игги.

Гарри ухмыльнулся стирающей табак в пепел девушке. Дабы поставить себя в равное положение, он пальцами попросил окуроч. Две затяжки, легкость, а затем огонь изодрал лёгкие. Вестник, откашливаясь, передал сигарету обратно. Элоиза пошла за остальными.

— Где ты её откопал? — обратился Гарри к Падшему.

— Она с детства дышала кипящим смрадом, похожим на острые лезвия. Эта марка — единственная, которая ей придаёт успокоения.

— Готов встряхнуться, парень? — египтянин напористо начал беседу.

Джейден опустил глаза в ноги, игнорируя раздражители.

— Парень?

— А? Ты мне?

— Нас не успели особо познакомиться. Одайон.

— Тебе сказать имя того, чьё это тело или того, кто сейчас говорит?

— Эм... Второе.

— Джейден, приятно познакомиться. Что ты спросил?

— Мы идём на встречу с чем-то за гранью, как минимум, моего понимания. Хотел узнать, что об этом думают другие.

— Учитель разделяет позицию, которая мне более чем понятна. Она мне и помогает не волноваться.

— Кто этот Учитель?

— Гитарист позади нас.

— И чему же он может научить?

— Многому. Я к нему ходил, чтобы научиться музыкальному ремеслу, но Учитель ещё и замечательный духовный наставник.

— Так... А позиция-то какая?

— Ну, лучше передать изначальную трактовку. Кхм-кхм. «Бог не настолько опасен и могущественен, раз пиво бывает по скидкам, у шлюх бывает триппер, а президенты — одни республиканцы».

Около километра Нимбри то держалась за руку неофициального лидера группы, то размышляла о своём, отставая и созерцая красоту песчаного моря. Осечка. Пятка наступила на носок.

— Прости! Я такая неуклюжая.

Элоиза впитала в себя слова, обошла девушку и пошла дальше.

— Эй! - нагнала Нимбри:

— В Китае ты была поразговорчивее. Что-то случилось?

Худощавая Вестница скривила челюсть.

— Вот, если бы сейчас коротнули провода на подлодках, и мир окутал ядерный гриб, оставив только нас среди выживших, ты бы называла меня своей подругой или дала ещё немного времени?

Сумрак дёрнул смешок.

— Я только учусь, но это невероятное чувство так забавляет. Тебе нужно побыть в тишине, ведь это ты имела ввиду. Прости, что обратилась. Если тебе интересен ответ на твой вопрос, то я бы попросила тебе решить. Не хочу напрашиваться в друзья.

— Вкус голубики. Признаюсь, не ожидала услышать... Свежесть.

Поболтать было о чём. Кем бы раньше, кем стал после, что случилось, пока не виделся с другими, но некоторые молчали. Роджер неустанно шёл вперёд, не выкидывая мысли на ветер.

— Шанс передумать? Выложил бы ещё план, чтобы я посчитал его невероятно умным, и решил примкнуть. Но почему я знаю эти слова?

Вестники поднимались вверх. Уклон рос, барханы всё сильнее ссыпались от шагов.

— Мы скатимся, ветер крепчает и не за что удержаться, — крикнула Нимбри.

— У скалолазов для этого есть верёвка! - воскликнул Гарри.

Смертному пришла идея. Белое лезвие выглянуло у ладони. Замах. Череп долетел до

края, вытянув межпозвонки до предела.

— Схватитесь друг за друга!

Цепочка поднималась. Вес позади не так мешал Роджеру, как рукоять, скользящая по руке.

Стопа наметила уступ. Камень, казавшийся твёрдым, рухнул, а Смертный потерял опору. Рефлекторно коса слилась с кистью. Вестники приготовились падать вниз, но сильный рывок повёл их вверх. Слишком сильный. Смертный остановил возвращающиеся позвонки, но ноги уже оторвались от земли. Цепочка летела внутрь воронки, в последний момент затормозив и повиснув.

— ЭНВИЛ! Спускай кого-нибудь! - Роджер перекрикивал хруст собственных костей.

Падший схватил двоих, спикировав вниз. Времени мало. Вдруг, в глаза Смертного залетел злополучный песок. Голова моталась, забывая о корпусе. Моргать больно, нужно вычистить грязь. Крик дал опомниться. Руки выскользнули. Роджер посмотрел вниз зрачками обвитыми песком.

— Каким бы быстрым не был гепард...

Вестник оказался у стены. Снова взгляд, не сомкнув век, и Джейден был в руках. Взгляд вниз, и Смертный был уже там. Прыжок на стену, пойман один, на пол, на стену, ещё один. И схватив последней Нимбри, Роджер оказался внизу, выскользив из дыма. Куртка смела песчинки.

— И последний выживший провожал нас взглядом Тигра, - сказал гитарист, увидев красные глаза Вестника.

— Пошёл ты, Гарри.

Ветер подул из пещеры. Внутри воронки даже в зенит царила вечерняя тьма. Продолжением этой огромной впадины был коридор, вытесанный из глины, из которой торчали каменные глыбы. Куски стен были исписаны. Рисунки далёких времён. Нигде не было ни пыли, ни паутины. На этом отшибе наименованное недостроенным достоянием человечества место было законсервировано. В конце тускнел лунный свет. Воронка только вначале показалась большой. На выходе Вестникам открылась трибуна огромной арены. Лавки устремлялись вдаль, заканчиваясь на возвышении, похожем на сцену. У Роджера заболела голова. Что-то ярко красное мелькнуло у него в глазах.

— Эта штука пишет? — гроыхнуло повсюду:

— Похоже на то. Здравствуйте, мои дорогие!

Включились прожектора, намеченные на Вестников.

— Какой же долгий путь вы проделали, чтобы сюда добраться. Я в шоке! Кто-нибудь может уже дать им микрофон?

Сбоку подбежал участник съёмочной группы, одетый в чёрный камуфляж и протянул оборудование.

— Ура, Господи Боже. Расскажите, как вам наше пристанище?

— Дай сюда, — Элоиза отобрала микрофон у Роджера:

— Вкус старой газеты. Слушай, клоун, возможно, в глазах тех, кто лижет твой зад, весело дурачиться со своими врагами — это очень умно, но обещаю, ухмылка с твоей рожи будет сниться тебе в кошмарах.

— Милая, плюсы кошмаров в том, что они заканчиваются. Неужели ты этим меня думала напугать? Но я услышал тебя. Да, нынче фокус-группа — дураки, я не спорю. Им подавай весёлых. Хорошо.

Два щелчка. Прибежали костюмеры, обязанные снимать монолитные одеяния, но отцепляя пуговицы, а эти стягивали его тугую одежду за рукава. Смокинг рвался, но шёл тяжело. Толпа упала, сорвав клочья ткани. Всё это время одежда была единым с кожей, а сейчас на старом месте открытые куски плоти. Сверху на верёвках спустилась ряса. Её белоснежный лоск пачкала и скрепляла кровь. Из-за кулис вылетел посох. Длинный, бронзовый посох с конструкцией из металлических дисков и креплений на конце. Одна рука элегантно оправила капюшон, другая взяла прилетевший атрибут.

— Это старое блаженство незапятнанной агонии, — осматривая себя Апостол резко поднял голову к Вестникам:

— Вам не знакомо. Порнографический склад ума заставляет пичкать себя наркотиками, лишь бы спрятаться от этого. Мерзостно. Так ведь, птичка?

Прожектора показали на клетку в центре арены. Нагая и скрюченная, укрытая крыльями лежала Мари.

— ТАК ВЕДЬ?!

Вестница задрожала от неизвестной боли. Вестники почували недомогание. Но Роджер отличал его от первого. Никаких вспышек.

Все спустились с лестницы, готовые бежать в бой.

— Стоп! Слишком легко ведётесь на провокации. Я просто показал, что бывает, когда шахматные фигуры меняются местами. Вы забрали мою королеву, я — вашу. Да, Нимбри?

Смертный сомнительно посмотрел на девушку.

— Я думал, что ошейник из бижутерии.

— Он лжёт. Я была такой же пешкой в его руках.

— В этом я не сомневаюсь.

— Что?

— Я успел углядеть идиотизм этого чудика. Но если ты хочешь напрячься, знай: предашь, дам подзатыльник.

— Я люблю тебя, Роджер Тревис.

— Взаимно, милая. Эй, священник! Пока есть возможность, я предлагаю мирно дать нам поговорить с нашим боссом.

— Ага, и дать вам возможность пустить всё к чёрту. Не дождётесь.

Клетка поднялась вверх. Апостол стукнул посохом. Грохот заполнил пространство. Сотни выбежали из скрытых проходов.

— Рекомендую вам, Вестники, сначала заняться ими, а уже потом идти ко мне.

— Что будем делать, Смертный? — обратилась Элоиза.

— Их тут где-то тысяча. По сотне на каждого, излишки возьму на себя.

— Я возьму оставшихся, — прервал Падший:

— С воздуха легче подобраться.

— В сторону, качок, не прибирай всю славу себе.

— Воля брата поможет всем нам.

— Я не дам в обиду Учителя.

— Мне проще свести всех с ума.

— Или стереть в пыль.

— Значит, вперёд!

Маленький клин, белый от прожекторов, понёсся навстречу чёрной массе. Неизвестно, что могло снова остановить стороны, кроме произошедшего. В землю с отблеском молнии

рухнул молот. Обтянутый железом с длинной древкой. Под столб грязи рядом упал человек. В прочем, две руки и две ноги с головой заставляли его походить на человека, но исполинский рост и визуальная мощь мышц отвергала сравнения.

Пыль осела. Спустившихся оказалось двое. Второй был практически незаметен в сравнении с первым. Но заметил Роджер его сразу.

— Guten Tag.

· Eye of the Tiger, Survivor

— Теперь понял, крылатый trottel, к чему приводит недопонимание в сраных записках? Здравствуй, Роджер, — Прах за мгновение перешёл с надорванного крика на спокойное общение:

— Смог собрать всех? Вижу, что почти. Я тоже времени не терял. Джентельмены и дамы, прошу любить и жаловать, наш собрат и в каком-то смысле мой предок, Бунарр.

Громогласный клич отпугнул подкрадывавшуюся тьму. Оружие вернулось в руки обладателя. Взмах молота отбросил нескольких.

— Так чего же мы ждём?

Каждую секунду кто-то терял свою жизнь.

Падший наносил мощные удары, отгоняя любую подмогу взмахами крыльев по площади. Руки продолжали лететь до пола, пока крепкий замах не сломает кости от плеча до таза. Нога готова попасть, но крыло, как щит, примет пинок, толчком подкинет и сплошной прямой разрубит нападавшего.

Элоиза вторгалась в сознание каждого ангела, веля тому упасть в муках. Память разъедает чувства, вспыхивают страдания, которые не принести синяками и ранами. Кто-то лежит и рыдает, кто-то молит закончить и все, возвращаясь в реальность, чахнут от воспоминаний, изрезавших их души.

Копи дробил превосходство, вырывая из толпы группы поменьше, зажимая их своим числом. Увечья нельзя нанести, если на удар смотрит не одна пара глаз.

Гарри ускорял «выступление» Джейдена, превращая каждый нокаут в мгновение для противников. Единственный плюс от такой смерти: ты умираешь под саундтрек на свой вкус.

Нимбри старалась отбиваться ногами, держась вплотную к Роджеру, иногда обращая самых буйных в пыль.

Смертный бил по дистанции, как сам цепляя косою, так и точно наводя извивающееся лезвие. Когда оружие слушает инстинкты из нутра напрямую, реакцию превращается в молниеносную, даже с плохим навыком.

Прах подтягивал к себе всех щупальцев, стремясь ударить в самые болезненные места. Энергичная молодость снаружи взрывалась жестокой старостью внутри.

— У нас нет больше времени давать Апостолу прохладиться, — отозвался немец.

— Какие есть предложения?

— Бери Падшего и пусть летит вперёд. У меня есть одна идея. Нимбри!

— Что такое, Стефан?

— Заставлять ангелов рассыпаться — твой конёк?

— Да!

— Тогда рассыпь их как можно больше.

— Bunarr, brogen min. Slipp løs kraften fra vindene dine på dem!

Услышал родную речь Вестник высвободил своё оружие из месива ангельских тел. Подняв его над головой, Бунарр придавал ему вращения. Молот, словно лопасть вертолёта, крутился всё сильнее, подчиняя себе ветряной поток. Прах осмотрелся. Враги падали один за одним от рук молодой Вестницы. Немец напряг кулак.

— Sterkere, Bunarr!

Вихрь подрывал одежду и усиливался. Бой замедлился, его участники стали терять равновесие.

— Энвил! - окликнул Роджер:

— Сейчас тут будет не до полётов, но мне нужно воспользоваться твоими авиалиниями.

— Эла...

— Вперёд, Эви. Там ты нужнее.

Крылья взмахнули под вопли умирающих в мыслях. Никто не сможет подобраться к Элоизе.

Метры тяжело пролетали за метрами. Парить вдвоём легче, чем взмыть. Особенно, когда внизу лезут по головам, лишь бы притянуть к себе. Смертный выскальзывал из хватких рук, срубая взбирающихся, как газон. Внезапно, головная боль снова всплыла. Красные всполохи маячили, не переставая. Роджер потёр глаза, чем открылся. В ногу вцепились.

Смерч обрёл форму. Серый ветер густел, как морской шторм.

— Slå ned med lynet, Bunarr!

Молот зазвенел металлом. Искры засыпали из рук. Вихрь изрыгал молнии, летевшие в отступающих. Но убежать не удастся. По ногам многих Вестников пробежалось что-то. Ангельские тела взмыли от бессилия. Чёрная цепь сковала всех, кто нужен и кто это устроил.

— Auf Wiedersehen! - пыль вмещалась в смерч, твердея по окраине.

Сильный поток воздуха смертельно опасен, сильный поток воздуха, направленный на острые выступы — смертельно опасен вдвойне.

Падший сбивал ветер крыльями, как мог. Смертного поразила боль, а державшийся за него ангел не хотел отцепляться.

— Сгинь с него отродье! - бесполезно кричал Вестник.

Большой вес всё ухудшал. От безысходности Энвил чувал ярость. Ангел забирался выше. Всполохи пламени остановили его. Крылья Падшего покрылись пеплом, так как сами стали тлеть. Мощь взмахов росла, как вдруг, Смертного отвели в бок, чтобы раскрутить.

— Как же сложно, когда тебя не слышат! - Вестник встряхнул Смертного, сбросив ангела, от такого рывка:

— Роджер, приди в себя!

Головная боль не сходила, но парень очнулся, сбросив косу, словно якорь.

— Почему стало так херово?! - проскочило в мыслях.

Смертный услышал крик. Несмотря на весь гул от ветра и скрежета, его уши заполнял крик. Это кричал Стефан.

Держа всех от смерча, немец изнашивал свою волю, подкрепляясь остатками ненависти. Нимбри смотрела на него. Его запястье вот-вот разгорится. Девушка хотела сообщить, но её рот не откликнулся приказам. И это выводило из себя.

— Роджер! - по случайности Падший сдал плечо Вестника, обратившись:

— Прах не сможет сам остановиться, я постараюсь бросить тебя вперёд, а сам вернусь.

— Я попробую, но мне что-то не хорошо.

— Слишком поздно упиваться муками! Ну же!

Энвил взял Смертного за ворот, сорвал его косу и метнул, как олимпийское копьё. Высоты хватило, чтобы увидеть Апостола, стоявшего с воткнутой в землю посохом.

— Не хочется строить из себя немощного перед его глазами, — Роджер поднял смыкающийся от боли взгляд:

— А вот перед его спиной.

Скачок. Зацепки нигде нет на пустой сцене, но Смертный летел на Апостола без волнения за это.

Роджер моргнул. Красный повсюду. Но Вестник помнил, куда летел. Кулак шел первым. А боль превращалась в дикую. В то мгновение глаза Вестника сквозь неизвестную слепоту увидел вспышку. Одну, вторую. Друг за другом. Кулак загорелся.

Посреди ночи позвонил телефон. Красный пропал, вокруг только тёмный номер китайского отеля. Ощущение грязи и крови на своём теле пропало. Гудок шёл, у Роджера бегали зрачки.

— Кто там, милый? — буркнула девушка рядом. Смертный решил, что он что-то понял.

— Алло, — парень поднял трубку.

— Тебе всё ещё не кажется эта затея глупой?

Ничего не ответив, парень сбросил.

— А ты прыгал? — Нимбри ткнула в плечо.

Почти сутки ушли в один миг.

— Я...

Зелёный свет. Трап открылся. Роджер посмотрел вниз. Волнения нет. Смертный взял девушку за руку.

— Может вместе?

Нимбри согласилась, улыбнувшись. Её лицо подняло настроение, но когда Вестник отвёл взгляд его ноги скользили по песчанику. Все уже спустились в воронку.

— Ребят, постойте.

Вестники обернулись.

— Нам нужно обговорить кое-что. Я знаю, что там будет. Не знаю, как, не знаю, почему, но это происходит уже не первый раз.

Роджер вспоминал те детали, которые не перекрывались болью. Смутный рассказ не внушал доверия.

— Армия ангелов, не вооружённая ничем?

— Прах спустится с потолка вместе с Вестником, создающим смерчи?

— А что за красный свет ты видел перед глазами? — заинтересовалась Нимбри.

— Сам не понял. Он был всё сильнее, когда я подбирался к Апостолу, а затем были вспышки.

— И когда закончилось видение?

— Я пытался ударить Апостола. Не сильно, чтобы поймать, но, только прикоснувшись, я очнулся.

— Значит, попробуем иначе, — размышлял Гарри:

— Нам нужно заставить его говорить. Дол... Энвил, как твою подругу зовут?

— Для тебя Орфет.

— Надо доставить её к нему первой...

— ААА!!! - Роджер схватился за голову, неистово крича:

— ОПЯ...

Звонок.

— Что я делаю неправильно? Боль появилась, когда мы решили отправить туда Орфет? Значит, только я должен к нему подойти? Почему?

— Кто там, милый? — буркнула девушка рядом. Смертный сомневался.

— Ты ведь об этом что-то знаешь, так? — нервно успел он сказать.

Микрофон шипел бессловесно.

Веки опустились. Белый блеск растворился в пустыне, заполнявшей вид до горизонта. Прыжок и дно воронки. Роджер молчал, иногда поддакивая вопросам. Нужно понять, ничего не испортив.

— Дай сюда! - Элоиза потянулась вырвать у Роджера гарнитуру.

Смертный остановил её на этот раз.

— Ты знаешь, чем это всё должно закончиться. Не зачем тратить силы своих людей! Я не знаю, почему именно я, но я тебе нужен, не так ли?!

Вестники ошарашено ждали реакции. Апостол лишь хмыкнул.

— А ты кто вообще? Так долго молчал и только сейчас решил показать зубки. Новенький, наверное, ха-ха.

Странная реакция, после прямого звонка не зацепилась за Роджера.

— Всё такой же мерзкий.

— А?

Со ступенек ссыпалась пыль. Смертный спустился на арену. Её размеры ощущались заметно меньше. Апостол стоял где-то в двадцати метрах.

— Мои друзья с радостью бы могли мне помочь, но сейчас я их прошу лишь не мешать мне.

— Что это с ним? — шепнула Орфет Нимбри.

— Понятия не имею.

— Как малодушно лезть на рожон. Герои не блещут умом.

— Герои не рвутся набить кому-то лицо.

— Правда думаешь, что это изменит что-нибудь.

— Возможно и нет, но поздно уходить.

— Трусу даже убежать боязно, да?

Смертный пошёл.

— Даже вблизи мне не будет стра...

Лезвие, явившееся только блеском своего металла, перебило связки. По груди хлынула кровь. Вестник присел на колени.

— Побросал слова и на этом всё? И жалко тебя не будет.

Парень пошаркал ногами вперёд. Возможно, хрип, издаваемый им, что-то и означал, однако очередная глубокая рана от подбородка до плеча прервала его. Роджер стискивал зубы, облитые багровым.

— Как об стенку биться.

Шаг, порез, шаг, порез.

Элоиза отвернулась от отвращения. Нимбри отвела взгляд от волнения. Смертный молчал, но вид его был ужасен.

— Достаточно, — Апостол наставил на Вестника свой посох. Золотистые диски на нём прекратили свой ход, уплотнились и вытянулись в иглу. Грудь парня пробило насквозь. Он дёргался, повиснув на орудии.

— Как странно, нанёсший удар подобрался вплотную, протолкнув своё копьё глубже в тело:

— Это твоя сила? Твой, так называемый, Витиум?

Дым. Полёт. Занесённая нога. Отскок с неудачей.

— Ясно.

Вестник лежал с раздробленной ступнёй. Просчёт.

Диски завращались вновь, но в конце посоха возник свет.

— Любопытно взглянуть на столь дерзкую ставку Милиты. Привет передашь? Ах да. Не сможешь.

Апостол осветил потолок. Гладкая колонна сверху понеслась вниз.

— Роджер! - вскрикнул Нимбри не было слышно за поднявшимся столбом грязи и грохота. Энвил в скорби опустил в голову. Внезапно, она заболела.

— Какой бы убийственный не был яд...

Туман осел. Каменный блок застыл. Стал слышен хруст. Минута. Камень у изголовья покрылся трещинами и в секунду лопнул. Обвал закончился, а в его центре горел красный свет. Золотые иглы полетели в источник. Лёгкий мясной фонтан подлетел вверх, но затем снова появился дым.

— Знаешь, — обратился из-за спины к Апостолу Роджер:

— Я уже и забыл, что мне советовали снимать напряжение. Это помогает, хоть и лишает тебя человечности внеш...

Лезвие нанесло повторный удар в знакомое место. На покрытом грязью Смертном ранения не было видно. Хотя, видимо, чернота, которой он разил, была создана не пылью. Его одежда не казалась отделяемой. Он был абсолютно чёрным. И эта чёрная фигура побрела вперёд.

— Он у вас совсем дурак, а?

Со свистом летели обрубки ушей. Вот только неожиданно для всех, парень только ускорял шаг. Кровь брызгала также, как и запрокидывались ноги. Сухожилия несли Вестника вперёд тем, что осталось на его икрах и бёдрах. Однако, чтобы не слетало с Роджера,

испарялось, немного отдалившись.

Диски остановились. Копьё полетело в цель. Парня отнесло вперёд. Подняв лицо на врага, Роджер показал свои глаза, чьи белки светились белым. Он не устал, в нём горело рвение. Не во всякой эстафете простые в своём понимании мира дети так рьяно тянут канат, как тянулся по пруту Вестник. Толкая его в себя, пачкаясь пропадающей кровью, он приближался ближе. У ладони Апостола посох надувался волнами. Лезвия по всей площади. Парень не замедлялся. Острый поток хлынул.

Дым. Замах. Свист клинка. С пальцев Роджера слетела кожа, но это не было проблемой. Костлявая культяпка схватилась за рясу. Второй кулак влетел в долгожданную щёку, опятнав её кусками плоти.

— Бефтолковая нафтойвивофть, — выплевал упавший наземь:

— Не думай, фто победа блифка.

Смертный натянул схваченный ворот, подтянув поближе Апостола:

— Верно. Смерти ты достигнешь уж точно не быстро.

— Эх, ввемя. Главная нефправедвивовть в нафем миве — это ввемя. Влюбимые умивают, нафы визни конфаются, у наф забивают самое фенное, но ввемя никогда не останофится или законфится. Ну, пока я его не ваконфу.

— Что ты там несёшь?

Чувство превосходства травит внимание. Гибкий посох уже наставлял на голову Вестника кол, подобный змее.

— Потом увнаеф..!

Роджер улетел в стену. Его ударило, причём сильно. Но Пактум работал, сознание не терялось. Только большая причина маячила перед глазами.

Древка высотой с Роджера кончалась потрёпанным и от обтёски, и от ударов молотом. Простым, но солидным.

— Чёрт! Savnet, Bunarr.

Вестники собрались у лежащего без сознания Апостола. Вестник-великан вытащил орудие, выпустив парня. Вдох, и запястье потухло. Ни одного ранения не осталось на нём.

— Здравствуй, Стефан, — выгнул спину Смертный.

— Ожидал моего появления?

— Была чуйка.

— Что произошло?

— Я даже не знаю с чего начать. Хотя, знаю.

Роджер щёлкнул пальцами. Шею Нимбри обнял дым, а после в руке парня повис ошейник. Грубыми движениями мягкий металл разогнулся и согнулся обратно, прижимая дыхание Апостола.

— Вот с этого можно начать.

— Кхе, любвил театр я в фвой века, — очнулся лежащий:

— Вефь этот пафос. Обовал. Но вот беда тогда была: гевои слифком хорофи в своих делах. Уж слифком профто это всё. Давай-ка вот фто, Родвер.

— Твой вой от выбитых зубов мне нравится больше этих слов.

— Ты это делал, от фсех не фкрывая. Но никто не фпрафывал. Мовет, фтоит вделать это ефо раз?

— А?

— О чём он?

— Офэйник одет, я повевжен. Вовьми меня за вуку.

Парень посмотрел на Вестников.

— Я мечу в его глотку, — откупорил пробку Прах.

— Мы на чеку. Только не прогляди, — обобщил Падший.

— Рискнёшь? — неуверенно спросила Нимбри.

Смертный схватил ладонь. И вдруг, яркий свет водой залил глаза. Он был не спокойным, а хаотичным и странно пугающим. Но Вестник не обращал внимание на это. Роджер скрючился. Боль. Красная боль окутывала его.

— Что? — жара появлялась на секунды, стираясь влагой и холодом.

— А? — время летело вперёд, останавливаясь и возвращаясь назад.

— Стоп, я... Я уже был... Третий раз.

Проход в пещеру засыпан глиной. Злоба Вестника рушила препятствия перед ним. Ему нужно туда попасть.

Апостол услышал, как внутрь смогли прорваться. Его окружали клетки. В каждой сидел некогда пойманный Вестник.

Либерну схватили по дороге в почту. Докуна заметили за слезкой на военной базе. Праха встретил спецназ на конспиративной квартире. Марока достали из-под камня. Падшего увели из бара. Дурьера подстрелили во время нелегальной продажи оружия. Онгэйда заметили ирландцы, грабившие в местном доме. Копи выкупили из тюрьмы. Орфет выискали через угрозы подруге. Клыка отобрали органы опеки. Грайсин пыталась отомстить за волка.

— А вот и он! - ознаменовал появление Роджера Апостол.

Без прелюдий, потолок полетел в Смертного. Разворот, и цельный гранит раскололся от костяного лезвия. Ещё одна колонна поймана руками. Посох полетел копьём. Взгляд. Золотая игла воткнулась в камень, после чего отсеклась от посоха взмахом косы.

— Я поражён. Такая сила. А на деле это была всего лишь ошибка. Отклонение, которое мы подарили вам. Селективно отобранные сорняки.

— Я не помню, как смог научиться таким ударам. Я не помню, почему простая ненависть превратилась в горящую ярость. Но сколько бы раз мы не встречались, я хорошо запомнил то, что ты должен умереть.

— Помнишь?

Смертный сделал шаг. Лезвие летело, но Вестника там уже не было. Скорость взгляда давала окно нанести удар. Дым. Удар. Дым. Удар. Сотни попаданий, все не касались лезвий. Словно охапка гранат окружала Апостола, разрубая его на части.

Ряса упала. Апостол хохотал, истекая кровью.

— Сколько попыток?

— Значит, ты знаешь.

— Я много чего знаю. Поверь, то, что кажется тебе незначительным, лишь усугубило всё. Почему мы здесь?

— Не я выбрал место встречи.

— Конечно. Ты лишь поддался чьим-то словам, а время повело тебя вперёд.

— Поддался чьим-то словам, — Роджер пробубнил это, словно забыв.

— Я ведь уже говорил про время? Неизбежность. Каждый раз, возвращаясь обратно, ты только приближал нас сюда. Боже, на тебя Милита поставила.

— Чьим же...

Руку Роджера схватил Апостол. Красными каплями с лица он нарисовал крест.

— Когда время перестанет стоять по моему желанию, улыбнись, ведь кроме забытой тобой ты так и не понял, как привёл нас к концу.

Зубы раненного укусили палец парня, коса почувствовала, срубив голову опасности.

— Роджер? — Прах похлопал Вестника по щеке:

— Ты отключился. Апостол умер. Ты слышишь?

— Да, да я...

Взгляд упал на ладонь. Крест и след от зубов, которых не должно было быть.

— Где Нимбри?

— Кто?

— Тревис, что с тобой? — дёрнул потрепанный хрипотцой голос.

— Мари? Ты в порядке?

— Конечно. Ты же сам сказал стоять в стороне.

— Что?

Глаза забегали. Все здесь. Апостол лежит на земле, но ничего на его шее не было.

— ГДЕ НИМБРИ, ВАШУ МАТЬ?

— О ком ты, Роджер? — спрашивали Вестники.

Пазл в мозгу жаждал собраться. Каждый отскок намекал Смертному, что делать. Его отбрасывало, лишь бы он что-то исправил. А изменения, приходившие после, не привлекали никакого внимания. Как и время, проходившее повторно. Помнил ли Роджер момент своего возвращения? Он чувствовал, когда чувства приходили обратно. Вестник не мог поверить, что из-за него всё могло измениться, но крест показывал, что изменения обходили парня стороной. Как и Апостола.

— Ублюдок хотел своей смерти. Зачем? Он что-то говорил про время. И то, что мы — сорняки? Я, я не... Нимбри...

Эмоции цепляются за реальность, кажущуюся иллюзией. Парень не понял, как встал.

Только через минуту под ногами ощутилась земля. Дрожали руки, которые Вестник старательно держал ладонями к себе.

— Какую бы ёж не чувствовал боль...

Голова звенела. Красный перед глазами. Но возвращаться теперь подобно смерти. Страшно. Боль можно стерпеть. Парень смотрел на крест. Внезапно, сухая кровь застыла в воздухе. Её частицы отрывались от подрагиваний. Но затем, и кусочки кожи замирали, не позволяя двинуть конечностями. Следя за дыханием, Смертный понял, что красный не постоянен, он мигает. Так не приходит приступ, ощущения казались механическими. Хрусталик искривился, и парень увидел. Это была не пелена всё это время, а маленькие надписи, прикрывавшие весь обзор. Роджера качнула стена ветра. Он обернулся. Невероятный свет и более ничего. Красный на фоне такого стал полностью чёрным и читабельным. Полная пустота и в глазах только...

-----Sy-----st-----
-----em-----E-----RROR:Spreadin--gno---td-----
-----efin--edSystemERROR:SpreadingnotdefinedSys
-----te--mERROR:S--preadingnotdefinedSystemERRO-R:S--pr
-----eadi--ngn--otdefinedSystemERROR:SpreadingnotdefinedSys
-----tem--ERROR:SpreadingnotdefinedSystemERROR:Spreadingno
-----tdefinedSystemERROR:SpreadingnotdefinedSystemERROR:Sprea
-----adingnotdefinedSystemERROR:SpreadingnotdefinedSystemERRO
-----R:SpreadingnotdefinedSystemERROR:SpreadingnotdefinedSystem
-----ERROR:SpreadingnotdefinedSystemERROR:SpreadingnotdefinedSys
-----temERROR:SpreadingnotdefinedSystemERROR:Spreadingnotdefin
-----edSystemERROR:Spreadingnot-----definedSystemERROR:Spreadin
-----gnotdefinedSystemERR---OR:Spr-----eadinngnotdefinedSystemERR
-----OR:S--preadingno-----td-----efinedSystemERROR:Sprea
-----ding--notde-----finedSystemERROR:Spr
-----ead--in-gd-----efinedS--ystemE--RROR:
-----Sp-----r--ea-----dingnot-----defin--edS--y--stemE
-----RR-----OR:Spre-----adingn--otdefi
-----ne-----dSystemERROR:Sp-----rea-d--ingn
-----otdefi-----nedSyste--mERRO-----R--:Spreading
-----notdefined---Sy---ste-----mERROR:Spreadingnot
-----define-----dSyst--emERROR:Spre
-----ading-----not---definedSystemE
-----R-RO-----R:S--preadingnotdefi
-----nedS--ys-----temERROR:Spreadingnot
-----def-----i-----nedSystemERROR:Spreadi
-----ngn---otdefi-----nedSystemERROR:Spreadingnot
-----defined-----SystemER---ROR:Spreadingnotdef
-----in--e-----dSystemERROR:SpreadingnotdefinedSystemE
-----RROR:Spread-----ingnotdefine--dS--ystemERROR:Spreadingnotde
-----fi-----nedSystemERROR:SpreadingnotdefinedSystemERROR:Sp
-----reading--notdefinedSystemERROR:SpreadingnotdefinedSystemERROR
-----:Sp--re--a--dingnotdefin-edSystemERROR:SpreadingnotdefinedSystemE
-----RROR:-----Spreadingn--otdefi-n-edSystemERROR:SpreadingnotdefinedSyst
-----e-mERROR-----:Spreadingnotde-finedSystem---ERR--OR-----:Spreadingnotdefine
-----dSystemERR-OR:SpreadingnotdefinedSys-temERROR:Spreadingnotde-finedSystemERR
-----OR:SpreadingnotdefinedSystemERROR:-Spreadingn--otdef----in--edSyst-e-mERROR:S
-----preadingnotdefinedSystemERROR:Sp--readingnotde--finedS-----ystemERROR:Spreading--
-----notdefinedSystemERROR:Spreadingnotdefine--dSystemERROR:Spre--adingnotdefinedSyste
-----mERROR:SpreadingnotdefinedSystemER---ROR---:Spreading---gnotdefin--e--dSyste-mE
-----RROR:SpreadingnotdefinedSyste--mERRO-R:Spreadingnotde-----finedSys-----te-m
-----ERROR:Spreadingnotdefi-nedSys--temERROR:Spreadin-----gnot
-----definedSystemERR--OR:Spreadi--ngno-----tdef----i-----nedS
-----ystemERR-OR:Sp--readingnotdef--ine-----dSystemE--RROR:Spre
-----dingnotdefinedSystemERROR:Sp--r--e-----adingnotd---efinedSystemE-R
-----ROR:Spr--eadingnotdefinedSyste-mER---ROR:Sp--re--a--
-----dingn--otdefinedSystemERROR:Spread--ing
-----notde--fine--dSystemERRO-R:Sprea-di--ngn--
-----o--t--def--inedSystemERROR:S--p--r--ea-d
-----i--ngnotde--finedSys-temERROR---:
-----Spreadi---ngnotdefi-nedSys---t
-----emERROR:---Spreadingnotdefi
-----nedSyst--emERROR:Spr--eadi
-----ngnotdef--inedSystemERR
-----OR--:Spre--adingnotdefi
-----nedS-yst--emERROR:Spre
-----adi---ngnotdef-in
-----edSystemERRO
-----R:S--preadin
-----gno--tdefin
-----edSyste-mER
-----RO-R:Sprea
-----ding-n
-----o--

Больше книг на сайте - Knigod.net